П-66

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛЕГЕНДЫ О КРИШНЕ

ТОМ 1

ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛ

ПРЕМ САГАР

Т-25

1937

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ XXV

ЛЕГЕНДЫ О КРИШНЕ

ТОМ 1

Библиотека Киргизского
Филиала А.Н. СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛ

ПРЕМ САГАР

ПЕРЕВОД С ХИНДИ,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
А. П. БАРАННИКОВА

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь акад. *Н. Горбунов*

Отв. ред. акад. А. Н. Самойлович
Технический редактор Д. С. Бабкин
Ученый корр. В. А. Заветновский

*

Орнаментация книги
худ. Г. Д. Епифанова

*

Сдано в набор 25 июля 1936 г. Подписано к печати 11 января 1937 г. Тит. л. + 472 стр. Формат бум. 72 × 110 см. 29 3/4 печ. л. 48545 тип. зн. в п. л. 36,11 уч.-авт. л. — Тираж 2500 экз. Ленгорлит № 892. — АНИ № 1359. Заказ № 1454

*

Типография Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

П 110
Библиотека Киргизского Филиала А.Н. СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литература в Индии развивается на протяжении почти четырех тысячелетий. За этот огромный период в литературном употреблении сменилось много языков.

Несмотря на длительность развития литературной традиции и ее многоязычность, индийские литературы знают относительно немного крупных и ярких имен, к которым обращались авторы разных веков, разных классов и каст, писавшие на различных индийских языках.

Вследствие сложности традиции, связанной с каждым из этих имен, вошедших в художественную литературу Индии, соответствующие герои прошли сложную эволюцию, в сильной мере отдалившую их от соответствующих литературных прототипов. С другой стороны, в ряде случаев мы наблюдаем, как при помощи одного имени в индийских литературах часто объединяются разные образы, в прошлом совершенно различные.

Из „вечных" героев индийских литератур наиболее излюбленными являются Кришна и Рама.

Основные мифы и легенды, связанные с этими героями, широко известны среди многомиллионного населения Индии. В течение более чем двух с половиной тысяч лет, — начиная с древнеиндийских поэм „Рамаяны" и „Махабхараты", вплоть до современности, — к этим именам обращались поэты и социальные деятели и реформаторы разных каст, в особенности же те из них, кто боролся за права угнетенных каст и классов. Как литературные типы, Рама и Кришна многолики и многообразны.

Помимо своего чисто литературного значения, легенды, связанные с Рамой и Кришной, в сильной мере влияли и продолжают влиять на оформление индийского быта (празднества, обычаи и т. д.) и нашли многообразное проявление в различных изобразительных искусствах: скульптуре, живописи, архитектуре, в особенности же в театре. В частности, в высшей степени убедительным представляется утверждение покойного проф. Sylvain Lévi, что зарождение индийского театра теснейшим образом связано с легендами о Кришне.

В издании „Легенды о Кришне" намечено дать как литературные произведения разных веков, принадлежащие авторам — представителям разных каст, — так и фольклорный материал.

В предлагаемом первом томе дается „Прем Сагар“ Лаллу джи Лала. „Прем-Сагар“ — памятник поздний, созданный на рубеже 18 и 19 вв. Он избран для первого тома по следующим мотивам.

Во-первых, большинство авторов, давших высокохудожественные произведения, посвященные Кришне, либо касаются относительно немногих легенд, либо осложняют их изложение большим количеством побочного материала, благодаря чему соответствующие произведения достигают огромного объема. Лаллу джи Лал дает важнейшие легенды в короткой форме и потому его произведение может служить своего рода введением в историческое изучение этого богатого сюжета.

Во-вторых, „Прем-Сагар“ является произведением наиболее популярным и наиболее читаемым в настоящее время и благодаря этому мы таким образом знакомимся с той формой легенд, которая пользуется наибольшей известностью.

Во вступительной статье даются сведения только о самом „Прем Сагаре“ и его авторе и лишь вкратце говорится об его отношении к предшествующей литературной традиции. Сложная история генезиса и дальнейшего исторического развития легенд о Кришне составляет тему заключительного тома настоящего издания.

В частности, во введении сознательно обойден сложный вопрос о соотношении легенд о Кришне и легенд о Христе. Даже поверхностное чтение легенд о Кришне показывает, что, несмотря на радикальные различия между образом Кришны-пастуха и образом Христа, легенды о них совпадают в целом ряде моментов. Вопрос о соотношении этих легенд, имеющий богатую литературу как на европейских так и на индийских языках, будет рассмотрен в заключительном томе.

„Прем Сагар“ Лаллу джи Лала является первым крупным произведением, которое переводится с хинди на русский язык, крайне бедный переводами с индийских языков. Для европейского читателя это произведение представляется несколько растянутым и изобилующим повторениями. Эта черта наблюдается в большинстве произведений древней и среднеиндийской литературы. Индийские представления о художественной композиции отличны от европейских и не утратили своей силы даже в настоящее время, хотя европейская литература проявила в последнее столетие весьма сильное влияние на индийскую литературу.

При переводе текста „Прем Сагара“ сделана попытка не только точно передать смысл оригинала, но и в некоторой мере отобразить особенности стиля его автора. Приемы, которые использовались с этой целью, отмечены в конце вводной статьи.

В заключение приношу свою дружескую благодарность В. М. Бескровному и М. Н. Сотникову, оказавшим мне большую помощь в чтении корректуры, и В. И. Кальянову, составившему указатель.

А. П. БАРАННИКОВ

„ПРЕМ САГАР“ И ЕГО АВТОР

О НОВОИНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

„Прем Сагар“ (प्रेम सागर) Лаллу джи Лала (लल्लू जी लाल) написан на хинди.

Хинди является важнейшим новоиндийским языком, который ходом исторического развития Индии за последние столетия выдвинут на положение Lingua franca современной Индии с ее свыше чем 350-миллионным населением.

Вплоть до конца прошлого столетия широкое распространение находила лишь разговорная форма хинди, хиндустани.[1] С конца XIX в., т. е. с обострением борьбы Индии за свою независимость, индийская буржуазия в поисках средств, необходимых для консолидации своих сил, ведет широкую агитацию за признание хинди „общенациональным языком“ (सार्वदेशिक भाषा). За истекшее время она достигла весьма крупного успеха, и не только в северной, но и в южной Индии организовано большое количество обществ (सभा), ведущих пропаганду за распространение хинди и организующих изучение этого языка на различных иноязычных территориях Индии.

Термин „новоиндийские языки“ весьма часто ведет к недоразумениям не только среди широких кругов читающей публики, но и в среде самих индологов, весьма значительная часть которых не знает новоиндийских языков и таким образом пребывает в состоянии, так сказать, „европеистов“, оперирующих с одним латинским языком и не знающих европейских языков.

В этих кругах европейских индологов новоиндийские языки считаются какими-то жаргонами, которые лишь в самые последние годы делают попытку принять литературное оформление.

Отсюда вытекает широко распространенное в указанных кругах противопоставление санскрита — „литературного языка Индии“ различным „диалектам“, какими якобы являются так наз. новоиндийские языки.

---

[1] Термин „хиндустани“ в своем этимологическом значении равнозначен термину „хинди“, так как оба термина произведены от двух равнозначащих слов هندوستان и هند, представляющих собою две формы одного из туземных названий Индии. Произведенные от этих слов прилагательные „хиндустани“ и „хинди“ имеют значение „индийский“ и далее „индийский язык“. Однако европейский узус закрепил за термином „хиндустани“ значение „разговорный индийский язык“, а за термином „хинди“ — „литературный индийский язык“, точнее „литературный язык индуистов“.

Для того, чтобы сделать ясней сущность подобного рода высказываний, нужно отметить, что оно соответствует утверждению, что „литературным языком Европы в настоящее время является латинский язык, и все современные европейские языки являются лишь диалектами".

Несмотря на полную нелепость этого утверждения, выступающую с исключительной ясностью при переводе его на европейские понятия, оно обладает большой живучестью в кругах „ортодоксальных" индологов. Для иллюстрации этого положения достаточно привести факт, что историей „индийского языка" или „историей индийской литературы" называются курсы, трактующие факты древнеиндийского языка или древнеиндийской и средневековой схоластической санскритской литературы и вовсе не касающиеся фактов новоиндийских языков и литератур или уделяющие им совершенно ничтожное внимание.[1]

В частности M. Winternitz двумя-тремя словами отмахивается от больших литератур, имеющих богатую литературную традицию на протяжении многих столетий. Так, напр., о литературе индийских мусульман он говорит только, что она „folgt ganz persischen Mustern"; о литературе синдхи: „Auch die Sindhi-Literatur ist mehr mohammedanisch und persisch als indisch".[2]

Все новоиндийские литературы огулом считаются состоящими из переводов и подражаний древнеиндийской литературе или средневековой санскритской. Так, напр., акад. С. Ф. Ольденбург в своей статье об индийской литературе говорит: „Мы говорим об индийской литературе, но, точнее, мы должны говорить о литературе санскритской, ибо, несмотря на обилие языков, на которых говорят и пишут, говорили и писали с давних пор в Индии, именно то, что написано на языке всей индийской культуры — санскрите, является основой и сутью индийской литературы вообще.

... Рядом с ним (т. е. средневековым санскритом. *А. Б.*) существовали пракриты и литература на пракритских наречиях, а потом и на других языках Индии, арийского и неарийского корня, но вся эта литература возникла на почве подражания санскритской. Наконец уже в XIX веке, когда началось европейское влияние, мы видим зачатки литератур, не основанных на санскрите". Отсюда выводится заключение, что новоиндийские литературы являются лишь „бледными отблесками старинной индийской красоты".[3]

Весьма интересно отметить, что ни один из авторов, произносящих столь безаппеляционные приговоры новоиндийским литературам, не знал

[1] В качестве примера можно взять курс M. Winternitz'a „Geschichte der indischen Literatur", Leipzig, 1920, где из общего числа 1609 страниц литературам на всех новоиндийских языках (вместе со всеми дравидийскими!) уделено 27 страниц!

[2] M. Winternitz. Geschichte der indischen Literatur, Bd. III, 1920, S. 578.

[3] Литература Востока (Сборник статей; вып. I, Петербург, 1919): акад. С. Ф. Ольденбург. Индийская литература, стр. 8—9.

ни одного из новоиндийских языков. Какова научная ценность подобного рода утверждений, понятно само собой.

Совершенно другие высказывания мы читаем у авторов, знающих новоиндийские литературы, или хотя бы частично знакомых с ними. Так, крупнейший санскритолог H. H. Wilson[1] (1786—1860) говорит: „The Hindi dialects have a literature of their own and one of very great interest".

G. Grierson в своей истории литературы хинди пишет о соотношении санскритской и новоиндийских литератур следующим образом: ... the later Sanskrit and Prakrit poems are but artificial productions, written in the closet by learned men for learned men; but the Neo-Gaudian (т. е. новоиндийские) poets wrote for unsparing critics, — the people. Many of them studied nature and wrote what they saw".[2]

Однако эти голоса до последнего времени были единичными, так как основная масса индианистов направлялась на изучение и издание памятников древней и средневековой санскритской литературы. Это объясняется отчасти тем, что индология в Европе стояла и продолжает стоять в тесной связи со сравнительным языковедением, и обычно кафедры сравнительного языковедения занимаются санскритологами. Другая причина отмечается рядом авторов. Так, Growse в предисловии к своему переводу эпизода из Рамаяны Тульси Даса говорит:[3] „... Здесь в Индии английское правительство всегда относилось к индусской форме народного языка с известной долей нерасположения, и это в такой мере действовало обескураживающим образом на служащих в Индии, что, как правило, единственными европейцами в этой стране, которые приобрели надлежащее знание хинди, являются протестантские миссионеры, которые считали его необходимым для проповеди на базаре".

Если это сопоставить с противоположным фактом, что все видные европейские санскритологи в большей или меньшей мере поощрялись британским правительством путем приглашения занять кафедру в Англии или Индии, как то было, напр., с Максом Мюллером, Бюлером, Керном, Кильхорном и т. д., можно притти к заключению, что другая причина успеха развития санскритологии и пренебрежения к проблемам новоиндийских языков и литератур лежит именно в этой поддержке английского правительства санскритологов и в отсутствии этой поддержки для изучения новоиндийских языков.

Третья причина этого — традиционное отрицательное и враждебное отношение брахманов к литературам на новоиндийских языках. Брахманство с древнейших времен справедливо рассматривало новоиндийские языки как орудие распространения в широких массах еретических и анти-

[1] H. N. Wilson. Introduction to Mackenzie Collection.

[2] G. A. Grierson. The Modern Vernacular Literature of Hindustan (Printed as a special number of the Journal of the Asiatic Society of Bengal. Part I, for 1888), Calcutta, 1889, p. XII.

[3] Translation of an Episode of the 1st Book of the Ramayana of Tulsi Das by F. S. Growse. Indian Antiquary, vol. V, 1876, p. 213.

брахманских идей. Известно много фактов частого преследования за „мятежные“ произведения на новоиндийских языках. Так, знаменитый поэт — ткач Кабир (1440—1518) за свои песни, направленные против брахманства и властей, был изгнан из Бенареса;[1] произведения маратского поэта Тукарама (родился в 1608 г.) по этой же причине были брошены в реку, а сам он был изгнан из родной деревни;[2] „Рамаяна“ Тульси Даса (1532—1624), написанная им, брахманом, на хинди, вызвала взрыв негодования со стороны ортодоксального брахманства, которое увидело в этом факте оскорбление самих богов. Так, некий Шьяма Шукла (श्याम शुक्ल) сказал Тульси Дасу:[3] „Всевышнему не угодно, чтобы о таких вещах писали не на санскрите“. Другой с возмущением обратился к Тульси Дасу с вопросом: „Зачем ты, являясь знатоком санскрита, написал свою книгу на мужицком (गंवारू) языке?“ В ответ на это Тульси Дас заявил, что он писал не для брахманов, а для народа.

Таким образом три причины, а именно: a) связь древнеиндийского языка и средневекового санскрита со сравнительным языковедением; b) поддержка британским правительством исследований в этих областях и отсутствие таковой для исследований в области новоиндийской филологии, c) традиционная брахманская враждебность к еретическим литературам на новых языках — в сочетании с четвертой и, пожалуй, наиболее важной — колониальным положением Индии — привели к тому, что новые индийские языки и литературы до последнего времени привлекали весьма мало внимания ученых, и только развитие индийского национального освободительного движения выдвинуло их на первый план.

Весьма показательно, что инициативу в области изучения новоиндийских языков и литератур в XX в. взяли в свои руки местные индийские ученые, которые весьма много сделали для выяснения судеб этих языков и литератур.

Прежде всего давно отпало положение, основанное на полном незнакомстве с историческими фактами, что так наз. новоиндийские языки и литературы являются факторами, возникшими со вчерашнего лишь дня, и вытекающее отсюда противопоставление классической средневековой санскритской литературы литературам новоиндийским.

Исследования в области новоиндийской филологии показали, что древнейшие памятники на хинди восходят к VIII в. христианской эры,[4] к каковому периоду относится литературная деятельность поэта Пушьи

---

[1] F. E. Keay. A History of Hindi Literature. Calcutta, 1920, pp. 23—24.

[2] The Poems of Tukaram. Translated and rearranged with Notes and an Introduction by J. Nelson Fraser. Vol. I, London, 1909, p. 1.

[3] गोसाईं तुलसीदास-कृत रामचरितमानस जिसे काशी नागरीप्रचारिणी सभा के पांच सभासदों ने... सम्पादित किया. इंडियन प्रेस, प्रयाग, стр. 35 (भूमिका).

[4] मिश्रबंधु-विनोद अथवा हिंदी साहित्य का इतिहास... प्रथम भाग, लखनऊ, सं० १९८३, стр. ६६.

(पुष्य). До XII в., с которого начинается непрерывная литературная традиция на хинди, насчитывается 15 имен крупных авторов, произведения которых, к сожалению, либо дошли в фрагментарном состоянии, либо до настоящего времени совершенно не найдены.

Если мы сопоставим эту дату с датой классического периода в развитии санскритской литературы (V—VIII вв. хр. эры), то с совершенной очевидностью отпадает всякая возможность противопоставления якобы „старой санскритской классической литературы“ новоиндийским литературам.

По древности своего развития санскритская классическая литература ни в коей мере не может быть противопоставлена литературам новоиндийским, и если перевести это соотношение на европейские понятия, то литература на классическом санскрите будет соответствовать хронологически и функционально средневековой латыни, а литературы на новоиндийских языках — литературам на различных европейских языках и диалектах.

Указанное сопоставление оказывается правильным и в отношении классовой принадлежности латыни и санскрита, с одной стороны, и европейских и новоиндийских языков, с другой. Как средневековая латынь была главным образом языком духовенства, так и классический санскрит и вообще средневековая схоластическая санскритская литература была литературой брахманской. Равным образом, подобно тому как европейские языки с VII—VIII вв. были языками всех классов и употреблялись в литературе всеми классами Европы, так и новоиндийские языки, т. е. хинди, бенгали, бихари, маратхи, панджаби, гуджарати и т. д. употреблялись в Индии представителями небрахманских каст. Как в Европе духовное сословие держалось латыни, так в Индии брахманство держалось санскрита. И только в новое время широкое развитие новых европейских языков и литератур, а в Индии новоиндийских языков и литератур постепенно ограничивает и вытесняет употребление соответственно латыни и санскрита.

Есть однако весьма существенное различие между условиями развития европейских и новоиндийских литератур. Меж тем как европейские литературы развивались у народов, обладавших политической независимостью, Индия в начале первого тысячелетия хр. эры временно утратила политическую назависимость. Государственным языком Индии в период могульского владычества был персидский, и местные национальные языки, как правило, не пользовались поддержкой государственной власти.

В силу целого ряда исторических причин новоиндийские литературы развивались однобоко: вплоть до начала XIX в. на новоиндийских языках развивалась только поэзия, а проза на них развивается только с начала XIX в.

Кроме того, в силу экономической и политической расчлененности тех территорий, на которых впоследствии образовался ряд больших

национальных языков, литературы на различных новоиндийских языках развиваются не на едином более или менее стандартном диалекте, а на ряде диалектов, более или менее близких друг к другу. Эта разнодиалектность памятников феодальной литературы не составляет, конечно, специфики индийских литератур и характеризует и европейские литературы, в частности русскую литературу соответствующего периода, но в Индии эта разнодиалектность проявляется значительно более ярко.

Только с развитием прозы (т. е. с начала XIX в.), каждый из новоиндийских литературных языков приобретает более или менее стандартную форму.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ХИНДИ

Обращаясь непосредственно к литературе хинди, мы находим, что хотя литературная традиция на этом языке восходит, как уже отмечено, к VIII в. хр. эры, однако от произведений авторов до XII в. мы имеем лишь фрагменты. Возможно, что значительная часть произведений авторов VIII—XI вв. еще не найдена, так как планомерное собирание литературных памятников на хинди начато совсем недавно. Возможно однако, что большая часть произведений авторов этого периода утрачена навсегда в непрерывных войнах, продолжавшихся вплоть до установления власти могулов (XVI в.).

В огромном богатстве литературных фактов, обнимаемых старой литературой хинди, мы можем установить три главных течения, в которых находили выражение идеи трех главнейших каст: а) воинский эпос, создававшийся при дворах различных феодальных владетелей; б) лирику и эпос городских ремесленных и торговых каст; в) лирику пастушеских и земледельческих каст.

Каждое из этих течений в своем многовековом развитии претерпело весьма сложную эволюцию, в значительной мере изменившую как формы произведений соответствующего типа, так и их содержание и кастовую принадлежность.

Наиболее древние крупные произведения литературы хинди, дошедшие до нас, являются образцами воинского эпоса XII и последующих веков. По своим размерам эти эпические поэмы можно сравнить только с грандиозными древнеиндийскими эпопеями „Махабхаратой“ и „Рамаяной“.

Как огромные размеры этих произведений, так и наличие выработанного канона, которому подчинена композиция этих произведений, свидетельствуют о том, что этим сохранившимся произведениям предшествовала длительная литературная традиция, фрагменты которой связаны с именами 15 поэтов, сохраненных нам историей.

В ранних дошедших до нас поэмах отражается борьба индусского феодального дворянства (кшатриев) с наступлением ислама.

Известно, что после гибели последней индусской империи Гупта, Индия распадается на ряд княжеств, часто весьма нестойких в своих границах. Экономическая неустойчивость самой Индии, в особенности же разрушение связей с Западом, а позднее и с Востоком, вызванное в условиях распространения ислама, привело к упадку торговли и ремесленной промышленности. Это отразилось самым гибельным образом не только на крупном купечестве, державшем в своих руках внешнюю торговлю, но и на ремесленниках и крестьянстве, которые в значительной мере работали на экспорт. Значительные массы населения больших городов, центров ремесленной промышленности, уходят и садятся на землю. Как деревня, так и город, в одинаковой мере испытывали тяжелый гнет со стороны различных феодальных владетелей, которые, в силу экономической неустойчивости, находились в непрерывных войнах.

В самом конце первого тысячелетия северной Индии пришлось вступить в борьбу с мусульманами. Эта борьба, начавшаяся в конце X в. походами Махмуда Газневийского, закончилась в XIV в., когда Мохамед бен Туглак подчинил своей власти все важнейшие провинции северной Индии. Именно к эпохе первоначальной борьбы индусского феодализма с мусульманами относится создание важнейших эпических произведений, которые дошли до нас.

К XII в., с которого идет непрерывная литературная традиция на хинди, поэмы (काव्य kāvya) получили надлежащее литературное оформление, известный канон, которого придерживаются все авторы кавья. Согласно этому канону, каждая поэма должна была иметь два элемента — романтическую интригу и изображение воинской доблести. Кроме этих наиболее важных и наиболее общих требований, кавья должна была удовлетворять и целому ряду иных, установленных литературной традицией. В начале кавья должны были стоять умилостивительные стихи и восхваление божеств, помогающих поэтам, а также божеств — хранителей царского или княжеского рода, покровительствующего поэту. Далее шло объяснение названия поэмы и сжатое изложение сюжета поэмы. После этого давалась весьма подробная генеалогия рода раджи — героя поэмы, его рождение, воспитание и, наконец, коронование главного героя поэмы. Обращаясь к пышному двору своего героя, поэт подробно описывал его дворец со всем его убранством, сады, деревья, цветы и таким образом проявлял свои знания в области архитектуры, ботаники, садоводства, цветоводства. Описав таким образом пышную обстановку, в которой происходило коронование, автор переходил к многочисленным свадебным гостям. О наиболее почетных и знатных гостях автор говорит весьма пространно и дает генеалогию каждого из них. Далее шло повествование о различных певцах и сказителях, как присутствующих на короновании, так и прославившихся своим искусством в прошлом. За сим шел рассказ

об ученых брахманах (пандитах) и поэтах, присутствовавших на празднестве. Описание певцов и музыкантов и их инструментов у некоторых авторов обращалось в целые трактаты о музыке и музыкальных инструментах. Повествование об ученых пандитах давало автору возможность проявить свою эрудицию в разных областях науки — истории, философии, грамматике, астрологии и т. д. Когда автор переходил к поэтам, он давал более или менее обширный трактат о поэтике и метрике, характеризуя наиболее известные стили и метрические формы. Если к этому прибавить, что можно было давать весьма обширные цитаты из других авторов, то станет понятным, почему поэмы некоторых придворных поэтов достигали иногда огромных размеров, невиданных в европейской поэзии.

Такое расширение рамок поэмы объясняется тем, что поэма предназначалась не только для торжественного исполнения или чтения, но вместе с тем была и своеобразным пособием по разным дисциплинам, отмеченным выше. В последующем весьма значительная часть общих сведений входила в поэмы разных авторов, и тем облегчалась задача каждого автора.

Изображение судьбы главных героев занимало относительно немного места. Главное тело поэмы складывалось из элементов, в которых говорилось о других особенно славных представителях данного рода или же о представителях близких родов, которые выводили свою генеалогию из этой же династии или основного рода. Так как важнейшие индусские династии возводили свой род либо к солнцу, либо к луне, то автор мог говорить о всех наиболее видных представителях солнечной или лунной династии.

Совершенно понятно, что поэмы новоиндийских авторов, в частности произведения литературы хинди, испытали на себе влияние древнеиндийских поэм — „Махабхараты“ и „Рамаяны“. Это влияние сказывается в общей широте трактовки сюжета, в использовании мифологического и quasi-исторического материала старых поэм и в классовой идеологии авторов этих старых поэм. Новым в них является не только бóльшая композиционная стройность, но и использование традиционных материалов для изображения наиболее актуальных моментов истории соответствующей эпохи. Картины современности, особенно же картины придворной жизни, изображение боев и т. д. часто достигают исключительной художественности и силы.

Главные этапы борьбы с мусульманами имели место на территории Панджаба, северо-западных провинций и Раджпутаны. Благодаря этому наиболее яркие образцы эпической поэмы созданы на местных, западных диалектах хинди. Почти каждое произведение этого типа имеет целый ряд диалектических особенностей, характерных для соответствующего автора. Воинская поэзия, несмотря на относительную суровость своего канона, не требовала полного однообразия поэтического языка.

Должно сказать однако, что диалектические особенности отдельных авторов не достигали особенно резких форм, а только придавали тому

или иному произведению своеобразный местный колорит. Это объясняется тем, что в создании традиций эпической поэзии принимали участие и странствующие поэты — певцы, которые переходили от одного двора к другому. Наличие значительного числа общих элементов в поэтических диалектах эпической поэзии позволяет рассматривать эти диалекты как диалекты эпического языка хинди.

Феодальная поэзия имеет ярко выраженный классовый, аристократический характер. Она создана при дворах князей придворными поэтами в интересах узкого аристократического круга. Персонажи этих поэм — боги, цари, герои — воины, ученые — брахманы, брахманы — поэты и воины — кшатрии. Иных персонажей эта поэзия не знает. Если выступает масса, то либо в виде бесчисленной армии, выстроенной перед своим вождем, либо в виде груды тел убитых, либо в виде толпы пленных.

В период создания наиболее древних поэм на хинди, звание поэта-сказителя было наследственным и обычно переходило от отца к сыну. Сын проходил выучку под руководством отца и от него же получал весь своеобразный исторический материал. Его роль в основном сводилась к описанию событий, свидетелем которых он был лично.

Наиболее древняя из больших поэм, которая дошла до нас полностью, есть поэма „Притхви Радж Расо“ (पृथ्वी राज रासो). Ее автором считается Чанд Бардаи (चंद बरदाई), который жил в Лахоре во второй половине XII в. при дворе царя Притхви Раджа (पृथ्वी राज).

Поэма эта огромного размера. В издании Бенаресской Kāçī Nāgarī Pracārinī Sabhā она охватывает больше двух тысяч страниц. Если даже допустить, как то делается исследователями последнего времени, что некоторое увеличение объема поэмы объясняется позднейшими вставками, то даже и тогда следует признать, что, создавая свою поэму, автор творил, не думая об ее пропорции.

Если исключить из поэмы элементы, которые, согласно с каноном, являются общими для всех произведений этого вида поэзии, то содержание „Притхви Радж Расо“ будет следующим.

Царь Притхви Радж ведет борьбу со своим братом, царем Джай Чандом (जय चंद) из-за царевны Самйогиты (संयोगिता). В этой борьбе он одержал победу и, опьяненный своим успехом, пренебрегает заботами о государстве, тем самым ослабляя его обороноспособность. Как истинный рыцарь, он проявляет гостеприимство в отношении жены афганского шаха Шахаб уд Дина (Šahab ud Din), которая убежала от нелюбимого мужа. Разгневанный Шахаб уд Дин идет войной против Притхви Раджа. В первом бою Притхви Радж, собрав огромную коалицию царей, побеждает своего противника, но не убивает его. Он ограничивается тем, что заставляет побежденного врага Шахаб уд Дина итти в своем победном кортеже в свою столицу. Удовлетворенный своей решительной победой, Притхви Радж отпускает своего врага с большим почетом и богатыми

подарками. Но Шахаб уд Дин не является рыцарем. Через некоторое время он снова возвращается в Индию с огромной армией. В страшной резне армия Притхви Раджа уничтожена, и он сам взят в плен и увезен в столицу афганских султанов — Газни. Варвары-афганцы ослепили Притхви Раджа, и он живет как нищий в тяжких страданиях. Его поэт Чанд Бардаи, узнав об этом, сам отправляется на помощь своему покровителю. Поручив своему сыну окончание своей поэмы, Чанд Бардаи переодевается факиром и является ко двору Шахаб уд Дина. Там он помогает Притхви Раджу убить своего врага, после чего сам убивает как несчастного раджу, так и самого себя.

Мы располагаем пока слишком недостаточным количеством исторических фактов для того, чтобы судить, насколько эффектное окончание поэмы соответствует исторической действительности.

Достоверным историческим зерном этой поэмы является лишь то, что коалиция индийских князей, располагавшая огромной армией, во главе которой стоял Притхви Радж, была разбита афганцами, и эта победа решила судьбы северной Индии на много последующих столетий.

Как отрывки более ранних поэм, а именно: „Кхуман Расо“ (खुमान रासो) поэта Дильпат Виджая (दिलपत विजय — X в. хр. эры) и „Бисальдев Расо“ (बिसलदेव रासो) поэта Нрипати Налхи (नृपति नल्ह — половина XII в.), так и более поздние поэмы „Джай Чанд Пракаш“ (जय चंद प्रकाश) Бхата Кедара (केदर), „Хаммир Расо“ (हम्मीर रासो) Шарандхара (शरणधर, — XIV в.) и другие поэмы по своей композиции, стилю и идеологии стоят очень близко к „Притхви Радж Расо“ и отличаются от него только тем, что, отражая последующие этапы борьбы с мусульманами, когда перевес был явно на стороне последних, эти поэмы не знают такого широкого охвата и пафоса, какой мы наблюдаем в „Притхви Радж Расо“.

В последующую эпоху, когда индусские феодальные владетели, разбитые мусульманами, утратили былое экономическое и политическое значение, придворные поэмы вырождаются и обращаются в произведения, в которых восхваляются подвиги измельчавших раджей и случайных авантюристов и проходимцев, которые нанимали продажных поэтов, тщетно стараясь увековечить свои имена, прославленные в поэмах мнимо великими подвигами.

Только в период упадка мусульманского владычества снова появляются произведения этого стиля, которые имеют большое значение в истории литературы хинди.

На конец XVII и начало XVIII вв. падает литературная деятельность Бхушана (भूषण). Бхушан восхваляет героя индусской Индии маратского князя Шиваджи (शिवजी), который подорвал владычество могулов и много способствовал упадку мусульманской власти в Индии. В блестящем произведении Бхушана — „Шиварадж Бхушан“ (शिवराज भूषण), т. е. „Прославление Шивараджи“ и в некоторых других снова появляются яркость и блеск

временно ожившего индусского феодального дворянства. Поэма Бхушана была последним произведением, где героический стиль и грандиозные образцы, свойственные героическим поэмам Индии, опирались на большую общественную значимость изображаемого героя и описываемых автором событий.

Последним поэтом, который написал высокохудожественную поэму в героическом стиле и к тому же, поэму, которая по своей художественности является одним из лучших произведений этого стиля, был Падмакар (पद्माकर, умер в 1844 г.), литературная деятельность которого совпадает с периодом окончательного установления британской власти в Индии. В отношении формы Падмакар прекрасно завершает многовековую традицию героической поэмы. По своей художественности и композиционной стройности его поэма „Химмат Бахадур Бардавали“ (हिम्मत बहादुर बरदावली) является высочайшим достижением этого стиля. Однако герой и общественная значимость событий, изображаемых поэтом, совершенно никчемны в сравнении с масштабом событий (крушение могульской империи, установление британской власти), которые совершились при жизни Падмакара. Он описывает „подвиги“ авантюриста, который случайно получил небольшой феод и заплатил поэту дороже, чем другие.

С упадком поэзии этого типа выходит из употребления и эпический поэтический диалект. Насколько крепки были традиции его употребления, видно из того факта, что Бхушан, родом марат, прославляя к тому же национального героя маратов (население нынешнего Бомбейского президентства), пишет на эпическом диалекте хинди.

Борьба с мусульманами, которая длилась несколько столетий, привела к сильному ослаблению господствовавших до того времени военного сословия, земельной аристократии и брахманства. Многочисленные кадры их были уничтожены в борьбе, иные были изгнаны за пределы мусульманских владений. Те, которые сохранились, были лишены заметного экономического и политического влияния на несколько столетий.

В последующий период, с упрочением мусульманской власти в Индии (XIV—XVI вв.) в связи с подъемом хозяйственной жизни северной Индии, последовавшим за возобновлением экономических связей со Средней Азией, Востоком и Европой, в сильной мере возрастает экономическое значение ремесленников и мелкого и крупного купечества.

Среди этих групп населения почти на всей территории Индии развивается характерное для этого периода общественное движение, которое, как то бывало в Индии всегда вплоть до самого последнего времени, получает религиозную окраску. Это общественное движение, имеющее весьма давние корни и проявляющееся в самых разнообразных формах, тесно связано с культом Вишну и потому называется вишнуизмом. Термин „вишнуизм“ охватывает целый ряд явлений общественного и религиозного порядка, которые нашли самое широкое выражение в художественной и философской литературе. Эти явления можно сблизить только в периоде

их первоначального развития на основе наиболее общих принципов, которые лежат в основании сложнейших разновидностей этого движения.

В период домусульманского феодализма, в широко распространенных формах религии господствовало многобожие. Теперь во всей Индии, в особенности же среди небрахманских каст, возникает учение о едином божестве Вишну, который пребывает на небесах и живет в сердце каждого своего почитателя.

Подобно тому как на троне меняются императоры, Вишну перерождается и в годы народных бедствий является на земле в образе героев, царей и святых. Подобно тому как на земле цари, Вишну требует преданности, почитания и любви (भक्ति) и карает тех, кто отходит от него и почитает иных богов. Перед Вишну все равны, и личные заслуги каждого значат для него значительно больше, чем высокая каста или обширная генеалогия, которая восходит к мифическим героям и даже к самим небесным божествам.

Из этих наиболее общих принципов, характерных для вишнуизма, легко понять, что поздний вишнуизм очень ярко отражает те социальные отношения, которые сложились в начальный период мусульманского владычества. Мусульмане не почитали каст, и, при выборе чиновников из среды местного населения, отдавали даже предпочтение менее знатным.

В соответствии с указанными принципами, кастовый строй и его значение в общественной жизни ослабевают. Вишнуизм, правда, очень редко боролся активно с кастовым строем, однако все лучшие учителя вишнуизма полностью игнорировали касту, принимая в число своих последователей на равных основаниях представителей любой касты и даже тех, кто утратил касту, а также мусульман.

Такова первоначальная общественная и идеологическая основа позднего вишнуизма. Совершенно ясно, что такую идеологию могли создать лишь представители классов, не причастных к власти, не имевших давних традиций и стремившихся к упрочению определенного значения личности. Мы находим здесь прямую параллель тому, что при тогдашних формах промышленности и экономической жизни личное умение мастера или личные способности купца приобретали решающее значение.

Вишнуитское движение, имеющее корни в далеком прошлом, когда его идеи находили выражение в санскритской литературе, охватывает всю Индию, и литература, которая отражает идеи вишнуизма, развивается на всех новоиндийских индуистских языках: хинди, бенгали, маратхи и т. д.

Систематизировать идеологию этой демократичной формы вишнуизма и подать ее широкой аудитории в поэтической форме пытались представители разных ремесленных каст. Среди них выделяются имена: Садна (सदना), мясник по профессии, и Намдев (नामदेव) — портной. Оба жили в XV в. Весьма интересно отметить, что оба эти старые проповедники идей вишнуизма, произведения которых дошли до нас, происходили

с запада: Садна из Синдха, а Намдев был маратец. Этот факт примечателен в двух отношениях: во-первых, потому, что на западном побережье Индии шла оживленная торговля с арабами; с другой же стороны потому, что оба эти автора пишут свои произведения на хинди. Этот последний факт свидетельствует о том, что к началу XV в. литературная традиция на хинди настолько окрепла, что подчинила своему влиянию и носителей других языков. Кроме своих произведений на хинди, Намдев был одним из виднейших деятелей маратской литературы, где его произведения имеют такой же вишнуитский характер.

Ранний вишнуизм на новоиндийских языках получил окончательное оформление в отношении идеологии в учении Рамананда (रामानंद), который жил также в XV в. (1400—1470). Происходя из брахманской касты, Рамананд присоединился к новому движению и начал проповедывать, что высочайшее божество нужно почитать под именем Рамы (राम). Отказавшись в своих художественных произведениях от санскрита, он стал писать свои гимны на народном языке. С художественной точки зрения, произведения Рамананда не имели большого значения, их сила в социальных идеях, так как Рамананд выступает открытым противником кастового строя. Его проповедь и гимны на хинди окончательно закрепили употребление хинди и новоиндийских языков вообще в вишнуитском движении и в вишнуитской литературе.

Наиболее выдающимся из учеников и последователей Рамананда был Кабир (कबीर, 1440—1518). Ткач по профессии, Кабир всю жизнь не оставлял своего ремесла и во время работы пел свои песни, которые скоро взбудоражили не только Бенарес, где жил Кабир, но и большие массы населения за пределами Бенареса, наиболее популярного центра паломников. Выходец из мусульманской семьи, Кабир избрал себе учителя индуиста — Рамананда и в своей последующей деятельности и поэзии порвал с мусульманством и с ортодоксальным индуизмом. Поэзия Кабира, религиозная по форме, имеет огромную общественную ценность. На простом, часто грубом языке, на котором говорили низы населения, на языке, поражающем своею образностью и меткостью, Кабир жестоко издевается над идолопоклонством индуистов и над грубым фанатизмом мусульман, восстает против социального неравенства, высмеивает проявления кастового строя, проповедует идеи всеобщего равенства, необходимости труда для всех и т. д. Его колкие песни, которые быстро распространялись среди широких масс ремесленников далеко за пределами Бенареса, возбудили к нему ненависть как среди мусульман, так и среди индуистов, принадлежавших к привилегированным кастам, и Кабир был изгнан из Бенареса и умер в изгнании.

Идеи Кабира и его поэзия послужили стимулом к оформлению целого ряда наиболее радикальных в XV—XVI вв. социальных и религиозных движений северной Индии, которые существуют и в настоящее время. Наиболее известным в истории является движение, которое привело

П110
Библиотека Киргизского

к созданию общины сикхов, соответствующих радикальным протестантам Европы.

Идейным вождем этого движения и основателем общины сикхов является гуру (учитель) Нанак (नानक, 1470—1538), последователь Кабира не только в области религиозных идей, очень близких к деизму, но и в сфере социальных идей. Община сикхов основана на принципах равенства всех членов. Все члены общины — ученики, что и обозначается словом сикх (सिख ученик); во главе общины стоит учитель — гуру (गुरु). Порвав с кастами и идолопоклонством, община сикхов, которая первоначально состояла главным образом из рядовых представителей воинской касты и земледельцев, сохранила свою особность вплоть до наших дней. В религиозно-художественной литературе сикхов, равно как и в общественной жизни сикхской общины, сохранились в наиболее чистом виде принципы вишнуизма XV—XVI вв.

Для истории литературы хинди община сикхов и их учение имеют то значение, что они сохранили образцы наиболее древних авторов вишнуитской поэзии на хинди. Сам Нанак, который во время своих странствований по Панджабу и северной Индии пел свои песни на хинди, не обладал большим художественным дарованием, как и его преемники-последующие гуру. Но шестой гуру сикхов — Арджун (1563—1606) собрал и записал в священную книгу сикхов „Грантх Сахаб" (ग्रंथ साहब) или „Адигрантх" (आदिग्रंथ, 1604 г.) отрывки из всех важнейших произведений ранее названных авторов. Благодаря стойкости религиозной традиции сикхов, эти произведения сохранились тут вплоть до настоящего времени в неизмененном виде, меж тем как тексты произведений этих же авторов, передававшиеся в иных условиях, подверглись различным изменениям.

В дальнейшем, главным образом в городах, среди ремесленников и мелкой буржуазии распространяется и находит разнообразное выражение в литературе культ Рамы, одного из воплощений (аватар) Вишну, с его идеями равноправия не только перед богом, но и в социальной жизни. Это приводит к отрицанию каст и признанию приоритета личности, которая может спастись или поднять свое значение в обществе благодаря своим личным способностям, благодаря своей преданности и почитанию божества или власти. В мелкой воинской среде рамаизм обращается в религиозно-мировоззрение, где на первом месте выдвигается учение о едином божестве, которое требует строгого выполнения своих обязанностей и соблюдения основных моральных принципов.

В деревнях, среди пастушеских и земледельческих каст вишнуизм приобретает формы, весьма отличные от рамаизма.

В этих кругах распространяется культ Кришны (कृष्ण). Почитание Кришны имеет очень глубокие корни. О Кришне, как и о Раме, говорит еще древнеиндийская поэма Махабхарата, где Кришна выступает как одна из наиболее важных фигур в борьбе за власть двух легендарных царских

родов — пандавов (पांडव пандуидов) и кавравов (कौरव куруидов). Тот факт, что и в Махабхарате и в последующем кришнуитском движении Кришна изображается черным, повидимому, свидетельствует о том, что Кришна является весьма древним божеством, возможно, еще доведического происхождения.

Еще в отдаленной древности, возможно еще до буддизма, когда стал распространяться вишнуизм с его идеей единого божества Вишну, который воплощается на земле в периоды политического и морального упадка, было признано, что Кришна является воплощением Вишну. В этой разновидности вишнуизма на первый план выдвигается преимущественно идея единого божества. Идея равенства несколько отодвигается на задний план. Равенство тут признается главным образом постольку, поскольку все бессильны перед силой божества. Особенно важным для последующего литературного развития элементом этого культа является призыв вернуться к природе, любовь к природе в ее разнообразных проявлениях, любовь, доходящая до экстаза: по свидетельству мифа, сам Кришна-пастух на некоторое время обращается в коров и телят.

Эта идея любви к природе, любви к животным и пастушескому и вообще сельскому труду усложняется в кришнуизме еще идеей свободной любви. Кришна является не только образцом глубокой любви к природе во всех ее проявлениях, но и божественным любовником, богом любви, но любви не брачной, а свободной, протестующей против всех установленных форм. В своей безудержности индийская фантазия, действуя в этом направлении, приписывает Кришне любовь и к бесчисленному множеству пастушек и, сверх того, наделяет его в зрелые годы шестнадцатью тысячами ста восемью женами.

Меж тем как в древнеиндийских поэмах, созданных высшими кастами, Кришна выступает как искусный воин и мудрый политик, не пренебрегающий никакими средствами, позднейшие вишнуитские поэты, основываясь на древних народных легендах, создают образ Кришны-пастуха, изображают его детство и юность, его жизнь в деревне, в лесах и лугах с телятами и коровами, с пастухами и пастушками, изображают его разнообразные подвиги, совершаемые им для защиты пастухов от разных бед, и наконец умерщвление им царя Кансы, который угнетал народ. Вишнуитская поэзия на народных языках знает Кришну только как пастуха и любовника, в разлуке с которым умирает пастушка Радха и томятся и тоскуют пастушки, пастухи, коровы и вся природа.

Наиболее общие идеи вишнуизма, отмеченные выше, у разных социальных слоев населения Индии выступают в разных формах, весьма отличных друг от друга. Но для всей последующей литературы на всех индийских языках миф о Кришне имеет исключительное значение. Вся любовная лирика в самых разнообразных ее проявлениях связана с мифом о Кришне. Не зная основных идей вишнуизма и основных моментов мифа о Кришне, нельзя понять ни содержания, ни формы богатейшей

индусской любовной лирики и индийской лирики вообще. Многочисленные произведения современной индийской литературы, в частности лирика Тагора, продолжают давние традиции вишнуизма, и лирика Тагора — его песни, вошли в состав богатейшей лирики, неразрывно связанной с мифом о Кришне. Однако влияние вишнуизма не ограничивается рамками одной лирики, он часто окрашивает также и индийскую новеллу на всех современных индийских языках.

В середине XV в. выступают с кришнуитской лирикой Нарсинх Мехта (नरसिंह मेहता), писавший, на гуджарати, и Видьяпати Тхакур (विद्यापति ठाकुर), который писал на диалекте майтхили (मैथिली), одинаково близком как к хинди, так и к бенгали, благодаря чему историки литературы включают его творчество как в историю литературы хинди, так и в историю бенгальской литературы. К этому же времени относятся гимны Кришне поэтессы Мира Баи (मीरा बाई), которая писала на одном из диалектов хинди — брадж.

Зародившийся в пастушеской среде миф о герое пастухе, впоследствии обожествленном и обращенном в божественного любовника, миф о пастухе, который отдает самого себя для преумножения стада и объединяет в себе порывы безудержной любви, которая разрушает все созданные веками кастовые моральные основы, получает новое толкование от брахманов.

В наиболее систематизированном виде идеи кришнуизма и новое толкование мифа о Кришне нашли у брахмана Валлабхачарьи (वल्लभाचार्य, 1479—1531), который дал ряд трудов на санскрите и еще больше способствовал пропаганде нового понимания мифа своими устными проповедями. Как брахман и носитель традиционных воззрений, как представитель высшей касты, которая после умиротворения Индии и поднятия ее общего благосостояния начала мало по малу вновь приобретать значение в государственном аппарате могульской империи, Валлабхачарья заявляет, что весь миф о Кришне нужно понимать только как символ. Согласно Валлабхачарье любовь пастушек, чужих жен, есть только символ любви души, связанной с телом, к единственно возможному для нее любовнику — высочайшему богу Вишну, который явился на земле в образе Кришны. Учение Валлабхачарьи, хотя оно было понятно только немногим, в большой мере способствовало популярности мифа о Кришне в среде высших каст, а также развитию связанной с ним литературы. Кроме того, как мы увидим далее, это учение имело в последующем развитии литературы совершенно неожиданные последствия, которые вряд ли предвидел Валлабхачарья, давая свое толкование мифа о Кришне.

У Валлабхачарьи и его сына Биттхал Натха (विट्ठल नाथ, 1515—1585) было большое количество последователей, которые разнесли их идеи по всей северной Индии. Из среды их учеников вышло восемь чрезвычайно популярных поэтов литературы хинди.

Крупнейшим из них является Сур Дас (सूर दास, 1483—1563). Сур Дас получил наилучшее по тому времени образование, основательно изучил санскрит, персидский язык, хинди, музыку и пение и, согласно с традицией, должен был сделаться придворным поэтом. Однако гибель его покровителей и последующая слепота сделали из него странствующего нищего-поэта, который ходил по всей северной Индии, распевая песни о боге-пастухе и его любовных играх. Как ученик Валлабхачарьи, Сур Дас теоретически толковал любовные игры Кришны как символы, но сама возможность символически толковать его стихи давала еще больший простор ярким проявлениям его фантазии. За исключительно высокую художественность образов и за законченное изящество стиха и языка туземная традиция считает Сур Даса крупнейшим лириком литературы хинди. Из нескольких собраний гимнов в честь Кришны, которые представляют собой яркие образцы лирической поэзии в ее наиболее совершенной форме, наиболее известно собрание „Сур Сагар“ (सूर सागर), „Море (гимнов) Сур Даса“.

Мифы связывают детство и юность Кришны с местностью вокруг города Матхуры (нынешняя Muttra). Былое экономическое значение Матхуры (близ Агры), которая лежит на пути из Бенгалии в северо-западную Индию, привело к тому, что поэзия, связанная с мифом о Кришне, а потом и вся лирика вообще, почти целиком эротичная, переходит на местный диалект, который называется брадж (ब्रज). До Сур Даса разные лирические поэты писали на разных диалектах хинди; после него брадж становится единственным языком всей лирики литературы хинди. Традиция употребления этого диалекта в лирике держится в дальнейшем на всей территории, где распространены диалекты хинди, и только в последние десятилетия в поэзию (в частности в лирику) начинает проникать диалект, тождественный с языком современной прозы.

Экономическое и культурное преобладание центральной части северной Индии над другими частями ее сказывается в том, что идеи вишнуизма, а вместе с ними и влияние литературы и литературных диалектов хинди, распространяется на запад и восток Индии. Ряд маратских поэтов пишут на хинди, либо много заимствуют из диалектов хинди. Равным образом и бенгальская литература и литературный язык оказываются под заметным влиянием литературы и литературных диалектов хинди.

Параллельно с философской и литературной обработкой мифа о Кришне в духе, приемлемом для ортодоксального индуизма, брахманство, значительно упрочившее свое положение с упрочением власти могулов, направляет свое внимание на образ Рамы. В течение предшествующих нескольких столетий в среде преимущественно небрахманских радикальных каст Рама представляется высочайшим божеством, перед которым все равны. Радикальный рамаизм ремесленников совершенно отрицает касты и все наследственные преимущества.

Совершенно по иному трактуют образ Рамы брахманы, даже наиболее радикальные из них, каким является Тульси Дас. В новом образе Рамы синтезируются два образа: великого земного царя, каким он был в санскритской Рамаяне, и воплощения высочайшего божества. Это очень усложняет образ Рамы, как религиозное и художественное целое. Новый Рама, сохраняя все черты божества, далек от признания равенства каст. Он изображается в виде царя, окруженного аристократами, и низшие касты отступают на задний план, являясь только в образе масс.

Крупнейшим автором этого нового направления вишнуизма в литературе хинди является Тульси Дас. И европейские историки литературы, и туземная традиция считают Тульси Даса величайшим поэтом не только литературы хинди, но и индийских литератур вообще. Популярность его в Индии настолько велика, что ее можно сравнить лишь с популярностью поэта санскритской литературы Калидасы, с тем однако различием, что имя и произведения Тульси Даса известны не только в узком кругу образованных классов, как то мы имеем с Калидасой, но и в самых широких кругах низших каст.

Тульси Дас (तुलसी दास, 1532—1623) был брахман. Место его рождения неизвестно, но, принимая во внимание диалект, который он употребляет в своих произведениях, можно думать, что он родом из Аудха. Он получил образование в традиционном брахманском духе, но, как безродный сирота, выросший среди странствующих нищих-брахманов, он испытал влияние и радикальных течений, широко распространенных даже в низших слоях брахманства.

Большую часть жизни Тульси Дас прожил близ Бенареса. Соблюдая в своей частной жизни все предписания брахманской морали, Тульси Дас был против изолированности брахманства, стоял за сближение его с другими кастами. Устной проповеди Тульси Дас уделял мало внимания и почти целиком посвятил себя художественной деятельности. В отличие от современных ему поэтов, Тульси Дас не искал богатых покровителей и всю свою жизнь довольствовался положением нищего поэта. Тульси Дас написал много художественных произведений; все они посвящены Раме. Наиболее известное из них — „Рамачаритаманаса“ (रामचरितमानस), „Рамагитавали“ (रामगीतावली), „Дохавали“ (दोहावली) „Кавиттавали“ (कवितावली) и т. д.

Крупнейшим произведением Тульси Даса является его большая поэма в честь Рамы — „Рамачаритаманаса“ (रामचरितमानस), „Море подвигов Рамы“, или, как её обычно зовут в Индии, „Рамаяна“. Согласно индийской традиции, Тульси Дас писал и обрабатывал свою „Рамаяну“ сорок лет, и только в конце его жизни она получила форму, которая удовлетворила автора. „Рамаяна“ создала популярность Тульси Дасу на много столетий, и с течением времени эта популярность не только не падает, но все более и более возрастает. Особенно заметно вырос интерес

к „Рамаяне“ в последние десятилетия с нарастанием в среде индийской буржуазии национально-освободительных тенденций. Рама сделался символом „единой Индии“, свободной от иноземного ига. О степени популярности „Рамаяны“ и Рамы после Тульси Даса свидетельствует тот факт, что имя Рамы „рам“ (राम) в течение нескольких веков является приветствием среди индусов всей северной Индии, употребляясь в качестве нашего „здравствуй“. Ежегодно в Индии выходит несколько изданий „Рамаяны“ Тульси Даса и неизменно расходится, независимо от тиража. Туземные националисты считают „Рамаяну“ Тульси Даса книгой, наиболее распространенной в мире. Хотя объем поэмы весьма обширный, все же значительное количество населения Индии знает ее наизусть, несмотря на то, что она написана на языке, весьма отличном от современного.

В соответствии со своими либеральными взглядами на взаимоотношения каст и в виде протеста против самоизолированности брахманства, Тульси Дас отказывается от санскрита и пишет на хинди. И из самих произведений Тульси Даса и из сохранившейся традиции мы знаем, что этот факт вызвал бурю негодования со стороны ортодоксального брахманства. Брахманство видело в этом измену своей касте и считало делом, неугодным богам. Отвечая на эти жестокие упреки, Тульси Дас говорит, что он пишет не для ученых людей, которые опозорили и себя и санскрит своим угодничеством перед власть имущими, а для народа.

Диалект, на котором писал Тульси Дас, в значительной мере отличается от обычного для того времени диалекта поэзии, преимущественно лирической, связанной с культом Кришны. Кришнуитская поэзия пользуется диалектом брадж (ब्रज), Тульси Дас пишет на диалекте авадхи (अवधी). Его авадхи не есть чисто местный диалект — он насыщен заимствованиями из санскрита и других диалектов хинди, а также из персидского и арабского языков. Умелое пользование этими диалектическими средствами в сильной мере способствовало художественному оформлению „Рамаяны“. Диалект авадхи, который принадлежит к восточной группе диалектов языка хинди, близких к соседним диалектам бенгальского языка, очень способствовал распространению „Рамаяны“, так как в XVI—XVII вв. этот диалект был понятен не только на территории диалектов хинди, но и далеко на восток от нее. В настоящее время этот диалект мало понятен даже в округах, лежащих близ Бенареса, а потому не только научные, но и популярные издания „Рамаяны“ Тульси Даса обычно издаются с подробными комментариями, часто приближающимися к переводу.

Значение Тульси Даса в литературной традиции этого направления вишнуизма было так велико, что диалект текста Рамаяны стал после Тульси Даса диалектом поэзии, связанной с именем Рамы, независимо от того, откуда происходил тот или иной из последующих авторов и как он знал иные поэтические диалекты хинди.

Таким образом, после Тульси Даса в поэзии хинди вплоть до XX в. употребляются по меньшей мере три группы диалектов, отличные друг

от друга, а именно: а) западные, близкие между собою, диалекты, на которых создалась феодальная героическая поэзия; с постепенным замиранием этой традиции эти диалекты мало по малу выходят из употребления; б) диалект брадж, который первоначально был связан с именем Кришны и сельской поэзией и постепенно сделался языком лирики вообще, в особенности же лирики любовной; в) диалект авадхи, связанный с именем Рамы; он употребляется не только в эпических произведениях, но и в религиозной лирике, лишенной эротических моментов. Каждый из названных диалектов не представлял строгого стандарта: в каждом диалекте названных типов наблюдаются отличия, зависящие не только от времени, когда действовал тот или иной автор, но и от индивидуальности того или иного поэта. Пестрое диалектическое разнообразие есть черта, свойственная всем новоиндийским языкам; в этом трудность исторического изучения этих литератур, и в этом именно наиболее резкое отличие этих литературных языков от стандартного санскрита, где диалектизмы проявляются только в лексике.

Содержание „Рамаяны“ Тульси Даса в своих основных чертах совпадает с содержанием древнеиндийской „Рамаяны“ Вальмики.

Обращаясь к разным божествам и прославляя их силу, Тульси Дас просит у них помощи в своем трудном деле. Далее он вкратце излагает содержание поэмы. После этого традиционного начала, он приступает к первой части своей поэмы.

В первой части „Детство“ (बालकाण्ड) прежде всего объясняется причина, почему Вишну принял воплощение. На юге Индии в Цейлоне (Ланка लंका) родился ракшас (демон) Раван (रावण). Он творит такие тяжкие беззакония, что сама земля взмолилась к богам и просит усмирить Равана и спасти от гибели все живое. Боги, сознавая свое бессилие перед могучим демоном и в страхе за свое благополучие, обращаются к высочайшему божеству Вишну, так как только он способен спасти мир. Боги просят Вишну сойти на землю. Вишну внял их мольбам и рождается в царской семье, в качестве сына Дашаратхи (दशरथ), царя Айодхья (अयोध्या — нынешний Аудх). Рождение Рамы сопровождается массой необычайных явлений, чудес и радостью всей земли. После Рамы у царя Дашаратхи рождается еще несколько сыновей, наиболее славные из них Лакшман (लक्ष्मण), Бхарата (भरत) и Шатрагхну (शत्रघ्न), которые являются частичными воплощениями самого Вишну. Уже с детства Рама выделяется своими необычайными способностями, великою ученостью, сверхъестественной силой, воинскими доблестями и высокими моральными качествами. Еще во время ранней юности Рамы к царю Дашаратхе является святой мудрец Васиштха и просит царя отпустить Раму и Лакшмана охранять страну от демонов. Рама и Лакшман совершают ряд подвигов и прославляются на всю Индию. В своих странствиях они попадают ко двору царя Джанака (जनक), который обещал отдать свою дочь Ситу (सीता) за того, кто сможет владеть старинным могучим луком. На призыв отца Ситы откликнулись и явились к его двору множество царей и царевичей, но никто из них не способен выполнить условие, они не в силах даже поднять лук. Юный Рама легко поднимает могучий лук и так натягивает тетиву, что лук ломается. Рама вступает в брак с Ситой и возвращается ко двору своего отца.

Вторая часть „Айодхья“ (अयोध्याकाण्ड — Аудх) повествует о жизни Рамы при дворе своего отца и об изгнании Рамы. Своими знаниями, мудростью, силою, воинскими доблестями и высокими моральными качествами Рама завоевывает симпатии и любовь не только отца, но и всего царства. Городские старцы, придворные и брахманы просят старого отца еще при жизни назначить Раму своим преемником. Царь с большой радостью соглашается на просьбы народа и назначает день коронования Рамы. Во всем царстве идут пышные приготовления к торжественному празднеству, но постыдные боги охвачены завистью перед величием Рамы, они боятся, что с воцарением Рамы на земле будет больше святости, чем на небесах, и потому, забыв свои недавние мольбы, они стараются не допустить конечного триумфа Рамы. С этой целью они помутили разум одной из жен царя Дашаратхи, матери Бхараты, отсутствующего в это время, пророчат ей гибель ее сына в случае воцарения Рамы и убеждают ее добиваться царства для Бхараты. Кайкеи (कैकेई), мать Бхараты, требует от царя выполнения обещаний, данных ей Дашаратхой много лет тому назад, и исполнить ее просьбу. Дашаратха, не зная, какие требования предъявит Кайкеи, подтверждает свое давнее обещание, и Кайкеи просит передать царство своему сыну Бхарате, а Раму изгнать на четырнадцать лет из царства. Царь, связанный словом, не может ни отказать, ни выполнить своего обещания. Рама, готовящийся к коронованию, неожиданно узнает о затруднении, в котором оказывается отец, и, чтобы спасти его доброе имя, соглашается добровольно отправиться в изгнание. С ним вместе отправляется его супруга Сита и брат Лакшман. Весь народ со слезами и стенаниями провожает Раму. Земля, реки и вся природа исполнены великой радости при приближении Рамы. Старый царь Дашаратха не выносит разлуки с сыном и умирает. Бхарата, вернувшись в отчий дом, видит печаль всей страны. Он извещает городских старейшин, что он не может взять на себя управление царством, которое по праву принадлежит Раме, и предлагает итти к Раме и просить его вернуться и занять царский престол. Несмотря на все мольбы, Рама считает, что он обязан исполнить свой долг перед памятью отца; он остается в изгнании и подтверждает, что до его возвращения царем должен быть Бхарата. Бхарата возвращается в столицу, но не считает себя достойным занять трон Рамы и ставит на престол сандалии Рамы, сам же сохраняет за собою только обязанности регента. Опасаясь, что народ снова придет к нему со своими просьбами, Рама углубляется далее на юг в девственные леса.

В третьей части „Аранья“ (अरण्य काण्ड — „Лесная“) повествуется о жизни Рамы, Ситы и Лакшмана в лесу. Рама встречается там со многими аскетами, мудрецами и святыми и творит множество чудес. Однажды Раму с Ситой и Лакшманом встретила сестра Равана в образе прекрасной женщины. Очарованная красотою Рамы, она предлагает ему себя в жены. Рама обращает ее внимание на Лакшмана, который еще не женат. Но Лакшман также отвергает ее предложение и из озорства отрезает ей нос. Изуродованная сестра Равана обращается к своему брату с просьбой отомстить Раме. Раван похищает у Рамы его супругу Ситу.

В четвертой части „Кишкиндха“ (किष्किन्धा काण्ड) Рама в поисках Ситы углубляется на юг. Он встречается с царем обезьян Сугривом (सुग्रीव). С помощью божественной обезьяны Ханумана (हनुमान) „сына ветра“, советника царя Сугривы, Рама вступает в союз с Сугривом и помогает ему вернуть царство. В благодарность за это Сугрив посылает своих подданных — обезьян на поиски Ситы. После долгих исканий обезьяны нападают на след Ситы и извещают об этом Раму.

В пятой части „Сундар“ (सुंदर काण्ड — „Прекрасная“) Хануман отправляется на Цейлон (Ланка). Он находит Ситу в саду Равана. Несмотря на угрозы, на уговоры и просьбы Равана, Сита остается верной Раме. Хануман извещает Ситу о приближении Рамы, который идет ей на помощь. Сита просит Ханумана известить Раму об ее страданиях в разлуке с ним и тех муках, которые ей причиняет Раван. Раван узнает о прибытии Ханумана и его слуги; после жестокой борьбы приводят Ханумана к Равану. Хануман требует освобождения Ситы. Разъяренный Раван хочет убить Ханумана, но Хануман, благодаря своей необычайной силе и способности изменять свой размер, спасается и убегает. Убегая, Хануман поджигает столицу Цейлона. Вернувшись к Раме, он рассказывает ему обо всем, и Рама с огромной армией идет на берег моря, готовясь к переправе на остров Цейлон.

Шестая часть „Ланка“ (लंका काण्ड — Цейлон) повествует о борьбе Равана и Рамы. Рама переходит на Цейлон. Придворные убеждают Равана отдать Ситу и отказаться от борьбы с Рамой. Раван не соглашается, начинается жестокий бой. Сотни тысяч гибнут с обеих сторон, но Рама своею божественною силой вновь оживляет своих воинов-обезьян, и бой продолжается далее. Наконец Рама и Раван вступают в поединок. Несмотря на страшное сопротивление десятиголового демона Равана, который побеждал самих богов, несмотря на то, что вместо каждой отрубленной головы у Равана вырастает другая, Рама побеждает и убивает Равана. Он передает управление островом Цейлоном брату Равана и вводит новые порядки в его царстве. Хануман приводит Ситу к Раме.

В седьмой „Последней“ части (उत्तर काण्ड) Рама возвращается на родину в Айодхью и вступает на престол. Далее идет повествование обо всем, что случилось с Рамой, и изложение учения вишнуизма.

К этому основному сюжету Рамаяны прибавлено огромное количество различных подробностей, разных вставных эпизодов, экскурсов в область мифологии, морали и т. д. Однако в отличие от древнеиндийской „Рамаяны“ Вальмики, где в чрезмерном нагромождении подробностей тонет основной сюжет, Тульси Дас выдерживает невиданную в индийской литетатуре симметричность и стройность композиции. Целый ряд побочных эпизодов, имеющихся у Вальмики, Тульси Дас опускает или сильно сокращает; с другой стороны, у Тульси Даса выступает целый ряд новых моментов, отсутствующих у Вальмики. Как правильно отмечает Growse,[1] отношение между этими двумя поэмами соответствует отношению двух одноименных греческих трагедий, принадлежащих разным авторам.

Как совершенно правильно отмечают индийские историки литературы, популярность „Рамаяны“ Тульси Даса, объясняется не только широкой популярностью мифа о Раме, так как о нем писало много авторов и до и после Тульси Даса, и не только высокой художественностью поэмы, которая выделяет „Рамаяну“ Тульси Даса из всей старой литературной традиции, но особенно тем, что Тульси Дас сумел дать в своей мифологической поэме яркую картину современной ему жизни со всей сложностью ее социальной структуры.[2]

Высочайшее божество Вишну и его воплощение, Рама, есть только образ, в котором отразилось стремление Индии к единству, которого требовали ее жизненные интересы. Многочисленные боги, которые обитают на небесах, очень напоминают многочисленных земных владык. Как и феодалы, боги беспрерывно враждуют между собой, ведут себя постыдно и совершают множество подлостей для того, чтобы удовлетворить свое тщеславие. Эпитеты, которые Тульси Дас применяет к богам, свидетельствуют о том, что он был прекрасно осведомлен относительно ничтожества и подлости земных владетелей. В картинах Айодхьи (Аудха) и Ланка (Цейлона) Тульси Дас прекрасно изобразил современную ему Индию. В страданиях легендарного населения Индии, которую угнетает демон Раван, представлено необычайно тяжкое положение крестьянства и вообще низших каст. Это несомненное высокое общественное значение „Рамаяны“ Тульси Даса обеспечило ей популярность в самих широких кругах на целые столетия.

Из многочисленных авторов, которые писали о Раме на хинди, можно назвать лишь крупнейших: Набха Дас (नाभा दास), Малук Дас (मलूक दास), Бени Мадхав Дас (बेनी माधव दास) и целый ряд других авторов, которые жили в XVII—XIX вв.

Легенды о Раме многократно обрабатывались также многочисленными авторами, писавшими на других новоиндийских языках, — бенгали, маратхи и т. д.

---

[1] Growse. Tulsi Das. Ramayana. Allahabad, 1877.

[2] गोसाईं तुलसीदास-कृत रामचरितमानस, प्रयाग १६२२, श्यामसुंदरदास, भूमिका, стр. ६२—६३.

С усилением в Индии влияния англичан, постепенно захвативших в свои руки важнейшие порты и внешнюю торговлю Индии, могульская империя неизменно идет к распаду. На ее развалинах возникает целый ряд независимых и полунезависимых государственных образований, в большинстве случаев не обладавших большой устойчивостью. Переход англичан от вывоза готовых товаров (тканей и т. д.) к вывозу сырья и ввозу английских товаров разоряет многочисленные кадры местных ремесленников, а в дальнейшем ведет к еще большему обнищанию крестьянства, которое жестоко эксплоатируется как представителями британского капитала, так и местными феодалами. Экономический упадок и политический распад самым гибельным образом отражаются на развитии литературной традиции, которая поддерживается преимущественно при дворах феодальных владетелей.

Перенесение традиций вишнуитской литературы, в частности литературы кришнуитской, созданной низшими кастами, ко дворам феодальных владетелей в весьма сильной мере изменило как идеологическую направленность литературы, так и ее форму. Элементы чувственности, которые были присущи мифу о Кришне издавна и которые раньше находили известное ограничение в простой и наивной поэзии низших каст, в придворной поэзии расцветают самым пышным цветом. Привнесенное брахманами толкование любви пастушек к Кришне в виде символа любви души к богу открыло самые широкие возможности, под покровом символизма, углублять сюжет о реальных проявлениях любви. Другие моменты мифа о Кришне отступают на задний план. Уже у Сур Даса, Нанда Даса, Кришна Даса, Парамананд Даса и Говинда Даса, лучших лириков вишнуитской поэзии вообще, есть целый ряд скользких мест, но впечатление от них сглаживается общим стилем поэм и гимнов этих авторов. Оно позволяет думать, что эти авторы действительно главное внимание обращали на символическую сторону сюжета и даже в ряде скользких мест имели в виду „томление души“, „принятие бога в свое лоно“ и т. д.

Однако в XVIII—XIX вв., в эпоху упадка, когда в сильной мере падают основы традиционный морали вообще и в придворных кругах особенно, вишнуитская поэзия приобретает характер романтизма низшего пошиба и постепенно обращается в голую эротическую поэзию. Далее от религиозной эротики она скатывается до чистой порнографии.

Сюжет о любви пастуха Кришны к пастушкам, особенно к пастушке Радхе, первоначально простой и примитивно-наивный, обрабатывается множеством авторов XVI и XVII вв. и обрастает массой самых разнообразных подробностей. Последующим авторам XVIII и начала XIX вв. осталось на долю главным образом углубление непристойных элементов сюжета, которые в придворных кругах имели большой успех.

У первых авторов упадка вишнуитской поэзии этот скользкий момент сюжета в некоторой мере искупался совершенством формы, исключительной отделкой языка, тонко отшлифованным стихом и другими поэтическими

средствами. У последующих вишнуитских лириков XVIII и XIX вв. эта лирика обращается в сплошную порнографию низшего пошиба, которая под знаменем божественности представляет наихудший вид непристойности. Эмансипировавшись от дворов, эта поэзия выходит на улицу и широко распространяется в произведениях лубочного типа. Такую эволюцию пережила вишнуитская поэзия на всех важнейших новоиндийских языках. Ее главные этапы особенно ярко представлены в наиболее богатых литературах — хинди и бенгальской.

На ряду с вишнуитской поэзией, при дворах культивируется также и героическая поэзия. Однако и эта поэзия, утратив опору в реальной действительности, имеет значение преимущественно как образец высокохудожественной формы. Романтический элемент героических поэм попадает под влияние вишнуитской лирики и разделяет все ее недостатки.

Единственная область поэзии, которая достигает высокого развития в этот период упадка, — есть поэтика, принципы которой излагаются в поэтической форме. Поэтика на хинди имеет весьма глубокие корни и в XVII в. дала крупнейшего мастера, каким является Бихари Лал Чаубе (बिहारी लाल चौबे). Число авторов, трактующих в стихах вопросы поэтики XVIII в., исчисляется многими десятками. Именно в этот период поэтика хинди достигает исключительно высокого развития.

Что касается поэзии в собственном смысле, то она неизменно идет к упадку. Таким образом на ряду с распадом экономики и политического единства Индии перед окончательным подчинением Индии англичанам была разрушена и литературная традиция на хинди, а равным образом и на других новоиндийских языках. Процесс возрождения ее на новых основах, уже под влиянием британской колониальной системы, также совершается параллельно с развитием форм экономической и политической жизни страны.

Должно отметить, что и в XIX и даже XX вв. создаются многочисленные произведения в старом традиционном стиле поэзии, но эти произведения не имеют широкого общественного значения.

С окончательным подчинением Индии англичанам и изменением всей экономической и политической жизни Индии литературы на различных новоиндийских языках развиваются на новых основах. Британский капитал для обслуживания административного и торгового аппарата создает многочисленные кадры местной интеллигенции, проходящей школу европейского типа, и эта новая буржуазная интеллигенция создает новую литературу.

В отличие от всего предшествующего развития литературы хинди, которая развивалась исключительно в поэтической, стихотворной форме, в самом начале XIX в. начинается непрерывная прозаическая литературная традиция не только на хинди, но и на всех важнейших новоиндийских языках. Первым крупным произведением на прозаическом хинди был „Прем Сагар“ Лаллу джи Лала, который создается на основе санскритского эпического произведения „Бхагаваты Пураны“ (भागवत पुराण). В даль-

нейшем прозаическая литература на хинди и на всех новоиндийских языках переходит на европейские литературные формы. Параллельно с утверждением элементов капиталистических отношений и постепенным проникновением в Индию европейской техники, в области литературы почти весь XIX в. уходит на овладение новыми, европейскими литературными формами. В литературе хинди постепенно утверждается повесть, роман, короткий рассказ и драма, построенная по европейскому принципу. По существу весь XIX в. уходит на освоение новых форм, и не создается сколько-нибудь значительных произведений в новом прозаическом стиле. Только в самом конце XIX и в XX вв. выступают авторы, в творчестве которых синтезировалась старая литературная традиция с новыми литературными формами.

При усвоении новых литературных форм новые авторы столкнулись с большими затруднениями. Прежде всего словарь, получивший богатое развитие в трактовке специфической тематики предшествующего периода, оказался совершенно недостаточным для передачи новых понятий, выдвинутых развитием капиталистических элементов в Индии. Равным образом различные стилистические средства, столь уместные в поэзии, оказались мало пригодными в прозе. Наконец, сам прозаический строй речи дается первым авторам с большим трудом, их проза в сильной мере сбивается на стихи или приобретает ритм, характерный для стиха предыдущего периода.

Таким образом в начале XIX в. предстояла огромная работа по созданию нового словаря, пригодного для новой тематики и для передачи новых понятий. Необходимо было выработать основные элементы прозаического стиля и освоить прозу, эмансипировать ее от стихотворного стиля.

Эта большая работа проводится первоначально в процессе перевода различных произведений европейской, преимущественно английской литературы. При недостаточности выразительных средств и при огромных различиях в культуре между Индией и Европой переводы получают специфический характер. По существу эти „переводы“ не являются переводами в европейском смысле этого слова, а пересказами. Этот метод перевода сохранился вплоть до наших дней. Индийский переводчик обычно берет от оригинала лишь основную идею и главную канву развития сюжета. В остальном он совершенно свободен. Он часто переносит действие в Индию, тем самым вводя новые географические названия. Герои его произведений получают новые, индийские имена и обращаются в индусов. Переводчик не только опускает то, что не поддается легкому освоению, но часто значительно изменяет оригинал и вносит много своего, по своему „украшая“ произведение европейского автора. В этом отношении характерна рецензия на новый перевод на хинди одной из комедий Мольера, сделанный в 1926 г. Автор этой рецензии пишет: „Прекрасно здесь то, что переводчик омолодил оригинал Мольера. Он внес больше комического и нравоучительного и тем в значительной мере усилил занимательность произведения. Если бы Мольер был жив, он бы подпрыгнул от восхище-

ния, увидев свое произведение в столь прекрасной форме“. Примером этого типа переводов могут служить рассказы Толстого, переведенные на хинди современным романистом Прем Чандом.[1]

Помимо факта ознакомления с европейской литературой и постепенного освоения новых литературных форм, эти переводы или точнее переделки имели большое значение для выработки прозаического стиля. Этому в сильной мере способствовало также широкое развитие прессы хинди, которая в настоящее время достигла широкого распространения. Развитие научного языка в значительной мере тормозилось тем, что в университетах долгое время единственным языком преподавания был английский язык. Только после мировой войны хинди, как и другие новоиндийские языки, утверждаются в высшей школе, как языки, на которых ведется преподавание. В процессе развития публицистического и научного языка хинди, равно как и другие новоиндийские языки, столкнулись с большим затруднением в виде отсутствия терминологии для выражения новых понятий, созданных европейской культурой. Из этого затруднения индийские языки выходят двумя путями: либо путем простого заимствования из английского языка, либо калькированием английской терминологии, используя санскритскую лексику. С развитием националистического движения последний способ обогащения словаря в сильной мере преобладает, и хинди, подобно бенгальскому языку, санскритизуется настолько, что в некоторых научных и даже публицистических статьях число санскритских слов достигает 75—80%. Такая сильная санскритизация в сильной мере отдаляет литературный язык от языка широких масс населения, и даже левые круги индийской буржуазии отмечают эту опасность особенно в настоящее время, когда хинди становится общим языком Индии. Вопрос лексики литературного хинди таким образом не может считаться разрешенным. Каждая редакция и даже каждый автор разрешают его по своему и, несомненно, в этом отношении предстоит еще большая работа. Большую пользу для его разрешения принесло издание большого семитомного толкового словаря хинди (हिंदी शब्द सागर). Дальнейшее пополнение и совершенствование этого словаря сможет в сильной мере помочь дальнейшей стандартизации литературного языка, который до последнего времени оставался беспризорным.

Пройдя в XIX в. ученический период по освоению новых литературных форм, новая литература хинди становится на свои ноги только в конце этого столетия, особенно же в начале XX в. Весьма резко бросается в глаза совпадение и взаимная обусловленность развития литературы и развития местной экономики, промышленности и национально-освободительного движения. Как для индийской промышленности, национально-освободительного движения, так и для развития литературы хинди, конец

[1] Рецензия на этот перевод дана мною в „Записках Коллегии востоковедов“, т. III, ч. II, стр. 379—390.

XIX в. является периодом осознания собственных сил и XX в. периодом борьбы за независимость. С конца XIX в. литература хинди теснейшим образом связана с развитием национально-освободительного движения.

Весьма большое значение имеет в этом аспекте литературная деятельность Харишчандры (हरिश्चंद्र, 1850—1885). Харишчандра был поэтом, драматургом и публицистом и сумел объединить вокруг себя все крупнейшие силы индусских буржуазных литераторов. Индийский национализм нашел в лице Харишчандры наиболее яркого представителя. Особенно большое значение в этом отношении имела драма Харишчандры „Бхарат-дурдаша“ (भारतदुर्दशा „Тяжкое положение Индии“), где он противопоставил былую мощь независимой Индии бедственному положению ее под гнетом мусульман. Хотя внешне национализм был направлен против мусульман, утративших былое политическое и экономическое значение, однако его аудитория без труда увидела в угнетателях Индии и не только былых господ — мусульман, но и англичан, и это способствовало широчайшей популярности Харишчандры.

Из современных авторов литературы хинди наиболее крупной фигурой является Прем Чанд (प्रेम चंद, род. 1880 г.). Прем Чанд является крупнейшим романистом, произведения которого свидетельствуют с полной убедительностью, что новая литература хинди, преодолев все затруднения процесса освоения новых литературных форм, создает произведения высокого художественного значения. По своим политическим взглядам Прем Чанд примыкает к левым группировкам свараджистов, являясь одной из видных фигур гандистского движения. В своих произведениях он иногда с большой симпатией дает сцены из индийской деревни, мечтающей о Советском Союзе, стране, освободившейся от „гнета царя и заминдаров“ (помещиков). В одном из своих романов он изображает одиночку интеллигента, пытающегося основать земледельческую коммуну. Наиболее крупные его романы „Премашрам“ (प्रेमाश्राम), „Севасадан“ (सेवासदन) и „Рангбхуми“ (रंगभूमि). Весьма большой популярностью пользуются также многочисленные сборники рассказов Прем Чанда.

Весьма заметным романистом является также Джаяшанкар Прасад (जयशंकर प्रसाद) и целый ряд других романистов.

Особенно большим успехом пользуется в современной литературе хинди короткий рассказ. Кроме названных Прем Чанда и Джаяшанкар Прасада в этой области действуют Джваладатта (ज्वालादत्त), Каушик (कौषिक) Сударшан (सुदर्शन) и друг.

Довольно слабым участком современной литературы хинди является драма. Современные драматурги, в целях пропаганды национализма, продолжают пользоваться преимущественно мифологическими и давнеисторическими темами. Даже обращаясь к современности, индусские драматурги создают лишь так наз. литературные драмы, которые предназначены не для постановки, а для чтения. Эти „литературные драмы“ страдают большими длиннотами и отсутствием динамики. Такова, напр., драма Прем Чанда „Борьба“ (संग्राम). Лучшими драматургами являются Джаяшанкар Прасад, Бхадра Натх Бхатта (भद्रनाथ भट्ट), Р. Дж. Шривастав (श्रीवास्तव) и Мадхав Шукла (माधव शुक्ल), лучшая драма которого „Махабхарата“.

На ряду с литературными драмами на хинди существует большое количество чисто постановочных драм. Предназначенные исключительно для сцены, эти драмы с точки зрения литературы не удовлетворяют даже минимальным требованиям. К тому же исполнение этих драм профессиональными актерами заставляет желать многого. Главным достоинством актера считается зычный голос, и один из современных критиков упрекает актеров в том, что они даже в любви изъясняются столь зычным голосом, что напоминают оратора, выступающего перед тысячной аудиторией на митинге.

Поэзия на хинди вплоть до конца XIX в. продолжала пользоваться литературными диалектами, отличными от прозаического языка. Различия эти — фонетические, словарные и морфологические — настолько велики, что фактически проза и поэзия пользовались разными языками. В частности лирика пользовалась и продолжает пользоваться традиционным диалектом брадж. Только в самом конце XIX в. лирика частично переходит на тот же язык кхари боли (खड़ी बोली), которым пользуется проза.

Хотя поэзия на кхари боли имеет лишь небольшую давность, она сделала большие успехи и выдвинула ряд талантливых авторов. Как и другие литературные формы, поэзия хинди проникнута идеями свараджа и создает многочисленные „национальные гимны“, „гимны прялке“ и т. д.

Из представленного краткого очерка явствует, что литература хинди, имеющая богатейшую традицию, корни которой восходят к тому же периоду, который считается периодом классической литературы на санскрите, являлась с древнейших времен созданием небрахманских каст или же создавалась для небрахманских каст. Она развивалась параллельно с „ученой“, чисто брахманской схоластической литературой. Наибольшего развития литература хинди достигает в XVI и XVII вв. В XVIII в., в период разорения Индии европейцами, в частности англичанами, литература хинди приходит в упадок. С переустройством Индии в интересах британского капитала перестраивается и литература хинди. Оставляя старые идеи, старую тематику и даже старые литературные языки, она создает новый прозаический язык и в течение XIX в. усваивает европейские литературные формы. Параллельно с развитием индийской промышленности и ростом национальной буржуазии, вступающей в борьбу с британской индустрией, новая литература хинди, пройдя ученические годы, достигает полной самостоятельности в области новых литературных форм.

ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛ И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА КХАРИ БОЛИ

В развитии современного прозаического языка совершенно исключительная роль принадлежит Лаллу джи Лалу, автору „Прем Сагара“. Как и о подавляющем большинстве авторов различных индийских литератур, о Лаллу джи Лале нам известно чрезвычайно мало. По существу наиболее достоверные сведения о нем ограничиваются несколькими фактами, о которых он упоминает в своем предисловии к „Прем Сагару“, когда он говорит: ज्ञान गिलकिरिस्त महाशय की आज्ञा से संवत १८६० में श्री लल्लू जी लाल कवि ब्राह्मण गुजराती आगरेवाले ने... दिल्ली आगरे की खड़ी बोली में कह नाम प्रेम सागर धरा,[1] т. е. „по распоряжению Джона Гилькхриста (директор Fort William College'a. *А. Б.*) в 1860 г. (Викрамадитьи, т. е. 1803 г. хр. эры) поэт шри Лаллу джи Лал, гуджаратский брахман из Агры... изложив (историю Кришны) на чистом языке Дели и Агры, назвал его (свое произведение) „Прем Сагар“. Таким образом мы знаем, что Лаллу джи Лал принадлежал к одному из гуджаратских брахманских родов, первоначально жил в Агре и Дели. Впоследствии, когда в Fort William'e, т. е. в Калькутте, был основан колледж для обучения английских чиновников местным индийским языкам и были приглашены знатоки различных языков для составления текстов, потребных для целей изучения языка, то Лаллу джи Лал[2] был одним из наиболее видных специалистов этого рода. Он развил обширную литературную деятельность и дал ряд книг, имевших весьма большое значение для последующего развития языка и литературы хинди. Согласно индийскому труду по истории литературы — Мишрабандху Винода[3] मिश्रबंधुविनोद् он родился около 1820 г. Викрамадитьи, т. е. около 1763 г. хр. эры, был в живых в 1825 г. и в зрелом возрасте проживал в Муршидабаде и Калькутте. Более подробные биографические данные о Лаллу джи Лале даются в предисловии к „Прем Сагару“, изданному Бенаресской „Каши Нагари Прачарини Сабха“ (काशी नागरी प्रचारणी सभा). Эти же данные повторяются в статье Шьям Сундар Даса „Основоположники современного прозаического хинди“.[4] Шьям Сундар Дас говорит, что настоящее имя Лаллу джи Лала было Лаллу Лал (लल्लू लाल) или Лал Чанд (लाल चंद), или

[1] Lallu ji Lal. Prem Sagar. Ed by E. B. Eastwick. Hertford, 1851, p. 1.

[2] रामचंद्रशुक्ल. हिंदी साहित्य का विकास. В हिंदी शब्दसागर, т. 7, стр. २१२.

[3] मिश्रबंधुविनोद् अथवा हिंदी साहित्य का इतिहास तथा कवि-कीर्तन. द्वितीय भाग, द्वितीय बार, стр. ८९२.

[4] बाबू श्यामसुंदर दास. आधुनिक हिंदी गद्य के आदि आचार्य. नागरी प्रचारिणी पात्रिका (नवीन संस्करण), भाग ६—अंक १, पृ० १७—२३.

Лаллу джи (लल्लू जी), литературный псевдоним „Лал Кави“ (लाल कवि). Его отец Чайнсукх джи (चैन सुख जी) жил в большой бедности. Лаллу джи был старшим из его сыновей и родился приблизительно в 1763 г. Уже в доме отца Лаллу Лал изучил санскрит, персидский язык и брадж, но вследствие бедности и ранней смерти отца его образование осталось незаконченным. Он не сделался ни крупным знатоком санскрита, ни большим специалистом в области персидского языка. Прекрасно изучил он только брадж и разговорный язык Агры. После смерти отца Лаллу джи жил в крайней бедности и в поисках средств существования провел значительную часть жизни в скитаниях, весьма часто предлагал свои услуги, как поэт, различным феодальным владетелям. По разным причинам однако ему не удалось устроиться надолго ни при одном дворе, и только поступление на службу Ост-Индской компании, в качестве преподавателя хинди и автора книг на этом языке, обеспечило ему относительно безбедное существование. Особенно улучшилось его положение после того, как он спас одного из чиновников компании, тонувшего в Ганге. В награду за свое спасение чиновник оказал Лаллу джи Лалу материальную поддержку и помог ему открыть типографию. Лаллу джи Лал ревностно принялся за печатное дело и стал издавать свои произведения. Исключительная тщательность изданий и чистота языка завоевали его печатной фирме, которую он назнал „Санскрит-Пресс“ (संस्कृत प्रेस), широкую популярность, благодаря чему цена на его „Прем Сагар“ постепенно возросла с 15 рупий до 30 рупий. Даже в настоящее время эти издания „Прем Сагара“ считаются лучшими.

Лаллу джи Лал прослужил 24 года в качестве преподавателя Fort William College'a и в 1825 г., получив пенсию, переселился в Агру. В Агру он перевез и свою типографию, намереваясь продолжать свою издательскую деятельность. Однако вследствие различных затруднений ему пришлось со своею типографией вернуться в Калькутту. Скоро после возвращения в Калькутту Лаллу джи Лал умер.

Согласно G. A. Grierson'y[1] Лаллу джи Лалу принадлежат следующие произведения:

1) Prem Sagar, перевод которого дается ниже.

2) Lataif-i-Hindi, сборник 100 рассказов на урду, хинди и брадже, который, согласно Garcin'y de Tassy[2] был напечатан в Калькутте под названием „The new Cyclopaedia Hindustanica“. Значительная часть этого труда была перепечатана Carmichael Smith'ом в Лондоне.

3) Rājnīti или Bārttik Rājnīti, перевод на брадж. Написан в 1812 г. хр. эры.

[1] G. A. Grierson. The Modern Vernacular Literature of Hindustan. Calcutta, 1889, pp. 132—135.

[2] Garcin de Tassy. Histoire de la Littérature Hindoui et Hindoustani, t. I, Paris, 1839, p. 309.

4) Sabhā Bilās — антология из произведений знаменитых поэтов, писавших на брадже.

5) Mādhav Bilās — произведение в настоящее время, видимо, утраченное.

6) Lāl Candrikā — подробный комментарий на Sat Saī поэта Бихāри Лала.

7) Maçārdir-i-Bhākhā, которое G. Grierson определяет так: a grammatical work on the Hindi Language, in prose and in the Nagari character. Garcin de Tassy says that a copy exists in the Library of the Asiatic Society of Bengal".

8) Singhāsan Battīsī, переведенный с браджа Лаллу джи Лалом в сотрудничестве с Мирзой Казимом Али.

9) Baitāl Pacīsī, сборник рассказов, переведенных ранее Suratī Misar'ом с санскрита на брадж. С браджа перевод сделан Лаллу джи Лалом в сотрудничестве с Mazhar 'Alī Khān Wilā.

10) Повесть Mādhonāl или Mādhabānal. Издана в сотрудничестве с Mazhar'Alī Khān Wilā. Санскритская версия повести относится к 1530 г.; версия на брадже, с которой сделан перевод, относится к 1683 г.

11) Çakuntalā — повесть. Издана Лаллу джи Лалом в сотрудничестве с Kazim Alī Jawān'ом.

Из всех этих произведений Лаллу джи Лала „Прем Сагар", несомненно, является наиболее важным. Он написан на наиболее простом и изящном прозаическом языке и является первым крупным произведением на прозаическом хинди, от которого идет непрерывная литературная традиция на этом языке. Поэтому Лаллу джи Лал вместе с мунши Садасукх Лалом (सदासुख लाल) и Садал Мишрой (सदल मिश्र), который так же, как и Лаллу джи Лал, состоял на службе в Fort William College'e, считаются основоположниками прозаического хинди. И, несомненно, наибольшая заслуга в утверждении этого языка принадлежит Лаллу джи Лалу, в частности большую историческую роль сыграл его „Прем Сагар".

Большое историческое значение „Прем Сагара" объясняется не только крупными художественными достоинствами этого произведения, но особенно тем, что его простой язык был в дальнейшем положен в основу обучения в школах. Таким образом язык „Прем Сагара" сделался образцом, на котором воспиталось несколько поколений последующих литературных деятелей.

Вопрос о языке Лаллу джи Лала и его историческом значении вырос в настоящее время в довольно сложную проблему, которая разрешается по разному. Дело в том, что различные английские авторы считают прозаический хинди „изобретенным англичанами" (English invented language). В частности Г. Грирсон в предисловии к своей истории литературы, обращаясь к началу XIX в., говорит:[1] „It was the period of the birth of the

[1] G A. Grierson, op. cit., p. 22.

Hindi Language, invented by the English, and first used as a vehicle of literary prose composition in 1803, under Gilchrist tuition, by Lallu ji Lal, the author of the Prem Sagar". В дальнейшем изложении, в десятой главе он говорит:[1] „In 1803, under Gilchrist's tuition, Lallu ji Lal wrote the Prem Sagar in the mixed Urdu Language of Akbar's camp-followers and of the market where men of all nations congregated, with this peculiarity, that he used only nouns and particles of Indian, instead of those of Arabic or Persion, origin. The result was practically a newly-invented speech; for though the grammar was the same as that of the prototype, the vocabulary was almost entirely changed. This new language, called by Europeans Hindi, has been adopted all over Hindustan as the lingua franca of Hindus, for a want existed which it fulfilled".

В этих словах Г. Грирсона два факта вызывают большое недоумение. Во-первых, даже теоретически весьма необычным представляется факт „изобретения" иностранцами литературного языка для такой обширной страны, как Индия с ее давней культурой. Совершенно непонятно, как и почему через несколько лет после этого „изобретения" весьма многочисленные местные авторы пользуются этим языком и находят обширный по тому времени круг читателей. Совершенно невероятным представляется факт принятия в качестве lingua franca языка якобы „изобретенного" директором колледжа в Fort William. Во-вторых, сам Грирсон указывае на весьма скромную форму изобретательства: дело идет об ограничении употребления персидских и арабских элементов, вместо которых стали употребляться слова индийского происхождения. Таким образом „изобретательство", даже согласно мнения Г. Грирсона, выразилось лишь в форме частичного изменения лексики. Эти изменения в лексике, если иметь в виду литературный урду того времени, в весьма сильной степени насыщенный персидскими и арабскими элементами, могут представляться весьма значительными, но нужно иметь в виду, что разговорный язык, несомненно, употреблял мусульманские элементы в размерах во много раз более скромных. Таким образом даже и изменения в лексике — по сравнению с разговорным языком — не были, повидимому, радикальными.

Кроме того, разговоры об „изобретении нового языка" противоречат прямому свидетельству самого Лаллу джи Лала. В предисловии к своему труду Лаллу джи Лал говорит, что он написал свой труд यामनी भाषा छोड़ दिल्ली आगरे की खड़ी बोली में कह, т. е. „отбросив мусульманский язык (т. е. мусульманские лексические элементы), ведя повествование на чистом языке Дели и Агры".....

Таким образом по прямому свидетельству Лаллу джи Лала ни о каком „изобретательстве" нового литературного языка не может быть и речи. В литературное обращение был введен язык столицы Индии — Дели. Из этого могло следовать, что англичане оказали поддержку наиболее

[1] Op. cit., p. 110.

распространенному в то время языку Индии, в его наиболее чистой форме, которая употреблялась в столице страны. Этим можно было объяснить и то, что ряд авторов, приглашенных Гильхристом для создания новых текстов, в том числе и Лаллу джи Лал, происходили из Дели или из Агры.

Притязания англичан на изобретение для Индии нового литературного языка вызвали большую оппозицию со стороны индусов. Их возражения идут по двум линиям. С одной стороны, указывают, что kharī bolī (खड़ी बोली), т. е. прозаическая форма хинди, употреблялась задолго до Лаллу джи Лала. С другой стороны, стараются доказать, что язык Лаллу джи Лала не может быть признан чистым хинди, и, следовательно, не с „Прем Сагара“ нужно начинать традицию употребления kharī bolī, как литературного языка.

Возражения индусов против положения, выставленного англичанами, в наиболее систематической форме представлены в курсе языкознания (भाषा विज्ञान) Шьям Сундар Даса (श्याम सुंदर दास).

Шьям Сундар Дас указывает,[1] что язык, фонетически и морфологически тожественный с кхари боли (खड़ी बोली), употреблялся еще в XIII в. Амиром Хусро (1256—1325) в его мелких произведениях. Помимо мусульман, кхари боли употребляется также рядом поэтов индусов: Кабиром, Нанаком, Даду, Бхушаном и т. д. Так, Бхушан (1613—1715) пользуется им в нескольких местах своей поэмы „Шивабавани“ (शिवाबावनी). Равным образом поэты Ситал (1723), Лал Кишори (середина XVIII в.) также пользуются этим языком в своей поэзии. Это доказывает, по мнению Шьям Сундар Даса, что кхари боли был широко распространен уже в XVI столетии, хотя и мало употреблялся в литературе.

Отвергнув положение о недавнем происхождении кхари боли, Шьям Сундар Дас находит неправильным утверждение, что Лаллу джи Лал является основоположником прозаического хинди. Он говорит: „लल्लू जी लाल किंदी गद्य के जन्मदाता माने जाते हैं। वास्तव में उन्हों ने किंदी गद्य को आधुनिक रूप नहीं दिया। उनके और पहले का मुं० सदासुख के लिखे भागवत का किंदी अनुवाद „सुखसागर“ वर्त्तमान है। उसका कुछ अंश नीचे उध्दृत करके हम यह दिखलाना चाहते हैं कि लल्लू जी लाल के पहले ही किंदी गद्य का आरंभ हो चुका था“ «Лаллу джи Лал почитается основоположником прозы хинди. В действительности же не он дал прозе хинди ее нынешнюю форму. Сохранился перевод на хинди „Бхагаваты“ под названием „Сукхсагар“, написанный Садасукхом. Давая небольшой образец его, мы можем показать, что уже до Лаллу джи Лала положено было начало прозаическому хинди».[2]

Шьям Сундар Дас, повидимому, сам сознает слабость этого возражения, так как Садасукх (1746—1824) является современником Лаллу джи

[1] श्याम सुंदरदास. भाषाविज्ञान, काशी, सं० १९८१.

[2] भाषाविज्ञान, प०३४८.

Лала (1753—1825), и разница в несколько лет, протекших между написанием упомянутого им перевода Садасукха и написанием „Прем Сагара“, конечно, не может иметь никакого серьезного значения.

Он мог бы с большей убедительностью использовать факт близости языка обоих названных авторов для доказательства того, что прозаический хинди не является „новоизобретенным“ языком.

С другой стороны, факт наличия упомянутого перевода Садасукха ничего не говорит о его последующей роли. „Сукхсагар“ был скоро забыт и совершенно ясно, что его язык никоим образом не мог воздействовать на упрочение традиции употребления прозаического хинди. В противоположность этому „Прем Сагар“ вошел в самое широкое употребление, сделался книгой, на которой воспитывались и воспитываются широкие круги грамотного населения, и именно в этом его историческое значение.

Поддерживая свое положение, что Лаллу джи Лал не является основоположником прозаического хинди, Шьям Сундар Дас указывает, что Садал Мишра (सदल मिश्र) и Инша Алла Кхан (इंशा अल्ला खाँ), современники Лаллу джи Лала, писали на кхари боли, более чистом и красивом, чем язык Лаллу джи Лала. В доказательство „недостаточной чистоты и красоты“ языка Лаллу джи Лала Шьям Сундар Дас приводит употребление разных вариантов одной и той же формы, вариантов, имеющих одно и то же значение. Он дает образцы форм абсолютива, а именно, употребление Лаллу джи Лалом форм: बोल, बोलकरि, बोलके बोलकरिके, करिके, करि, बुलाय, बुलायकरि, बुलायकरिके и т. д. Это возражение совершенно отпадает за своей несерьезностью, так как даже в современном стандартизованном прозаическом хинди вполне нормально употребление по меньшей мере четырех форм абсолютива, вроде बोल, बोलकर, बोलके बालकरके, и употребление любой из этих форм никому не может быть поставлено в вину. Совершенно понятно, что в памятнике, написанном в самом начале XIX в., могло быть большее разнообразие форм.

На основании представленных фактов мы должны отвергнуть выставленное английскими исследователями положение об „изобретении“ англичанами прозаического хинди, языка, являющегося в настоящее время lingua franca всей северной Индии. Традиция употребления этого языка в литературе восходит к XIII в. Несомненно, эта идиома уже в указанный период служила разговорным, деловым и торговым языком, спорадически просачиваясь и в поэзию хинди, где господствовали другие диалекты.

Равным образом надлежит отвергнуть выставленное индусами, в частности Шьям Сундар Дасом, положение, что не Лаллу джи Лал, а другие авторы являются основоположниками прозаического хинди, так как тот факт, что существуют произведения немногих авторов, написанные на несколько лет раньше до „Прем Сагара“ или одновременно с ним, ни в коей мере не говорит за их историческую роль. Названные Шьям

Сундар Дасом авторы скоро были забыты, и их влияние на последующее развитие прозаического хинди тем самым свелось к нулю, меж тем как значение „Прем Сагара“ Лаллу джи Лала с каждым днем возрастало.

Что касается роли англичан в создании нового прозаического языка, то она выражается во-первых в том, что они, действуя в своих интересах, оказали значительную поддержку популяризации уже существовавшего до них языка. Эта поддержка была тем более значительной, что созданные под их покровительством книги были одними из первых книг, оформленных печатно, так как до англичан печать в Индии не существовала.

Во-вторых, англичане создали не самый язык, а призвали к деятельности нарождавшийся класс буржуазии, который с большим успехом стал в дальнейшем развивать прозаический язык, как необходимое для него орудие буржуазной прессы, литературы и т. д. Все дальнейшее развитие литературного хинди теснейшим образом связано с развитием новой буржуазии, созданной европейским капиталом.

„Прем Сагар“ написан прозаическим языком не полностью. Не менее десятой части этого труда написано стихами, причем в стихах употребляется не кхари боли, а брадж, — диалект, в значительной мере отличный от кхари боли. Если, изучив современный прозаический хинди, можно без особых затруднений читать прозаическую часть труда Лаллу джи Лала, то понимание его стихотворных элементов представляет значительные трудности и требует знакомства с фонетикой, морфологией и лексикой браджа, во многих случаях отличающихся от кхари боли. Поэтические элементы „Прем Сагара“ не всегда написаны самим Лаллу джи Лалом. В некоторых случаях он использовал произведения предшествующих поэтов, как, напр., Сур Даса, Бихари Лала Чаубе и других. Напр.,

जप माला छापा तिलक सरै नए कौ काम
मन काचे नाचे वृथा साचे राचे राम

„Молитвы, четки, чхапа, тилак не обладают силой никакой!
Незрелые умом напрасно пляшут! Угодны Хари чистые душой“
(*Прем Сагар, гл. 30 из Бихари Лала*).

Стихи у Лаллу джи Лала выступают в тех случаях, где он, как в приведенном примере, высказывает в художественно отделанной форме широко известные положения, ставшие поговорками, либо передает стихами те моменты своего повествования, которые наиболее насыщены эмоционально. Напр.:

श्री शुकदेव मुनि बोले, राजा। जब श्री कृष्णचंद ने इस ढब से रस के वचन कहे, तब तो सब गोपियां रिस छोड़ प्रसन्न हो उठ हरि से मिल भांति भांति के सुख मान आनंद मगन हो कुतूहल करने लगीं, तिस समै।

कृष्ण जोगमाया ठई, भये अंस बहु देह
सब कौं सुख चाहत दियौ लीला परम सनेह।

जितनी गोपियां थीं तितनी ही शरीर श्री कृष्णचंद ने धर उसी रास मंडल के चौंतरे पर सब को साथ ले फिर रास विलास का आरंभ किया।

दै दै गोपी जोरे हाथा तिनके बीच बीच हरि साथा।
अपनी अपनी ढिग सब जाने, नहीं दूसरे कौं पहिचाने॥
अंगुरिन में अंगुरी कर दिये, प्रफुलित फिरें संग हरि लिये।
बिच गोपी बिच नंदकिशोर सघन घटा दामिनि चहुं ओर।
श्याम कृष्ण गोरी ब्रजबाला मानहुं कनक नीलमनि माला॥

Шри Шукадев джи муни так сказал: „Царь! Когда шри Кришначандра произнес такое слово полное любви, тогда то все пастушки, забыв свой гнев, исполнившися радости, все встали; приблизившися к Хари, испытали все многообразнейшую радость и погруженные в блаженство, занялись игрой. В тот час

Шри Кришна создал майю множества частей:
Один, он разделился сам на много тел
И каждой дал он радость, сколь она хотела:
В любви и чудесах ведь Кришне нет предела!

И сколько было там пастушек, столько ж образов шри Кришначандра принял и, взяв с собою всех на хороводный круг, он снова начал хороводную игру

Сплели пастушки руки с Кришною великим,
Меж каждых двух пастушек Кришна темноликий!
И каждая считала, что он близ нее,
Не видела, что Кришна с каждою вдвоем!
У каждой пальцы нежно с пальцами сплетались,
И расцвели все пары, все кружатся с Хари,
Меж каждых двух пастушек пляшет Нанды сын,
Как молния меж тучек, блещет он один!
Все жены Браджа белы, Кришна темноликий:
В гирлянде сочетались с золотом сапфиры!“

(*Гл. 34*)

В стихотворной части своего труда Лаллу джи Лал пользуется наиболее широко употребительными в поэзии хинди размерами, а именно: а) дохой (dohā दोहा), чаупаи (caupāī चौपाई) и соратхой (soraṭhā सोरठा).

Как известно, метрические формы этих размеров следующие: а) Доха (dohā दोहा) — состоит из четырех частей, чарана (caraṇa चरण), причем первая и третья чарана содержат три стопы, состоящих соответственно из 6, 4 и 3, всего 13 тактов, меж тем как вторая и четвертая чарана состоят из трех стоп, содержащих соответственно 6 + 4 + 1, т. е.

всего 11 тактов. Таким образом вся доха состоит из 13 + 11 + 13 + 11 тактов, а именно:

– ◡◡ – | ◡◡ – | ◡◡◡	т. е. 6 + 4 + 3
◡◡◡◡ – | – – | ◡	„ 6 + 4 + 1
◡◡ – ◡◡ | ◡◡ – | ◡◡◡	„ 6 + 4 + 3
◡◡ – ◡◡ | ◡◡ – | ◡	„ 6 + 4 + 1

При этом должно заметить, что рифмой связаны между собою только вторая и четвертая чараны.

Чаупаи (caupā'ī चौपाई) состоит из четырех чарана, причем каждая чарана содержит 16 тактов. Распределение долгот и краткостей в пределах каждой чаупаи совершенно свободно, важно лишь сохранение количества тактов. Единственное ограничение чаупаи состоит в том, чтобы последняя строфа состояла либо из одного долгого, т. е. —, либо из двух кратких, т. е. ◡◡, но долгий слог в этом положении не может предшествовать краткому.

Соратха (soraṭhā सोरठा) представляет собою переставленную доху, т. е. первая и третья чараны дохи становятся в соратхе вторыми и четвертыми, и наоборот, вторая и четвертая чараны в соратхе становятся первой и третьей. Таким образом вместо формулы: 13 + 11 + 13 + 11 (как в дохе), в соратхе являются 11 + 13 + 11 + 13, а именно:

◡◡◡ – ◡ | ◡◡ – | ◡	т. е. 6 + 4 + 1 = 11
◡◡◡ – ◡ | – ◡◡ | ◡◡◡	„ 6 + 4 + 3 = 13
◡◡◡ – ◡ | ◡◡ – | ◡	„ 6 + 4 + 1 = 11
◡◡ – ◡◡ | – ◡◡ | ◡◡◡	„ 6 + 4 + 3 = 13

В соответствии с произведенной перестройкой изменяется также способ рифмовки, т. е. рифмуется первая чарана с третьей, а вторая с четвертой.

Даже прозаическая часть повествования написана прозой, которая в сильной мере приближается к стихам, так как в прозу часто привносится ритм, правда довольно свободный, лишенный связанной однообразности. Этой ритмичности в значительной степени способствует сам синтаксис прозаического хинди, где глагольные личные формы занимают конец фразы, а также фонетическое построение глагольных форм, всегда оканчивающихся на долгие гласные. Довольно часто к ритму, который во многих случаях, как упомянуто, объясняется самими принципами построения фразы и построения глагольных форм, присоединяется, в прозаических частях повествования, также и рифма, и тем самым часто теряется граница между прозаической и стихотворной частями повествования. Напр.:

जौ वे घर में न आने दें फिर कहां बसें (Prem Sagar[1] стр. 40).

И где нам жить потом, когда они не пустят нас в свой дом (*Гл. XXIV, стр. 46*).

Забыть про все страдания, жить лишь надеждой на свиданье! (*Там же*).

И все, в чем теплится сознанье, страдает тяжко без тебя, без лицезренья, без касанья! (*Гл. XLVIII, стр. 113*).

Ничьих ты не стыдишься слов! Прими меня и дай мне кров! (*Гл. LVIII, стр. 161*).

Кто со шри Кришной во вражду вступил, тот долго никогда не жил! (*Там же*).

Вся прозаическая часть повествования испещрена подобного рода фразами, не только ритмованными, но и осложненными рифмой.

Во многих случаях ритм и рифма используются как эмфатические средства для достижения большей экспрессивности, для подчеркивания мысли, эмоционально или логически возвышающейся над общим уровнем прозаического повествования. Однако в ряде случаев мы можем видеть в рифме и ритме влияние всей предшествующей литературной традиции. Вся литература на хинди вплоть до конца XVIII в. развивалась в поэтической форме, и Лаллу джи Лал, несомненно, получил свое литературное образование на этой стихотворной традиции. Таким образом ему, очевидно, приходилось искать элементы прозаического стиля, меж тем как элементы поэтического стиля давались сами собой. Такая же борьба за овладение прозаическим стилем наблюдается и у ряда других авторов, у которых помимо поэтических строф, вкрапленных в прозаическое повествование, также спорадически встречаются элементы, осложненные ритмом и рифмой. Должно сказать, что только к концу XIX в. прозаический стиль хинди окончательно эмансипируется от влияния предшествующей многовековой поэтической традиции.

„ПРЕМ САГАР“ ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Если в отношении языка „Прем Сагар“ является произведением, которым начинается новый период в развитии литературы хинди, то в отношении содержания „Прем Сагар“ целиком находится во власти предшествующей традиции. „Прем Сагар“ представляет собою повествование о жизни Кришны, легенды о котором в течение нескольких тысячелетий составляли в Индии предмет художественного творчества.

Кришна выступает уже в одной из наиболее древних частей „Махабхараты“, в поэме, инкорпорированной в эту эпопею и носящей название „Бхагавадгита“ (भागवद्गीता), создание которой относится обычно к IV в. до хр. эры. Однако Кришна „Бхагавадгиты“ в сильной мере отличен

[1] Страницы по изданию E. B. Eastwick'a.

от Кришны, представленного в „Прем Сагаре“, по крайней мере от Кришны-пастуха, выступающего в первой части „Прем Сагара“. По мнению R. G. Bhandarkar'a,[1] отожествление высочайшего божества вишнуитской религии Вишну с Кришной пастухом (कृष्ण-गोपाल) произошло не позже первого века хр. эры, и с той эпохи Кришна-пастух является любимым образом вишнуитской литературы, и легенды о нем служат неисчерпаемым источником художественного творчества на всех языках Индии как старых, так и новых.

Легенды о Кришне нашли художественную обработку в последней книге „Махабхараты“, носящей название „Хариванша“ (हरिवंश) и в целом ряде других художественных произведений, из которых наиболее важным является „Бхагавата Пурана“, изданная в прошлом веке E. Burnouf'ом.[2]

Пуранами называются эпические произведения, созданные на санскрите в послебуддийский период между IV и XII вв. хр. эры. Пураны созданы различными сектами индуизма. В них нашли художественную обработку огромное количество легенд как известных уже из „Махабхараты“ и „Рамаяны“, так и не вошедших в эти поэмы. Значительная часть этих легенд восходит к самой отдаленной древности. Помимо этого, в пуранах дается в причудливом сплетении целый ряд философских и религиозных систем.

Пураны до настоящего времени мало изучены и привлекают мало внимания исследователей, хотя имеют исключительное значение для развития последующей литературной традиции и для изучения индийских религиозных систем и индийской философии. Об огромном значении пуран говорят многие авторы. Недавно Глазенапп[3] в своей книге об индуизме говорит о них следующим образом: „На ряду с обеими поэмами пураны в настоящее время являются главным источником религиозных верований индусов, и их влияние на жизнь и мышление народа огромно. Благодаря переводам на народные языки, их содержание стало известно в самых жалких хижинах, и исполнение их профессиональными певцами познакомило с ними широкие народные массы неграмотного населения“.

Причина малой популярности пуран среди европейских исследователей коренится в том, что над ними довлеет традиционная брахманская точка зрения, согласно которой пураны почитаются литературой второго сорта, так как чтение их дозволено низшим кастам и женщинам: пураны почитаются ведами низших каст. В отношении непопулярности среди ортодоксального брахманства пураны имеют такую же судьбу, как и новоиндийские литературы. С большой долей уверенности мы можем сказать, что пураны в своем первоначальном виде были созданы, как и новоиндийские литературы, небрахманскими кастами. Впоследствии брахманство подвергло их переработке в желательном для него духе, повсюду выпячивая требование почитания брахманов и особенно необходимость давать им дары. Это превознесение брахманства весьма часто стоит в полном противоречии с основным текстом пуран или произведений, связанных с ними, в чем легко убедиться в частности при чтении текста „Прем Сагара“.

[1] R. G. Bhandarkar. Vaiṣnavism, Çaivaism and minor religious systems. Strassburg, 1913.
[2] Le Bhagavata Purana ou Histoire poétique de Krichna, traduit et publié par M. Eugène Burnouf. T. I, MDCCCXL, t. IV. M. Hauvette Besnault. Paris, MDCCCLXXIV.
[3] H. O. Glazenapp. Der Hinduismus. München. n/d, S. 201.

Из восемнадцати пуран, из которых некоторые достигают огромных размеров, десять посвящено Вишну и его аватарам (перерождениям).

Из пуран, посвященных Вишну, наиболее важной и наиболее популярной является „Бхагавата Пурана“.

В предисловии к первому тому „Бхагаваты Пураны“ E. Бюрнуф говорит: «После вед, „Рамаяны“ и „Махабхараты“ нет произведений, пользующихся (в Индии) такой известностью, как пураны, и среди восемнадцати пуран ни одна не пользуется бóльшим уважением и известностью, чем Бхагавата».[1] Этот факт подтверждается и всеми последующими авторами, касавшимися вопроса о „Бхагавате Пуране“. Несмотря на общепризнанное исключительное значение „Бхагаваты Пураны“, она и до сих пор остается мало изученной.

Туземная традиция приписывает создание „Бхагаваты Пураны“, равно как и других пуран, Вьясе, легендарному автору Махабхараты, однако в самой Индии давно был распространен взгляд, что автором ее является Вопадева, живший во второй половине XIII в. Этой традиции следовали Colebrooke, Wilson и сам P. E. Burnouf. Однако целый ряд данных позволил Bhandarkar'y, а за ним и Farquhar'y,[2] отнести создание „Бхагаваты Пураны“ к началу X в. хр. эры.

Все авторы согласны с E. Burnouf'ом в том, что хотя „Бхагавата Пурана“ является относительно поздним произведением, но в основе ее лежит старая, весьма древняя пурана.[3]

Центральной и наиболее популярной книгой „Бхагаваты Пураны“ является десятая, в которой описываются детство и юность Кришны-пастуха. Ряд авторов, например H. V. Glasenapp,[4] J. H. Farquhar[5] и другие отмечают, что „Бхагавата Пурана“ переведена почти на все современные индийские языки. В частности G. A. Grierson в своей истории литературы хинди указывает[6] ряд произведений на различных диалектах хинди, произведений, восходящих к „Бхагавате Пуране“: «О Сур Дасе говорят, что он перевел всю ее, но его перевод не дошел до нас. Согласно Ward'y... Прем Дас был автором „Бхагаваты“ на диалекте Бундель-

[1] Le Bhagavata Purana. LII.
[2] J. N. Farquhar. An Outline of the Religious Literature of India. Oxford, 1920, p. 231.
[3] Le Bhagavata Purana CXII.
[4] H. V. Glasenapp. Hinduismus, 210.
[5] J. N. Farquhar, p. 291.
[6] G. A. Grierson. The Modern Vernacular Literature of Hindustan. Calcutta, 1889, pp. 134—135.

кханда.... Garcin de Tassy... упоминает некоего Бхупати, каястху, который был автором стихотворного перевода „Бхагаваты“ на хинди под названием Sri Bhagavat... В India office Library имеется также „Бхагавата“ в стихах хинди: книга носит название „Pothi Bhagavat“... Махараджа Рагху Радж Сингх, глава княжества Бандхо, был автором вызывавшего восхищение перевода „Бхагаваты Пураны“, носящего название „Anandambudhi“. Можно упомянуть также Крипа Раму, который перевел всю пурану...

Десятая книга этой пураны, говорящая о жизни Кришны, наиболее популярна и часто переводилась. „Прем Сагар“ является наиболее известной версией и могут быть упомянуты также версии Чатур бхуджа Мишры и Нанда Даса... Krisna Kallol поэта Мана также, повидимому, принадлежит к этой группе. Другой перевод принадлежит Лоне Сингху. Garcin de Tassy упоминает произведение, озаглавленное Pothi Dasam Iskand..., принадлежащее некоему Фарзанду Кули, один экземпляр которого имеется в библиотеке Fort William College Library. В той же библиотеке имеется третий экземпляр, озаглавленный Sri Bhagavat Dasam Iskandh, и четвертый на хинди хранится в India Office Library под этим же названием. Согласно тому же автору, Прем Кесвар перевел двенадцатую книгу этой пураны, и один экземпляр этого произведения хранится в India Office Library».

Эта длинная цитата из труда Гирсона в достаточной мере свидетельствует, насколько многочисленны „переводы“ и переделки „Бхагаваты Пураны“ на хинди. В настоящее время этот список можно было бы значительно увеличить.

Следуя широко распространенному взгляду, M. Winternitz [1] в третьем томе своего труда по истории индийской литературы говорит, что десятая книга „Бхагаваты Пураны“ „была переведена на брадж, а в XIX в. с браджа была переведена Лаллу джи Лалом на хинди“ и издана под названием „Прем Сагар“ — „Океан Любви“. Называя „Прем Сагар“ переводом десятой книги „Бхагаваты Пураны“, M. Winternitz, сам не занимавшийся новыми литературами, не заглянул даже в историю литературы Г. Гирсона, который говорит,[2] что Лаллу джи Лал называет свое произведение переводом версии десятой книги „Бхагаваты Пураны“, версии, написанной на языке брадж.

Совершенно очевидно, что M. Winternitz'y не было известно предисловие самого Лаллу джи Лала, который говорит: [3]

एक समैं व्यास देव कृत श्रीमद्भागवत के दसमस्कंध की कथा को चतर्भुज मिश्र ने... ब्रजभाषा किया... श्री लल्लू जी लाल कवि ब्राह्मण गुजराती... विसका सार ले... खड़ी बोली में कह नाम प्रेम सागर धरा।

[1] M. Winternitz. Geschichte der indischen Literatur. Leipzig, Bd. III, 1920, SS. 590—591.
[2] Grierson, op. cit., p. 132.
[3] Lallu ji Lall. Prem Sagar. Ed. by E. B. Eastwick. Hertford, MDCCCLI, p. I.

т. е. «Чатурбхудж Мишра перевел... на язык брадж сказание десятой главы славной „Бхагаваты“, сочиненной некогда Вьясадевом. Поэт шри Лаллу джи Лал, гуджаратский брахман, взяв его основное содержание (सार ले) и передав на языке кхари боли, назвал „Прем Сагар“».

Таким образом Лаллу джи Лал признает, что его труд является передачей „сущности“ (सार) десятой книги „Бхагаваты Пураны“, причем посредствующим звеном было произведение Чатурбхудж Мишры, автора XVI в.

„Прем Сагар“ известен в европейской литературе давно. Главнейшие легенды первой части его перевел Garcin de Tassy в своей истории литературы хинди и хиндустани.[1] Полный перевод „Прем Сагара“ на английский язык дан несколько позже E. B. Eastwick'ом [2] и Pincott'ом.[3] К сожалению, ни одного из этих английских переводов в Ленинграде нет. В конце XIX в. появился также полный перевод на французский язык, исполненный E. Lamairesse'ом.[4] Перевод Ламересса значительно уступает прекрасному переводу Garcin de Tassy. По существу труд Ламересса является не переводом, а пересказом „Прем Сагара“.

Несмотря на то, что оба памятника, т. е. „Бхагавата Пурана“ и „Прем Сагар“ известны давно, никто не ставил вопроса, в каком отношении стоят друг к другу эти памятники. Обычно довольствовались принятым на веру утверждением, что „Прем Сагар“ является переводом десятой книги „Бхагаваты Пураны“. Несколько месяцев тому назад я сделал доклад на сессии Академии Наук,[5] где на основании сличения текста десятой книги „Бхагаваты Пураны“ и „Прем Сагара“, главным образом первой части ее, в которой изображается Кришна-пастух, пришел к следующим выводам:

1) В „Бхагавате Пуране“ и в „Прем Сагаре“ Лаллу джи Лала описываются одни и те же события из жизни Кришны и почти в одинаковой последовательности, но все события в обоих произведениях описываются в разной форме. Для иллюстрации даем по небольшой выдержке из „Прем Сагара“ и „Бхагаваты Пураны“.

„Прем Сагар“, гл. 6.

जितने गोकुल के गोप ग्वाल थे वे भी अपनी नारियों के सिर पर दहड़ियां लिवाये, भांति भांति के भेष बनाये, नाचते गाते नन्द को बधाई देने आये; आते ही ऐसा दधिकादौं किया कि सारे गोकुल में दही दही कर दिया; जब दधिकादौं खेल चुके तब नन्द जी ने सब को खिलाय, पिलाय, बागे पहराय, तिलक कर, पान दे, बिदा किया т. е. „Все пастухи, что жили в Гокуле, поставили на головы своих супруг кувшины с просто-

[1] Garcin de Tassy. Histoire de la Littérature Hindoui et Hindoustani. T. II, Paris, MDCCCXLVII, pp. 76—214.
[2] E. B. Eastwick. Prem Sagar. Hertfort, 1851.
[3] Prem Sagar. Transl. by Pincott. Westminster, 1897.
[4] Le Prem Sagar. Océan d'Amour. Traduit par E. Lamairesse. Paris, 1893.
[5] Легенды о Кришне. „Бхагавата Пурана“ и „Прем Сагар“ Лаллу джи Лала.

квашей, все нарядились по разному и с пением и пляскою пришли поздравить Нанду. Придя к нему, они устроили такую дадхикадаун, простоквашную игру, что потонул весь Гокуль в простокваше. Когда окончилася простоквашная игра, то Нанда джи, всех накормив и напоив и одарив прекрасными одеждами, дав тилак и бетель, отпустил их".

Бхагавата Пурана, X кн., гл. V.

महार्हवस्त्राभरणकञ्चुकोष्णीषभूषिताः।
गोपाः समाययू राजन् नानोपायनपाणयः॥ ८॥
गोप्यश्चाकर्ण्य मुदिता यशोदायाः सुतोद्भवं।
आत्मानं भूषयांचक्रुर्वस्त्राकल्पाञ्जनादिभिः॥ ९॥
नवकुङ्कुमकिञ्जल्कमुखपङ्कजभूतयः।
बलिभिस्त्वरितं जग्मुः पृथुश्रोण्यश्चलत्कुचाः॥ १०॥
गोप्यः सुमृष्टमणिकुण्डलनिष्ककण्ठ्यश्
चित्राम्बराः पथि शिखाच्युतमाल्यवर्षाः।
नन्दालयं सवलया व्रजतीर्विरेजुर्
व्यालोलकुण्डलपयोधरहारशोभाः॥ ११॥
गोपाः परस्परं हृष्टा दधिक्षीरघृताम्बभिः।
आसिञ्चन्तो विलिम्पन्तो नवनीतैश्च चिक्षिपुः॥ १४॥
नन्दो महामनास्तेभ्यो वासो ऽलंकारगोधनं।
सूतमागधवन्दिभ्यो ये ऽन्ये विद्योपजीविनः॥ १५॥
तैस्तैः कामैरदीनात्मा यथोचितमपूजयत्।
विष्णोराराधनार्थाय स्वपुत्रस्योदयाय च॥ १६॥ т. е.

8. „Пастухи, украшенные высокоценными одеждами и украшениями, панцырями и тюрбанами, явился со всяческими приношениями в руках, о царь!

9. А пастушки, с радостью узнав о рождении сына у Яшоды, украсили себя одеждами, украшениями, колирием и прочим.

10. С лицами, блистающими под свежим шафраном, как лотос под тычинками с пыльцой, они бежали со своими подарками, широкобедрые с колышущимися грудями.

11. Со своими сережками и ожерельями из блестящих драгоценных камней, со своими платьями разнообразных цветов, с гирляндами своих волос, из которых падал на дорогу целый дождь цветов, пастушки, направляясь к Нанде, все блистали красотой своих сережек, нагрудных украшений, жемчужных ожерелий, качавшихся при их движении.

14. Веселые пастухи развлекались тем, что поливали и мазали друг друга молоком и простоквашей, водой, очищенным и свежим маслом.

15. И благородный Нанда одарил одеждами, украшениями и стадами быков их и сказителей-певцов — сутов, магадхов и бандиков и тех, кто живет наукой.

16. Щедрою рукою исполнив желания их всех и почтив их как надлежит, дабы снискать милость Вишну и обеспечить счастье своему сыну...

2) Материал в обоих произведениях расположен так, что содержание определенной главы „Бхагаваты Пураны" почти всегда соответствует материалу соответствующей главы „Прем Сагара".

3) Этим фактом устанавливается зависимость автора „Прем Сагара" от „Бхагаваты Пураны".

4) В „Прем Сагаре" отсутствуют пространные монологи различных персонажей и самого автора на философские и религиозные темы.

5) В „Прем Сагаре" является целый ряд бытовых подробностей, которые совершенно отсутствуют в „Бхагавате Пуране", но характерны для народных обычаев и празднеств, издавна связанных с именем Кришны.

6) Хотя оба произведения изображают Кришну в качестве высочайшего божества, аватары Вишну, но автор „Бхагаваты Пураны" постоянно памятует об этом, меж тем как пастухи, изображаемые в „Прем Сагаре", лишь в отдельные моменты просветления постигают, что Кришна — божество. Кришна здесь представлен пастухом, с которым часто обращаются без всякой почтительности.

7) Меж тем как автор „Бхагаваты Пураны" всегда памятует, что Кришна — царевич и соответствующим образом изображает его, в „Прем Сагаре" Кришна изображается в виде озорного пастуха.

8) Таким образом наблюдаются не только расхождения в изображении одних и тех же событий, но автор „Прем Сагара" создал иной образ Кришны — пастуха, принадлежащий к иной социальной среде, чем Кришна „Бхагаваты Пураны".

9) Образ Кришны-пастуха, данный в „Прем Сагаре", может быть более древним, чем тот, который дается в санскритской литературе, в частности в „Бхагавате Пуране", обратившей бога — пастуха в бога — пастуха-царевича.

10) Черпая из одного и того же источника — народных легенд весьма древнего происхождения, авторы разных каст поступают по-разному. Брахманы в памятниках на санскрите переводят героев народных легенд в высшую социальную среду и тем затемняют социальную сущность героев этих легенд. Представители низших каст, или даже брахманы, пишущие для низших каст, оставляют этих героев в своей среде и при изображении мифических героев черпают материал из своей среды, выставляя героев борцами за свои идеалы.

Таким образом „Прем Сагар" Лаллу джи Лала не является переводом десятой книги „Бхагаваты Пураны", хоть и следует в своем пове-

ствовании основной нити рассказа „Бхагаваты Пураны". Влияние предшествующей традиции на новоиндийских языках, а также народных легенд сказывается в том, что образ Кришны-пастуха в „Прем Сагаре" является в форме, весьма отличной от образа Кришны в „Бхагавате Пуране".

СОДЕРЖАНИЕ „ПРЕМ САГАРА"

„Прем Сагар" состоит из двух частей. В состав первой части входит 50 глав; во второй части — 40 глав (с 51 по 90).

Это разделение не является чисто конструктивным моментом: оно имеет под собой глубокую историческую и психологическую основу. В первой части изображается Кришна-пастух, во второй части Кришна-домохозяин, воин и политик. Как мы увидим далее, оба эти образа, повидимому, созданы представителями разных каст в разное время.

Различие между обеими частями чувствуется и в стиле повествования. Как совершенно правильно отмечает E. Lamairesse[1] в предисловии к своему переводу „Прем Сагара", это произведение резко распадается на две части: а) пастораль, и б) религиозно-quasi-исторический роман.

Основные моменты „Прем Сагара" сводятся к следующему:

Первая глава представляет собою введение ко всему сказанию. В ней рассказывается „Почему мудрец шри Шукадева джи рассказал сказание царю Парикшиту". Царь Парикшит, внук одного из величайших героев поэмы Махабхараты, совершает грех и ему предстоит умереть от укуса змеи. Он уходит на берег Ганги. Из сочувствия к нему, туда явилось больше восьмидесяти тысяч мудрых риши-отшельников, и каждый стал наставлять его в своем законе. Последним пришел величайший риши шри Шукадева джи, который по просьбе царя рассказывает ему сказание о Кришне, так как слушание его освобождает от грехов и избавляет от дальнейших перерождений.

С приходом Шукадева весь рассказ переходит к нему. Автору принадлежат лишь короткие фразы, которыми вводятся отдельные главы, либо отдельные эпизоды сказания. Эти фразы весьма кратки, вроде: „шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту"; „Рассказав это сказание, шри Шукадева джи продолжал" и т. д. Для большей связности рассказа в уста царя Парикшита вкладываются слова: „Благоволи мне объяснить... дабы сомнение ушло с души моей..." или „Благоволи поведать мне", или „Благоволи же продолжать сказанье" и т. д.

В городе Матхуре или Матхурапури царствует злой царь Канса, который творит страшные беззакония. Для спасения всего живого Вишну

[1] Le Prem Sagar. Océan d'Amour. Traduit par E. Lamairesse. Paris, 1893. Avant-propos, p. XXI.

решает снизойти на землю и родиться из утробы двоюродной сестры Кансы Деваки. Во второй главе „Канса хочет убить Деваки" и в третьей, „Благословенье чрева", царь Канса, услышав небесный голос, говорящий ему, что из утробы Деваки выйдет тот, кто принесет ему смерть, убивает шестерых сыновей Деваки. Седьмой плод переносится силою божества в утробу другой супруги Васудéва, и благополучно рождается от этой жены — Рохини и получает имя Баларама. После этого в утробу Деваки вошел сам Вишну в образе Кришны. Все боги спускаются с небес и совершают благословение чрева.

IV глава „Васудев джи уносит в Гокуль шри Кришну джи" повествует о рождении Кришны. Васудев — отец Кришны — тайно уносит его к пастуху Нанде и похищает у спящей супруги пастуха Нанды — Яшоды ее новорожденную дочь. После возвращения Васудева Канса узнает о рождении восьмого ребенка Деваки, от которого ему суждено погибнуть.

Канса отнимает (гл. 5) у Деваки девочку и хочет убить ее, но она улетает на небеса, произнеся пророчество, что враг Кансы уже родился. Канса в ярости велит истреблять всех, кто поклоняется Вишну. Меж тем пастух Нанда с женой Яшодой (гл. 6) устраивают торжество по случаю рождения сына. В последующих главах на Кришну-младенца нападают различные демоны, но Кришна своей божественной силой губит всех их Подросший Кришна собирает (главы 9—10) вокруг себя детей пастухов и ворует у пастушек масло и простоквашу. За это его приемная мать Яшода привязывает его к ступе (гл. 11). Кришна, зацепив ступой огромные деревья, вырывает их с корнем и из-под деревьев выходят двое прекрасных юношей, сыновей Куберы, бога богатства, которые были обращены в деревья за свои грехи. Обеспокоенный различными необычайными явлениями, Нанда с пастухами переселяется из Гокуля в Бриндабан.

Когда Кришне исполнилось пять лет (гл. 12), он отправляется с пастухами пасти телят и совершает разные чудеса. Бог Брахма (гл. 14) похищает у Кришны-пастуха телят и его товарищей пастухов. Кришна сам из себя производит телят и пастухов, и никто не узнает о происшедшем чуде. Когда через год Брахма возвращается, то находит Кришну, окруженного пастухами и телятами. Пасрамленный Брахма (гл. 15) возносит хвалу Кришне. В дальнейшем Кришна с восьми лет начинает пасти коров (гл. 16) и совершает ряд чудес — укрощает змея Кали (гл. 17), спасает пастухов от лесного пожара (главы 18 и 20) и т. д.

Юноша Кришна увлекает (гл. 22) всех пастушек страны Брадж. Когда увлеченные им пастушки купаются (гл. 23) в реке Ямуне, Кришна ворует их одежды и заставляет всех пастушек нагими подойти к нему и получить свои одежды. В награду за их любовь Кришна обещает водить с ними хоровод.

Во время своих странствований в лесу проголодавшийся Кришна посылает (гл. 24) пастухов просить пищи у брахманов, но жестокие и глупые брахманы отказывают ему. Их жены снабжают пищей Кришну и его

товарищей пастухов. Кришна уничтожает культ бога Индры (гл. 25) и убеждает пастухов поклоняться лесу и горам, так как там растет трава — пастбище для скота. Пастухи совершают молебствие горе Говардхану. Приняв сам образ Говардхана, Кришна съедает все приношения. Разъяренный Индра (гл. 26) хочет потопить всех пастухов, но Кришна на одном мизинце поднимает гору Говардхан и спасает Брадж. Посрамленный бог Индра просит прощения (гл. 28) у Кришны и возносит ему хвалу. Кришна проникает в царство бога вод Варуны (гл. 29), и Варуна преклоняется пред ним.

Исполняя данное обещание, Кришна водит ночью с пастушками хоровод (главы 30—35). На призывные звуки его свирели все пастушки оставляют своих мужей и устремляются ночью в лес. Кришна, приняв множество образов, пляшет с каждой пастушкой.

Когда Кришне исполнилось 12 лет, то Нанда (гл. 35) совершает молебствие богине Амбике. После этого Кришна совершает ряд чудес. Однажды он убил демона в виде быка и тем осквернил себя (гл. 35). По совету своей возлюбленной Радхи он совершает очищение. В дальнейшем Кришна не позволяет (гл. 38) брату Балараму убить даже демона в образе пастуха.

Меж тем Канса узнает о том, что Кришна, сын Васудева, спасся от его руки и посылает мудрого Акрура заманить Кришну в свою столицу Матхуру. Акрур прибывает в Бриндабан (гл. 39) и убеждает Нанду и Кришну поехать в Матхуру (гл. 40). По приезде в Матхуру (гл. 42) Кришна с Баларамом и другими пастухами отправляются осматривать город. Все население, особенно женщины, встречают его с восторгом. На одной из улиц Кришна встречает царских прачек и отнимает у них одежды. Одевается сам и одевает своих товарищей; оставшиеся одежды дарит беднякам. Весьма комична сцена одевания пастухов, так как они, несмотря на все свои старания, никак не могут разобраться в городской одежде. В своей прогулке по городу Кришна встречает (гл. 43) царскую массажистку горбунью Кубджу, которая освежает его; в награду за это Кришна выпрямляет ее и обращает в красавицу. Подойдя к царским воротам, Кришна ломает огромный лук Шивы.

На другой день (гл. 44) Кришна отправляется на состязания, которые устроил царь Канса в надежде убить Кришну. Он убивает могучего слона царя и всех его богатырей и наконец и самого царя Кансу (гл. 45). После этого Кришна (гл. 46) освобождает своих родителей Васудева и Деваки, садит на престол царя Уграсену, а сам становится его первым богатырем и советником. Одарив Нанду, Кришна убеждает его вернуться с пастухами в Брадж, а сам остается в городе. Васудев совершает обряд принятия Кришны и Баларама в воинскую касту и отправляет их учиться. В короткое время они изучили все науки и вернулись в Матхуру. По возвращении в город Кришна посылает одного из оставшихся с ним пастухов, Удхава, в Брадж навестить Нанду и Яшоду и пастухов и убедить их в том, что он,

Кришна, является высочайшим существом, единения с которым нужно искать в душе. Пастушки издеваются над советом Кришны и считают слова Удхава выдумкой Кубджи и других городских красавиц, которые решили отбить у них Кришну. После посещения Кубджи Кришна посылает Акрура в Хастинапур осведомиться о судьбе пандавов, героев Махабхараты, угнетаемых кавравами. Этим заканчивается первая часть „Прем Сагара“.

Во второй части „Прем Сагара“ Кришна вначале ведет длительную войну с Джарасандхом, царем магадхским, тестем царя Кансы. После продолжительной борьбы Кришна оставляет Матхуру и вместе со всем народом переселяется (гл. 52) в город Дварку, построенный божественным архитектором Вишвакармой на острове среди океана.

Обосновавшись в Дварке, Кришна добывает себе жен (главы 53—60). Помимо восьми главных супруг, Кришна отбивает у демона Бхаумасура 16 100 царевен и со всеми ими вступает в брак. Для получения каждой из жен ему приходится выдержать большую борьбу. За каждой из них он получает огромное приданое и все добро свозит к Дварку. Приняв 16 108 образов, Кришна счастливо проживает с каждой из них. Ряд последующих глав (62—69) описывают браки сыновей и внуков Кришны, причем часто описание их является повторением описания браков самого Кришны. В дальнейшем Кришна выступает главным образом в качестве политика. Поддерживая пандавов против кавравов, Кришна убивает могущественного царя Джарасандха, царя Шишупала и многих сторонников их (главы 73—77 и сл.). В промежутках между войнами Кришна совершает паломничество на Курукшетру, место будущей решающей битвы между кавравами и пандавами, и тут в последний раз он видится с Нандой, Яшодой и пастушками (главы 82—84). Ряд глав имеет лишь косвенное отношение к главной теме, как, напр., посещение Кришны брахманом Судамой (главы 80—81), беседа о творении мира (гл. 87), о различиях между Вишну и Шивой (гл 82), об испытании богов (гл. 89). В последней (90-й) главе изображается блаженная жизнь Кришны в Дварке. У каждой из 16 108 жен Кришны родилось по десяти сыновей и одной дочери и для обучения детей, внуков и правнуков Кришна открыл тридцать миллионов восемьдесят восемь тысяч школ.

Этим оканчивается десятая книга „Бхагаваты Пураны“ и „Прем Сагар“. Из „Махабхараты“ и из одиннадцатой книги „Бхагаваты Пураны“ мы знаем, что Кришна в великой войне Махабхарате принимал участие на стороне обеих враждующих партий: свою армию он отдал кавравам, а сам присоединился к пандавам и много способствовал всеобщей гибели. С другой стороны, все ядавы, оставшись без Кришны, стали предаваться постыдным излишествам, пристрастились к вину, и в результате этого все погибли в пьяной резне. Баларам, брат Кришны, умер. Кришна в страшной тоске ушел в лес. Дикарь-охотник, издали принял его за дичь, пустил в Кришну стрелу, стрела попала Кришне в ступню ноги, и он погиб.

КОМПОЗИЦИЯ СКАЗАНИЯ

Как видно из представленного изложения содержания сказания о Кришне, приведение легенды о царе Парикшите является лишь композиционным приемом, который дает возможность начать сказание и в дальнейшем вплетать в главное сказание отдельные легенды и эпизоды, зачастую мало связанные с основной темой о жизни и подвигах Кришны.

Прием этот весьма давний в индийской литературе. Им пользовались уже редакторы классических эпических поэм „Махабхараты“ и „Рамаяны“ и составители всех пуран. При помощи этого приема они вплетали в основное сказание самый разнообразный материал. Равным образом этим приемом пользовались составители сборников сказок „Панчатантры“, „Хитопадеши“ и т. д.

Подобно тому, как легендой о царе Парикшите начинается все сказание в целом, каждая глава его начинается с обращения муни Шукадева к царю Парикшиту. Так, напр., гл. 2: „Поведав это сказание, шри Шукадев джи сказал царю Парикшиту“, гл. 3 — „Далее шри Шукадев джи сказал царю Парикшиту“, гл. 36 — Шри Шукадев муни сказал: „Царь!“... Весьма часто Шукадев джи в начале главы излагает царю Парикшиту краткое содержание ее. Так, гл. 51 — Шри Шукадев джи сказал: „Махарадж! Теперь я расскажу тебе сказание о том, как Кришна с ратью, победивши Джарасандха, убивши Калаявана и дав спасенье Мучукунду, оставил Брадж, переселился в Дварку. Со тщанием ты прилагай внимание, слушай!“, или гл. 57: «Шри Шукадев муни сказал: „Махарадж! Сперва Сатраджит обвинил шри Кришначандру в краже камня драгоценного, потом, уразумев свою ошибку, устыдившися, за Хари выдал Сатьябхадру, дочь свою!“ Царь Парикшит спросил...»

Если глава достигает более или менее значительного размера или в нее вплетается материал, логически мало связанный с основным повествованием, то такого рода обращения Шукадева к царю Парикшиту могут повторяться несколько раз в одной и той же главе. Для примера можно указать на гл. 89, где после легенды об испытании богов, читаем: «Поведав это сказание, шри Шукадев джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Теперь я расскажу тебе стороннее сказание; ты прилагай вниманье, слушай!“...» и после этого идет рассказ о спасении Кришной детей брахмана.

Иногда при помощи короткого диалога между Шукадевом и царем Парикшитом автором дается правильное с его точки зрения истолкование фактов, в тех случаях, когда они могли бы быть поняты превратно. Так, напр., после рассказа о гибели демона — Путны читаем: «Сказание услышав это, царь Парикшит вопросил шри Шукадева джи: „Махарадж! Но эта ракшаси ведь грешница была... каким же образом там из телес ее благоуханье вышло? Ты, сделай милость, объясни!“...» Или гл. 30: «Выслушав

этот рассказ, царь Парикшит вопросил шри Шукадева джи: „Владыка милосердый! пастушка эта ведь почтила Кришну джи, не ведая о том, что он господь! она к нему бежала, влекомая одним лишь чувственным желаньем... Каким же образом она спасенье получила? Прошу тебя, ты объясни мне это, дабы недоумение ушло с души моей!“ Шри Шукадев джи муни так сказал: „О воплощение закона! Кто, и не ведая сам о величии шри Кришначандры, поет о добродетелях его, и тот, сомнений нет, спасенье получает!“...» Или гл. 34: «Царь Парикшит вопросил у Шукадева муни: „О милосердный к бедным! Ты объясни мне, расскажи! Шри Кришначандра принял аватару и явился в мир, чтоб погубить асуров, чтоб бремя снять с земли, дать счастие благим и добрым и показать пути закона! Зачем же он устроил забаву хороводную с чужими женами? Ведь это действие прелюбодея — с чужой супругой наслаждение вкушать!“ Шукадев джи сказал:

„Внемли, о царь, коли ты тайны не постиг!
За человека, зрю я, господа ты мнишь!
И мысль о нем способна грех весь удалить,
Очистить тело, душу радостью облить,
Как все, что попадает в пламенный огонь,
Все в пламени сгорает, делается огнь!“»

Таким образом введение фигур как царя Парикшита, так и мудреца Шукадева является лишь композиционным приемом, при помощи которого достигается бо́льшая стройность и надлежащее понимание сказания.

Применение диалога не ограничивается краткими беседами между царем Парикшитом и шри Шукадевом: он занимает весьма важное место в построении очень многих глав. Только немногие из них, как, напр., гл. 51, построены почти на чистом повествовании.

В „Бхагавате Пуране“, как и в „Махабхарате“, ясность диалога в значительной мере затемняется длинными монологами отдельных участников диалога. Этот недостаток в „Прем Сагаре“ устранен: только в отдельных, редких случаях монологи достигают значительного размера. Такой перестройкой изложения Лаллу джи Лал достиг большей ясности и живости рассказа.

Другой композиционный прием, впервые примененный в литературе хинди Лаллу джи Лалом, — чередование прозы и стиха. Как известно, санскритский оригинал „Бхагаваты Пураны“ полностью написан в стихах, равным образом целиком из стихов состоял и труд Чатурбхудж Мишры, целиком написанный на брадже. Таким образом такое чередование является нововведением самого Лаллу джи Лала. Этот прием является нововведением только в аспекте литературной традиции на хинди. В санскритской литературе этот прием практиковался с весьма давнего времени. Так, он наблюдается в позднейших произведениях ведической литературы, в „Джатакамала“, Арья Шуры, в „Панчатантре“ и „Хитопа-

деше“ и в целом ряде других произведений древнеиндийской художественной литературы.

Как уже отмечено выше (стр. 40), стихи в повествовании являются своеобразным выразительным приемом, средством эмфазии, при помощи которого достигается бо̀льшая экспрессивность. По этой причине стихи употребляются для выражения моментов высшего лирического напряжения. Поэтому наиболее насыщены стихами те главы, которые наиболее богаты лиризмом, напр., гл. 30—34, в которых описываются игры Кришны с пастушками; посещение Браджа Удхавом (гл. 47) и Баларамом (гл. 57), легенда об Уше (главы 63—64).

Рифмованная проза, близкая к стихам, также является своеобразным нововведением Лаллу джи Лала. Она применяется либо также для передачи лирического подъема, либо для выражения различных сентенций, положений, норм и т. д.

Если от этих чисто внешних композиционных средств обратиться к композиции всего сказания в целом, то прежде всего бросается в глаза неодинаковая композиционная стройность обеих частей сказания.

Внутренняя сюжетная стройность в полной мере выдержана только в первой части сказания, в пасторали, повествующей о жизни Кришны в Гокуле и Бриндабане. По существу эта первая часть представляет собою самостоятельное законченное произведение, и, несомненно, эта часть восходит к народным легендам, создавшимся среди представителей низших каст — ахиров и т. д. На ряду с этим и образ Кришны, даваемый в этой части, совершенно отличен от Кришны, представленного во второй части. Меж тем как Кришна первой части является подлинным пастухом, все симпатии которого на стороне пастухов и вообще низших каст, а также бунтарем, ниспровергающим все традиционные основы старого общественного строя, Кришна второй части является чистым кшатрием, действующим в союзе с брахманством и укрепляющим основы традиционного общественного уклада.

Перенесением действия в Дварку, которым начинается вторая часть, помимо того, что с этого момента наблюдается большее однообразие действия сказания, начинается конструктивно слабая часть его. Здесь нет выдержанности и стройности единого сюжета. В одной и той же главе зачастую наблюдается нагромождение самого разнообразного материала, целый ряд глав весьма слабо связан с основным сюжетом повествования, напр., глава (89) об испытании богов, посещение Судама (главы 80—81) и др.

Во второй части также весьма часты повторения. Так, описание браков Прадьюмны и Самбы представляют по существу неудачные описания браков самого Кришны. Равным образом хороводы Баларама, посещающего Брадж (гл. 83), представляют собою слабую копию мастерски изображенных хороводов Кришны, описанных в первой части сказания.

Некоторые главы поставлены в последовательности, противоречащей quasi-исторической последовательности событий, поскольку они нам

известны из эпоса, и находятся в логическом противоречии друг с другом. Так, напр., поединок Бхимы и Дурьодханы (гл. 79) предшествует хождению ядавов на Курукшетру, где они встречаются с кавравами и пандавами.

В последних 10—15 главах второй части в рамках одной и той же главы часто находим столь разнообразный материал, соединенный чисто механически, без всякой внутренней связи, что становится совершенно понятным, что такое распределение материала по главам вызвано лишь голым стремлением довести число глав до 90 и не превысить этой цифры.

„Прем Сагар“ страдает композиционной слабостью, свойственной почти всем более или менее крупным произведениям индийской художественной литературы: он изобилует длиннотами и повторениями. Различные обряды, напр., обряды рождения, брачные обряды, жертвоприношения, приемы гостя и т. д. описываются многократно, и хотя каждое из этих описаний представляет большой интерес, но повторение их кажется для европейца однообразным. Также весьма сходно описываются многочисленные бои, хотя многие из этих описаний сделаны с большим мастерством, силой и поразительной экспрессивностью.

Многочисленные описания великих сражений (напр., главы 51, 55, 67 и др.) даются в формах весьма близких, и начало боя всегда вводится стандартной фразой вроде: „Богатыри, доблестные герои, мужи кинулися в бой, а трусы, покидая поле брани, бежали все, спасая жизнь свою!“ Если исключить момент повторения, характерный для эпических произведений вообще, эти описания отличаются большой образностью и достигают большой выразительности. Возьмем, напр., описание боя в гл. 67: „Гремят там барабаны, певцы поют призывы боевые, а барды воспевают славу их. И сходятся бойцы: конь сходится с конем, слон со слоном и колесница с колесницей, пеший с пешим! И здесь и там все доблестные мужи рвутся в бой, разят врага, а трусы, покидая поле, все бегут, спасая жизнь свою! Стоят, шатаяся, там раненые: кружат повсюду трупы без голов, с оружием в руках; на трупы падают тела! Из них струятся реки крови. Средь них повсюду слонов издохших груды лежат как острова; их хоботы как крокодилы! Великий Махадев с толпою бхутов, претов, пишачей на поле брани собирает груды страшные отрубленных голов; все делают гирлянды из голов и одевают их. Там коршуны, шакалы и собаки меж собой дерутся, тащат трупы, их раздирая, пожирают их! Вороны, выклевав у павших очи, улетают с трупов! И видят боги, Баларам скосил всю рать асуров так, как косит ниву пахарь!“

Многократно повторяются также описания города Дварки и других городов. Каждое из этих описаний представляет большой интерес. Таково, напр., описание Дварки в гл. 70:

„И что ж близ города он видит? В садах стоят, качаются различнейших пород громадные высокие деревья, зеленые, покрытые цветами и плодами. На них сидят, воркуют нежно горлицы и распевают попугаи, чатаки, павлины и другие птицы. Там на прекраснейших прудах раскры-

лись лотосы; над ними пчел рои жужжат. На берегах перекликаются повсюду лебеди и журавли и много разных птиц. Там в цветниках садовники все звонко, стройно распевают: то опускаясь, то поднимаясь, поливают гряды. Там над колодцами различными подъемные колеса, ведра ходят неустанно; на спусках у колодцев толпятся толпы водоносов. И красоту всего нельзя и описать, ею можно только любоваться!

Налюбовавшись этой красотою рощ, лесов, шри Нарада джи входит в город, смотрит. Блистают чудные дворцы златые, украшенные самоцветными камнями; над ними развеваются знамена, стяги; вдоль всех домов протянуты гирлянды из цветов; рядами, как колонны, у ворот стоят платаны с ветками, с побегами. Из всех домов через решетчатые окна и отдушины исходят клубы дыма благовоний, словно тучи темные и средь него, как молнии, сверкают золотые куполы и шпили! Во всех домах свершается служение богам, читаются священные молитвы, приносятся торжественные жертвы и расточаются дары".

Близкие к этому описания города даются также в главах 42 и 53.

Равным образом повторяется несколько раз описание праздничного вида города, готовящегося к какому-нибудь торжеству, напр., в главах 53 и 55. Своего рода стандартом стало описание возвращения Кришны в Дварку после его многочисленных выездов в другие страны. Близко сходны с ними описания приемов и встреч Кришны и Баларама в других городах.

Должно заметить однако, что повторения и длинноты особенно характерны для второй, эпической части „Прем Сагара". Первая часть — пастораль отличается композиционной компактностью, стройностью и выдержанной, постепенно нарастающей динамичностью. При большом разнообразии тематики, она дает весьма яркий образ Кришны-пастуха.

Повторения, столь характерные для эпических произведений Индии, наблюдаются в широких размерах и в „Бхагавате Пуране". В сравнении с ней повторения в „Прем Сагаре" занимают относительно немного места.

Должно заметить, что сила „Прем Сагара" и 10 книги „Бхагаваты Пураны" как художественных произведений не в композиционной стройности, а в массе ярких картин, отделанных с большим мастерством и любовью, поражающих своей высокой художественностью, яркой жизненностью и теплотой. Таковы, напр., шалости Кришны (гл. 9), сбивание масла (гл. 10), решение Кришны пасти телят (гл. 14) и коров (гл. 16); завтрак пастухов (гл. 14), гимн пастушек свирели (гл. 39) и многие другие.

В употреблении эпитетов и метафор „Прем Сагар" целиком следует традиции и дает стандартные образы, освященные употреблением как в эпосе, так и в классической поэзии. Так, руки или ноги — всегда лотосы; пастушки, обращаясь к Кришне, говорят: „Покинув лотосы прекрасных ног твоих..." (гл. 53). Особенно ярко выступает стандартность эпитетов при описании красавиц. Напр., супруга Кришны, Рукмини — газелеглазая, чампакоцветная и лунноликая (гл. 53), или „лунноликая, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона" (гл. 54); Калинди, другая жена Кришны: „лунноликая, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона, со станом льва, украшенная с головы до ног и напоенная любовью".

Иногда эти эпитеты, метафоры и сравнения развертываются в яркую картину, как, напр., при описании красавицы Уши (гл. 63): „Когда двенадцать лет исполнилось царевне, то, увидав красу луны ее лица, лишился блеска месяц в полнолунье! Пред черной тьмой ее волос поблекла тьма безлунной ночи; а завитки тончайшие на голове ее увидев сзади, змея, покинув шкуру, убежала! Бровей изгибы увидав, затрепетал сам лук! Увидев дивную игру ее огромных глаз, газель и рыба с трясогузкой застыдились! И носа красоту увидев, завял цветок прекрасной тилы! При виде красоты ее прекрасных губ, загоревал плод бимбы! Когда гранат увидел вдруг зубов ее прекрасные ряды, то у него тут разорвалось сердце! Увидев нежность щек ее, там не посмела распуститься роза! Округлость шеи увидав, все голуби в унынье впали! Сосцы грудей ее увидев, почки лотоса свалились в пруд! А стройность стана увидав, сам лев ушел на жительство в леса! Увидев бедер совершенство, сам кела скушал камфору! Увидев тела дивный цвет, смутилось золото само и застыдилась чампа! Перед ее руками и ногами лотос потерял высокий сан свой! И юная красавица с походкою слона и с голосом кукушки такою дивною красою юности блистала, что затмевала красоту их всех!"

Сравнения, которыми пользуется автор, отличаются большою стойкостью. В большинстве своем они традиционны. Так, женское лицо всегда сравнивается с луной; рассыпавшиеся волосы со змеями. Эти образы встречаются многократно. Так, напр., о пастушках, опечаленных Кришной, читаем (гл. 34): „Вкруг белых нежных лиц пастушек локоны рассыпалися черные, как будто змеи молодые, жаждая амброзии, взлетели на луну и к ней прильнули". Или о пастушках же (гл. 40):

„Печальные все тонут в море тяжкой скорби,
Не оторвут от Хари скорбных нежных глаз!
Как от луны чакора, пойманная лань!
И скорбных слез потоки льются из очей их,
Рассыпались на лицах локонов их змеи!"

Или о Рукмини (гл. 61):

„И на лице прекрасном локоны, упав,
Переплелися тесно, все прильнув к устам!
Как будто полный месяц на землю упал,
Сползлися змеи, нектар жадно пьют все там!"

Столь характерное для индийской поэтики требование картин природы осуществляется автором многократно. Особенно часто выступают эти

картины при описании городов (Матхура, Дварка и др.), где автор, прежде чем описать сам город, описывает пригородные рощи и сады.

Особенно изобилует описаниями природы первая часть сказания. Все главнейшие сцены из жизни Кришны даются на фоне коротких описаний природы. Наибольшей силы и образности достигают эти описания при изображении игр Кришны с пастушками, где мы находим требуемые поэтической традицией Индии описания времен года.

В гл. 30 дается описание осени:

„Когда прекрасный месяц Картик наступил,
Он страшный зной и холод, слякоть, дождь убил!
Пруды все налилися чистою водой,
И лотосы цветут все, блещут красотой!
С чакорою кумуда словно милый с милой,
Цветут, увидев ночью месяц над долиной!
Чакаи в горе вянут, лотос весь поник,
О друге, солнце, память держат лишь они!“

Или описание периода дождей (гл. 21):

„Увидевши великую жестокость лета, Паваса царь облаков, исполнился негодования. Помысливши о благе птиц, зверей и твари всей земной, со всех сторон собрав отряды облаков, пошел сам в бой! В тот час не тучи громыхали, гремели барабаны! Разнообразнейших оттенков облака, которые стекалися туда, то храбрые воители — герои! Не молнии сверкали между них — то их оружие блистало! Не стаи журавлей носились, — то развевались белые знамена, и не лягушки и павлины — сказители то славу воспевали; не крупные лились то капли, то сыпалися тучи стрел! Увидев Паваса, идущего с такой грозой, покинувши поля, спасая жизнь свою, бежало лето! И облако, супруг земли, пролившися дождем, земле дало там радость! Она в разлуке со своим супругом томилась целых восемь месяцев; теперь она слилася с ним, вкусила наслажденье! И груди — горы освежились. Плод понесла она. Из чрева вышел плод — родилось восемнадцать сыновей. Они, взяв в дар коренья и плоды, явились на поклон к родителям своим. В тот час земля в Бриндабане была прекрасна, как красавица в наряде пред свиданьем! Водой наполнилися всюду реки, ручейки, пруды; их оживляли радостью своею лебеди и журавли. Качались ветки у дерев высоких; на них сидели, щебетали, пели птицы: пики, чатаки и попугаи, голуби... Повсюду пастухи, пастушки все в нарядах красных, как цветок кусумба, качаясь на качелях, звонко распевали песни!... Настала осень благодатная“.

Глубокой эмоциональной насыщенностью, разнообразием описываемых переживаний и тонким психологическим анализом эмоций выделяется первая часть. Вторая часть сказания отличается некоторой сухостью. Некоторые эмоционально напряженные элементы второй части по существу

представляют собой повторение сцен, описанных в первой части, что подчеркивается тем, что они локализуются во Бриндабане.

Таким образом мы можем сказать, что вообще яркие в эмоциональном отношении сцены связаны с пастушеской средой. Возьмем, напр., возвращение Нанды и пастухов из Матхуры во Бриндабан (гл. 46):

„В раздумьи тяжком грустно шли своим путем,
Игрок идет с тоской так, коль оставил все.
Ни мысли, ни заботы в сердце не найти,
Едва волочат ноги, падают в пути.
Идут все во Бриндабан, смотрят в Матхубан.
Страданья возрастают, тело страх сковал!

„Едва-едва плетясь, они все ж прибыли в Бриндабан. Услышав о их возвращеньи, Яшода рани прибежала к ним в волнении глубоком. Не видя Рамы с Кришной, с ужасом сказала Нанде джи:

„Скажи, супруг, куда же делись сыновья?
Один пришел, принес нам платьев да тряпья!
Ты золото оставил, блестки только взял,
Безумец вылил нектар, сам глотать стал яд!
Владея чудным камнем, бросил сам его,
Узнав о дивных свойствах, с горя ты умрешь!

„Вот так и ты, кому ты отдал сыновей, взамен их ты принес наряды да уборы? Когда нет их, зачем тебе теперь богатства? О глупый мой супруг! Как будем жить без них: едва закроются бывало их ресницы и разрывается вся грудь! Да как могло остаться целым сердце у тебя, когда они тебе сказали о разлуке?“

Особенно богаты эмоциональными элементами сцены с пастушками. Наивысшего напряжения эти эмоции достигают при изображении скорби пастушек, страдающих в разлуке с Кришной. Такова, напр., гл. 30, где пастушки говорят:

«О милый! Когда твой ласковый, проникнутый улыбкой легкой взгляд или изгиб бровей, иль шаловливый взгляд твоих очей, иль льнущее движенье шеи, иль блеск твоих речей к нам в души проникает, то разве не бывает мучительно нам больно? Когда ты уходил коров пасти в леса, тогда при мысли о твоих прекрасных нежных ножках лесные камни и шипы въедались в души нам! Когда перед тобою мы садились и дивный лик твой созерцали, тогда в душе мы размышляли: „Как глуп великий Брахма, что создал веки у очей, воздвиг для них преграду, не дал смотреть нам не мигая на тебя!“»

Даже те немногие художественные приемы и выразительные средства, которые названы выше, а равным образом и представленные краткие выдержки с полной ясностью свидетельствуют о том, что, хотя в основе сказания о Кришне лежат народные легенды, „Прем Сагар“ не

является простым, наивным безыскусственным произведением. „Прем Сагар“ глубочайшим образом связан со сложной индийской поэтической традицией. Хотя Лаллу джи Лал является новатором в области языка, введя впервые в истории художественной традиции литературы хинди прозу, но в поэтических частях, в приемах и выразительных средствах он подчиняется требованиям сложной поэтики, получившей высокое развитие в феодальной литературе Индии как на санскрите, так и на хинди. Наивные народные легенды обработаны в строгом подчинении требованиям канона поэтики.

ПЕРЕРАБОТКА СКАЗАНИЯ О КРИШНЕ БРАХМАНАМИ В ЦЕЛЯХ ПРИОБЩЕНИЯ ЕГО К ОРТОДОКСИИ

Радикальной переработке подвергнута также и идеология легенд, созданных небрахманскими кастами. На каждой странице сказания мы видим руку брахмана, который всемерно старается придать всему сказанию ортодоксальный характер. Уже в „Бхагавате Пуране“ с полной ясностью выступает стремление брахманов сделать популярные в народе легенды о Кришне средством агитации за ортодоксию, в особенности же средством пропаганды защиты материальных интересов брахманства. Брахманство мирится со всем — с нарушением морали, с нарушением основных законов человечности, с ниспровержением богов, с жестокими насмешками над богами, но через все сказание проведено красной нитью требование почитания и награждения брахманов дарами, а также почитание вед, на авторитете которых брахманство основывало свои привилегии... Требование почитания вед, брахмана и коровы ярко выступает при описании различных обрядов, при изложении религиозных и философских идей, перешедших в „Прем Сагар“ из „Бхагаваты Пураны“.

Нельзя сказать однако, чтобы стремление сделать „Бхагавату Пурану“, а особенно же „Прем Сагар“ вполне ортодоксальными произведениями удалось в полной мере. Вся жизнь Кришны пастуха и его высказывания в первой части сказания находятся в столь ярком противоречии с ортодоксией, что, несмотря на все старания брахманства, полного примирения ее с ортодоксией было невозможно достигнуть. Радикальные изменения в этом отношении совершенно убили бы всю легенду о Кришне пастухе, пользующуюся глубокими симпатиями среди всех низших каст. Бессильные изменить основные моменты развития легенды, брахманы пошли по другому пути: все объясняется только символом: „пастушки — не пастушки, а божества и гимны вед“. Действия Кришны таким образом принадлежат другому миру, а посему, говорит автор сказания (гл. 32): „Все веруйте душою в чудеса святые Кришны, но подражать его делам не помышляйте!“

Совершенно понятно, что этот довод, очень важный для истолкования, был мало убедителен для масс. С тем большим рвением на каждом шагу поэты брахманы выставляют требование соблюдения обрядов, установленных брахманами, требование почитать и награждать брахманов. Вполне ясно, что в среде различных напластований, которыми обросла древняя народная легенда о Кришне пастухе, этот слой является наиболее поздним.

Уже в самом введении (гл. 1) царь Парикшит, передавая престол своему сыну, завещает ему „оберегать коров и брахманов“. В дальнейшем все события из жизни Кришны, где только возможно, сопровождаются обрядами, согласными с ортодоксальным индуизмом.

Так, после зачатия Деваки совершается обряд благословения чрева (гл. 3): „Брахма, Рудра, Индра и все другие боги, веды, распевая, свершали там благословенье чрева“. Далее следуют обряды рождения, составление гороскопа (гл. 6, стр. 123), наречение имени. Впоследствии в Матхуре Кришна и Баларам, после совершения соответствующих обрядов, принимаются (гл. 46, стр. 237) в воинскую касту и далее проходят обучение под руководством брахмана и на основе ортодоксальной литературы. По окончании ученья Кришна становится подлинным кшатрием, воином, и руководствуется законом кшатрия, который выражен (гл. 55, стр. 286—287) Баларамом в словах: „Таков закон для кшатриев: из-за земли, богатств и женщин они ведут войну, вступают меж собою в бой!“ Свои многочисленные браки Кришна заключает „по ведийскому закону.“ Именно обещанием заключить брак „по ведийскому закону“ Кришна успокаивает свою первую жену, увезенную им и таким образом состоящую с ним в браке „по закону ракшасов.“ Эта формула повторяется при упоминании о каждом браке как самого Кришны, так и его детей и внуков.

С особой настойчивостью многократно отмечаются и назидательно подчеркиваются случаи почитания брахманов и одарения их, особенно принесение в дар коров. Не только благочестивые цари, как царь Нриг, который был настолько щедр, что „... бесчисленное множество коров принес он в дар. Коль можно сосчитать все зернышки песку на Ганге иль капельки дождя в Бхадоне месяце, иль звезды в небесах, то всех коров, которых в дар принес (брахманам) царь Нриг, все ж сосчитать нельзя!“ (гл. 65, стр. 361). И родители Кришны и он сам многократно щедро одаряют брахманов. Так, при рождении Кришны Васудев и Деваки „в душе обет великий дали: пожертвовать коров десятки тысяч“ (брахманам, гл. 4, стр. 118). В виду того, что по ходу сказания родителями Кришны почитаются не только Васудев и Деваки, но и его приемные отец и мать — пастух Нанда и Яшода, то, когда Кришна был доставлен в Брадж, „Нанда джи обет великий дал — пожертвовать коров прекрасных двести тысяч“ (гл. 6, стр. 123). Та и другая чета впоследствии исполняют свои обещания и одаряют брахманов.

Кроме награждения брахманов коровами и другими дарами, подчеркивается необходимость угощать брахманов. В сказании все угощают брахманов. Так, еще в Брадже Кришна-пастух, осквернённый убийством асура (демона) в виде быка, „роздал множество коров и, напитавши брахманов, стал чистым от греха“ (гл. 37, стр. 202). Впоследствии Кришна, обрадованный рождением внука Анируддхи,

„В великой радости своей
Дает он брахманам дары,
Дает он столько, сколько кто хотел“.

Две главы „Прем Сагара“ целиком посвящены агитации за почитание брахманов. В первой из них (гл. 65), в легенде о царе Нриге, показывается, какие тяжкие бедствия влечет даже ничтожное, невольное нанесение обиды брахману. Царь Нриг только за то, что по ошибке подарил брахману корову, которая раньше была отдана им другому, несмотря на свои великие добродетели и заслуги, был обращен в ящерицу и много веков жил в заброшенном колодце, пока его не освободил Кришна. В другой из названных глав (гл. 80, стр. 417 и сл.) показывается для назидания, с каким глубоким почтением относился к брахманам сам Кришна. Когда брахман Судама пришел к Кришне в гости в Дварку, Кришна принимает его с почетом. „... Увидав его, шри Кришначандра джи сошел с престола, пошел ему навстречу, с большой любовью встретил и, ласково взяв за руку Судама, он привлек его к себе и, посадив на царский трон, омыл Судаму ноги, выпил нектару от ног его, натер его сандалом и украсил. Потом поднес он чистый рис, цветы и, предложив светильник, благовония, господь Судаме пуджу совершил“. Этим почтением были удивлены даже царицы: „Какие подвиги свершил в своем рожденьи прежнем этот брахман — бедный, слабый, грязный и нагой, что сам владыка трех миров такую честь ему здесь оказал?“

Такое внимание брахманам автор заставляет Кришну оказывать неоднократно. Напр., когда к Кришне приходит брахман с посланием от Рукмини, „Хари, увидав его, сошел с престола, посадил его. Омывши ноги, выпил нектару от ног его и стал ему с таким смирением служить, как служат только божеству“.

Во второй период своей жизни Кришна, правитель царства, живущий по закону кшатриев, выставляется образцом домохозяина. Автор наделяет его ролью агитатора за почитание брахманов. Так Кришна говорит (гл. 58, стр. 308) жителям Дварки: „Внемлите, откуда удаляется святой, в тот град, как будто беспричинно, приходит смерть, страданья, бедность!“ и учит почитать брахманов.

Автор вставляет в уста Кришны домохозяина целые гимны в защиту почитания брахманов. Особенно характерна в этом отношении гл. 65. Кришна повелевает не различать между ним самим и брахманами. Наставляя своих детей и внуков, он говорит:

„Да не творит никто же брахманам вреда,
Да не отымет он, коль брахману что дал!
Кто обещал в душе что, да не удержит,
Пусть брахману лишь правду каждый говорит!
Кто брахману что даст сам, снова отберет,
Тому такую кару Яма царь дает!
Всегда да будет каждый брахману слугой,
Пусть терпит все обиды, терпит пусть и зло!
Кто брахмана почтит здесь, тот меня почтит,
Меж брахманом и мною да не различит!

Кто будет различать меж мной и брахманом, пойдет в кромешный ад! Кто брахмана почтит, приобретет меня и, нет сомнения, пойдет в чертог превышний!“

Наконец, в одной из глав (58, стр. 309) брахман ставится, как в поздний ведический период, выше самого Кришны. Кришна заставил жителей города Дварки обратиться за помощью от разных бедствий к святому Акруру, и они говорят Акруру:

„Где ты живешь, великий, там живет и счастье,
Где нет тебя, владыка, бедность там, несчастье!
Хоть в граде обитает славный шри Гопал,
Но голод наступил там, мор на нас напал!
И сам господь покорен брахманам святым:
От них все получают добрых дел плоды!“

Автор заставляет, наконец, Кришну вступить с брахманами в прямой заговор против народа. Когда в столице Кришны, городе Дварке, среди народа уменьшилась любовь к Кришне и почитание брахманов, когда граждане, „опьяненные богатством и гордостью“, забыли о небесных и земных богах, то Акрур и Критаварма пришли к шри Кришне джи (гл. 58, стр. 307) и сказали: „Махарадж! Все ядавы в нечестье впали, и майя всех их ослепила. Уж перестали думать, помнить о тебе: ослеплены богатством все! И ежели б теперь какое-либо бедствие пришлось им пережить, то будут господу они усерднее служить!“ Кришна соглашается с ними. После этого „Мурари (т. е. Кришна) благодетель верных... пришел сам к Балараму джи и так сказал: „Брат! Теперь благоволи послать народу нашему изрядную толику бедствий!“ Баларам насылает на народ всевозможные бедствия и мучения, и обезумевшие от мук люди „пришли к шри Кришначандре, устранителю печалей с великою любовью и покорностью!“ И Кришна заставляет народ преклониться перед брахманами, признать, что их сила, авторитет и мощь превосходят силу богов и самого Кришны (гл. 57). За это „святые“ брахманы в свою очередь в отношении Кришны проявляют полную покорность, не останавливаясь ни перед какими низостями, чтобы завоевать расположение Кришны.

Таким образом, действуя в соответствии со своей моралью: „У всех у богов, наров, муни — один обычай есть: руководится каждый выгодой своей!“, брахманы в интересах ортодоксии, под которой понимается главным образом сохранение привилегий и выгод брахманства, на всем протяжении сказания выдержали линию агитации за высокое положение брахманства. Эта линия менее заметна в первой части сказания, где слова и дела Кришны находятся в ярком противоречии с ортодоксальным индуизмом, а потому элементы брахманской агитации представляются чисто внешними, механически приделанными. Во второй части, где Кришна выступает как воин и политик, эта агитация проводится более тонко и искусно. Действительно, какое значение имеют слова Кришны о необходимости для пастухов своего кастового закона, своей религии и т. д., если на деле он сам оказывается самым смиренным почитателем брахманов, сажает их на свой престол и вкушает „нектар от ног брахманов“.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕИ В „ПРЕМ САГАРЕ“

Как почти вся индийская литература, связанная с легендами о Кришне, „Бхагавата Пурана“ и возникшее на ее основе сказание „Прем Сагар“ являются не только художественными произведениями, но и религиозными книгами, которые пользуются великим уважением среди вишнуитов. Все основные высказывания Лаллу джи Лала по вопросам теологии восходят к „Бхагавате Пуране“, и автор „Прем Сагара“ не вносит ничего оригинального в этом отношении. Религиозные идеи, представленные в „Прем Сагаре“, зачастую так взаимно противоречивы, что свести их в одну систему чрезвычайно трудно, хотя автор и пытается сделать это в конце своего труда. Однако наблюдающиеся противоречия нисколько не смущают аудиторию Лаллу джи Лала, так как в самом индуизме с давних времен имеется огромное количество противоречий, для которых тем или иным путем находят хотя бы чисто внешнее примирение. Что касается религиозных систем, даваемых в различных художественных произведениях, то все они страдают эклектизмом.

Как и в „Бхагавате Пуране“, в „Прем Сагаре“ представлены все важнейшие фигуры ведийской мифологии, и все они пользуются большим или меньшим почитанием, несмотря на признание единого высочайшего существа, перед которым все они обращаются в ничто. Очевидно факты феодального строя, наличие единого монарха и сохранение различных феодальных владетелей разного масштаба в сильной мере поддерживали политеизм при наличии ярко выраженной тенденции к монотеизму.

В первой части „Прем Сагара“, где Кришна пастух выступает как бунтарь, как последовательный сторонник своего кастового закона, кастовой религии, он ведет последовательную борьбу со всеми важнейшими

представителям традиционного пантеона, побеждает всех богов и провозглашает „закон вайшиев“ — поклоняться только тому, что дает коровам траву и сохраняет для них влагу: „Нам лес и горы нужно почитать!“ Эта идея Кришны увлекает всех пастухов, они отказываются от якобы традиционного в их среде культа Индры, царя богов, который в „Прем Сагаре“ распоряжается небесными запасами воды. Однако эта радикальная „натуральная религия“ бесследно исчезает во второй части. Мы видим, как во второй части Кришна, даже продолжая свою борьбу с другими богами, преимущественно с наиболее сильным соперником своим Шивой, приходит к компромиссу и заявляет, что между им самим и Шивой нет различий и в дальнейшем все члены триады Брахма, Шива и Вишну признаются лишь тремя аспектами единого божественного существа, хотя Вишну все же считается высшим из всех их.

Если обратиться к конкретным данным, то видим, что даже в семье Кришны-пастуха, точнее в семье Нанды, представлены разные культы. Отец Кришны, Нанда, поклоняется Индре и (гл. 35) супруге Шивы Амбике. Равным образом в роду у ядавов, к которому принадлежит Кришна второй части „Прем Сагара“, помимо Вишну, наблюдаются проявления культа Сурьи, бога солнца. Именно Сурье поклоняется будущий тесть Кришны — Сатраджит.

Кроме Сурьи, в „Прем Сагаре“ выступают следующие представители ведического пантеона: Индра, Агни, Варуна, Яма, Рудра, Шива, Брахма, Вишну, Адити и масса безыменных божеств меньшего ранга, как суры, девы, деви, нары, гандхарвы, киннары, чараны и т. д.

Во введении к сказанию все эти божества представлены как стройное иерархическое целое, как своего рода многоступенчатая лестница, внизу которой находятся различные dii minores, а на самой вершине Нараян.

Так, когда земля, измученная беззакониями, которые творились на ней, отправилась к богам на совет Индры, „главы богов“, то „Индра (гл. 1, стр. 107) со всеми божествами вместе пошел к святому Брахме. Услышав, Брахма, со всеми божествами вместе, отправился немедля к Махадеву (т. е. Шиве). Услышав, Махадев, со всеми божествами вместе отправился туда, где спал Нараян сам в молочном море. Нараяна увидев спящим, Брахма, Рудра, Индра со всеми божествами вместе, стали, сложивши поднятые руки и хваленья стали возносить смиренно: «Великий царь царей! Кто может передать величие твое!...»“

В дальнейшем развитии повествования весьма многие из богов без борьбы признают главенство воплощения Нараяна (Вишну) — Кришны Очевидно, лишь те боги, культ которых в период создания Пураны не имел широкого распространения, просто и безоговорочно признают власть Кришны.

Так, Сурья дает (гл. 59) в супруги Кришне дочь свою Калинди. Некогда могущественный, но теперь представленный голодным Агни, бог огня, смиренно просит (гл. 59, стр. 313) пищи у Кришны. Также

легко добивается Кришна признания и поклонения со стороны Варуны, владыки вод земных. Когда слуги Варуны полонили пастуха Нанду и увели его в царство Варуны, Кришна в гневе входит во дворец Варуны, и испуганный Варуна приносит ему самые почтительные извинения (гл. 29, стр. 178).

Также безо всяких возражений признает власть Кришны и Яма-Дхармараджа, владыка царства умерших. С большим почетом он встречает Кришну и безо всяких возражений (гл. 46, стр. 240) возвращает ему сына его учителя.

Более мощные представители традиционного пантеона признают власть, силу и божественный приоритет Кришны только после более или менее суровой борьбы.

Легче всего сдается Брахма, культ которого никогда не пользовался популярностью в небрахманских кастах, которому во всей современной Индии посвящен только один храм. Брахма попытался испытать Кришну и увел его телят и мальчиков пастухов, товарищей Кришны. Но Кришна без труда эманировал из себя новых телят и новых пастухов. Когда Брахма через год пришел к заключенным в пещере телятам и пастухам, то увидел (гл. 14, стр. 144), „что пастухи все и телята четверорукими все стали, и сверх того пред каждым там стояли Брахма, Рудра, Индра, сложивши поднятые руки.

Увидев, Брахма замер, словно изваянье... И, убедившись, смежил очи, задрожал всем телом!“ Придя потом к Кришне, он заявляет (гл. 15, стр. 145): „Владыка! великую ты оказал мне милость, что гордость удалил мою! Ты — всех создатель! И в каждом волоске на теле у тебя покоится по много Брахма, мне подобных! Которым же из них являюсь я?“

Борьба с Индрой, могучим богом, воителем ведийского пантеона, обратившимся в эпоху создания пуран в бога, распоряжающегося небесными водами, представлена более драматически. Кришна упразднил поклонение Индре, изобразив его пастухам в виде бессильного труса, который ничем не может помочь пастухам (гл. 25, стр. 168): „Свершается лишь то, что предначертано нам кармой! Довольство и богатство, супругу, брата, друга — все это получают все от кармы, от закона своего! И солнце то же самое, что восемь месяцев повсюду иссушает воду, оно само четыре месяца дает нам дождь, и на земле лишь от него является трава, вода и пища!“ Когда Кришна упраздняет культ Индры, Индра приходит в бешенство и пытается погубить всех пастухов, но оказывается бессильным перед Кришной и является к нему с мольбой о прощении (гл. 28, стр. 175): „он босиком, с петлей на шее и дрожа всем телом, бросился навстречу. Упав к ногам шри Кришны, каясь, рыдал...“ Не довольствуясь таким унижением Индры, автор выставляет его еще раз (гл. 60, стр. 324) в комическом виде, живущим под башмаком у своей супруги Индрани. Когда Кришна просит у него кальпаврикшу, дерево

желаний, Индра спрашивает совета у своей супруги, и Индрани отвечает ему в выражениях, весьма энергичных:

„Услышала Индрани, молвила в ответ;
Ну глупости твоей то знать предела нет!
Да у тебя, супруг мой, ни на грош ума!
Да кто такой твой Кришна, кто его жена?

Да помнишь ли, иль уж забыл, как он когда: то в Брадже тебя так осрамил! Ведь там он уничтожил поклонение тебе, заставил всех браджийцев кланяться горе! Он чести ведь тебя лишил и обесславил на весь мир! Ну, что же? Тебе хоть стыдно, иль уж нет? Вот он то слушает, что говорит жена! А почему же ты слушаешь меня?“

Наиболее ожесточенной оказалась борьба Кришны с Шивой, культ которого пользовался широкой популярностью в период создания пуран, подобно тому, как он в весьма сильной мере конкурировал с вишнуизмом в последующие века и продолжает конкурировать с ним в настоящее время, увлекая главным образом представителей аристократических каст, меж тем как за вишнуизмом идут большие массы преимущественно низших, небрахманских каст.

Во второй части сказания Шива помогает многим противникам Кришны и особенно же Банасуру, который угодил ему, играя на мриданге.[1] Решив оказать помощь Банасуру, Шива выступил в поход против Кришны. „Он косу завязал (гл. 64, стр. 354) свою, посыпал пеплом, принял много бханга, ака и дхатура,[2] одев свой шнур из белых змей, накинул шкуру белого слона, потом одел он ожерелье из отрубленных голов, змею; взял свой трезубец, дамру;[3] лук — пинак и череп; сел на быка — Нандия; собрал всю рать свою. Не поддается описанью красота того мгновенья, когда с серьгою в ухе, с луной на лбу, и с Гангою на голове, с глазами, кровью налитыми, приняв страшный образ Махакалы, он двигался вперед, играл и пел, а рать его плясала!“ Побежденный в жестоком бою, Шива явился к Кришне с просьбой о мире и признал (гл. 64, стр. 358) его высокую божественную природу: „Ты — наш господь незримый и непостижимый, бесконечный! Для блага верных в мир явился ты, господь!...“

Не довольствуясь тем, что выставил Шиву побежденным, автор представляет его еще в трагикомическом виде. Шива необдуманно дал (гл. 88, стр. 443) глупому Врикасуру дар, в силу которого каждый, к кому он прикоснется рукой, превращается в пепел. Врикасур хочет проверить действие этого дара на самом Шиве и несчастный Шива обегает весь мир, спасаясь от неминуемой гибели, пока Вишну хитростью не заставляет Врикасура коснуться своей собственной же головы и тем губит Врикасура.

---

[1] Вид барабана.

[2] Разные наркотики.

[3] Маленький барабанчик, тамбурин.

Весьма показательно, в какой форме Вишну, принявший вид брахмана, говорит Врикасуру (гл. 88, стр. 443) о Шиве: „О царь асуров! Мне очень удивительно, что здравомыслящий, как ты, мог впасть в такой обман! Да кто же почитает правдою слова нагого йога и безумца, курильщика конопли и дурмана! Ведь он всегда намажется золой коровьего помета, обвяжется змеею и, обратившися в страшилище,шатается по кладбищам! Кому бы в голову пришло ему поверить!“

В соответствии с тем, что в реальной жизни шиваизм, на ряду со значительно менее популярным шактизмом, то есть почитанием женской энергии божества, является единственно реальной, крупной силой, противостоящей вишнуизму, в „Бхагавате Пуране“ и „Прем Сагаре“ Шива, хотя и побежденный, признается тожественным с самим Вишну. Сам Кришна, после победы над Шивой (гл. 64, стр. 358), говорит: „О Шива джи! Меж мною и тобою нет никаких различий! И кто различья здесь найдет, в великий ад тот попадет!“

Различия между Вишну и Шивой считаются (гл. 88, стр. 442) чисто внешними: „Смотри же, как различествуют меж собою Хари[1] джи и Хара![2] Один владыка Лакшми, другой владыка Гаури! Один с гирляндой из лесных цветов, другой с гирляндой из отрубленных голов; у одного в руке святая чакра, а у другого же трезубец! Один всю землю держит, другой же Гангу, один играет на свирели, в рог трубит другой; один владыка Вайкунтхи, другой живет на Кайлаше; один все охраняет, другой все разрушает; один сандалом тело покрывает, другой золой коровьего помета мажет; один в одежды облекается, другой тигровой шкурою покрыт; один читает веды, другой же агамы; один на гаруде лишь ездит, другой же на быке; один живет средь пастухов, другой меж бхутов, претов!

При всем своем различьи, каждый — вышний бог!
И по веленью сердца к ним твори любовь!“

В конце сказания автор еще раз показывает превосходство Вишну над Шивой и Брахмой (гл. 89, стр. 445—446), повествуя об испытании этих трех богов. Некогда риши решили испытать Брахму, Шиву и Вишну, чтобы решить, кто из них выше. Избранный ими Бхригу, сын Брахмы, убеждается, что Брахма и Шива подвержены страстям. От них он пошел в Вайкунтху, к Вишну и „дал Бхагавану он в грудь такой пинок ногой, что он проснулся“. Вишну не только не обиделся, но, увидав перед собою брахмана, бросился к ногам его и сказал: „Благоволи простить мою вину! Невольно я своею грубой грудью нанес удар прекраснейшему лотосу твоей ноги. Не сохрани в душе моей вины!“ Поэтому риши решили, что

„По благости великой Вишну выше всех,
И высшего чем Вишну, бога в мире нет!“

[1] Вишну.
[2] Шива

Поскольку Кришна почитается полным воплощением (аватарой) Вишну и победил всех богов, то он считается величайшим из всех богов, что выражается многократно. Так, лихорадка Шивы говорит (гл. 64, стр. 357) Кришне:

„Ты Брахмы и богов всех повелитель, бог!
Твоя, владыка мира, безгранична мощь!
Ты создал и устроил весь великий мир,
Весь мир — твоя лишь майя, из тебя возник!“

На жертвоприношении раджасуйи (гл. 75, стр. 400) Сахадев говорит: „Богов всех бог есть Васудев (т. е. Кришна)! Никто не ведает его великой сущности! Он есть владыка Брахмы, Индры, Рудры!... Главу пред ним преклоним! Коль корень дерева полить, зазеленеют и все ветки; так, если Хари пуджу совершим, все божества довольны будут! Один он есть создатель мира! Его творит он, охраняет, разрушает, и беспредельны чудеса его, никто не ведает пределов их! Он есть господь незримый и непостижимый, вечный! Для блага верных неизменно он приемлет аватары и, приняв тело, дела мирские совершает!“ Кришна есть „Прообраз света! Прообраз Брахмы... (гл. 60, стр. 322) Постичь его природу никто не в силах“. Эта же идея выражается (гл. 82, стр. 427) и словами Нарады: „Пути его... неисповедимы. Пред ним бессилен разум наш!“ Пастухи, постигнувшие сущность Кришны, говорят (гл. 29, стр. 178) ему: „Ты сам, создатель мира, утоляющий печали, владыка трех миров!“ Только он, согласно сказанию, может даровать вечное спасение. Освобожденный Кришной царь (гл. 52, стр. 264) говорит ему: „Кто в этот мир пришел, без милости твоей не может выйти из темного колодца, который называют домом!“ Сам повествователь шри Шукадев говорит о (гл. 1, стр. 102) других богах: „Путем служения другим богам все достигают исполнения желаний преходящих, но это не дает конечного освобождения“, которое все получают только от шри Кришны.

Таким образом автор „Прем Сагара“ шаг за шагом подводит читателя к монотеизму; но монотеизму специфически индийскому, монотеизму, развившемуся в условиях индийского феодализма. Хотя Кришну — он же Нараян, Вишну, Хари, Адипуруша, Васудев и т. д. является единственным высочайшим божеством, но этим вовсе не устраняется существование других богов.

Величайшим препятствием к спасению, даруемому Кришной, является, согласно сказанию, гордость: „Кто в мир придет (гл. 74, стр. 398) и возгордится, не долго жизнию тот насладится!“ Этот мотив повторяется многократно.

Хотя наиболее верным путем к спасению, как будет показано далее, является „бхакти“ (bhakti), любовь и преданность Кришне, т. е. путь, отличный от того, который признается ортодоксальным, но есть и окольные пути, существующие для тех, кто не сумел освободиться от пут майи.

И Нарада указывает на них самому отцу Кришны Васудеву: «Ведь в шастрах сказано: „Кто посещает сам места святые, раздает дары, творит молитвы, жертвы и обеты, тот человек, освободившися от пут сансары, спасенье получает!“»

ФИЛОСОФСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В „ПРЕМ САГАРЕ“

Философия пуран, в частности философия „Бхагаваты Пураны“, к которой восходит „Прем Сагар“, до настоящего времени мало изучена, и потому трудно говорить о философской системе „Прем Сагара“. Отдельные высказывания на философские темы рассеяны по всему сказанию. Эти высказывания представляют своеобразный философский синкретизм, но ближе всего они стоят к системе веданты, хотя заметно влияние системы Санкхья, йоги и др.

Основное положение, которое повторяется многократно, — божество есть чистый дух, незримый, непостижимый и весь мир есть лишь частичное проявление, раскрытие его. Так, побежденный Шива говорит (гл. 64, стр. 358) Кришне: „Ты наш господь незримый и непостижимый, бесконечный! Ты чистый дух, который дивный образ принял! И твердь — твоя глава, а небо — нёбо; огонь — твой лук; вода — то семя; страны света — уши; земля — то ноги, море — чрево; горы — ногти: облака — то волосы на голове; деревья — волоски на теле; солнце — око; луна — то сердце; Брахма — то душа; шри Рудра есть самосознание, ветер есть дыхание твое; а день и ночь — миганье век, и гром твой глас!

Ты в этих образах был выражен всегда,
Никто не мог, однако, этого познать!“

Единое божество, чистый дух, оставаясь самим собой, в то же время раскрывается во множестве вещей. Это положение яснее всего выражено в речи Акрура, обращенной к Кришне (гл. 41, стр. 216): „Господь! Ты тот, кто все творит и разрушает... ты проявляешься в неисчислимых образах, а боги, нары, муни, все они — ничтожные твои частицы! Все из тебя выходят, погружаются в тебя опять, подобно водам, которые, из океана выйдя, вновь все вливаются в него. — Ты существуешь вечно, чистый дух!..“

Чистый дух, будучи источником всего, тем самым является как лишенным всяких качеств, так „и обладающим всей полнотою их!“ Об этом Шукадев говорит (гл. 87, стр. 439) царю Парикшиту: „Кто сотворил наш разум, чувства, душу и дыханье, создал и закон, полезное, приятное и создал все возможности спасенья, тот господь лишен всех качеств. Когда ж он создает яйцо вселенной, то проявляется сам в образе, которому все качества присущи. Поэтому, лишенный качеств и обладающий всей полнотою их, он есть единый бог... Когда великое крушение бывает, четырнадцать яиц великих Брахмы принимают водный образ... Тогда всесовершенный Брахма продолжает спать один. Когда ж у господа является желание творить, то из дыхания его родятся веды... возносят все хвалу“.

Весь мир не только возникает из божества — чистого духа, но и всегда вмещается, пребывает в нем. Весь мир, все материальное и духовное есть только формы проявления единого, подобно тому, как все, что сделано из золота, продолжает оставаться золотом. Видимость различий — есть действие божественной иллюзии, майи. Об этом говорит (гл. 87, стр. 440) Нараян: „Родившися из уст господних, веды говорят: „Владыка! Скорей проснись и мир твори! И майю удали твою из душ всех тварей, дабы они могли познать твой образ! Могущественна майя, господи, твоя! Она в неведении держит все живое! И кто освободится от нее, тот удостоится святого знания постичь тебя! Владыка! Без помощи твоей никто не может подчинить ее! В чьем сердце обитаешь ты, владыка, в образе прекрасном знания, тот побеждает эту майю. Ты есть творец всего, все твари возникают из тебя, и все они в тебе вмещаются и пребывают, как из земли повсюду возникает множество вещей и вновь сливаются с землей!... Из золота мы можем сделать множество различных украшений, по-разному назвать их, но все же украшенья — золото, не больше! Таким же образом ты обладаешь множеством различных образов, но если посмотреть сквозь знание проникновенно, то никого и ничего здесь нет! Куда ни посмотри, везде лишь ты, один лишь ты являешься пред взором!.. Нет никаких пределов майе, господи, твоей!“

Майя, являясь божественной иллюзией, причиной восприятия единого божества во множестве образов — материальных и духовных (ум, самосознание и т. д.), — вместе с тем является и творческой активной энергией, путем привнесения изменений в гуны, которые составляют ее сущность, т. е. в гун саттва „истинное существующее“, раджас „движение“ и тамас „тьма, инертность“. „Она сама (гл. 87, стр. 441) является в трех гунах: саттва, раджас, тамас“. И, принявши таких три образа, она все порождает, охраняет, разрушает! Никто не мог постичь ее великой тайны и никогда никто и не постигнет.

Являясь порождением божества, остающегося бескачественным и неизменным, пассивным, создавая все, майя в то же время является неизменной могучей преградой к познанию сущности божества, мира и души. Майе подвластен весь мир (гл. 70, стр. 382). „Она лишает всех ума и памяти“. Исключения не представляют даже сами аватары высшего божества. Сам Кришна говорит (гл. 70, стр. 382) Нараде: „О, Нарада! Моя могуча майя! Весь мир она объемлет. Она чарует самого меня! И кто ж другой способен спастися от руки ее? Как можно в мир прийти и от нее спастись!“

Элемент дуализма, который создается противопоставлением чистого духа созданной им майе, находит выражение и в ряде высказываний автора, напр. (гл. 55, стр. 287): „Кто обладает знаньем, говорит: душа бессмертна, гибнет только тело!“

Все материальные и нематериальные тела состоят из пяти элементов, пяти стихий, отличных от чистого духа и одновременно пронизанных им. Кришна (гл. 85, стр. 433) сам говорит об этом:

„Как свет, он обитает в теле всех созданий,
И все его лишенным качеств называют!
Он сам творит и сам все разрушает он!
Не связан он ни с чем, но сам он есть во всем.
Земля, вода и воздух, чистый свет, эфир,
Есть пять стихий в телах всех, населивших мир!
Во всех пяти стихиях пребывает он,
Так говорят нам веды, наш святой закон“!

Эти пять элементов: земля, вода, огонь, воздух и эфир остаются только в живом теле. Когда тело разрушается, то элементы возвращаются к своим источникам. Так, когда Агни (огонь) сжег тела павших в битве (гл. 51, стр. 260) „и в пепел обратил, пять элементов вновь вернулися к источникам своим“.

Все чувственные наслаждения и страдания призрачны, и переживать их мы можем лишь в силу действия майи. Для тех, кто не смог освободиться от пут майи, весь мир — океан страданий. Познавшие различие души и тела не знают ни радости ни скорби (гл. 55, стр. 287). Весь «этот мир есть океан страданий! Когда родишься, где искать здесь счастья! Но человек, подвластный майе, сердцем различает здесь страдание и радость, добро и зло, победу — пораженье, соединение — разлуку! Но в этом для живого нет ни радости, ни скорби. Кто обладает знаньем, говорит: „душа бессмертна, гибнет только тело!“

Тело не только отлично от души, но никогда не может принадлежать нам (гл. 2, стр. 111): „Мы это тело можем охранять миллионами усилий, но никогда оно не станет нашим!“»

Признание, что тело отлично от души и чуждо ей, ведет к призрачности всего живого, к призрачности кровных и иных связей между людьми и призрачности земных благ. Сам Кришна говорит (гл. 45, стр. 230):

„Никто из смертных в мире вечно не живет,
И призрачно все то, что он своим зовет!
Нет ни отца, ни брата, матери нет, сына,
Рожденье смерть несет всем... смерть вновь возродила!“

Обладающие знанием знают, что все призрачно, что действует одна лишь воля божества, в руках которого человек подобен марионетке.

Джарасандх говорит Шишупалу (гл. 55, стр. 284): „Кто обладает знанием, о прошлом не горюет он: добро и зло творит для нас другой, и человек бессилен перед ним!.. Как кукла деревянная в руках фигляра пляшет, так пляшет человек в руках творца. Он делает, что хочет. Поэтому ни в радости, ни в скорби не радуйся и не скорби! Все принимай за сон!“

Средство освобождения от призрачных страданий и радостей состоит в знании изначальной противоположности между телом и душой, духом и материей (гл. 5, стр. 121). „Кто знанием высоким обладает, меж смертию и жизнию различия не знает.“

Лишь человек, осененный знанием сквозь завесу, которую создает майя между душой и телом и всем материальным миром, видит истину. Средство достичь истинного знания сущности всех вещей — созерцание: „Никто (гл. 87, стр. 441) не мог постичь ее (майи) великой тайны, и никогда никто и не постигнет! А посему живому надлежит, оставив все желанья, стремиться погрузиться в созерцание тебя! Лишь в этом счастье каждого!“ „Когда (гл. 1, стр. 102) с единой мыслью погрузишься в созерцанье, тогда ты все свое уразумеешь знанье: что тело есть и кто в нем обитает и кто себя в нем проявляет!“

Но преодолеть майю и достигнуть истинного знания невозможно без помощи божества. Так веды, родившиеся из дыханья Брахмы, говорят: „Без милости твоей никто не может подчинить ее“ (майю, гл. 87, стр. 440).

Таким образом в философских высказываниях „Прем Сагара“ переплетаются положения различных философских систем.

Высказывания о знании, как верном и единственном средстве достичь избавления от страданий, наблюдаются как у представителей высших каст, так и у самого Кришны. Но у Кришны знание теряет свой абстрактно философский характер, каким оно является у представителей аристократических каст, и состоит в знании божественной природы Кришны, в знании того, что Кришна есть высочайшее божество. Посылая (гл. 47, стр. 242) Удхава к Нанде, Яшоде и пастушкам, Кришна говорит ему: „Взрастив в них знание, освободи их от душевной слепоты... пусть ведают они, что я к ним близко, и пусть забудут горе. Забыв о чувствах к сыну, пусть чтут меня как господа. Потом скажи пастушкам: „...Забудьте чувства к милому и почитайте Хари, как владыку своего!“

Равным образом брахманки говорят (гл. 24, стр. 165): „Лишь то благословенно, то лишь истинное благо... что может быть тебе, о господи, полезным... Лишь то молитвы, подвиг, знанье, куда войдет твое именованье!“

Термин „знание“ (jnāna), употребленный представителями высших каст в своем абстрактном философском значении, свойственном системе Санкхья, у Кришны, как и у северных последователей Рамануджи понимается в смысле не только знания божественной природы Кришны, но и активного стремления к нему, в значении любви (भक्ति). Так Кришна сам говорит: „В чьем сердце есть любовь ко мне, тот, нет сомнений, удостоится спасенья!“ (гл. 74, стр. 398).

Обращаясь к Рукмини, Кришна провозглашает, что любовь к Кришне выше всяких подвигов и знания (гл. 61, стр. 330):

„Все знания, все тайны, все ты поняла!
Служение и вера мертвы без любви".

Наилучшим символом истинной любви к Кришне „Бхагавата Пурана" и „Прем Сагар" считают любовь запретную, любовь к любовнику, для которого женщине приходится пожертвовать всем: „Ведь кто живет (гл. 30, стр. 183) у ног твоих, те не хотят богатства, тела, скромности и чести: ты сам во всех рожденьях их супруг!"

Согласно „Прем Сагару" только такая любовь, пренебрегающая всем, жертвующая всем для него, ценна для Кришны. Кришна говорит пастушкам (гл. 33, стр. 192):

„Пожертвовали всем вы, отдали за миг,
Вы веды позабыли, стыд перед людьми,
Подвижникам подобно, бросили свой дом,
Питая только к Хари крепкую любовь!"

Таким образом, любовь, пренебрегающая всеми условностями, провозглашается высшим средством познания божества и высшим средством спасения (гл. 48, стр. 248). „Предвечного Адипурушу, Хари (пастушки) неизменною любовью полюбили! Того, кого все прославляют как незримого, непостижимого и неизменного, вы полюбили как супруга! Как в теле есть земля, вода, огонь, воздух и эфир, так пребывает в вас господь, но силой майи вам он кажется отдельным. Воспоминание о нем храните в мыслях; он всегда во власти любящих его!"

Хотя учение о любви — преданности — бхакти (भक्ति) применяется в вишнуизме с весьма давнего времени, но новое понимание этого термина привнесено своеобразным толкованием легенды о Кришне, в частности любви пастушек к Кришне. Как то отмечалось уже выше (стр. 20), любовь пастушек к Кришне, пропущенная сквозь призму брахманской философии, делается только символом. Этот символизм был, однако, роковым для целых школ вишнуизма, делавших акцент на любви как средстве спасения и соединения с единым величайшим божеством.

КРИШНА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ

Кришна, как художественный образ „Бхагаваты Пураны" и „Прем Сагара", страдает отсутствием целостности. По существу, мы имеем два образа; Кришна является в двух обликах, совершенно отличных один от другого: Кришна-пастух — любовник и Кришна воин и политик, богатырь и правитель царства при царе Уграсене. Эти два образа механически сближены легендой о рождении Кришны в доме кшатрия Васудева, который вынужден был скрыть его рождение и потому поручил его воспитание пастуху. Лишь потом, достигнув юношеского возраста, Кришна возвращается в ту среду, к которой он якобы принадлежал по своему рождению.

Двойственность образа Кришны отмечалась в литературе многократно. Так, напр., J. N. Bhattacharya[1] пишет о Кришне" „...by his ability as a political minister, combined with his military resources, he came to be recognized as the greatest power in the country in his time, and his friendship was eagerly sought by the mightiest of the kings in Northern India. According to the Mahabharata and the earliest Puranas Krishna was the model of a great Kshatriya hero and counsellor. But the later Purans while representing him as God himself in human form, have connected his name with a large number of legends depicting him as the worst type of a shameless sensualist, faithless lover and undutiful son. These stories, though they have served the purposes of priesterhaft in more ways than one, have not in all probability, any foundation, in truth, and might well be rejected by the historian not only as palpable myths, but as utterly unwarrantable defamations of the character of one of the greatest men that India has ever produced".

Оставляя пока в стороне вопрос о том, действительно ли позднейший Кришна является „худшим типом бесстыдного сенсуалиста, вероломного любовника и непочтительного сына", я отмечаю лишь факт, что резкое различие между двумя типами Кришны отмечалось уже давно и многими авторами, задолго до J. N. Bhattacharya. Весьма важно отметить, что, по существу, почти ни одна из вишнуитских сект не принимает Кришну в целом, в том виде, как он представлен в „Бхагавате Пуране" и „Прем Сагаре". Одни секты, как, напр., распространенные в Маратской области (Бомбей), знают Кришну только как супруга Рукмини. Другие же, как, напр., секты, распространенные на северо-востоке, в частности в Бенгалии, почитают Кришну не в образе героя-воина, а только в образе бога-пастуха — любовника.

Образ Кришны — героя-воина, данный в Махабхарате и представленный в „Бхагавадгите", инкорпорированной в „Махабхарату", в качестве высочайшего божества, в „Прем Сагаре" дается во второй части. После оставления Браджа и принятия в касту кшатриев, Кришна действует как истинный кшатрий. Вся его жизнь с момента переселения в Матхуру протекает в непрерывных войнах. Сначала он борется с Джарасандхом, защищая Матхуру; после переселения в Дварку он ведет войны из-за жен. С большим искусством он вмешивается в борьбу разных царей, в частности в борьбу между такими могущественными врагами, как кавравы и пандавы, и достигает такого влияния, что пандавы представляются лишь

[1] J. N. Bhattacharya. Hindi Castes and Sects. Calcutta, 1896, p. 423.

марионетками в руках Кришны. Кришна использует не только свои силы, но умеет заставить и других действовать в своих интересах. Так, напр., будучи не в силах одолеть царя Джарасандха, он сумел направить против него пандавов, и Бхима убивает наиболее могущественного врага Кришны. В борьбе Кришна не считается ни с какими законами, и без зазрения совести нарушает „священные“ с точки зрения индусов принципы морали. Своими хитростями он помогает Бхиме убить Джарасандха, хотя Джарасандх принял их обоих как гостей. Главная сила Кришны кшатрия — хитрость и двоедушие. Другая черта Кришны воина — безмерная жестокость, с которой он истребляет толпы побежденных. Даже Баларам, брат Кришны, считает (гл. 55, стр. 286), что он своею жестокостью „всех ядавов позором (он) навек покрыл“. По поводу уменья Кришны воина достигать успеха руками других, тот же Баларам говорит (гл. 86, стр. 438) Кришне: „Брат, не иначе, как это все твои дела: зажечь пожар и в воду убежать!“.

В области внутренней политики Кришна действует в союзе с брахманством против народа. Когда он видит падение своего авторитета среди народа, он умеет использовать этот союз ко взаимной выгоде своей и брахманов. Это с большой яркостью проявляется в эпизоде с Акруром (гл. 58, стр. 304), приведенном выше (стр. 307), где Акрур цинично заявляет: „Все ядавы... уж перестали думать, помнить о тебе... И ежели б теперь какое-либо бедствие пришлось им пережить, то будут господу они усерднее служить!“ После чего Кришна просит Баларама (гл. 58, стр. 308): „Брат! теперь благоволи послать народу нашему изрядную толику бедствий!“

Таков, по существу, неприглядный образ Кришны воина-политика, героя „Махабхараты“ и второй части „Прем Сагара“. С точки зрения высших каст кшатриев (дворянства) и брахманов, действовавших обычно во взаимном союзе для подавления низших каст, он представляется идеалом царя и политика, о чем говорит хотя бы приведенная выше цитата из J. N. Bhattacharya.

Для того, чтобы связать образ Кришны политика с образом пастуха, героя народных легенд, автор описывает первые дни пребывания Кришны пастуха в Матхуре. Кришна здесь выступает в виде деревенского парня, попавшего вдруг в большой город, но не смутившегося, а проявляющего большую развязность невысокого пошиба. Так, встретив на улице столицы царских прачек, Кришна предлагает Балараму (гл. 42, стр. 220): „Эй братец, давай от них отнимем всю одежу, и сами приоденемся и приоденем пастухов своих, а что останется, то раздадим народу...“ После чего обращается к прачкам со словами:

„Почище одежонку дайте пастухам!
Мы сходим во дворец в ней, все вернем мы вам.
И если царь одежей нас всех наградит,
То от щедрот царевых вам мы уделим“.

В ответ на это одна из прачек говорит (гл. 42, стр. 220) Кришне:

„Коров пасли, шатались все вы по лесам!
Ахир, да ты попоной тело прикрывал!
Пришел вишь нарядился, словно как фигляр,
Одеть наряд вдруг царский он вишь пожелал!..
С твоей ли рожей царский одевать наряд!“

Когда Кришна решил остаться в Матхуре и стал убеждать пастухов отправиться вперед, то пастухи подумали (гл. 46, стр. 234): „Что за диковинные речи говорит он! Из слов понятно только то, что он теперь нас хочет обмануть и так сбежать от нас!“

Пастушки видят в Кришне, уехавшем в Матхуру, только обманщика. Так в гл. 66 (стр. 367) они говорят:

„Кто может полюбить тут этого лжеца,
Что позабыл родных всех, мать свою, отца...

И каждая из нас покинула свой дом, своих родных! Пренебрегли мы честью рода, забыли стыд перед людьми, оставили детей, супругов, перенесли мы всю любовь на Хари! А плод какой мы получили?“

„Он думал о себе лишь, всех других забыл (гл. 48, стр. 247).
В награду за любовь он мукой отплатил!“

В ответ на послание Кришны (гл. 48, стр. 248) пастушки говорят:

„Теперь мы знаем все: он попросту сбежал!
Он говорит о знанье, йоге всех умов:
Забыв о нас и думать, небо вдруг приплел!
Сам только о забавах думает в душе,
Себя он Нараяном звать нам повелел!
Всегда здесь в Брадже с детства счастье нам давал,
Как он, непостижимым и незримым стал!
Кто качествами всеми, формой обладал,
Как он лишился качеств, форму потерял!“

Эти бесхитростные слова пастушек являются жестоким издевательством над брахманской теорией о божественности Кришны, хотя по мысли автора они должны передавать настроение пастушек, ослепленных майей, не уразумевших сущности божества.

Как в деревне (в Гокуле, Бриндабане), так и в городе (Матхуре, Дварке), где действует Кришна, основной действующей социальной единицей является в „Бхагавате Пуране“ и „Прем Сагаре“ род. Хотя во главе рода стоит раджа, но все важнейшие общественные вопросы разрешаются на собрании старейшин рода. Равным образом старшие представители рода во главе со своим главой разрешают вопросы браков и участвуют во всех важнейших семейных торжествах.

Так, в деревне Нанда по всем вопросам общественного и семейного порядка совещается со старейшинами рода. На таком собрании был решен вопрос о переселении из Гокуля в Бриндабан (гл. 12, стр. 139), вопрос об отказе от культа Индры (гл. 23, стр. 168) и т. д. Род присутствует и на семейных торжествах Нанды, как то: по случаю рождения Кришны, празднования месяца со дня рождения его, род принимает Кришну в число пастухов.

Равным образом в городе Матхуре, а впоследствии в Дварке царь Уграсена решает все дела „на собрании ядавов“. Там решаются не только вопросы о войне, но и дела о браке Баларама, Кришны и т. д.

При такой общности в области социальной структуры, материальная культура города и деревни в сильной мере отличны. Правда, автор „Бхагаваты Пураны“ и „Прем Сагара“ уделяет ей очень мало внимания и говорит о ней в слишком общих выражениях, чтобы можно было составить сколько-нибудь ясное представление о материальной культуре города. Во всяком случае и Матхура и Дварка описываются как обширные богатые города, окруженные роскошными садами, города с прекрасными постройками, дворцами, храмами, роскошно украшенными резьбой, драгоценными камнями и золотом. Города эти представляются торговыми центрами. Из описания Дварки (гл. 90, стр. 450) видно, что в самой столице купцы представляли многочисленную группу населения, кроме того, Дварку посещали „купцы из разных стран“. В Дварке „купцы заботились о том, чтоб подметались, поливались все рынки, улицы и площади“.

По многочисленным данным „Прем Сагара“ и „Бхагаваты Пураны“ в городе, как и во всем царстве, основную силу представляли воины-кшатрии во главе со своим царем. Кшатрии действуют в союзе с брахманами, причем брахманы являются не только помощниками царей в области внутренней политики, но выступают также неизменными посредниками между разными царями как в отношении их матримониальных дел, так и в делах политических.

Царь получает налоги с деревни преимущественно натурой: глава пастухов, Нанда (гл. 6, стр. 124), отправляясь для уплаты налогов, нагружает свои повозки молоком, сметаной, простоквашей, маслом, и только на последнем месте упомянуты деньги.

Деревня, в которой провел свое детство Кришна, не земледельческая, а пастушеская. Автор ни разу не говорит о земледелии и представляет Нанду скотоводом, вся жизнь которого теснейшим образом связана со стадами коров.

Дома, в которых жили пастухи, представляются настолько несложными, что пастухи, решив вечером (гл. 12, стр. 139) оставить Гокуль, на заре выезжают оттуда, погрузив на повозки все свое добро.

Решая вопрос о месте для переселения, Нанда и все пастухи выбирают Бриндабан, так как там „найдем покой, траву и воду“. Таким образом вопрос о пастбищах и водопое для скота является решающим. Коровы

и молочные продукты играют весьма важную роль в различных торжествах и играх. Так, на празднике, устроенном по случаю рождения Кришны, наиболее важную и интересную часть составляет дадхиканду, игра в кислое молоко. Автор „Прем Сагара“ так описывает (гл. 6, стр. 124) этот момент праздника:

„Все пастухи, что были в Гокуле, поставили на головы своих супруг кувшины с кислым молоком, все нарядились по-разному и с пением и пляской пришли поздравить Нанду. Придя к нему, они устроили такую дадхиканду, простоквашную игру, что потонул весь Гокуль в кислом молоке!“

Эта „простоквашная игра“ совершается с древнейших времен вплоть до наших дней в праздник рождения Кришны.

Пахтанье масла составляет весьма важный момент в жизни пастухов и описывается в весьма высоком стиле, напр. (гл. 10, стр. 134): „Однажды, собираясь масло бить, супруга Нанды встала на заре и разбудила и созвала всех пастушек. Они пришли и чисто начисто все в доме подмели, потом помазали навозом пол и, взявши маслобойки, стали масло бить. Тогда супруга Нанды новый, огромнейший горшок взяла, поставила его тут на скамейку, затем, потребовав веревку и мутовку, выбрала сама кувшины с лучшею сметаной и села масло пахтать... В тот час у Нанды в доме от пахтанья там масла такой поднялся гул, как будто гром гремел!“

Посвящение мальчика в пастухи составляет важный торжественный акт. Посвящаемый совершает поклонение коровьему загону и получает тилак (знак касты) из простокваши. Так (гл. 16, стр. 146), Нанда, когда Кришне исполнилось восемь лет, „велел шри Кришне с Рамой хлеву пуджу совершить, затем почтительно он обратился к пастухам: «Братцы! с сегодняшнего дня, когда вы отправляетесь коров пасти, с собой берите Раму с Кришной, но не спускайте с глаз своих, в лесу не оставляйте их одних!» Сказавши так, он Кришне с Баларамом джи из простокваши сделал тилак, завтрак дал и отпустил их с пастухами“.

Коровы принимают большое участие в играх не только детей (гл. 16, стр. 146), но и взрослых пастухов. Так, после принесения жертвы горе Говардхану (гл. 25, стр. 170) „там в каждом доме праздник был, веселье; и пастухи, раскрасив всех коров с телятами в различные цвета, на шеи повязав им ленты с колокольчиками и бубенчиками, в игры разные играли“.

Зрелище бегущих коров и самому автору сказания представляется исключительно прекрасным. Описывая коров, устремившихся на зов Кришны, автор замечает (гл. 16, стр. 146): „В тот час такая красота была, как будто тучи разноцветных облаков сливалися в одно!“

Корова представляется также образцом нежности. Описывая скорбь прекраснейшей супруги Кришны, утратившей сына, автор говорит о ней: „горюет тяжко, как без теленочка корова“.

Насколько широко распространен среди индусов взгляд на корову, как на существо исключительно нежное и любящее, свидетельствуют факты языка. Слово *vatsa* (वत्स) „теленок“ уже в древнеиндийском обозначает „милый, дитя“, отсюда произошло обычное в ряде новоиндийских языков слово для обозначения ребенка, сына. Так в хинди बच्चा *bacca*, собственно „теленок“ имеет в настоящее время значение „ребенок, дитя, сын“. Производное от слова वत्स *vatsa* „теленок“ прилагательное वत्सल *vatsala* в древнеиндийском значит „нежный, любящий, преданный“, и образованное отсюда абстрактное существительное वत्सलता *vatsalatā* значит „нежность, преданность“.

Приведенные языковые факты с несомненностью свидетельствуют о том, что пастушество оказало важное влияние на оформление ряда понятий, и это указывает на их большое значение в прошлом.

Жизнь Кришны-пастуха проходит среди пастухов, телят и коров. Как дети простых пастухов, Кришна даже учится ходить „хватаясь за хвосты малюсеньких телят“. Для детства Кришны особенно характерна следующая сценка (гл. 9, стр. 131): „Одеты оба в синих, желтых рубашонках, в мелких локонах вся голова; на шее в лентах амулеты, заклинанья, украшенья, в руках игрушки — так они играли во дворе и ползали повсюду... Когда они ручонками своими хватались за хвосты малюсеньких телят и на ножонках поднимались и падали потом, тогда Яшода с Рохини с любовью брали их...“ Все игры и шалости Кришны связаны исключительно с коровами, телятами, маслом, простоквашей.

В первой части сказания Кришна описывается равным со всеми пастухами. Он с восторгом участвует в трапезе пастухов и во всех их играх. Так (гл. 14, стр. 143): „Они к еде все приступили. Средь них — в короне из павлиньих перьев, с гирляндой из лесных цветов на шее, с палкой пастуха... в желтом шелковом наряде, в желтом шелковом плаще, смеющийся, веселый — шри Кришначандра оделял всех завтраком своим! У каждого с листа он брал, отведывал и говорил: «то кислое на вкус, то — жжет, то — горько». Он в том кругу был так прекрасен, как луна средь звезд!“ Во время еды телята разбежались, и Кришна сам спешит собрать их, меж тем как другие пастухи продолжают есть.

Любовь Кришны к пастушкам и телятам проявляется особенно ярко тогда, когда Брахма ворует у него телят и пастухов: Кришна сам обращается в телят и пастухов.

Звание пастуха и даже сам внешний облик пастуха представляется Кришне священным. Он не позволяет убить даже демона, замыслившего погубить его, пока демон носит облик пастуха (гл. 19, стр. 153).

Центральным моментом в жизни Кришны-пастуха, поскольку мы можем судить о нем на основании литературных обработок легенды о нем, являются его игры с пастушками. Его романтические похождения

открываются сценой похищения одежд (гл. 23, стр. 161 и след.) у купающихся пастушек. Заставив их подойти к себе нагими, Кришна в утешение обещает им водить с ними хоровод.

Описание хоровода Кришны с пастушками (гл. 30—34, стр. 180—195) составляет кульминационный пункт не только первой части, но и всего сказания. Это наиболее эмоциональная часть сказания. В „Бхагавате Пуране“ эта часть, по сравнению с „Прем Сагаром“, обильно насыщена сенсуализмом. Перипетии отношений Кришны с пастушками наиболее драматичная часть всего сказания. Эта часть соответственно наиболее лирична и написана наиболее художественным языком. Именно эта часть легенды о Кришне послужила исходным пунктом для развития индийской лирики XV—XVIII столетий.

Описание хороводов начинается в гл. 30 (стр. 181). „Шри Кришна в лес пошел и на свирели заиграл. Услышав звук свирели, все молодые жены Браджа, страдая от разлуки, полные любви, пришли в великое волненье. И, наконец, оставив майю рода, отбросив честь семьи, покинув все домашние дела, в волненьи, кое-как накинувши одежды и наряды, бросились бежать!“

Хороводные игры Кришны даже в „Прем Сагаре“ напоминают вакханалии (гл. 34, стр. 193): „Под звуки музыки все стали петь, и постепенно подбирая все более и более высокие тона, они под звуки дивных песен все пустились в пляску. Восторгом опьянились так, что позабыли все, не только тело, но и душу. По временам то обнажалась грудь пастушки, то вдруг скользила диадема Кришны, то разрывались ожерелья и рассыпалися жемчужины, то, разорвавшись, падали гирлянды из лесных цветов. Так пели все с шри Кришной и плясали, в любовных играх ярких осыпали взглядами друг друга, друг друга одаряли радостью и получали радость. Так радуя друг друга, смеясь и обнимаясь, они дарили украшения, одежды“.

Эти оргии любви Кришны и Баларама с пастушками приобретают специфический характер особенно потому, что в них участвуют замужние женщины, что стоит в радикальном противоречии со всеми представлениями об ортодоксальной морали. Автор сознавал глубокое несоответствие хороводных игр Кришны со всеми нормами религии и морали господствующих каст индусов, и потому счел необходимым особо остановиться на этом моменте и дать свои руководящие указания для верующего. Это видно из диалога между царем Парикшитом и Шукадевом (гл. 34, стр. 194): „Царь Парикшит вопросил шри Шукадева муни: „О милосердый к бедным! То объясни мне, расскажи! Шри Кришначандра принял аватару и явился в мир, чтоб погубить асуров, чтоб бремя снять с земли, дать счастье всем благим и добрым и показать пути закона! Зачем же он устраивает там забаву хороводную с чужими женами? Ведь это действие прелюбодея — с чужой супругой наслаждение вкушать!“ Шри Шукадев джи молвил:

„Внемли, о царь, коли ты тайны не постиг,
За человека, зрю я, господа ты мнишь!
И мысль о нем способна грех весь удалить,
Очистить тело, душу радостью облить!
Как все, что попадает в пламенный огонь,
Вмиг в пламени сгорает; все святит огонь.

И сверх того, ведь я уж раньше рассказал тебе, открыл происхождение пастушек: богини то и гимны вед для лицезренья Хари в Брадж пришли и там родились!“

Согласно символическому толкованию, о котором говорилось выше, любовь и преданность—бхакти (bhakti भक्ति) пастушек считается наиболее ярким образом любви и стремления души к божеству. Но уже в самом сказании, восходящем к древним трактовкам легенды о Кришне, из слов Удхава видно, что ставится знак равенства между этой чувственной любовью и самой бхакти (भक्ति). Уже в самом сказании любовь пастушек из символа стала путем приближения к божеству, к Кришне.

В литературе XVII и особенно XVIII вв. любовь пастушек к Кришне стала единственным пунктом, привлекавшим внимание авторов придворной поэзии. Эротические моменты, поддерживаемые учением о символизме этой любви, настолько эволюционировали, что приобрели совершенно нездоровый характер. Как отмечено выше, придворная эротика, опустившись из придворных кругов на улицу, обратилась в порнографию.

Такая деградация идеи вишнуитской бхакти наблюдается не только в литературе. Различные вишнуитские секты пошли по этому пути и поставили в центре культа Кришны подражание отношениям пастушек к Кришне.

Сказание о Кришне в высокой степени насыщено социальными мотивами. Эти социальные элементы разного порядка и отражают стремления разных каст. Уже раньше было отмечено стремление придать образу Кришны строго ортодоксальный характер, показать Кришну почитателем вед и брахманов, строго соблюдающим законы своей воинской касты.

Это агитационная линия, которая, очевидно, проводится редакторами и авторами различных произведений — брахманами в интересах своей касты. Как отмечено выше, агитационные моменты слишком выпячены и производят впечатление механического привеска, что особенно ярко выступает в первой части сказания.

Образ Кришны, поборника ортодоксии, почитателя брахманов, плохо вяжется, как увидим далее, с тем, как относится Кришна к брахманам и ортодоксии вообще в первой части сказания.

Далее, как и в Махабхарате, так и во второй части сказания о Кришне, Кришна, считающийся принадлежащим к касте воинов-кшатриев, представлен идеалом кшатрия. Однако старая, родовитая знать

кшатриев не считает его ровней себе, почитает его за выскочку. Родовитый царь Джарасандх отказался вступить с ним в единоборство. Царь Рукма отказался выдать за него свою сестру, считая его совершенно недостойным этого брака, считая позором для себя родство со случайным parvenu (гл. 53, стр. 270). Рукма говорит:

„Шестнадцать лет у Нанды Кришна проживал,
Тогда его ахиром каждый называл!
Попоной прикрывался, пас у Нанды скот
И у межи там кушал, кто что поднесет“.

И далее в главе 55 (стр. 285) Рукма, обращаясь к Кришне, говорит: „Эй! плут! Ты, слышно, в детстве молоко да простоквашу воровал и, наловчившися, явился, здесь красавицу украл!“

Еще больший интерес в этом отношении представляют высказывания знатного Шишупала (гл. 75, стр. 401): „Здесь на собраньи этом присутствуют такие знатные, почтенные и мудрые герои, как Дхритараштра, Дурйодхана и Бхишма... и другие. Однако же сейчас убиты честь и мненье всех. Здесь муни величайшие сидят, а пуджу совершили сыну Нанды пастуха и ничего никто здесь не посмел сказать! Здесь на собраньи этом превознесли как господа того, кто где-то в Брадже там родился и ел объедки пищи пастухов! Того, кто там с пастушками, с чужими женами любился, того здесь на собраньи этом возвели вдруг в величайшие святые. Кто молоко, сметану, простоквашу, масло в каждом доме воровал и жрал, тому здесь все воспели славу. Кто на дорогах, перекрестках милостыню принимал от всех, тот удостоился здесь вдруг такой высокой чести... чью касту, мать, отца иль род, закон никто не мог установить, того почтили...“

Весьма показательно, что Кришна планомерно истребляет всю родовитую знать. Если связать это с фактом перенесения столицы из Матхуры в Дварку, которая представлена большим торговым центром, можно видеть в Кришне второй части „Прем Сагара“ относительно новый тип кшатрия, опирающегося не на свою длинную родословную, а на связь с торговым капиталом. В этом аспекте становятся понятными и большие успехи Кришны в области внешней политики, так как его деятельность направлена на истребление феодальной знати и упрочение единства Индии.

Кришна-пастух радикально отличается от Кришны-кшатрия, изображаемого брахманами. Все его действия и высказывания являются отрицанием, а зачастую и издевательством над законами, религией и моралью высших каст.

Так, связь с чужими женами, согласно всем юридическим и моральным установлениям высших каст, есть величайшее преступление. Меж тем Кришна открыто издевается над установленной моралью. Обращаясь к женам пастухов, сбежавшимся к нему, Кришна говорит (гл. 30, стр. 182):

„Ведь сказано жене: «Хотя бы трус, порочный иль жестокий, хотя бы лживый, безобразный, прокаженный иль кривой, слепой, хромой, калека; хотя бы бедный — каков бы ни был твой супруг, но надлежит жене ему служить! Лишь в этом счастие ее и слава в мире! Закон жены, принадлежащей роду, преданной супругу — ни на мгновение не оставлять супруга. А если же супруга, оставив мужа своего, идет к иному мужу, она во множестве рождений будет обитать в аду!“

После этой проповеди, передающей основные положения законов Ману, Кришна начинает свои хороводы. Тот факт, что пастушки впоследствии водят хороводы также и с Баларамом, весьма свободно ведут себя с Удхавом и открыто провожают Кришну при его отъезде из Браджа в Матхуру, свидетельствует о том, что нормы морали пастухов, к которым принадлежал Кришна, были отличны от позднейшей морали законов Ману.

В первой части сказания брахманы, их религия и их культ представлены в весьма непривлекательном виде. Их грубость, жестокость и бессердечие, а также преклонение перед голой обрядностью особенно ярко выступают, когда (гл. 24, стр. 164) голодный Кришна посылает к ним пастухов и просит пищи. Брахманы не только отказали, но и разражаются бранью:

„Ах, скотники, все эти жалкие глупцы,
Вишь, жертву прерывайте, рису им давай!“

Несколько ниже брахманки, преклоняющиеся перед Кришной, говорят о своих мужьях (стр. 165):

„Спесивы жалкие, все брахманы глупцы
Ослеплены богатством, знанием слепцы!“

Наконец, в уста самих брахманов вкладываются слова, дающие оценку брахманов и их учености: „Проклятье нашему уму, проклятье жертвоприношенью! Они нам помешали господа узнать!“

Кришна не только отвергает законы высших каст; он ратует за свой кастовый закон и за религию пастухов, живущих своими стадами, зависящих от воды и травы. Обращаясь к своему отцу Нанде (гл. 25, стр. 168), Кришна говорит: „Нам почитанье Индры (бога-воителя) ничего не даст!.. И посему вам надлежит признать свой собственный закон... Отец, мы — вайшьи! Умножилось число коров, отсюда происходит Гокуль, отсюда и названье наше „гопа“ — хранители коров. И наша карма в том, чтоб земли обрабатывать и торговать, служить корове... Ведь веды всем повелевают не оставлять обычай рода своего!“

Кришна-пастух представляется противником каких бы то ни было социальных различий. Так, посланец Кришны, Удхав (гл. 47, стр. 244) говорит:

„Нет низких, нет высоких в мире для него,
И каждый, кто любовью к Хари здесь живет,
Пусть следует за Хари, пусть хранит любовь“.

Весьма важно также отметить, что, согласно сказанию, основное различие между поклонниками Шивы и поклонниками Вишну состоит в том, что „Кто совершает пуджу Хари (т. е. Вишну, Кришне), бедным остается, кто почитает Махадева (т. е. Шиву), тот богат“. Эта связь Кришны-пастуха с неимущими, с низшими кастами подтверждается тем, что с давних времен внекастовые индусы носят название Хари джан (हरिजन), т. е. „люди (поклонники) Хари“.

Все эти данные приводят нас к заключению, что легенда о Кришне-пастухе создалась среди низших, пастушеских каст с их своеобразными законами и своей особой моралью. Он является бунтарем, издевающимся над всеми законами высших каст, стоящим за освобождение низших каст от опеки брахманства. На его принадлежность к низшим кастам указывает и цвет его. Меж тем как все ведические боги обычно представляются белыми, Кришна с древнейших времен изображается черным, „облакоцветным“. Темной же окраской обладает и другая аватара Вишну, Рама, который обычно изображается зеленым. Объяснить, почему все другие боги, т. е. главным образом боги, которые почитались или почитаются высшими кастами, белые, а наиболее чтимые из всех богов — Кришна и Рама — темные, весьма затруднительно, если мы не признаем, что Кришна и Рама первоначально были божествами пастушеских каст.

Такое предположение может показаться совершенно поверхностным, основанным на случайном внешнем факте — темном цвете кожи в изображениях этих божеств. Мы видим, однако, что культ Кришны-пастуха с древнейших времен наблюдается среди сектантов, и его социальные идеи увлекали преимущественно представителей угнетенных каст. Лишь позднее кришнуизм, усвоенный высшими кастами, теряет свой радикальный характер. Литературный образ бога-пастуха, лишенный своего социального содержания, теряет свою ценность и социальное значение. По мере того как, переходя в иную социальную среду, к верхам феодальной аристократии, образ Кришны освобождается от своего социального содержания, деградирует и художественный образ Кришны. Из сильного, оригинального, грубого и смелого героя пастуха, который дерзко бросает вызов установившейся рутине, ниспровергая всех богов и все законы, Кришна обращается в изнеженного любовника, предающегося любовным томлениям, каким он выступает особенно часто у бенгальских авторов, напр. у Джаядева (XII в.) в его санскритской поэме „Гитаговинда“, или у Чанди Даса в его бенгальской поэме о Радхе и Кришне.

Это перенесение Кришны-пастуха в иную социальную среду сопровождается в соответствующих произведениях усилением элементов чувственности. Моральные нормы пастухов, у которых создались легенды о Кришне, были отличны от норм высших каст, и в новой среде Кришна представляется типом „крайнего сенсуалиста“. Отожествление Кришны-кшатрия с Кришной-пастухом, с одной стороны, способствовало более широкому распространению культа Кришны, который стал почитаться

всеми кастами, с другой же стороны — оно вело к совершенно неправильной трактовке образа Кришны-пастуха и привело к упадку вишнуизма, выделившему из себя ряд сект, глубоко погрязших в чувственности. Хотя Лаллу джи Лал в изложении основных моментов содержания легенды о Кришне следовал порядку „Бхагаваты Пураны", но в изображении Кришны-пастуха он дает образ, весьма близкий к народным легендам, свободный от позднейших наслоений.

О ФОРМЕ ПЕРЕВОДА „ПРЕМ САГАРА"

Выбор формы для перевода сказания о Кришне представлялся мне весьма затруднительным.

Как уже отмечено выше (стр. 40—42), Лаллу джи Лал пользуется в своем повествовании тремя языковыми средствами: а) прозой, б) рифмованной прозой и в) стихом.

Что касается прозы, то она отличается от современного прозаического хинди рядом моментов. Во-первых, вследствие быстрых темпов развития этого языка проза Лаллу джи Лала представляется в настоящее время в известной мере архаичной. Эта черта, однако, свойственна прозаическому языку Лаллу джи Лала не только в сравнении с современным языком. Некоторый налет архаичности характеризовал прозу Лаллу джи Лала даже в эпоху создания „Прем Сагара". Причина этого явления лежит в том, что, хотя автор и старался писать на чистом языке Дели и Агры, но, совершенно понятно, он не мог писать на чисто разговорном языке: даже в настоящее время разговорные индийские языки в сильной мере отличаются от литературных; особенно сильны эти отличия в области лексики. Кроме того, Лаллу джи Лал в своем первом в истории литературы хинди крупном прозаическом произведении, естественно, не мог порвать со старым словарем, применявшимся с древнейших времен в поэзии. Как заявляет он сам, он постарался изгнать из своего языка иноязычные элементы (यामनी भाषा क़ाड़). Это изгнание иноязычных элементов, весьма широко употребительных в разговорных языках, еще сильнее должно было архаизировать словарь „Прем Сагара".

Названные основания потребовали и от переводчика некоторой архаизации словаря, применяемого в тексте перевода. Параллельно с сознательным устранением в тексте оригинала иноязычных элементов, в тексте перевода сделана попытка избежать, насколько возможно, заимствований, носящих печать недавнего происхождения.

К этому побуждал также и тот факт, что „Прем Сагар" является не только художественным произведением, но и произведением религиозным, которое пользуется высокой популярностью и за эту сторону своего содержания.

Кроме того, в силу связи с предшествующей исключительно стихотворной литературной традицией, а также вследствие особенностей самого синтаксиса хинди, о котором говорилось выше (стр. 42), проза Лаллу джи Лала в сильной мере насыщена элементом ритма, который особенно ярко выступает при устном чтении текста. Эта характерная особенность прозы оригинала заставила переводчика внести элемент простейшего и однообразного ритма в язык перевода. К этому побуждала также наивность сюжета сказания, передаваемого простым, но весьма торжественным языком.

Таким образом некоторое архаизирование словаря и привнесение ритма в прозаическую часть сказания введены в язык перевода в интересах наибольшего приближения к оригиналу.

Что касается многочисленных элементов сказания, написанных ритмованной прозой, осложненной рифмой, то и здесь сделана попытка выделить в переводе эти пассажи привнесением некоторого элемента рифмы.

Особенные трудности представлял перевод стихотворных элементов сказания. Эти трудности выступают особенно ясно, если мы укажем на три специфические черты, которые свойственны стихам хинди:

а) Метрические размеры, которые применяются в поэзии хинди, совершенно отличны от размеров, применяемых в Европе, и до настоящего времени не было сделано ни на одном языке попытки передать их европейскими формами.

б) В поэзии хинди, равно как и в поэзии на других индийских (точнее индуистских) языках огромное количество слов в стихах произносится отлично от произношения их в прозе. Эта особенность поэзии хинди обязана своим существованием факту большой древности поэтической традиции; меж тем как живое произношение слов, применяемое в прозе, в сильной мере эволюционировало и целый ряд открытых слогов обратился в закрытые, в частности исчезло из произношения конечное короткое *a*, поэзия продолжает сохранять старое произношение слов.

Таким образом, напр., слова:

करता „делающий" в прозе произносится kartā, в поэзии karatā

घर	„дом"	„	„	ghar	„	ghara
चलना	„двигаться"	„	„	calnā	„	calanā
हम	„мы"	„	„	ham	„	hama
						и т. д.

Из этого явствует, что метрическая форма одного и того же слова будет различна в прозе и в стихах, и, напр., слово घर „дом" в прозе обладает одним коротким тактом, в поэзии — двумя.

Совершенно понятно, что передать на русском языке эту особенность стиха хинди совершенно невозможно.

в) Третья особенность стиха хинди состоит в том, что каждый стих и даже каждое полустишие должно представлять законченный логический элемент. Перенесение лексических элементов, логически связанных с данным стихом или полустишием, в другой стих или другое полустишие абсолютно не допускается. Эта особенность построения стиха заставляет поэтов хинди пользоваться в своих стихах формами разных диалектов, в значительной мере различных по своим метрическим рисункам, а также применять различные модификации слов, особенно часто наблюдаемые в исходных слогах, и признавать условности долготы или краткости ряда звуков или слогов.

В отношении рифмы стих хинди требует возможно большей полновесности ее, напр.:

प्रथम दियौ सुत अनिकै मन परतीत बढ़ाय
ज्यों ठग ककु दिखाइकै सर्बसु ले भजि जाय

Prathama diyau suta anikai mana paratīta baṛhāya
Jyoṅ ṭhaga kacchu dikhāikai sarbasu le bhaji jāya (гл. 37) или

कैसे कंस मन लाय भलौ मतौ मंत्री दियौ
लीने मल्ल बुलाय आदर कर बीरा दियौ

Kaise Kansa mana lāya bhalau matau mantrī diyau
Līne malla bulāya ādara kara bīrā diyau.

Ни в коей мере не считая себя причастым к поэзии, я не делал никаких попыток передать стихи в адэкватной форме с сохранением размера подлинника.

Однако, я не считал себя в праве полностью смешать прозу и стихи подлинника, как это сделал, напр., в своем французском переводе (точнее пересказе) E. Lamairesse.

По этой причине каждое полустишье подлинника передано особой строчкой, в которую привнесен ритм, весьма отдаленно напоминающий ритм оригинала, в некоторых же случаях привнесена и рифма. Красные строки перевода я не думаю называть стихами; они являются лишь средством отметить стихотворные части оригинала.

В заключение позволю себе выразить надежду, что прилагаемый перевод,—первый перевод с хинди крупного художественного произведения новоиндийской литературы, исполненный непосредственно с оригинала,—может способствовать пробуждению интереса к индийским литературам, почти совершенно неизвестным в Советском Союзе.

Перевод сделан на основании трех изданий текста „Прем Сагара“, а именно:

a) प्रेम सागर . The Prem Sagar or the Ocean of Love... by Lallu Lāl, a new edition, by Edward B. Eastwick. Hertford, MDCCCLI.

b) श्री. पण्डित लल्लुलालजी कृत सचित्र प्रेम सागर, под ред. हरिप्रसाद भगीरथजी, बम्बई, संवत १९६४, सन १९०७.

c) प्रेमसागर पण्डित लल्लूलालकृत, संशोधक पण्डित कालिका प्रसाद दीक्षित, प्रकाशक रामनरायन लाल बुकसेलर, प्रयाग.

Различия между этими изданиями совершенно незначительные и относятся почти исключительно к области орфографии. Первое из названных изданий сохраняет орфографию самого Лаллу джи Лала, меж тем как два последние дают текст „Прем Сагара“ в современной орфографии и в немногих случаях также устраняют некоторые архаизмы словаря Лаллу джи Лала.

ПРЕМ САГАР

ПОКЛОНЕНИЕ[1] ШРИ[2] ГАНЕ́ШЕ![3]

Препон рушитель, славою высокий, о Ганѐша, распустившийся слоновым ликом!
Подай мне дар: да возрастает мощно Ва́ни,[4] речь святая, разума восторг великий!
Чету прекрасных созерцая ног, и день и ночь весь мир тебе молитвы шепчет,
Мать мира, о Сара̀свати,[5] богиня слова, дай мне память и искусность речи!

ДАЛЕЕ СЛЕДУЕТ НАЧАЛО СКАЗАНИЯ

---

[1] В соответствии с древней индийской традицией, каждое произведение на любом из индийских (точнее индуистских) языков начинается с обращения к божествам, которых автор призывает оказать свою милость и помочь его работе. Чаще всего эти призывы бывают обращены к Ганеше и Сарасвати. Отступления от этой традиции наблюдаются только в последние десятилетия у авторов, воспитанных под европейским влиянием.

[2] Слово, выражающее почтение, уважение, преклонение и т. д., может быть переведено на русский язык словом „уважаемый", „почтенный" „святой" и т. д. В прошлом авторы вариировали число слов „шри" в зависимости от степени уважения к лицу, перед именем которого ставился этот знак: таким образом слово „шри" могло писаться от одного до ста и больше раз. В своем буквальном значении слово „шри" (श्री) означает „счастье, благо, богатство" и т. д., равным образом супругу Вишну, богиню счастья и богатства.

[3] Имя божества, которое изображается с человеческим телом и головой слона. У него четыре руки, один зуб, три глаза и на лбу луна на ущербе. Ганеша (गणेश) почитается сыном Шивы и главой его войск. Согласно старым индийским легендам, о которых говорят пураны, перед началом каждого доброго дела необходимо почтить Ганешу, который в этом случае устраняет все препятствия к его завершению, почему он и называется „рушителем препон". Ганеша почитается также крупным писателем. Согласно легендам, именно он является создателем Махабхараты.

[4] Речь, слово, звук; богиня речи, Сарасвати.

[5] Богиня слова, покровительница наук и искусств. В пуранах Сарасвати считается дочерью и супругой Брахмы. Согласно легендам, Сарасвати (सरस्वती) находится в постоянной вражде с Лакшми, богиней богатства и счастья.

ГЛАВА 1

Почему шри Шукадева[1] джи рассказал сказание царю Парикшиту[2]

По окончаньи Махабхараты,[3] когда преставился шри Кришна, то Пандавы,[4] великой скорби полные, вручили царство Хастинапура[5] царю Парикшиту, а сами все отправилися в Хималаи, в последний путь. И царь Парикшит, страну всю покорив, стал править царством справедливости.

Немного дней прошло. Однажды царь Парикшит вышел на охоту. И там увидел он: бегут к нему корова, бык; за ними шудра[6] следует с дубиною в руке и бьет их. Когда они к нему приблизились, то, шудру подозвав к себе, в великом гневе царь сказал: „Скажи, кто ты? Без промедленья назови себя! Зачем умышленно ты бьешь корову и быка? Иль ты узнал, что Арджун[1] далеко, и потому не узнаешь ты лук его? Слушай, в роду у Пандавов ты не найдешь такого никого, кто б потерпел, как бедных мучат на глазах его!“ Сказавши так, царь меч свой в руки взял. Увидев это. шудра, испугавшись, стал. Потом царь, подозвав к себе корову и быка, спросил: „Кто вы? Мне вразумительно скажите, боги ль вы иль брахманы, и за какую же вину он гонит вас? Скажите это без боязни: пока я жив, никто здесь не посмеет зло вам причинить!“

Услышав это, бык, понурив голову, сказал: „Махарадж! Тот черный страшный образ, воплощение греха, что пред тобой стоит, то Калиюг,[2] и я бегу от приближения его. А в образе коровы, то — сама Земля; она, ты видишь, в бегство обратилась в страхе перед ним; меня ж зовут Закон. В век Калиюга у меня четыре лишь ноги: то подвиг, правда, милосердие и чистота. В Сатьяюге[3] двадцать ног всех было у меня, а в Третаюге[4] уже шестнадцать, в Двапараюге[5] лишь двенадцать, теперь же в Калиюге их осталося всего четыре. Поэтому в век Калиюги двигаться я не способен!“ Земля сказала: „О воплощение закона! И я не в силах жить уж в эту югу: ведь шудры, сделавшись царями, беззакония великие на мне творить все будут; их бремя вынести я не смогу. От страха перед этим я бегу!“ Услышав это, в гневе царь сказал так Калиюге: „Без промедленья я убью тебя!“ Он, испугавшися, упав к ногам царя, с мольбою так сказал: „Земли владыка! Теперь я обращаюся за помощью к тебе: ты укажи мне место, где бы мог я жить: ведь никаким путем нельзя же

---

[1] Легендарный отшельник и мудрец, почитающийся величайшим знатоком пуран. Он рассказал царю Парикшиту все сказание о Кришне.

[2] Сын Абхиманью, внук Арджуна, одного из крупнейших героев Махабхараты. Согласно Махабхарате, Парикшит (परीक्षित) еще во чреве матери был убит одним из кавравов Ашваттхаманом, но возвращен к жизни Кришной. Когда царь Юдхиштхира отрекся от мира, к нему перешел престол Хастинапурского царства.

[3] Великая война между двумя царскими родами — кавравов и пандавов, в которую, согласно традиции, были вовлечены все важнейшие племена Индии. Этим же термином обычно называется величайшая поэма древней Индии. В различных редакциях Махабхараты (महाभारत) насчитывается от 80 до 110 тысяч шлок, т. е. двустиший. Первоначальные легенды, лежащие в основе Махабхараты, относятся к концу ведического периода; окончательная редакция ее предположительно относится к IV в. до хр. эры. Автором Махабхараты индийская традиция считает легендарного мудреца и поэта Вьясу (व्यास). По некоторым легендам, первоначальным создателем Махабхараты является Ганеша.

[4] Потомки Панду, брата Дхритараштры, царя Хастинапурского. Как пандавы (पाण्डव), так и родственный им род кавравов (कौरव) почитаются потомками Бхараты, потомка Пуру, родоначальника одной из ветвей лунного рода кшатриев, т. е. воинской касты, который противополагается солнечному роду.

[5] Столицей царства почитается Хастинапур, откуда и название его. Согласно Махабхарате, Хастинапур принадлежал кавравам, и из-за него произошла великая война между кавравами и родственными им пандавами. Согласно традиции, город этот основан царем Хастином, откуда и название его „Хастинапур“, т. е. „город Хастина“. Развалины Хастинапура находятся близ старого русла Ганги, в 57 милях к северо-востоку от Дели. Согласно легендам, Хастинапур был смыт водами Ганги.

[6] Название низшей из четырех индусских каст. Три высшие касты — брахманы, кшатрии и вайшьи.

---

[1] Один из пандавов и крупнейший герой Махабхараты, прославленный за свою храбрость, мудрость, великодушие, благородство и красоту. Как в Махабхарате, так и в пуранах и в „Прем Сагаре“ Арджун изображается близким другом Кришны.

[2] Четвертый, современный век в развитии вселенной—железный век по терминологии римлян; олицетворение этого периода (युग юги), бог Калиюг или Калиюга (कलियुग).

[3] Золотой век (सत्ययुग). Согласно индусской системы летоисчисления, которая, правда не находит практического применения и упоминается преимущественно в легендах, должно различать четыре века или юги, а именно: 1) Сатья-Юга или Крита-Юга, 2) Трета-Юга, 3) Двапара-Юга и 4) Кали-Юга. Продолжительность этих веков следующая: Сатья-Юга — 4800 лет, Трета-Юга — 3600 лет, Двапара-Юга — 2400 лет и Кали-Юга — 1200 лет. Продолжительность каждой юги выражена в годах богов, а так как год богов считается равным 360 земным годам, то длительность всех четырех юг, выраженная в земных годах, равна 4 320 000 лет. Четыре названных юги составляют „Великую Югу“ — Махаюгу или Манвантару. Эта система летоисчисления выработана индусами в период между созданием Ригведы, в которой нет упоминания о югах, и временем составления Махабхараты, в которой она упоминается многократно.

[4] Серебряный век (त्रेतयुग).

[5] Медный век (द्वापरयुग).

уничтожить те три кальпы[1] и четыре юги, которые создал сам Брахма![2] Слова услышав эти, царь Парикшит молвил Калиюгу: „Ты можешь жить в таких местах: в притонах лжи, игры и пьянства, в домах продажных женщин и в убийстве, в краже, в золоте!“ Услышав это, Калиюг отправился в свои владенья, царь в душу поместил закон, земля же приняла свой прежний образ. Потом царь возвратился в город и стал он править царством справедливости.

Немного дней прошло. Однажды снова на охоту царь отправился. Шел, шел, и захотел он пить. В короне же, на голове его, жил Калиюг; использовал он этот случай и знания лишил царя. Томимый жаждой царь попал туда, где Шамик риши[3] на седалище своем сидел с закрытыми глазами и, погруженный в созерцанье Хари,[4] подвиг свой творил. Его увидев, царь Парикшит так сказал в душе: „Меня он видел, но, возгордяся подвигом своим, закрыл глаза“. Такой злой мысли место дав в душе, царь луком поднял дохлую змею, что там лежала, и, взяв, на шею риши положил ее, потом отправился домой. Когда же снял корону царь и знание вернулося к нему, то в скорби он сказал: „Ведь в золоте же Калиюг живет, и у меня он был на голове, по этой именно причине злая мысль такая у меня явилась. Теперь уразумел я! Ведь тем, что я взял дохлую змею и положил ее на шею риши, Калиюг мне отомстил за все! Как мне теперь освободиться здесь от этого великого греха? О, почему я не лишился касты и богатства, супруги и народа, царства своего? Теперь не знаю я, в каком рождении с меня сойдет сей грех, что брахмана я оскорбил!“

Здесь царь Парикшит утопал в таком бездонном море скорби, туда ж, где Шамик риши был, играя, забежало несколько ребят. Увидев дохлую змею на шее у него, все удивилися и в страхе стали говорить друг другу:

[1] Сутки Брахмы, творца вселенной. Продолжительность кальпы (कल्प) равна двум тысячам Махаюг, т. е. 4 320 000 × 2000 = 8 640 000 000 земных лет.

[2] Первый член индусской божественной триады, в которую входят Брахма (ब्रह्म), Шива и Вишну. Как созидательная сила, он почитается творцом вселенной. Согласно одним легендам, Брахма явился из мирового яйца, положенного высочайшей первопричиной; по другим легендам, засвидетельствованным в Махабхарате и Рамаяне, Брахма вышел из пупа либо из лотоса, выросшего из пупа Вишну. Немедленно по своем рождении Брахма из своего дыхания создает веды и весь мир, который остается неизменным в течение одного дня Брахмы, длительность которого определяется в 8 640 000 000 земных лет. По истечении одного дня Брахмы видимый мир гибнет от огня, остаются в живых только божественные мудрецы, боги. На другой день Брахма возобновляет свое творение, и этот процесс конечного созидания и разрушения длится 100 лет Брахмы. По истечении этого периода сам Брахма, все боги и мудрецы гибнут вместе со всей вселенной, которая разлагается на свои основные элементы. Брахма изображается в виде седого старца о четырех ликах и четырех руках. Его супругой почитается Сарасвати, богиня слова, богиня наук. Брахма является божеством, мало популярным среди широких кругов последователей индуизма, и во всей Индии имеется лишь один храм, посвященный специально Брахме.

[3] Легендарный мудрец или поэт.

[4] Хари (हरि) одно из имен бога Вишну (विष्णु), которое употребляется также для обозначения воплощений Вишну (напр. Кришны), а иногда и других божеств.

„Братец! Пускай кто сходит, скажет сыну, он с сыновьями риши ведь играет в роще там на берегу реки Каушики“.[1] Один, едва услышав, побежал туда, где Шринги, риши молодой, игрою с юношами забавлялся, и сказал: „Что ж ты играешь здесь? Злодей какой-то черную там дохлую змею взял твоему отцу на шею положил!“ Когда услышал это Шринги риши, то кровью налились его глаза, заскрежетал зубами он и, задрожав всем телом, в гневе молвил: „Ну и цари пошли теперь в век Калиюги — надменны, гордецы! богатством опьяненные злочинцы и слепцы! Я прокляну его теперь: его постигнет скоро смерть!“ Сказавши так, он зачерпнул рукой воды из Каушики реки и проклял тут Парикшита царя: „Пусть эта ж самая змея тебя укусит на седьмой день и да умрешь ты от укуса!“

Таким вот образом царя проклявши, Шринги риши к своему отцу пошел и, с шеи удалив змею, сказал: „Отец, приди в себя! Я проклял уж того, кто дохлую змею тебе на шею положил!“ Услышав те слова, шри Шамик джи пришел в себя, открыл глаза, с проникновением глубоким в мысли углубившись, молвил: „О сын, что ты наделал? Зачем царя ты проклял? Ведь в царстве то его мы все счастливы были; ни зверь, ни птица даже не тужили! Здесь было царство справедливости такое, что лев с коровой вместе проживали и меж собой вражды не знали. О сын! Из-за чего ж мы насмеялися над тем, в чьей поселилися стране? Зачем его ты проклял лишь за то, что положил он дохлую змею? За столь ничтожную вину проклятье ты изрек. Ты совершил великий грех! И ни о чем в душе ты не подумал: о всех достоинствах его забыл, порок один держал ты в мыслях. Ведь садху[2] надлежит жить в благонравии и чистоте, и ничего он сам не должен говорить, — других лишь слушать, он добродетель каждого обязан помнить, пороками пренебрегать!“

Сказавши так, немедля Шамик риши, подозвав к себе ученика, сказал: „К царю Парикшиту ты отправляйся и уведоми его, скажи: «Тебя, царь, Шринги риши проклял!» То верно, люди станут порицать его, но он услышит, примет меры“. И, повинуяся словам тем гуру,[3] ученик пошел, пришел туда, где царь сидел в великой скорби. Придя, сказал он: „Махарадж![4] Тебя, знай, Шринги риши проклял и змея тебя укусит на седьмой день! Теперь свое ты делай дело, дабы уйти из сети кармы.[5] Услышал

[1] Название реки, текущей из пределов Непала и впадающей в Гангу близ г. Чампарана.

[2] Благородный, благочестивый; святой старец.

[3] Учитель, наставник.

[4] В буквальном переводе слово महाराज „Махарадж“ или „Махараджа“ означает великий царь, в каковом значении оно употребляется и в настоящее время в качестве титула. Однако при непосредственном обращении это слово давно утратило указанное значение и стало знаком почтительного обращения, подобно английскому sir...

[5] Действие, дело; итог добрых и злых дел, предопределяющий последующую форму существования человека и других живых существ. Таким образом карма в некоторой мере соответствует европейскому понятию судьбы, с тем, однако, весьма существенным разли-

царь и с радостию встал; сложивши поднятые руки,[1] он сказал: „Великую мне риши милость оказал, что проклял: меж тем как я здесь утопал в безбрежном море скорби, ослепленный майей,[2] извлек меня он, вытащил на берег!“ Призвал он сына Джанмеджая[3] и, передав ему трон царский, так сказал: „Мой сын! Оберегай корову,[4] брахмана, счастливым сделай весь народ!“ Сказавши так, пошел он во дворец цариц и видит — супруги все в великой скорби. Царя увидев, все царицы к его ногам упали и, рыдая, говорили так: „Махарадж! Мы женщины, мы слабые, не можем мы перенести с тобой разлуку, и если мы с тобой умрем, то будет благо!“ Царь молвил: „Слушайте, жене приличествует делать то, что ей закон повелевает, и не должна она чинить препятствий в деле наивысшем!“.

Сказав так, царь, покинув майю царства и семьи, богатства и народа, свободный от всех обольщений, отправился и сел на берегу у Ганги[5] для совершения йоги.[6] И всяк, кто слышал о царе, скорбел о нем, жалел его, не мог без слез остаться. Когда же муни[7] услыхали весть о том, что царь Парикшит из-за проклятья Шринги риши отправился на берег Ганги умирать, то Вьяса,[8] Васиштха и Бхарадваджа, Катьяяна, Парашара и Нарада,[9] Вишвамитра и Вамадева, Джамадагни и с ними восемьдесят восемь тысяч

чием, что эта „судьба“ определяется исключительно предшествующими действиями носителя этой „судьбы“, кармы. Свойственный почти всем религиозным и философским системам Индии догмат кармы обычно связывается и находит наиболее яркое проявление в догмате о так называемом перерождении, т. е. в признании бесконечности существования живого существа, в различных формах существования, причем каждая форма существования определяется кармой, как итогом добрых и злых поступков, мыслей и т. д.

[1] Поднятие рук, сложенных ладонями, с древнейших времен является в Индии знаком покорности, смирения, преданности и почтения.

[2] Призрачность, иллюзия, сила, заставляющая нас видеть лишь внешнюю обманчивую и призрачную видимость вещей, явлений и всего мира, и скрывающая от нас истинную сущность вещей.

[3] Сын царя Парикшита, впоследствии, согласно легендам, могущественный император Индии. Мстя за смерть своего отца, умершего от укуса змеи, Джанмеджая принял решение истребить всех змей. Лишь после усиленных просьб риши Астик убедил его оставить в живых змея Такшака, укусившего Парикшита.

[4] Корова с древнейших времен Индии вплоть до настоящего времени считается священным животным. Умерщвление коровы почитается преступлением, более тяжким, чем убийство человека.

[5] Туземное название величайшей реки Индии — Ганга गंगा Наше обычное произношение „Ганг“ объясняется заимствованием этого слова через посредство английского языка.

[6] Соединение, единение; в частности, согласно индийской религиозной философии, соединение с божеством и пути к такого рода единению — подвиг, созерцание и т. д...

[7] Мудрец, мудрый старец, отшельник, подвижник.

[8] Вьяса (व्यास) и далее перечисленные риши (поэты, мудрецы) почитаются девятью величайшими риши; по ведийской традиции они являются творцами вед.

[9] Один из великих риши. Нарада почитается сыном Брахмы, он представляется изобретателем лютни и главой небесных музыкантов — гандхарвов. В вишнуитской литературе Нарада выступает в качестве поклонника и друга Кришны. В своем постоянном усердии послужить Кришне он часто представляется весьма неразборчивым в средствах.

риши пришли и, постелив[1] себе сиденья, уселись все рядами, и каждый, размышляя о своей науке-шастрах, поучал царя, давая наставления в своем законе. И вот, увидев веру крепкую царя, пришел туда сам Шукадева джи,[2] — под мышкой книга у него, одет он только воздухом.[3] И муни все, которые собрались там, при виде риши Шукадева встали, а царь Парикшит, сложивши поднятые руки, встав, смиренно так сказал: „О милосердия сосуд! Великую ты оказал мне милость, что в час такой ты вспомнил обо мне!“ Когда он так сказал, то Шукадева муни сел. И царь спросил у риши: „Махарадж! Ведь Шукадева джи — сын Вьясы[4] джи, Парашары[5] джи внук, так почему же вы, о величайшие из муни, его увидев, встали? Необычайно это, объясните мне причину этого, дабы сомнение исчезло из души моей!“ Тогда сказал Парашара джи муни: „Царь! Хотя все здесь — великие собрались риши, однако же по знанью все мы уступаем Шукадеву, поэтому мы все почтили Шукадева. Ни от кого он не зависит, он сам спасенье и спаситель, по той причине, что со дня рожденья своего отшельником он стал и жизнь свою в лесу проводит. О, царь! великая какая-то твоя заслуга проявилась в том, что Шукадева джи пожаловал сюда! Из всех нас он лишь может объяснить закон высокий, которым ты спасешься от рождения и смерти и переправишься чрез океан бываньи!“ Услышав это слово, царь Парикшит джи простерся пред шри Шукадевом, потом спросил: „Махарадж! Ты вразуми, наставь меня в законе! Как освободиться мне из сети кармы? Но что я сделаю в семь дней? у беззакония ведь нет предела и перейти чрез океан существования как может быть моим уделом!“

Шри Шукадев джи молвил: „Не думай, царь, что мало дней осталось! За час один лишь созерцания спасенья достигают, как Кхатвангу[6] царю,

---

[1] Из травы.

[2] Джи (जी) — знак почтения; ставится после имени лиц, к которым выражается почтение. В прошлом слово „джи“ (जी, санскр. जय) имело значение „победа“, в последующем оно получило значение „почтенный, уважаемый, святой“ и т. д., напр. „Кришна джи“ „святой (или великий) Кришна“, „пандит джи“, „почтенный пандит“ (ученый брахман). Таким образом „джи“ по своему значению приближается к значению старорусского „су“, дореволюционного „-с“ в выражениях „они-с“, „да-с“ и т. д.

[3] Т. е. совершенно нагой.

[4] Один из величайших риши. Он почитается редактором вед, составителем Махабхараты и Пуран и основоположником философской системы веданты. Легенды считают Вьясу внебрачным сыном риши Парашары и царевны Сатьявати. Вьяса вел жизнь отшельника, но, в согласии с законом, он, по просьбе своей матери, взял себе в жены вдов своих братьев и от них родились Дхритараштра, отец кавравов, и Панду, отец пандавов, борьба между которыми составляет основную тему Махабхараты.

[5] Риши, отец Вьясы.

[6] Пураны считают Кхатвангу (खट्वांग) принцем из солнечного рода кшатриев (воинов). Во время борьбы между богами и демонами Кхатванга оказал богам большую услугу. В награду за это боги предложили ему просить дар. Кхатванга пожелал узнать, долго ли ему осталось жить, и получил ответ: „Два часа (по другим легендам — один час). Кхатванга сошел на землю и, получив наставление от Нарады, так проникся идеями вишнуизма, что за короткий срок достиг соединения с Вишну.

ты вспомни, муни Нарада дал знанье, и он лишь в два часа спасения достиг, — и для тебя семь дней немало! Когда с единой мыслью погрузишься в созерцанье, ты все постигнешь, осененный знаньем! Познаешь ты, что̀ тело есть и кто в нем обитает и кто себя в нем проявляет!“ Услышав это, царь с великой радостью спросил: „Махарадж! Какой закон превыше всех законов? Скажи мне это, сделай милость!“ Тогда шри Шукадева джи молвил: „Царь! Как из законов всех закон вайшнавов [1] наивысший, так из пуран [2] славнейшая пурана Бхагавата.[3] Туда, где верные святому Хари будут сказание сие повествовать, туда придут святые все места и все законы. И сколько ни поведал Вьяса джи пуран нам, но ни одной нет Бхагавате равной! И посему поведаю тебе двенадцать глав великой той пураны, которым Вьяса муни обучил меня! Ты с верою и радостию слушай, приложив вниманье...“ Тогда-то царь Парикшит стал с любовию внимать, а Шукадева джи с благоговеньем стал повествовать.

Когда поведал муни девять глав сказанья, то царь сказал: „О милосердный к бедным! теперь ты сделай милость, поведай мне сказание об аватаре [4] Кришны: ведь он — помощник [5] наш; у нас в роду он чтится“. Шри Шукадева джи молвил: „Царь! Ты мне великую доставил радость, когда об этом ты сказании спросил. Так слушай же, я с радостью поведаю об этом.

Был некогда в роду у Яду [6] царь Бхаджаман, и у него сын Притху, у Притху — Видуратха, у него же — Сурасена, который покорил все девять стран земли и славу приобрел, его супруги имя — Мариша. И у нее родилось десять сыновей, пять дочерей; меж ними Васудев [7] был старший сын, и от его супруги, в восьмом зачатии, рождение принял сам шри Кришна-

[1] Вишнуитский; закон вайшнавов — вишнуизм.

[2] Пураны — „Древние сказания“. Обширная область эпической литературы, до сих пор мало изученная, которая по своему характеру примыкает к эпическим поэмам Махабхарате и Рамаяне. Пураны создались в период между IV и XIV вв. различными сектами, главным образом вишнуитами, т. е. поклонниками Вишну, и шиваитами, т. е. поклонниками Шивы. Пураны являются основными священными книгами современного индуизма и почитаются ведами низших каст, так как чтение их разрешается и низшим кастам. По определению санскритского лексикографа Амара Синха каждая пурана должна заключать пять элементов повествования: 1) сотворение мира, 2) разрушение и воссоздание его, 3) генеалогию богов и патриархов, 4) царствования Ману, каждое из которых составляет период, называемый Манвантара и 5) историю солнечной и лунной династий царей.

[3] Т. е. Бхагавата пурана, главный сюжет которой составляет изображение жизни и подвигов Кришны. Создание ее относится (предположительно) к X в. хр. эры. Основное ядро Бхагаваты, как и ряда других пуран, относится к весьма отдаленной древности.

[4] Перерождение.

[5] В Махабхарате Кришна изображается близким другом Арджуна и доброжелателем и всегдашним помощником пандавов.

[6] Мифический родоначальник рода ядавов, в котором родился Кришна. Яду считается сыном царя Яяти. Яду отказал своему отцу в его просьбе отдать свою юность взамен старости отца. За это непослушание он был проклят своим отцом, и в силу этого проклятия его потомки никогда не могли занимать царского трона.

[7] Сын Сурасены, отец Кришны, брат Кунти, матери пандавов, героев Махабхараты.

чандра джи. Когда родился Васудева,[1] то боги в Сурапуре,[2] городе богов, в восторге заиграли, поэтому-то у него другое имя есть — Анакдудумбхи — „Великий Барабан“. У Сурасены же пять дочерей родилось, и старшая из всех них — Кунти,[3] которая вступила с Панду в брак, о чем и в Махабхарате упоминанье есть. Сначала Васудев на Рохини женился, на дочке Рохана царя; потом еще семнадцать раз женился он. Когда же восемнадцать жен законных было у него, тогда то в Матхуре[4] женился он на Деваки — сестра то Кансы. Тогда с небес был слышен голос: „В восьмом зачатии от сей жены родится Кансы смерть“. Услышав это, Канса заключил в дому сестру с ее супругом, и там-то именно шри Кришна джи свое рожденье принял“. Повествование услышав это, царь Парикшит молвил: „Махарадж! А как родился Кришна? И как потом попал он в Гокуль? [5] Ты расскажи и объясни мне это!“

Шри Шукадев джи молвил: „Был царь в Матхурапури,[6] по имени Ахук и у него два сына было: Девак — имя одного, другого ж Уграсена. Позднее Уграсен царем там стал и у него была всего одна царица, по имени Паванарекха. Она была прекрасна и верна супругу; все восемь страж [7] она жила в повиновении супругу своему. Однажды от супруга разрешенье получив, с подругами, с подружками своими она, на колесницу сев, поехала в лес погулять. Там меж густых-густых деревьев цвели разнообразные цветы, и ветерок дул ароматный, легкий и прохладный, кукушки,[8] горлицы, павлины, попугаи приятно, сладко распевали; там под горой Ямуна [9] несла свои чудеснейшие волны. Увидев это все, царица сошла с прекрасной колесницы и пошла и, углубившись в лес одна, она там

[1] Индусские имена, употребляемые в „Прем Сагаре“, могут читаться либо по-санскритски, как напр. Васудева वसुदेव, Шукадева, (शुकदेव), Сурасена (सुरसेन) и т. д., либо по-новоиндийски, т. е. Васудев, Шукадев, Шукдев, Сурасен, Сурсен и т. д.

[2] „Град богов“, небеса.

[3] Сестра Васудева, тетка Кришны, мать пандавов.

[4] В настоящее время город и дистрикт в провинции Агра. В виду того, что легенды связывают Матхуру (анг. Muttra) с подвигами Кришны, она является местом паломничества.

[5] Буквально „стадо коров, коровник“. Название древней деревни, которая находилась невдалеке от г. Матхуры, к юго-востоку от него на другом берегу Ямуны (совр. Джумна). В настоящее время носит название Махабан. Согласно легендам, Кришна провел свои детские годы в Гокуле.

[6] Город Матхура.

[7] Индийцы делят сутки на восемь страж-пахар (पहर); таким образом каждая стража длится три часа. Различаются дневные стражи, которые начинаются в 6 часов утра, и ночные стражи, начинающиеся в 6 часов вечера.

[8] В индийской поэзии кукушка (कोकिल) играет такую же роль, как соловей в персидской и европейской поэзии.

[9] Современное название реки Ямуны (यमुना) — Джамна, вместо которого в русском языке употребляется совершенно неправильное произношение Джумна (анг. Jumna). Самый большой приток Ганги.

заблудилась. Случилось так, что оказался ракшас [1] там, по имени Друмалик. Он, прелесть юности и красоты ее увидев, изумился, и сказал себе в душе: „Я должен ею насладиться!“. И вот, мгновенно приняв облик раджи [2] Уграсена, он к рани [3] подошел и молвил: „Сойдись со мной!“ Царица молвила: „Махарадж! Не подобает днем любовною игрою заниматься, ведь из-за этого закон и добродетель гибнут! Да разве этого не знаешь ты, что мысль недобрая такая вдруг родилась у тебя“.

Когда Паванарекха так сказала, тогда Друмалик вдруг царицу за руки схватил, к себе привлек, и что хотел, то сделал. Такою хитростью добившись наслажденья, он снова сделался таким, как был. Тогда-то рани в скорбь великую пришла; страдая тяжко, закричала: „О беззаконный! О злодей! Чандал! [4] Какую мерзость здесь ты совершил! Ты чистоту мою навеки погубил! Проклятие отцу и матери твоим и гуру, который дал тебе такой злой ум! О почему бесплодной не осталась мать твоя, зачем тебе, такому злому сыну, она рождение дала? Злодей! Кто, приняв образ мужа, губит непорочность женщины, тот попадает в ад на многие рожденья!“ Друмалик молвил: „Царица! Не проклинай меня! Тебе я отдал плод закона своего! Когда бесплодной я увидел здесь твою утробу, в моей душе была великая печаль, теперь она исчезла. Теперь явилася в твоей утробе сила и на десятом [5] месяце родишь ты сына!“. И силой тела моего твой сын здесь покорит все девять стран земли [6] и будет царствовать, с самим шри Кришной джи в борьбу он вступит! Ведь некогда меня Калнеми [7] звали,

---

[1] Противники богов, падшие боги, демоны и злые духи. Потомки Брахмы, ракшасы согласно легендам вступили в борьбу с богами и были разбиты, с той поры они всеми мерами стараются вредить богопочитанию и причиняют всяческие бедствия людям, почитающим богов.

[2] Царь.

[3] Царица, супруга раджи.

[4] Наиболее презренная каста и член этой касты; презренный, подлый. Согласно законов Ману чандалы произошли от связи брахманки с шудрой, и потому считаются наиболее презренными. Они всегда должны жить за пределами деревни. Чандалы занимаются разведением собак, ослов и т. д., уборкой трупов и нечистот. Им запрещено показываться близ места, где приносят жертву или же совершают какие бы то ни было религиозные обряды; чандалы, наконец, не имеют права выходить из своего жилища с наступлением темноты, так как их случайное приближение может осквернить представителей высших каст. По этим причинам слово „чандал“ является жестоким ругательством.

[5] В Индии исчисление времени ведется лунными месяцами.

[6] Индусы различают девять реальных или легендарных частей или стран земли, а именно (भारत Bharat) Бхарат (Индия) Ilāvrita, Kimpuruṣa, Bhadra, Ketumālā, Hari, Harinya, Ramya и Kuça.

[7] Согласно пуранам асур (противник богов, демон) Калнеми (कलनेमी) или Каланеми был внуком демона Хираньякашипу, которому Шива даровал власть над тремя мирами на миллион лет. Он преследовал своего сына Прахлада (प्रह्लाद) за поклонение Вишну и за это Вишну убил его. Каланеми почитается дядей ракшаса Равана, противника Рамы, героя Рамаяны.

тогда я с Вишну воевал. Когда теперь, рождение приняв, пришел я в мир опять, тогда Друмаликом меня здесь стали называть. Я сына дал тебе. Ты ни о чем не беспокойся больше!“. Когда Друмалик, так сказав, исчез, царица, поразмыслив, успокоилась душой.

Что ждет кого из нас в грядущем,
Меняет то всю нашу сущность:
Займет всю душу то, что ждет,
Другие мысли в ней убьет.

И в это время тут ее нашли: к ней подошли ее подруги и подружки. Увидев, что наряд царицы не в порядке, одна подружка закричала: „Где задержалась ты так долго, и что с тобой здесь приключилось?“ Паванарекха молвила: „Послушайте, подружки, меня одну оставили в лесу вы, явилась обезьяна, она меня в конец измучила! От страха перед ней я все еще дрожу всем телом!“ Услышав это, все они обеспокоились, царицу взяли, на колесницу посадили и привезли домой. Когда исполнилося десять месяцев, и дни исполнились, то у нее родился сын. В тот час такая страшная повсюду буря поднялась, что от нее земля заколебалась, настала тьма такая, что день в ночь обратился; с небес срываясь, падать стали звезды, гром гремел и молния сверкала.

Так в светлой половине [1] магха [2] месяца, в тринадцатый день Брихаспати — четверг, рождение принял Канса. Тогда царь Уграсен на радостях созвал всех музыкантов и певцов, что были в городе, велел устроить пир; затем послал он пригласить с великой честью и почетом брахманов, всех пандитов [3] и звездочетов. Сам царь с большим почтением сидения им предложил и усадил. Тогда астрологи, закончив вычисленья, [4] и обсудив момент рождения; сказали: „Земли владыка! младенец сей, Канса именем, в твоем роду родился; велик, могуч он будет; ракшасов он привлечет к себе и царством будет править; он будет угнетать богов и верных Хари, он царство у тебя отнимет и потом погибнет от руки святого Хари!“

Сказание поведав это, Шукадева муни джи царю Парикшиту сказал: „О царь! Теперь поведаю сказанье я о брате Уграсена, Деваке, как было у него четыре сына и семь дочерей, и как он семерых за Васудева выдал замуж. Из них седьмая Деваки была, рождение которой радость принесло богам.

У Уграсена было девять сыновей, и старше всех был Канса. Когда родился он, подрос, то стал творить различные бесчинства; пойдет он

---

[1] При обозначении даты индусы, до принятия европейского календаря, обязательно указывали половину месяца, в которой имело место то или иное событие. В каждой половине (светлой и темной) различается четырнадцать дней.

[2] Название десятого индусского месяца. Màgha, или Màgh соответствует концу января и началу февраля европейского календаря.

[3] Ученый брахман.

[4] При рождении каждого правоверного индуса обязательно составление гороскопа.

в город, там маленьких детей поймает, уведет, в пещере горной заключит, убьет, а к тем, кто был побольше, взберется он на грудь, за горло схватит и задушит. Никто нигде не мог спастись от этого несчастья, своих детей все стали прятать. Народ сказал: „Злодей великий Канса! Не Уграсена сын, на горе нам откуда взялся он? Должно быть это грешник страшный здесь родился, нам на горе, который погубил весь город!“ Услышав это, Уграсен позвал его к себе и долго увещал, но все его слова не доходили до души. Тогда в великом горе и печали он сказал: „Зачем я породил такого сына! О почему бездетным не остался я! Ведь говорят: «Когда злой сын в дому рождается, тогда и слава и закон из дома удаляются!» Когда исполнилося Кансе восемь лет, то он пошел походом на страну Магадху.[1] А Джарасандх,[2] царь тамошний, большой воитель был. С ним встретившись, он с ним вступил в единоборство. Увидел царь тот Кансы силу, признал себя он побежденным, и выдал за него своих двух дочерей. И Канса с ними в Матхуру вернулся и пуще прежнего стал с Уграсеном враждовать. Однажды в гневе своему отцу он молвил: „Не смей произносить ты имя Рамы,[3] молися только Махадеву!“ [4] Царь сказал: „Но Рама — мой создатель, моих страданий врачеватель, и если я его не стану почитать, то, в беззаконье впав, как перейду я через океан бывания?“ Услышав это, Канса в ярости схватил отца и отнял царство все его, а в городе под звуки барабана[5] объявить велел он так: „Никто не смеет жертвы приносить, давать дары, закон и подвиги творить и имя Рамы здесь произносить!“ Тогда то поднялось такое беззаконье, что страдания посыпалися на корову, брахмана и всех, кто Хари почитал; на землю бремя тяжкое легло. Когда же Канса у царей всех отнял царства, то с полчищем своим пошел походом на царя небес, на Индру.[6] Тогда ему советник так сказал: „О махарадж! Без со-

---

[1] Древнее название южного Бихара (включая Патну, Гаю и т. д.).

[2] Царь страны Магадха, впоследствии противник Кришны, ведший с ним длительную войну и в конце концов заставивший Кришну оставить город Матхуру и переселиться в город Дварку, воздвигнутый на острове, посреди океана. Впоследствии Джарасандх был убит Бхимой, одним из пандавов, героев Махабхараты.

[3] Легендарный герой древней Индии, впоследствии признанный воплощением высочайшего божества Вишну, Рама (राम) является героем эпической поэмы Рамаяны, автором которой почитается Вальмики. Окончательная редакция Рамаяны относится (предположительно) к IV в. до хр. эры.

[4] Махадев (महादेव) одно из имен бога Шивы, члена триады богов Брахма, Шива Вишну.

[5] В виду ничтожного процента грамотности среди населения Индии (ок. 8%) даже в настоящее время распоряжения властей передаются населению деревень глашатаем под звуки барабана.

[6] Наиболее видный представитель ведического пантеона, почитаемый царем богов. Олицетворение бури и грома, Индра (इन्द्र), в ведический период почитался богом-воином. Индра считался также богом атмосферы, посылающим хорошую погоду и дождь. В послеведическую эпоху Индра снизился до положения божества второго ранга, уступив свое место Шиве или Вишну. Пураны и „Прем Сагар“ изображают Индру надменным царем, не имеющим реальной силы; даже у себя в доме он находится в подчинении у своей супруги Индрани.

вершенья подвигов не можешь овладеть ты троном Индры, благоволи оставить гордость силою своей. Смотри, как гордость погубила Равана[1] и Кумбхакарну[2]: в роду их не осталось никого в живых!“

Сказанье это рассказав, шри Шукадев джи так сказал царю Парикшиту: „О царь! Когда настали на земле такие беззакония, тогда земля в великом горе, в страхе, коровы образ приняв, с мычанием отправилася в мир богов и к Индре на совет придя, понурив голову, она поведала о всех своих страданиях: „О махарадж! Асуры начали творить великие грехи повсюду в мире, от страха перед ними сам закон ушел! И если ты мне разрешишь, то я покину мир людей, отправлюсь в преисподнюю!“ Услышав это, Индра, царь, со всеми божествами вместе пошел к святому Брахме. Услышав, Брахма, со всеми божествами вместе, отправился немедля к Махадеву. Услышав, Махадев, со всеми божествами вместе, отправился туда, где спал Нараян[3] сам в молочном море. Нараяна увидев спящим, Брахма, Рудра, Индра, со всеми божествами вместе, стали, сложили поднятые руки и смиренно все хваленья стали возносить: „Великий царь царей! Кто может передать величие твое! Ты в виде рыбы[4] ведь извлек из моря веды; ты, приняв образ черепахи, землю поднял на спине; и вепря образ приняв, ты землю удержал на бивнях; под видом карлика ты Бали[5] обманул; ты, приняв воплощенье как Парашурам,[6] побил всех кшатриев и землю отдал муни Кашьяне,[7] ты принял воплощенье в виде Рамы и погубил великого злодея Равана! И всякий раз, как дайтии[8] страданья причиняли

---

[1] Ракшас, демон, мифический царь острова Цейлона, с которым воевал Рама, герой Рамаяны.

[2] Брат Равана, царя Цейлона. По свидетельству Рамаяны, он обладал чудовищным аппетитом, и потому спал шесть месяцев и бодрствовал один лишь день. Во время борьбы между Рамой и Раваном Рама убил Кумбхакарну.

[3] Имя высочайшего божества. नारायन Нараян (или Нараяна) изображается обычно покоящимся на водах. Как в вишнуитской литературе вообще, так и в „Прем Сагаре“, в частности, Нараян отожествлен с Вишну.

[4] Перечисление различных воплощений Вишну. Кроме названных воплощений Вишну, т. е. в виде рыбы, черепахи, вепря, карлика, брахмана Парашурама, Рамы и Кришны, некоторые легенды признают целый ряд других воплощений Вишну. Так, его воплощением считается иногда Капила, создатель философии Санкхья, Будда и др.

[5] Согласно легендам добродетельный царь дайтиев, т. е. титанов, внук Прахлада, правнук Хараньякашипу. Согласно легендам, Бали своим благочестием и подвигами осилил Индру и завладел всеми тремя мирами. Обеспокоенные боги обратились за помощью к Вишну, и он, приняв воплощение в виде карлика, попросил у Бали три шага земли. Получив этот дар, карлик двумя шагами шагнул на землю и небеса; третьего шага он не сделал, и таким образом владычество над подземным миром сохранилось за Бали.

[6] Согласно Махабхарате и пуранам, Парашурам был брахман, шестое воплощение Вишну, потомок ведического певца Бхригу, сына Брахмы.

[7] Ведический мудрец-поэт, почитаемый внуком Брахмы. Согласно легендам Махабхараты и пуран, Кашьяна был отцом Вивасвата, отца Ману, родоначальника человеческого рода.

[8] Полубоги, титаны.

поклонникам твоим, ты всякий раз являлся для защиты их. Владыка! Теперь от тех мучений, что Канса причиняет, в великое смятение пришла земля! Она к тебе взывает, не медли защитить ее! Побей асуров и радость садху дай!"

Так боги доблести его воспели. Тогда с небес раздался голос, и Брахма объяснил богам: „Тот голос, что раздался, вам повелевает так: „все боги и богини пускай отправятся в Браджмандал,[1] да примут все они рождение в Матхуре: а после Хари джи четыре формы приняв, примет аватару в доме Васудева, в утробе Деваки. Он, в детстве чудеса творя, даст счастье Нанде[2] и Яшоде".[3] Таким-то образом все Брахма объяснил. Тогда все суры,[4] муни, киннары[5] и гандхарвы[6] с супругами своими рожденье приняли, явились в Браджмандале, стали ядавами, пастухами называться. И вед всех четырех[7] стихи по повеленью Брахмы джи в пастушек обратились, явились, в Брадже, и были названы пастушками. Когда в Матхурапури боги все пришли, тогда в молочном море[8] Хари мыслить стал: „Да будет прежде Лакшман[9] Баларамом,[10] потом приму я имя Васудева[11] да будет Бхарата[12]

---

1 Согласно пуранам, Брадж или Браджмандал — страна, находящаяся между Матхурой и Бриндабаном. В настоящее время дистрикт в провинции Агра. Место юношеских игр Кришны.

2 Глава пастухов из рода Яду, приемный отец Кришны. Кришна прожил у Нанды все свои детские годы и раннюю юность.

3 Пастушка, супруга Нанды пастуха.

4 Божества низшего ранга, обитающие на небесах. Часто слово „сура" सुर употребляется в значении „бог".

5 Мифические существа, представляемые в человеческом образе, но с лошадиными головами. Мифы считают киннаров искусными небесными певцами, а часто и музыкантами. Согласно легендам они произошли из пальца на ноге Брахмы, по другим легендам киннары — сыновья мудреца Кашьяны, ведического певца.

6 Небесные существа, виночерпии богов, равным образом искусные певцы и музыканты.

7 т. е. Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа.

8 Вишну в одной из своих форм, а именно, как Нараян, представляется покоящимся на водах или в молочном море.

9 Сын царя Аудхского — Дашаратхи, брат Рамы, героя Рамаяны. По свидетельству Рамаяны, Лакшман последовал в изгнание за Рамой, в изгнании он оказал большую поддержку Раме и воевал с ним против демона Равана, царя Цейлона. Согласно Пуранам, Лакшман является частичным перерождением Вишну.

10 Брат Кришны и постоянный его помощник, участник его игр. Баларам почитается частичным воплощением Вишну.

11 Васудев (वासुदेव) —одно из имен Кришны. Обычно это имя толкуется в смысле „сын Васудева" (वसुदेव).

12 Сын Дашаратхи, царя Аудхского, брат Рамы, героя Рамаяны. По легендам, дающимся в Рамаяне, именно благодаря интригам Кайкеи, матери Бхараты, Рама был вынужден уйти в изгнание. Бхарата однако не захотел занять трон Аудха, принадлежавший по праву Раме, и сделался блюстителем его престола. Бхарата почитается частичным воплощением Вишну.

Прадьюмной,[1] Шатрагхну[2] Анирадхой,[3] а Сита[4] примет воплощенье в виде Рукмини".[5]

Так гласит первая глава „Причина повествования" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

1 Сын Кришны и его супруги Рукмини, с именем его связано много легенд, которые приводятся в последующих главах „Прем Сагара".

2 Сын Дашаратхи, царя Аудхского, брат Рамы, героя Махабхараты. Шатрагхну почитается частичным воплощением Вишну.

3 Сын Прадьюмны, внук Кришны.

4 Дочь Джанака, царя Видарбхского, супруга Рамы, героя Махабхараты. Рамаяна повествует, что Сита была похищена у Рамы демоном Раваном, царем острова Цейлона. В последующей борьбе Рама, убив Равана, освободил Ситу.

5 Дочь Рукма, царя Видарбхского, первая супруга Кришны.

ГЛАВА 2

Канса хочет убить Деваки

Поведав это сказанье, шри Шукадев сказал царю Парикшиту: „О Махарадж! С такой жестокостью в Матхуре правил царством Канса, а Уграсена тяжко там страдал. У Кансы дядя был царь Девак. Когда его дочь Деваки пригодна стала к браку, тогда пошел он к Кансе и сказал: „Кому отдать мне эту дочку?“. Тот сказал: „Изволь отдать ее ты Васудеву, сыну Шурасены!“ Услышав это, Девак брахмана призвал, определил счастливый день и к Шурасену в дом послал подарки свадебные. Тогда-то Шурасена с великой пышностью составил поезд свадебный, с собою взял царей всех стран и прибыл в Матхуру, чтоб заключить брак Васудева.

Когда приблизился тот поезд к городу, то, услыхав об этом, Уграсена с Деваком и Канса со своею ратью вышли им навстречу и проводили в город. Потом с великой честью и почетом им прием устроили и отвели дома для жительства; всех поезжан прекрасно напоили, накормили, потом их привели и усадили под раскинутым навесом, и Канса по ведийскому закону отдал деву в жены Васудеву. В приданое за ней он дал коней пятнадцать тысяч, четыреста слонов и восемнадцать сотен колесниц, рабынь дал двести; посуды золотой, одежд и украшений и уборов, усыпанных камнями самоцветными, он дал несметное число; всех поезжан одел в роскошные одежды, и все отправились их проводить в дом жениха. Тогда раздался голос с неба: „О Канса! Восьмой сын той, которую ты провожать идешь, смерть принесет тебе, ты от руки его умрешь!“

Услышав это, Канса в страхе задрожал. Потом он в ярости схватил за косу Деваки, стащивши с колесницы, в руку меч взял и со скрежетом зубовным так сказал: „Как может вырасти цветок иль плод на дереве, которое мы с корнем вырвем из земли? Коль я теперь ее убью, без страха буду править царством!“ Увидев это, Васудев в душе сказал: „Безумец этот в скорбь ввергает, добра и зла не различает! И ежели теперь я проявлю свой гнев, то дело будет худо; поэтому теперь сдержаться лучше! Ведь сказано:

Когда злодей извлек свой меч,
Тогда ему не суперечь!
Поймет глупец, в себя придет:
Вода всегда огонь уймет.

С такою мыслью Васудев немедля к Кансе подошел; сложивши поднятые руки, он смиренно молвил: „Земли владыка, слушай! Сильней тебя нет в мире никого, и все живут под сению твоей! Такой могучий витязь, ты над женщиной заносишь меч! Не подобает это! Ведь в шастрах [1] сказано: „Да не убьет никто жену!“ К тому ж убить сестру в час свадьбы — грех великий! Все ж мог бы человек здесь беззакония творить, когда бы знал, что никогда он не умрет! Но в мире этом — иной закон: сегодня мы родились, завтра мы умрем. Мы это тело можем охранять миллионами усилий, свершая добрые дела или грехи, но никогда оно не станет нашим! И не поможет нам ни царство здесь, ни юность, ни богатство... Поэтому, молю, послушайся ты слов моих, и отпусти свою покорную и слабую сестру!“

Услышав это, Канса царь, о смерти вспомнив, испугался, пуще разъярился, и Васудев подумал: „У этого злодея ум асура, и он упрямо на своем стоит; поэтому мне следует придумать средство, чтоб от руки его ее спасти“. Подумав так, он сам себе сказал: „Теперь, чтоб Деваки спасти, я так ему скажу: «Я сына каждого, который у меня родится, отдам тебе!» потом, кто знает, быть может, мальчик не родится или погибнет сам злочинец этот, и в этом надобность исчезнет; придет пора, удастся что-нибудь придумать!“ В душе приняв решение такое, Васудев сказал так Кансе: „Махарадж! Ты не погибнешь от руки ее младенца по той причине, что решение я принял, отдавать тебе всех мальчиков, которые у Деваки родятся; такое слово я даю тебе!“ Когда слова такие Васудев сказал, тогда подумал Канса, согласился, и, отпустивши Деваки, сказал: „О, Васудев, ты это хорошо придумал, и спас меня от тяжкого греха такого!“ Сказавши это, Канса с ним простился и отправился в свой дом.

Много ль мало ль дней он в Матхуре там прожил... Когда у Деваки родился первый сын, то Васудев ребенка взял и к Кансе с ним пошел и плачущего сына положил пред ним. Увидев это, Канса так сказал: „О Васудев! Ты истинно правдивый человек! Сегодня это я узнал: меня не обманул ты! Свободный от всех обольщений, ты сына своего принес и отдал мне; поэтому не стало страха у меня: я отдаю назад тебе ребенка!“ Услышав это, Васудев джи взял ребенка, простерся перед Кансой и отправился домой. А в это время муни Нарада явился к Кансе и сказал: „О царь! Что это сделал ты? Зачем ты мальчика отдал ему обратно? Да разве ты не знаешь, что для служенья Васудеву в Брадж явилися все боги и приняли

[1] Книги закона. В последующее время слово „шастра“ получает значение „научная дисциплина“; так обычно называются различные схоластические дисциплины средневековой Индии.

рожденье там? Ты знаешь, что в восьмой беременности Деваки примет рождение шри Кришна, всех ракшасов убьет, с земли он снимет бремя!“ Сказавши это, муни Нарада провел там восемь линий на земле, велел их сосчитать. И вот, когда все восемь линий Канса сосчитал, он испугался и послал за Васудевом джи с его ребенком. Наставив так его и вразумивши, муни Нарада оттуда удалился, а Канса взял у Васудева сына и убил его. Так было всякий раз; когда рождались сыновья, то Васудев их приносил, а Канса убивал. Когда таким вот образом убил он шестерых детей, тогда в седьмое чрево Деваки вошел господь и поселился, принял образ Шеша.[1] Услышав сказание это, царь Парикшит спросил у Шукадева муни: „Махарадж! Зачем же муни Нарада заставил совершить такой великий грех! Скажи, открой мне тайну эту, дабы мое сомнение исчезло!“ Шри Шукадев джи молвил: „О царь! Муни Нарада джи доброе задумал! Чем больше он свершит грехов, то тем скорее явится господь!“.

Так гласит глава вторая „Свадьба Деваки и убиение младенцев“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу джи Лалом.

[1] Царь змей, повелитель подземного мира — Патала. В легендах представляется в виде тысячеголового змея, на котором покоится Вишну, спящий в промежутках между периодами творения мира. В конце каждой кальпы (мирового периода) Шеша изрыгает пламя, которое уничтожает все живое. По народным верованиям и легендам на Шеше покоится вся вселенная, и малейшие движения этого змея вызывают землетрясение. Согласно Махабхарате, когда боги захотели сбить молочный океан, то в качестве мутовки воспользовались горой Мандра, которую обвязали змеем Шеша, как веревкой. Согласно Бхагавате пуране, Баларам, брат Кришны, почитается воплощением змея Шеши.

ГЛАВА 3

Благословение чрева

Потом шри Шукадева джи царю Парикшиту сказал: „О царь! Как Хари в чрево вошел и Брахма с другими богами хваленья вознес, как в Гокуль шри Баладева[1] богиня Деви унесла — об этом я поведаю тебе“. Однажды Канса царь пришел и сел в своем совете; велел призвать всех демонов, которые ему служили, и сказал: „Слушайте! Все божества сошли на землю, приняли рожденье здесь; средь них и Кришна примет аватару.[2]

[1] Одно из имен Баларама, брата Кришны.

[2] „Нисхождение, рождение, воплощение“. Согласно пуранам, принятие божеством тела человека или другого живого существа путем рождения. В особенности часто слово „аватара“ применяется к воплощениям Вишну. Пураны различают десять главных воплощений Вишну, а именно: a) рыба, b) черепаха, c) боров, d) человеко-лев, e) карлик, f) Парашурам, g) Рама (герой Рамаяны), h) Кришна, i) Будда, и j) Калки.

a) Воплотившись в виде рыбы, Вишну был воспитан родоначальником человеческого рода Ману. Во время всемирного потопа рыба — Вишну спасла Ману, увезя его на заранее построенном корабле.

b) Воплотившись в виде черепахи, Вишну извлек из океана великие ценности, которые были утрачены во время потопа. Когда боги решили сбить молочное море, то эта черепаха, поместившись на дно океана, послужила основанием мутовки, которою служила мифическая гора Мандра.

c) Воплотившись в виде борова, Вишну поднял на своих бивнях землю из водных глубин.

d) Приняв вид льва с головой человека, Вишну освободил мир от злодейств демона Хираньякашипу.

e) Приняв вид карлика, Вишну обманул царя Бали, владевшего тремя мирами (небом, землею и подземным царством), попросив у Бали три шага земли.

f) Родившись брахманом Парашурамом, Вишну освободил брахманов от насилий кшатриев.

g) Приняв воплощение в виде Рамы, героя Рамаяны, Вишну погубил демона Равана,

h) Жизни Кришны посвящен „Прем Сагар“.

i) Согласно традиции брахманской, Вишну принял воплощение в виде Будды для того, чтобы обнадежить демонов, презирающих веды и кастовый строй, и тем самым заставить демонов ускорить собственную гибель.

j) Вишну должен воплотиться в виде Калки „белого коня“ в конце Калиюги с тем, чтобы погубить злых и восстановить добродетель.

Мне эту тайну сообщил и объяснил все муни Нарада. Поэтому нам надлежит так втайне сделать: немедля отправляйтеся и истребите ядавов всех так, чтоб ни один из них в живых бы не остался!“

И получив такой приказ, они все перед ним простерлись и ушли. Пришли все в город, стали всех искать, хватать, ловить. Кто ел иль пил, стоял или сидел, иль спал, иль бодрствовал, иль шел куда, или гулял — кого ни находили, никого не отпускали. Согнали всех в одно там место, жгли огнем, водой топили, на землю их бросали и после всяческих мучений убивали всех. Таким вот образом они — большие, малые — все принимали разные ужасные личины, искали всюду, обыскивали города и села, улицы, дома, и убивали всех, а ядавы[1] в великом горе, жизнь спасая, убегали, покидая ту страну!

И в это время все другие жены Васудева совместно с Рохини[2] из Матхуры бежали в Гокуль, где проживал приятель близкий Васудева, Нанда джи. С великою любовью поддержал он их и успокоил, и они спокойно стали жить. Когда злой Канса так богов стал мучить и стал творить великие грехи, то Вишну из очей своих сам Майю[3] породил. Она, сложивши поднятые руки, предстала перед ним. Он ей сказал: „Иди теперь ты в мир и в Матхуре прими ты аватару, где Канса злой преследует моих поклонников и держит в заключении Кашьяпу и Адити,[4] которые, став Васудевом джи и Деваки, отправилися в Брадж! Их шестерых детей убил уж Канса. Теперь в седьмом же чреве Лакшман джи; его ты из утробы Деваки возьми и в Гокуль отнеси и помести его во чрево Рохини таким путем, чтоб никакой злодей не знал, чтоб все, кто там живет, твою воспели славу!“

Наставив Майю так, шри Нараян сказал: „Сначала отправляйся, сделай это дело, потом пойди, прими рожденье в доме Нанды, потом прими ты аватару в доме Васудева, я ж сам приду в дом Нанды!“ Услышав это, Майя встала и в Матхуру пришла и, приняв образ чаровницы, поселилась в доме Васудева.

Она плод тайно извлекла
И в Рохини перенесла;
Все знали лишь про первый плод:
Был в чреве Рохини господь!

Так в светлой половине в среду, в четырнадцатый день Шравана[5] шри Баладев джи в Гокуле рожденье принял. А Майя к Васудеву с Деваки

[1] Потомки Яду, члены рода, в котором принял воплощение Кришна.

[2] Одна из жен Васудева, отца Кришны. Сыном Рохини является Баларам.

[3] Творческая энергия божества, силою которой, по верованию индусов, совершается все в видимом мире, не имеющем реального существования.

[4] „Бесконечность“. Супруга царя Кашьяпы, внука Брахмы. Почитается матерью семи Адитья, из которых наиболее известны Митра, Арьяман, Варуна и Индра. Ее воплощением почитается Деваки, мать Кришны.

[5] Название четвертого месяца индусского календаря. Шраван соответствует июлю—августу европейского календаря, начинаясь с середины июля.

пошла и так сказала им во сне: „Я сына вашего из чрева извлекла и Рохини его дала; вы не печальтесь ни о чем!“ Услышав это, Васудев и Деваки проснулися и так друг с другом говорили: „Господь нам сделал благо. Но надлежит без промедленья Кансу известить, не то, кто знает, какие муки он потом на нас нашлет!“ Так обсудив, они сказали стражам. Отправилися стражи, известили Кансу так: „Махарадж! У Деваки случился выкидыш, и мальчик вышел не доношенным!“ Услышав это, Канса, испугавшись, молвил: „На этот раз вы проявите бдительность великую: ведь я боюсь восьмого именно зачатья, о котором мне небесный голос говорил!“

Сказание поведав это, шри Шукадев джи молвил: „О царь! Таким-то образом родился Баладева джи. Когда ж шри Кришна джи во чрево Деваки вошел, то Майя к Нанде джи отправилась, вселилась в чрево добродетельной супруги Нанды джи, Яшоды. Так обе плод носили, и однажды так случилось, что Деваки пошла купаться на Ямуну, туда пришла Яшода. И вот они делились меж собою горем, и, наконец, Яшода Деваки пообещала: „Я сына твоего спасу, а своего тебе отдам!“ Такое обещанье дав, она вернулася домой, а та отправилась к себе. Потом, когда проведал Канса злой, что Деваки в восьмой раз зачала, то он пошел и окружил дом Васудева; со всех сторон на стражу демонов поставил, и, призвавши Васудева, молвил: „Смотри теперь не обмани меня и сына своего мне принеси: ведь я тогда твоим словам поверил!“

Сказавши так, он заключил в оковы, в цепи Васудева с Деваки, их поместил в одной каморке, наложил замок и, возвратившись во дворец свой, он от страха ничего не ел, уснул. Потом, едва зажглась заря, отправился туда, где были Васудев и Деваки. Увидев признаки плода, он молвил: „вот здесь, в пещере Ямы[1] смерть моя сидит! Убить тебя б теперь... но я боюсь бесчестья: ведь сильному не подобает женщин убивать! К тому ж убить непраздную достойно всяческого порицанья! Добро, я сына Деваки убью!“ Сказавши так, он вышел и поставил там на страже всех воителей своих великих со слонами, львами, псами, и сам он постоянно приходил, за стражею следил, однако ж ни на миг спокойствия не находил. Куда он ни посмотрит, все восемь страж, все шестьдесять четыре[2] часа, смерть представляется ему, принявши образ Кришны! От страха перед ним он дни и ночи проводил в сомненьях!

Меж тем как Канса был в таком волненьи, в темнице Васудев и Деваки все дни, в страданьях тяжких, молилися шри Кришне. И вот господь явился

[1] Согласно ведам, сын солнца, повелитель умерших. В эпосе Яма является царем подземного царства. Все умершие являются к нему и регистратор Ямы, Читрагупта, зачитывает ему список добрых и злых дел умершего. В соответствии с приговором Ямы, душа умершего идет либо на небеса, либо в один из двадцати одного ада, либо снова возрождается на земле в новой форме. Яма изображается в виде зеленого мужа в красном одеянье. Ездит на быке, вооружен дубиной и силком для извлечения душ.

[2] Индусы делят сутки (दिन रात) на тридцать две или на шестьдесят четыре равные части, и каждая из этих частей называется часом (घड़ी)

им во сне и удалил из их сердец заботу, так сказав им: „Я скоро уж рождение приму и устраню печаль всю вашу; не скорбите!“ Когда, услышав это, Васудев и Деваки проснулись, то в это время Брахма, Рудра[1] Индра и все другие божества, оставивши свои виманы[2] между небом и землей в эфире, пришли в дом Васудева в образах незримых. Когда они, сложивши поднятые руки, веды распевая, совершали там благословенье чрева, то их никто не видел, но звуки вед все слышали. Увидев это чудо, стражи в изумление пришли, а Васудев и Деваки исполнилися веры и сказали: „Уж скоро наш господь освободит нас от страданий!“

Так гласит глава третья „Благословенье чрева“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] В ведах Рудра (रुद्र „ревущий, страшный“) выступает в качестве бога бури, отца ветров (Марутов). В „Прем Сагаре“, по примеру пуран, слово Рудра означает Шиву, второго члена индусской триады, бога разрушения. Согласно легендам Вишну-Пураны, Рудра является сыном Брахмы.

[2] Воздушная колесница богов. В современном языке слово „виман“ иногда употребляется в значении аэроплана.

ГЛАВА 4

Васудев джи уносит в Гокуль шри Кришну джи

Шри Шукадев джи молвил: „О царь! В тот час, когда шри Кришначандра стал рожденье принимать, тогда у всех в душе такая радость родилась, что все забыли даже слово «горе»! В великой радости леса и рощи вдруг зазеленели, расцвели и принесли плоды; наполнились водой все реки и протоки, все пруды, озера; разнообразнейшие птицы там на них защебетали; по городам и селам и по всем домам настало торжество, и брахманы повсюду стали жертвы совершать, возрадовались все Дикпалы,[1] хранители всех стран; над Браджмандалом облака кружили; все божества в свои виманы сели и пролили с небес обильный дождь цветов;[2] видьядхары,[3] и гандхарвы и чараны[4] играть на лютнях, барабанах стали, воспевая гуны[5] Кришны. Меж тем как Урваши[6] и с ней другие апсары[7] свершали пляску, в это время, в среду в восьмой день темной половины

---

[1] Согласно пуранам, божества-хранители десяти стран света: страж востока — Индра, юга — Яма, севера — Кубера, бог богатства, запада — Вишну и т. д.

[2] Старинный прием индийской поэтики: божества низшего ранга выражают радость небес тем, что бросают с небес цветы.

[3] „Обладатели знания“. Разновидность божеств низшего ранга в индийской мифологии. Видьядхары представляются обитающими в пространствах между небом и землей. Часто в состав видьядхаров зачисляются гандхарвы, киннары и другие представители индийского пантеона.

[4] Певцы-поэты, в особенности же небесные певцы, панегиристы богов.

[5] Отличительное качество, свойство, достоинство.

[6] Прекрасная небесная нимфа, упоминаемая еще в Ригведе. Любовь к ней царя Пуруравы составляет сюжет драмы „विक्रमोर्वशी“, переведенной и на русский язык („Мужеством добытая Урваши“).

[7] Небесные нимфы, куртизанки, танцовщицы. Упоминаются еще в ведах. Согласно легендам Рамаяны и пуран, родились из воды, откуда и их название (अप *ap* — „вода, सर *sar* „течь“). Ни боги, ни демоны, несмотря на красоту апсар, не захотели сделаться их супругами, и потому апсары сделались небесными служительницами свободной любви, часто снисходя и до смертных.

месяца Бхадона,[1] в созвездие Рохини,[2] в полночь, шри Кришна джи явился и рожденье принял. Облакоцветный, луннoликий, лотосоглазый, в желтом шелковом наряде, с короною на голове и в ожерелье вайджаянти,[3] в украшениях, осыпанных камнями самоцветными, свою четырерукую[4] он принял форму и с шанкхой,[5] чакрой,[6] гадой,[7] падмой[8] явился Васудеву с Деваки. Когда его увидев, в изумление придя, они со знанием помыслили, и в нем узнали самого Адипурушу,[9] тогда, сложивши поднятые руки, со смирением сказали: „О, как счастлива доля наша, коль ты нам дал узреть себя и положил предел рождениям и смерти!“

Сказавши так, они поведали ему все, что случилось с ними прежде, как Канса мучил их. Тогда шри Кришначандра молвил: „Теперь вы не скорбите больше ни о чем! Ведь я рожденье принял для того, чтоб устранить страданья ваши! Однако ж вы без промедления меня доставьте в Гокуль: там в эту же минуту у Яшоды родилася дочка, ее возьмите и вручите Кансе. Причину удаленья своего я объясню вам, слушайте!

Яшода с Нандой подвиг некогда свершили,
Давно ко мне всем сердцем оба обратились,
Они всем сердцем жаждут видеть сына лик,
Я им хочу явиться в виде сына их!

Потом убью я Кансу и явлюся к вам. Храните твердость у себя в душе!“ Так успокоив Васудева с Деваки, шри Кришна обратился вновь в младенца и заплакал и майею своей окутал все. Когда исчезло истинное знание у Васудева с Деваки, тогда они узнали, что у них родился сын. Уразумевши это, они в душе обет великий дали — пожертвовать коров десятки тысяч; младенца взявши на руки, они его к своей груди прижали, смотрели в личико ему, вздыхали тяжко и друг другу говорили: „О если б как-нибудь с младенцем убежать, чтоб он из рук злодея Кансы мог спастись!“ Тут Васудев сказал:

---

[1] Пятый месяц индусского календаря, соответствующий периоду с середины августа до середины сентября европейского календаря.

[2] Четвертое из двадцати семи созвездий, лежащих на пути луны. Рохини почитается дочерью Дакши, сына Брахмы и любимой супругой месяца.

[3] Ожерелье бога Вишну и его аватар. Оно, согласно легендам, состоит из пяти драгоценных камней: рубина, смарагда, сапфира, алмаза и жемчуга.

[4] Наиболее популярная форма Вишну, как бога хранителя. В каждой из рук Вишну держит один из названных атрибутов.

[5] Раковина, употребляемая как музыкальный инструмент; особенно часто она употреблялась как воинский музыкальный инструмент.

[6] Диск, в особенности же металлический диск с острыми краями. Это оружие, употреблявшееся в Индии с древнейших времен, считается специальным излюбленным оружием Вишну и его аватары Кришны.

[7] Дубина, железная дубина, старинное оружие, один из атрибутов Вишну.

[8] Лотос, один из атрибутов Вишну.

[9] „Изначальный муж“, всевышний, одно из имен Вишну.

„Не даст, помимо Брахмы, нам никто спасенья,
Не прейдет буква кармы здесь во всей вселенной!“
Но Деваки от мыслей вздрогнула вся вдруг:
„О нашем друге Нанде, вспомни, мой супруг!
Яшода обещала в горе нам помочь,
И Рохини давно ведь в Гокуле живет.

Возьми и отнеси ты мальчика туда!“ Услышав это, Васудев, взволнованный, сказал! „Как понесу я, как я освобожусь от этих тяжких пут?“ Едва успел сказать он это, как цепи и оковы вдруг упали с рук и ног его, все двери растворились, и стражи погрузилися в глубокий сон. Тогда-то Васудев шри Кришну джи в корзинку положил, на голову ее поставил и отправился без промедленья в Гокуль.

С небес великий Индра пролил над ним дождь
А сзади слышен львиный громкий, страшный рев,
Идет в печали тяжкой скорбный Васудев.
И вдруг пред ним открылась волн Ямуны мощь!

Остановившися на берегу реки, задумался шри Васудев: „Рыкает сзади лев, а предо мной течет бездонная Ямуна — что делать мне теперь?“ Сказавши это, он с мыслию о господе вступил в Ямуну. Чем дальше подвигался он, тем глубже становилася река. Когда вода дошла до носа, то он пришел в великий страх. Увидев страх его, шри Кришна ногу протянул свою и произнес слог „хун“.[1] Едва воды коснулася нога, Ямуна обмелела, и Васудев без страха перешел ее. Когда он к дому Нанды подошел, то видит, дверь открыта. Вошел он в дом и видит, все лежат и спят. Богиня[2] совершила чудо: сама Яшода не заметила, что дочь родилась у нее! И Васудев шри Кришну джи спать близ Яшоды положил, а сам, взяв девочку, без промедления отправился в обратный путь. Он перешел реку, пришел туда, где Деваки сидела, горевала. Когда же Васудев отдал младенца Деваки, сказав, что все благополучно, то Деваки, услышав это, просветлела и сказала: „Мой господин! Теперь пусть Канса убивает нас, нам ничего не страшно: из рук злодея сын наш спасся!“

Поведав сказание это, шри Шукадев сказал царю Парикшиту: „Как только Васудев пришел с младенцем—девочкой, то двери сами собой захлопнулись, а Васудев и Деваки надели цепи и оковы. Вдруг девочка заплакала. Услышав звуки плача, стражи все проснулись, схватился каждый за оружие свое, пришел в себя; из пушек[3] стали все палить. Услышав этот шум, слоны

---

[1] Знак подтверждения того, что слушают, знак согласия. Часто слову „хун“ придается мистический смысл.

[2] Т. е. Майя бога Вишну.

[3] Анахронизм, привнесенный в древнюю легенду самим Лаллу джи Лалом, автором „Прем Сагара“.

все завизжали, львы зарычали, залаяли собаки. Тогда, в глухую полночь, в дождь, один из стражей прибежал; сложивши поднятые руки, он Кансе так сказал: „Махарадж! Родился враг твой!“ Услышав это, Канса без сознания упал“.

Так гласит глава четвертая „Рожденье Кришны и похищение девочки“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 5

Жестокое неистовство Кансы

Услышав о рождении младенца, Канса в страхе задрожал, потом он встал и, меч свой в руку взяв, то падая, то спотыкаясь, побежал. С распущенными волосами, в поту весь утопая и от волненья задыхаясь, он прибежал к своей сестре. Когда он вырвал девочку из рук ее, она, сложивши поднятые руки, молвила: „О брат! Ведь эта девочка — твоя племянница, не убивай ее! Она — последний мой ребенок! Ведь ты убил уж шестерых моих детей, и скорбь по ним меня снедает тяжко. Зачем без нужды девочку убьешь, грехи свои тем преумножишь!“ Канса молвил: „Живою девочку я не отдам тебе, иначе тот меня убьет, кто женится на ней!“ Промолвив так, он вышел. Когда хотел он, размахнувшись, о камень размозжить ее, тогда младенец, вырвавшись из рук его, на небеса взлетел и громко так сказал: „О Канса! Удалось тебе убить меня? Твой враг уже родился где-то, теперь ты не спасешься!“

Услышав это, Канса царь с глубоким сожалением пришел туда, где были Васудев и Деваки. И возвратясь, он снял с их рук и ног оковы, цепи и со смирением сказал: „Я грех великий совершил, всех ваших сыновей убил! Как смыть такой позор мне? В каком рожденьи что со мною будет? Все ваши боги — лживы! Они сказали, что в восьмом зачатии у Деваки родится мальчик! А вот не мальчик, девочка родилась! Но и она из рук моих ушла на небеса. Теперь ко мне вы проявите состраданье, мою вину в душе не сохраните; ведь то, что кармою написано, стереть никто не может! И тот, что знанием высоким обладает, меж смертию и жизнию различия не знает! Лишь гордый различает здесь своих друзей, своих врагов, а вы — великие святые, правдолюбы, вы принесли мне сыновей своих!“

Когда, сказавши это, Канса стал с мольбою простирать к ним руки, то Васудев джи молвил: „Махарадж! Ты истинно сказал, что в этом нет твоей вины! Творец предначертал все это в карме нашей!“ Услышав это, Канса просветлел и Васудева с Деваки с великою любовью в свой дворец привез, велел им угощенье приготовить, одел в роскошные одежды, потом

с великой честью он доставил их обратно. Призвав советника, он молвил: „Богиня мне сказала, что мой враг родился в мире, а посему теперь где б вы ни встретили богов, всех убивайте: они бессмысленную ложь сказали мне, когда вещали: враг де твой от Деваки в восьмом зачатии родится!“ Советник молвил: „Да разве нам их трудно истребить! Они все по рожденью нищие! Когда изволишь ты прогневаться, они все разбегутся! да разве в них есть сила противостоять тебе? Взять Брахму — восемь страж он погружен весь в созерцанье, в знанье! А Махадев — тот курит коноплю[1] да ест дурман, а Индра — тот перед тобою на попятный. Остался лишь Нараян, но он не понимает воинского дела, не разлучаясь с Лакшми,[2] вкушает радости он с нею!“

Канса сказал: „Скажи же мне, как мне добраться до Нараяна и как его мне победить?“ Советник отвечал: „Махарадж! Коли Нараяна ты хочешь победить, то истребляй теперь всех тех, в чьем доме восемь страж Нараян обитает: всех брахманов и вайшнавов,[3] всех йогов,[4] яти,[5] тапасви,[6] саньяси,[7] вайраги[8] и всех других, кто Хари почитает! Не оставляй в живых ни старика, ни одного младенца!“ Услышав это, Канса молвил главному советнику: „Иди и истребляй их всех!“ Советник, получив приказ, взял много ракшасов с собою и отправился. А по прибытьи в город стал он силою и хитростью искать и истреблять коров и брахманов, всех мальчиков и всех, кто верен Хари“.

Так гласит пятая глава „Неистовства Кансы“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Махадев, т. е. Шива считается большим любителем гашиша и наркотиков вообще.

[2] Богиня счастья и богатства, супруга Вишну, мать Камы, бога любви. Слово Лакшми встречается уже в Ригведе в значении „счастье“. Согласно легендам Рамаяны, прекрасная богиня Лакшми, подобно греческой Афродите, вышла из пены морской, когда боги и асуры сбивали океан в масло. Ее перерождением почитается Рукмини, первая законная супруга Кришны.

[3] Последователь или почитатель Вишну.

[4] Йог, отшельник, отрекшийся от мира, равнодушный к его радостям и печалям.

[5] Победивший свои страсти, равнодушный к соблазнам мира и стремящийся достигнуть освобождения от перерождений.

[6] Подвижник.

[7] Отрекшийся от мира, отшельник, аскет.

[8] Освободившийся от страстей, отрекшийся от мира. Все упомянутые термины для обозначения отшельников, отрекшихся от мира, часто употребляются один вместо другого.

Глава 6

Праздник рождения шри Кришны

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: „О царь! В былое время Нанда и Яшода для полученья сына великий совершили подвиг. Тогда явился шри Нараян им и дал великий дар, сказав: «От вас я некогда рождение приму!» Когда же в месяц Бхадон в восьмой день темной половины, в среду, в полуночное время, явился к ним шри Кришна, тогда Яшода, пробудившись, увидев сына лик, позвала Нанду. Они великое блаженство испытали и познали, что жизнь их не прошла бесплодно. Едва зажглась заря, как Нанда джи с постели встал, послал позвать он пандитов-астрологов: они пришли с своими книгами, с листами. Он предложил им всем сиденья и усадил их всех с великой честью и почетом. Они, согласно шастрам всем, установили год и месяц, день солнечный, день лунный, накшатру,[1] и йогу,[2] карану.[3] Произведя все вычисления, определив счастливую минуту, молвили: „Махарадж! По указанью наших шастр выходит так: «Младенец сей — второй творец! Он истребит асуров всех, он снимет бремя с Браджа, будет называться Гопинатхом,[4] Владыкою Пастушек! Сего младенца славу воспоет весь мир!» Услышав это, Нанда джи обет великий дал — пожертвовать коров прекрасных двести тысяч с рогами золотыми, серебряными копытами и с медными хребтами, покрывши каждую из них роскошной шелковой попоной. Потом он роздал множество даров и, брахманов всех одарив, благословенье получив от них, он отпустил их. Затем он пригласил всех музыкантов и певцов, что были в городе; они явилися, и каждый стал свое искусство проявлять: играли музыканты, плясали плясуны,

---

[1] Каждое из двадцати семи созвездий, через которые проходит луна в течение лунного месяца.

[2] Один из двадцати семи моментов, которые устанавливает индийская астрономия, определяя взаимное положение солнца и луны.

[3] Промежуток времени, равный половине лунного дня, который в свою очередь составляет тридцатую часть лунного месяца. Индийская астрономия различает одиннадцать карана, из которых четыре фиксированные и семь подвижных.

[4] Буквально „покровитель или владыка пастушек“, одно из имен Кришны.

певцы все пели и скоморохи с женами своими славу воспевали их. И вот все пастухи, что в Гокуле там жили, всех жен своих горшками с простоквашей нагрузили, на головы поставили кувшины с кислым молоком, оделись сами в разные наряды и с пляской, с пением явились Нанду джи поздравить! Когда приблизились к нему, друг друга стали кислым молоком все обливать, и Гокуль потонул весь в простокваше! Когда окончилося дадхикандо[1]— простоквашная игра, то Нанда джи всех накормил и напоил, всех одарил одеждами, и, тилаки[2] всем сделав, бетель[3] предложив, простился с ними.

Таким вот образом там много дней свершались поздравления. А после кто бы ни являлся к Нанде джи, чего бы ни просил, все каждый получал. По окончаньи поздравлений Нанда джи призвал к себе всех пастухов и так сказал: «О братья! Вы слышали, что Канса мальчиков всех ловит, требует к себе. Подумайте, ведь и на нас какой-нибудь злодей поклеп-то может возвести. Поэтому нам надлежит всем вместе подарки отвезти ему и подати за целый год». Все согласились с этими словами. Каждый из дому доставил молока и простокваши, масла, денег; все нагрузили на телеги и с Нандой во главе отправились из Гокуля в Матхуру. Предстали перед Кансой, представили подарки и до последней каури[4] уплатили свой налог. Простившись с ним, отправились в обратный путь.

Едва они достигли берега Ямуны, как Васудев джи, получив известие об этом, там догнал их. Он к Нанде джи подъехал, с ним поздоровавшись, сказал: «Во всей вселенной нет ни друга, ни родного у меня, подобного

[1] Обычай обливать друг друга кислым молоком в восьмой день праздника рождения Кришны соблюдается в индийской деревне вплоть до настоящего времени. Происхождение дадхикандо относится к глубокой древности.

[2] Знак касты, субкасты или секты, который члены соответствующих общин изображают на лбу, на руках, на груди и т. д. Тилак рисуется сандалом, шафраном, простоквашей, рисом и т. д. Тилаки различаются не только материалом, которым они рисуются, но и цветом и формой, от простой прямой — вертикальной или горизонтальной линии — до весьма усложненных фигур. У вишнуитов тилак изображается в виде простой прямой вертикальной линии; различные секты вишнуизма весьма различно осложняют эту линию дугами у основания ее, черточками, точками и т. д. В кругах, придерживающихся ортодоксального индуизма, тилак является совершенно необходимой принадлежностью правоверного индуса.

[3] Бетель — род перца (piper betel), листья которого жуются всеми классами населения Индии с древнейших времен. Листья сворачиваются в маленькие пакетики, причем внутренняя сторона их смазывается известью, смешанной с экстрактом из акации катеху, кусочками ореха арековой пальмы, семенами кориандра, кардамоном, кусочками мускатного ореха и корицы. При жевании во рту получается горьковато вяжущий вкус, сильное отделение слюны, причем губы и десны окрашиваются в темнокрасный цвет, зубы чернеют, дыхание приобретает приятный запах. Этим достигается, сверх того, некоторое возбуждение нервной системы. Бетель жуется обычно после еды и перед отходом ко сну, причем любители жуют до ста и больше пакетиков. Бетель является необходимым завершением угощения даже и в настоящее время, напр. на приемах у индийских князей. Низшие касты жуют бетель, приготовленный значительно более просто, чем то указано выше. И в настоящее время цена на простые виды бетеля незначительна — сто пакетиков на копейку; цена высших сортов — 6 штук на копейку (пайсу).

[4] Мелкая морская раковина, с древнейших времен служащая в Индии самой мелкой разменной монетой. В пайсе (пайса $^1/_{64}$ рупии, цена которой 65 коп.) считается 80 каури.

тебе! Когда меня постигло тяжкое несчастье, то я послал к тебе свою жену, беременную Рохини. Когда же сын родился у нее, ты воспитал, взрастил его... Но долго б мне пришлося говорить о всех достоинствах твоих!» Сказавши это, снова он спросил: «Скажи, здоровы ль Рама,[1] Кришна и Яшода рани?“ Нанда джи сказал: „Твоею милостью здоровы все, здоров и Баладев[2] джи твой, моей всей жизни корень! Когда у нас родился он, то силою твоих заслуг великих и у нас родился сын! Но мы скорбим одной, твоею скорбью!» Васудев сказал: «Мой друг! Бессильны все мы супротив творца и не сотрем, коль кармой предначертана черта! А посему, явившись в мир и муки претерпев, кто станет горевать?» Такое знанье преподав, сказал:

Немедля отправляйтесь все к себе домой,
Неистовствует Канса, враг наш общий злой!
Младенца ищет всюду, рыщет сей злодей;
Настала смерть для добрых праведных людей!

Ведь вы-то все сюда приехали, а ракшасы повсюду рыщут и младенца ищут! Как знать, не заберется ли какой злодей к вам в Гокуль, не натворит ли бед!“ Услышав это, Нанда джи обеспокоился, собрал всех пастухов и, полный мыслей, опасений, из Матхуры отправился он в Гокуль“.

Так гласит глава шестая „Праздник рождения шри Кришны“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Сокращенная форма имени Баларама, брата Кришны, сына Рохини.

[2] Одно из имен Баларама.

कृ

ГЛАВА 7

Шри Кришна убивает Путну[1]

Шри Шукадева джи молвил: „О, царь! Советник Кансы взял с собою много ракшасов и с ними рыскал всюду, убивая всех. А после Канса Путну ракшаси[2] призвал и ей сказал: «Ты отправляйся, истребляй у ядавов всех мальчиков, которых там найдешь». Услышав это, обрадовалась Путна, простерлась перед ним, пошла и думала дорогой так:

«Родился, слышно, где-то там у Нанды сын,
А в Гокуле случайно нет теперь мужчин;
Отправлюся, застану бабу там одну
Пастушкою прикинусь, всех их обману!»

Сказавши это, она надела на себя шестнадцать украшений, двенадцать драгоценностей, вложила в груди яд и дивный облик приняв, вводивший в заблужденье, лотоса цветок взяв в руку, украшенная с головы до ног, она пошла, прекрасная как Лакшми, когда она, украсившись, к супругу[3] своему идет. Явившись в Гокуль, она с улыбкою веселой к Нанде во дворец вошла. Увидевши ее, пастушки очарованы все были и в восхищение пришли. Она к Яшоде подошла и села, спросила о здоровье, благословение дала, сказав: «Сестра! Да здравствует твой Канха[4] много лет!» Когда она, так углубив к себе приязнь, из рук Яшоды джи взяла ребенка, к груди его прижала и грудью начала кормить, тогда шри Кришна, обеими руками грудь схватив и в рот свой потянув, стал с молоком высасывать и жизнь всю из нее. Тогда-то, испугавшись, Путна закричала: «Какой ребенок у тебя, Яшода! Не человек — посланец Ямы!» И далее сказала так:

---

[1] Имя женщины — ракшаса (демона), дочери царя Бали, впоследствии владыки подземного царства.

[2] Форма женского рода от слова „ракшас“ — демон, таким образом ракшаси — женщина-демон.

[3] Т. е. к Вишну.

[4] Одно из имен Кришны. Этимологически слово Канха или Канхаи является новоиндийской формой древнеиндийского Кришны.

«Я думала, веревка — а вот змея в руках. Коли удастся мне из рук его спастись, то больше никогда не покажуся в Гокуле!» Подумав так, она пустилася бежать и выбежала за деревню. Но Кришна джи не отпустил ее и выпил из нее всю жизнь. И падая, обрушилась она, как будто бы с небес перун упал. Услышав этот страшный гул, Яшода с Рохини, рыдая, ударяя в грудь себя, немедля бросилась туда, где мертвая лежала Путна, на шесть кос[1] растянувшись; за ними вслед бегом пустилась вся деревня. Все видят, Кришна к ней на грудь взобрался и сосет! Не медля ни минуты, Яшода на руки его схватила, в личико поцеловала, прижала к сердцу своему и унесла домой. Потом призвала знахарок, велела заклинанья совершить. Меж тем пастушки с пастухами все стояли тут. На Путну все смотрели и меж собою говорили так: «Сестрицы! Когда услышали мы гул ее паденья, то испугались так, что сердце до сих пор колотится! Кто знает, что с ребенком будет!» Меж тем из Матхуры приехал Нанда джи; и что ж он видит? бездыханная, ракшаси лежит, вокруг нее стоит толпа браджийцев. Он их спросил: «Что за беда тут приключилась?» Они сказали: «Махарадж! Сначала дивною красавицей она была, явилась в дом к тебе, благословение дала. Все жены Браджа, увидав ее, как зачарованные были. Она взяла из рук Яшоды Кришну, грудь ему дала. Что сделалось потом, не понимаем!» Услышав это, Нанда джи сказал: «Великое то счастие для нас, что мальчик жив остался! и счастье, что она упала не на Гокуль, не то никто бы не остался здесь в живых, она бы задавила всех!» Сказав так, Нанда джи отправился в свой дом, стал раздавать дары и добрые дела творить. А пастухи секирами, лопатами, мотыгами и топорами на части разрубили кости Путны, яму вырыли и закопали их, а мясо с кожею собрали и на огне сожгли. И от горения распространилось благовоние такое, которое наполнило весь мир благоуханием“.

Сказание услышав это, царь Парикшит спросил шри Шукадева джи: „Махарадж! Но эта ракшаси великая ведь грешница была, она вино пила и ела мясо,[2] так почему же из телес ее благоуханье вышло? О сделай милость, объясни!“ Муни молвил: „О царь! Шри Кришначандра тем, что грудь ее сосал, ей избавленье[3] дал, и посему благоуханье вышло!“

Так гласит глава седьмая „Путны убиенье“ „в Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Мера длины, равная приблизительно двум английским милям. Размер косы в разных частях Индии не одинаков, но колебания незначительны.

[2] Употребление вина и мяса у вишнуитов почитается великим грехом и в настоящее время.

[3] Т. е. избавление от грехов и от перерождений.

Глава 8

Яшода рани угощает жителей Браджа

Шри Шукадева муни сказал:

„Когда опять пришло созвездье,
В котором Мохан[1] родился,[2]
То весь обряд святой приветствий
Свершает радостная мать!

Когда исполнилося двадцать семь дней Хари, то Нанда джи всем брахманам и жителям всем Браджа приглашение послал. Они пришли. Он принял их с почетом, усадил. Потом он брахманам дал множество даров и отпустил их, а пастухов всех одарил одеждами и повелел им предложить роскошнейшее угощение. В то время угощала их Яшода рани, а Рохини прислуживала всем, и населенье Браджа весело всем угощалось; пастушки пели песни; все веселились так, что позабыли и о Кришне; а Кришна в это время безмятежно спал там в люльке под большой телегой. Проголодавшись, он проснулся, и взявши пальчик ножки в рот, он плакать стал, метаться и смотреть вокруг. Увидевши такой удобный случай, некий ракшас, пролетавший там, спустился вдруг к нему. Увидев Кришну одного, он так сказал себе в душе: «Да, он силачем большим родился, но я сегодня отомщу ему за Путну». Решив так, подлетел он и на телегу сел, отсюда и название его «Тележник-асур» или «Шакат[3] асур». Когда телега заскрипела, покачнулась, шри Кришна с громким воплем вдруг нанес ему такой удар, что он издох, телега же сломалась и рассыпалась, и вся посуда, что стояла с молоком и простоквашей, побилася на мелкие куски, и молоко рекою полилось. Когда сломалася телега и все горшки разбились, то все пастушки, пастухи, услышав этот шум, сбежалися туда. Яшода подбежала

[1] Одно из имен Кришны. Буквально слово Мохан означает „Чаровник, очаровывающий".

[2] Т. е. через месяц после рождения Кришны.

[3] Слово „Шакат" (शकत) значит „телега", часто так называется и асур, пытавшийся убить младенца Кришну, лежавшего под телегой.

и Кришну на руки взяла, поцеловала в личико, к груди своей прижала. Увидев это чудо, все друг другу говорили: «Сегодня Брахма здесь великую нам милость оказал; телега вся сломалась, а мальчик жив остался!»

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: „О царь! Когда пять месяцев исполнилося Хари, отправил Канса Тринаварту,[1] и он явился в Гокуль в виде вихря. Яшода, с Кришной на коленях, сидела на дворе и вдруг Канхайя[2] сделался таким тяжелым, что Яшода, из-за тяжести, спустила с рук его. И вот такая буря поднялась, что день в ночь обратился; деревья, вырванные с корнем, падали; с домов срывались крыши. Тогда в большом испуге Яшода джи шри Кришну стала поднимать, но не смогла его поднять. Когда ее рука от тела Кришны отделилась, то Тринаварта вдруг взлетел с ним в небеса и так в душе себе сказал: «Сегодня не уйдет он от меня живым!» Меж тем как он так размышлял, держа шри Кришну, Яшода джи, не в силах двинуться вперед, рыдала горько и взывала: «Кришна, Кришна!» Услышав этот крик, все пастухи, пастушки прибежали и вместе с нею бросились на поиски его; бросались наобум туда, сюда и натыкаясь друг на друга, падали.

Пастушки разбежались все по лесу Брадж,
И подняли с Яшодой скорбный, громкий плач!
Звучит клич Нанды громкий словно гром небесный;
Пастушки, пастухи все ищут безуспешно!

Когда шри Кришна увидал, что Нанда и Яшода, а с ними все браджийцы, в великом горе, тогда взметнул он Тринаварту вверх и, повернув на двор, на камень бросил. И в тот же миг его душа из тела вышла; буря прекратилась, засияло солнце. Вернулись все, кто заблудился, смотрят: лежит там мертвый ракшас, шри Кришна на его груди играет. Яшода подошла, его схватила, обняла и брахманам дары дала".

Так гласит глава восьмая „Шакатасур" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Собственно „вихрь" (तृणावृत्त); имя дайтьи-титана, слуги Кансы.

[2] Т. е. Канха, Кришна.

ГЛАВА 9

Шри Кришна джи ворует масло

Шри Шукадев джи молвил: „Однажды Васудев призвал к себе шри Гаргу[1] муни, который был великим звездочетом и пурохитом[2] в роду у ядавов, и так сказал ему: «Отправься в Гокуль и сыну моему дай имя!

Непраздной Рохини ушла
Родился у нее там сын;
Возрос ли он, что ждет его
И как зовут его, скажи!

У Нанды джи родился сын, он тоже звал тебя!» Услышав, Гарга муни с радостью отправился и скоро подъезжал уж к Гокулю. В то время кто-то к Нанде побежал, сказал: «К нам едет Гарга муни, пурохит ядавов». Услышав это, Нанда джи со всеми пастухами с великой радостью подарки взял и побежал навстречу Гарге. Шелковой материей устлали путь ему и с музыкой и пением ввели его в деревню. Исполнив пуджу,[3] ему сиденье предложили и выпили все нектару от ног его.[4] Потом все жены, мужи, сложивши поднятые руки, так сказали: «Махарадж! Высоко счастье наше, коль ты, нам милость оказав, явился и дом наш освятил своим

---

[1] Один из древних мудрецов; почитается одним из наиболее ранних астрономов. Гарге (गर्ग) приписываются труды по астрономии.

[2] Придворный или семейный жрец, обычно наследственный, в течение многих поколений связанный с определенным родом или двором. Пурохит исполняет все важнейшие религиозные обряды и приносит жертвы.

[3] Выражение почтения, в особенности почитание богов. Иногда пуджа (पूजा) ограничивается лишь простым выражением внимания, чаще совершение пуджи сопровождается подношением воды, цветов, плодов, рису, благовоний, светильника и т. д. Форма пуджи в сильной мере определяется положением того, кому она совершается.

[4] Т. е. воды, в которой омыты ноги. Обычай пить „Нектар ног“ (चरणामृत) брахмана утвердился особенно со времени изгнания буддизма и подчинения брахманами своему влиянию вишнуитов. В деревнях Индии этот обычай сохраняется вплоть до настоящего времени и считается не только средством проявления уважения к брахману, но и весьма благодетельным делом, которое очень помогает в осуществлении того или иного предприятия.

приходом! Твоею силою у нас родилося два сына: один у Рохини, один у нас! Ты, сделай милость, дай им имена!» Гарга муни молвил: «Так нарекать им имена не подобает, не то пойдет молва, что Гарга муни прибыл в Гокуль, чтоб мальчику дать имя; услышит Канса, сразу догадается, что кто-то переправил сына Деваки сюда в деревню, к другу Васудева, и потому поехал де пурохит Гарга. Поймет он это, схватит вас, потребует к себе, и не известно, какие бедствия на нас нашлет! А посему не делайте огласки и дайте имена им тихо, тайно, в доме!» Нанда сказал: «О Гарга джи! Ты истинно сказал!» Сказавши так, он в дом его повел и посадил. Тогда то Гарга муни, спросив у Нанды джи дни и часы рождения обоих, вычисленья произвел, определил им имена. И он сказал: «Теперь ты слушай, Нанда джи! У сына Рохини, супруги Васудева, такие будут имена: Санкаршан,[1] Реватираман,[2] Баладау,[3] Баларама, Калиндибхедан,[4] Халадхар[5] и Балавир.[6] А имена же Кришны, сына твоего, неисчислимы! Но некогда родился он от Васудева и посему был назван Васудевом.[7] По всем соображениям моим выходит, что оба эти мальчика всегда рождались вместе, когда рождались в четырех всех югах!» Нанда джи сказал: «Ты объясни его нам гуны». Гарга муни ответствовал: «Он есть второй создатель, и неисповедимы суть пути его! Но я одно лишь знаю, что Кансу погубив, с земли он снимает бремя!» Сказав так, Гарга тайно выехал оттуда, и, прибыв к Васудеву, поведал все, что он видел и что сделал. И вот там в Гокуле далеком оба мальчика росли все с каждым днем и детскими своими играми давали радость Нанде и Яшоде. Одеты оба в синих, желтых рубашенках, в мелких локонах вся голова; на шее в лен-

---

[1] Буквально „пахота“. Это имя (संकर्षण) весьма характерно для Баларама, так как указывает на несомненную связь Баларама, почитаемого частичным воплощением Вишну, с земледельческим культом. На эту связь указывает и один из атрибутов Баларама — плуг, которым он пользуется в дальнейшем, как своим оружием.

[2] Т. е. супруг (रमण) Ревати (रेवती), дочери царя Ревата (रेवत). Согласно пуранам, Ревати была столь прекрасна, что отец, считая, что на земле не найти жениха, достойного ее, обратился за советом к самому Брахме, и Брахма указал на Баларама, как на частичное воплощение Вишну.

[3] Повидимому, диалектический вариант имени Баладева (बलदेव). Баладау (बलदाऊ) можно истолковать также как „Бала старший брат“ (दाऊ), так как Баларам является старшим братом Кришны.

[4] Буквально „Разрывающий Калинди“, т. е. Ямуну, так как одним из поэтических имен Ямуны является Калинди (कलिंदी), потому что она течет с горы Калинд (कलिंद). Это имя Баларам получил потому, что, согласно легендам Хариванши (последней книги Махабхараты) и Бхагаваты пураны, фигурирующим также в „Прем Сагаре“, Баларам, рассердившись на реку Ямуну, зацепил ее своим плугом и притянул поближе к Бриндавану.

[5] Буквально „Держащий плуг“ (हल-धर).

[6] Муж силы, мужественный.

[7] Имя Васудев (वासुदेव) буквально означает, или по крайней мере весьма часто этимологизируется, как „сын Васудева“ (वसुदेव). Ряд весьма веских соображений заставляет Бхандаркара отказаться от этой этимологии.

тах амулеты, заклинанья, украшенья; в руках игрушки — так они играли во дворе и ползали повсюду, лепетали беспрерывно. За ними следом Рохини с Яшодой, боясь, не испугались бы чего ребята, иль не споткнулись, не упали б. Когда они ручонками своими хватались за хвосты малюсеньких телят и на ножонки поднимались и падали потом, тогда Яшода с Рохини с любовью брали их, прижав к груди, кормили грудью и всячески ласкали. Когда подрос шри Кришна, он однажды пастухов детей собрал и с ними в Брадж пошел на кражу простокваши, масла.

Где дома никого нет, роется во всем,
Что в доме ни найдет, он тащит, раздает,
Где спящими всех в доме Кришна джи застигнет,
Там масло, простоквашу на пол опрокинет.

А где увидит, что съестное все поставлено на полку, там ставит он скамейку, доску на нее кладет, на доску ставит ступу, на ступу из товарищей кого-нибудь поставит, взберется на него и все достанет; ну, часть съедят, а часть так разбросают. И так он постоянно в дома пастушек забирался, воровал. Однажды все пастушки сговорились, и Мохана впустили в дом. Как только он вошел, собрался приняться за кражу молока и масла; в тот миг пастушка подбежала и, схватив его, сказала: «Ты каждый день к нам забирался на заре иль ночью! Ну, как теперь ты убежишь, ай, масляный ты вор!» Когда она так закричала, все пастушки вместе Канхайю схватили и повели его к Яшоде проучить. Тогда шри Кришна совершил такую хитрость: вложил он в руки ей — ее же собственного сына руку, сам же убежал и присоединился к детям пастухов. Шли-шли они и вот пришли к Яшоде; упав к ее ногам, сказали: «Коль не сочтешь ты это за обиду, мы можем рассказать, каких бесчинств твой Кришна натворил!

Нет масла, молока нет, нет и простокваши:
Все Кришна подобрал твой начисто здесь в Брадже!
Он так ворует, что мы не убережемся:
То рано на заре, то ночью заберется!

Где ни поставь, как ни прикрой, найдет везде, возьмет и дерзко унесет! Добро бы съел, ведь больше разбросает! Коли кто скажет: „Ты вымазал лицо все простоквашей!“ так он наперекор твердит: „Ты вымазала мне сама“. И так вот, что ни день, приходит воровать! Сегодня мы его поймали и привели тебе вот показать!» Яшода молвила: «Сестрица! Ты чьего ж мальчика поймала, привела? Да мой сынок Канхаи[1] со вчерашнего то дня не выходил и со двора! Вот как ты верно говоришь!» Услышав это и увидев, что держит собственного сына, пастушка засмеялась, застыдилась. Тогда Яшода джи позвала Кришну и сказала: «Сынок! Смотри, не смей ты ни к кому ходить! Что ни захочешь, дома все бери и кушай!»

[1] Имя Кришны — Канха, Кришна.

Услышал Канха это, шепчет ей в ответ:
«Не верь ты, мама, право, их словам не верь!
Неправду все пастушки, лгуньи, говорят!
Вишь, как ко мне пристали, липнут как смола!

Случается, теленочка поймать велят, не то в дому прислуживать заставят; не то меня посадят дом свой сторожить, а сами занимаются своей работой; ну а потом еще сюда приходят и на меня тебе напраслину возводят!»

Однажды Кришна с Баларамом и друзьями играли во дворе в песочек. Когда, случилось, Канха съел земли, один его приятель побежал и доложил Яшоде. Она разгневалась, схватила розгу, прибежала. Увидев, что подходит мать в великом гневе, Кришна вытер личико, стоял в испуге. Яшода подошла и так ему сказала: «Ну говори, зачем ты землю ел?» В испуге Кришна задрожал и молвил: «Матушка! Да кто тебе сказал?» Она ответила: «Да твой приятель!» Тут Мохан в гневе обратился к другу: «Послушай ты! Когда же я ел землю?» Тот испугался и сказал: «О братец! да я то ничего не знаю, что мне говорить?» Меж тем как Канха пререкался с другом, Яшода подошла, его схватила. Тут Кришна так сказал: «О, матушка, ты не сердись! Да разве могут люди землю есть?» Она сказала: «Да я не стану слушать глупостей твоих! Коль правду говоришь ты, покажи свой рот!» Когда шри Кришна рот открыл, пред ней предстали в нем три мира. Тогда Яшоду осенило знанье, она в душе себе сказала: «Глупа я, что владыку трех миров своим считаю сыном!»“

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил так царю Парикшиту: „О царь! когда ж супругу Нанды осенило это знание, то Хари снова все окутал майей, ослепляющей весь мир, и вот Яшода Мохана взяла, к своей груди с любовию прижала и унесла домой“.

Так гласит глава девятая „Явление трех миров“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 10

Яшода привязывает шри Кришну джи к ступе

Однажды, собираясь масло бить, супруга Нанды встала на заре и разбудила, созвала пастушек всех. Они пришли и чисто на чисто все в доме подмели, потом намазали навозом пол и, взявши маслобойки, стали масло бить. Тогда супруга Нанды новый огромнейший горшок взяла и на скамью поставила его; затем, потребовав веревку и мутовку, выбравши сама кувшин с отличной свежею сметаной, уселась масло пахтать тут для Рамы с Кришной. В тот час у Нанды в доме от пахтанья в нем масла такой поднялся гул, как будто гром гремел! Проснулся в это время Кришна; плакал, плакал, звал все «Мама, мама!»... Когда же крик его никем услышан не был, тогда он сам к Яшоде подошел и, кулачками глазки протирая, недовольный, всхлипывая, лепеча, сказал: „О мама! я много раз ведь звал тебя, но ты ко мне все ж не пришла и не дала мне кушать! Твоя работа все еще не кончена!“ Сказавши так, упрямо выхватил мутовку из горшка и, принявшись обеими руками, хватать стал масло и бросать; весь в масле вымазался он и, топая ножонками, тащил мать за подол и плакал. Тогда супруга Нанды испугалась, рассердилась и сказала: „Сынок, чтож это ты затеял?

Вставай, иди отсюда! Завтрак дам тебе!“
Но Кришна крикнул плача: „Не возьму теперь!
О мама, почему ты раньше не давала?
Ты хоть теперь немножко Канху приласкала б!“

Тогда Яшода приласкала сына, нежно в личико поцеловала, на руки его взяла, дала покушать простокваши, хлеба с маслом; Хари улыбался, кушал; супруга Нанды же его кормила, закрыв своим подолом, чтоб никто не видел. И в это время прибежала вдруг одна пастушка и сказала ей: „Ты здесь сидишь, а там вон в печке то все молоко сбежало!“ Услышав это, Яшода сразу с рук спустила Кришну и побежала молоко спасать. А в это время Канха джи побил кувшины с простоквашей и сметаной, сломал мутовку, миску с маслом захватил, с детьми браджийских пастухов бежать пустился. Там во дворе лежала перевернутая ступа; он разыскал ее, уселся и вокруг себя друзей всех усадил. Под общий смех стал Кришна наделять, кормить всех маслом! Меж тем Яшода, снявши с печки молоко, пришла и смотрит: в сенях и во дворе месиво из сметаны с простоквашей! Тогда, подумавши, Яшода вышла с розгою в руках; искала по двору, искала и пришла туда, где пышное собрание устроил Кришна, ел масло сам и угощал других. Подкравшись к Хари сзади, она его схватила и он, увидев мать, заплакал, завопил и так сказал: „О мама! Я не знаю, кто пролил молоко, пусти меня!“ Услышавши его смиренный голос, рассмеявшись, бросила Яшода розгу и в радости, с притворным гневом к груди прижала Кришну, а затем хотела к ступе привязать. Тогда шри Кришна сделал так, что той веревки, которою она его хотела привязать, ей не хватило. Тогда Яшода джи велела все веревки принести из дома, и все ж их не хватило, чтобы привязать шри Кришну! Но, наконец, увидев мать печальной, он сам дал привязать себя. Супруга Нанды, привязав шри Кришну, пастушкам приказала не отвязывать его; сама же принялася снова за работу в доме.

Так гласит глава десятая „Привязывание“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 11

Освобождение от проклятья Ямала и Арджуна

Шри Шукадева джи сказал: „О царь! Шри Кришначандра джи сидел привязанный и вспоминал все прежние свои рождения и, вспомнивши, как сыновей Куберы[1] Нарада джи проклял, он захотел спасти их“. Услышав это, царь Парикшит спросил у шри Шукадева джи: „Махарадж! За что же проклял сыновей Куберы муни Нарада? прошу, мне объясни!“ Шри Шукадев джи молвил: „Два сына славные Куберы, Наль и Кубар жили на Кайлаше.[2] Они служили там у Шивы; разбогатели сильно. Однажды с женами своими они отправилися в лес гулять. Придя туда, они хмельного выпили и опьянели. Тогда с царицами своими они разделись до нага и начали купаться в Ганге и, обнимаясь с женами своими, по всякому там стали забавляться. Как вдруг туда явился муни Нарада. Увидевши его, царицы вышли из воды, оделись, а те, хмельные, в реке остались стоять. Увидев их в таком вот состояньи, Нарада святой в душе себе сказал: «Они все возгордилися своим богатством; им опьяненные, они любовь и гнев за счастье почитают. У бедняка нет гордости; ну, а богач то разве различает, что закон, что беззаконье! К тому ж глупцы впадают в заблужденье, обольщаясь телом призрачным своим; впадают в заблужденье, видя и богатство и семью. Но добрые не допускают в душу опьянения богатством, благополучие и несчастье равными считают!» Сказавши это, муни Нарада их проклял так: «За этот грех вы отправляйтесь в Гокуль,

[1] Бог богатства, бог-хранитель севера. Кубера (कुबेर) почитается заведующим складами бога Индры и другом Шивы. Согласно Рамаяне, Кубера был сыном риши Вишравасa и братом (от другой матери) Равана, противника Рамы. Согласно Рамаяне, он при помощи архитектора богов Вишвакармы создал остров Цейлон (लंका) и жил там, но был изгнан оттуда Раваном. В награду за последующие подвиги Брахма сделал его богом-хранителем севера и заведующим сокровищницами Индры. Кубера представляется в виде урода — одноглазым, с тремя ногами и восемью зубами.

[2] Одна из вершин в Хималайских горах. Согласно пуранам, Кайлаш (कैलश) является местом жительства бога Шивы, там же находится рай Шивы. На Кайлаше же обитает друг Шивы — Кубера.

обратитеся в деревья! Когда шри Кришна примет аватару, тогда он даст вам избавленье!» Так муни Нарада их проклял, а посему они явились в Гокуль, обратилися в деревья, и получили имена — Ямала и Арджун!»“

Сказанье это рассказав, шри Шукадев джи молвил: „Махарадж! Припомнив это, шри Кришна, потащивши за собою ступу, дополз туда, где во дворе росли деревья — Ямала и Арджун. Добравшися туда, он, поместивши ступу меж деревьев, так сильно дернул, что оба дерева те повалились, вырванные с корнем, и из деревьев вышли двое юношей прекрасных. Они, сложивши поднятые руки, стали прославлять шри Кришну: «О господин! Не будь тебя, кто вспомнил бы о нас, великих грешниках?» Шри Кришна молвил: «Слушайте! Великую вам милость сделал муни Нарада, что в Гокуле вам даровал спасенье. Его лишь милостью вы удостоились меня увидеть! Теперь просите дар какой хотите!» Ямала и Арджун так сказали: «О покровитель бедных! Да, это милость муни Нарады, что мы коснулись ног твоих, тебя узрели! Теперь у нас нет никаких желаний! Мы просим, дай нам одно, чтобы всегда любовь к тебе жила у нас в сердцах!» Услышав это, даровав просимый дар и улыбнувшись, шри Кришначандра отпустил их“.

Так гласит глава одиннадцатая „Освобождение Ямала и Арджуна“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 12

Убийство Ватсасура[1] и Бакасура[2]

Шри Шукадева муни молвил: „О царь! когда упали те два дерева, то услыхав вдруг гул от их паденья, супруга Нанды, испугавшись, бросилась бежать туда, где привязала Кришну к ступе; за нею вслед бежали все пастушки, пастухи. Когда они там не нашли шри Кришну, тогда Яшода в страхе, в ужасе пошла вперед, крича, зовя: «Мохан, Мохан! Сестрицы, где он был привязан? не видел ли кто где-нибудь Канхаи, моего сыночка?» В это время одна браджанка, ушедшая вперед, вернулась и сказала: «Вон там два дерева упали, и там Мурари[3] невредимый!» Услышав это, все бросились вперед и видят, правда: деревья, вырванные с корнем, повалились, меж ними же сидит спокойно Кришна, к ступе той привязанный. Супруга Нанды подбежала и, отвязав от ступы Канху, плача, обняла его, а все пастушки, думая, что он испуган, принялися развлекать его, щелкая все пальцами и хлопая в ладоши. А Нанда с Упанандом[4] меж собою говорили так: «Деревья эти сотни лет росли! И как они могли быть вырванными с корнем? Такое чудо в голове не помещается, и тайну этого нам не постичь!» Услышав это, один из мальчиков подробно рассказал им, как оба дерева упали. Но все ж никто не мог поверить. Один сказал: «Да разве эти малые ребята могут уразуметь такую тайну?» Другой сказал: «Возможно, так и было... Разве может кто постичь путь Хари?» Так меж собой они различными догадками делились, потом же, взяв шри Кришну, с радостью вернулись в Гокуль, и Нанда джи всем роздал множество даров и много добрых дел свершил.

---

[1] Ракшас в образе теленка, слуга Кансы, посланный им с целью погубить Кришну, отрока и сам убитый Кришной.

[2] Демон в образе журавля, убитый в детстве Кришной.

[3] „Враг Мура", эпитет Вишну и Кришны. Согласно пуранам, Мур (मुर) был могучий дайтья (титан). У Мура было семь тысяч сыновей и еще более могущественный союзник дайтья Нарак; Вишну убил их всех и потому называется Мурари (मुरारि) „врагом Мура".

[4] Брат пастуха Нанды, приемного отца Кришны.

Прошло немного дней. Когда настал счастливый день рожденья Кришны, Яшода рани с радостью послала приглашенье всей родне; устроив пир великий, отпраздновала день рожденья. Когда уселись все и приступили к трапезе, то Нанда джи сказал: «Братцы, слушайте! Как можно жить теперь нам дале в этом Гокуле? Ведь что ни день, то приключается несчастие великое! Отсюда нужно нам уйти куда-нибудь, где мы найдем покой, траву и воду». Упананда молвил: «Давайте все отправимся в Вриндаван, поселимся там!» Услышав это слово, Нанда джи всех накормил и напоил и, бетель предложив, просил всех сесть. Немедленно послав за звездочетом, он вопросил о дне отъезда. И после размышленья звездочет сказал: «Для отправленья в эту сторону найлучшим завтрашний день будет. Вам слева[1] будет йогини[2] и позади Дишашул,[3] прямо ж — месяц. Вы без сомнений отправляйтесь на заре!» Услышав это, все пастухи с пастушками немедля разошлися по домам. Едва ж зажглась заря, все встали и на телеги погрузили все свое добро, посуду и вместе съехались. Тогда к ним присоединился Нанда со своей семьей.

Вот ехал-ехал Нанда джи и прибыл к вечеру на место. Почтив богиню Вриндавана, поселились там; и стали жить спокойно и счастливо.

Когда шри Кришне джи исполнилось пять лет, то матери своей он так сказал: «Матушка! Я пойду пасти телят. Скажи ты Баладау, чтоб он не оставлял бы одного меня в лесу!» Она сказала: «Сынок! ведь для телят у нас есть много пастухов, твоих рабов; ни на минуту ты не удаляйся с глаз моих, о милый!» Канха молвил: «Коли пойду я в лес играть, то буду кушать, не то — я ничего не стану есть». Услышав это, мать Яшода позвала немедля пастушков и, им вручая Кришну с Баларамом, молвила: «Телят пасти теперь вы не ходите далеко! Смотрите же, до сумерек с обоими все возвращайтеся домой! В лесу ж не оставляйте их одних, и не спускайте с глаз своих; вы — их хранители!» Сказавши так, она дала для Рамы с Кришной завтрак и с пастухами отпустила их.

Они отправились и принялись телят пасти на берегу Ямуны и с пастухами там играть. А в это время в образе теленка туда явился демон Ватсасур, посланный Кансой. Увидевши его, телята в страхе разбежались. Тогда шри Кришна джи тихонько Баладеву джи дал знать, сказав: «О братец! Ведь это приближается сюда какой-то ракшас!» Когда он, щипля травку, подошел, чтоб нанести удар, тогда шри Кришна джи схватил его за обе задние ноги, им размахнулся и так его швырнул, что жизнь его ушла из тела!

---

[1] В Индии левая сторона почитается неблагоприятной.

[2] В своем обычном значении йогини (योगिनी) есть демон в женском образе. В астрологии, как мы имеем это в данном контексте, йогини есть женское божество, управляющее периодами счастья и несчастья.

[3] Определенное сочетание созвездий, а также дни, соответствующие этим сочетаниям, в которые противопоказано отправляться в путешествие, иначе путешественника ожидают различные бедствия и даже смерть. Так, напр., для отправления на запад дишашулом почитается пятница и воскресенье; для отправления на север дишашул — вторник и среда и т. д.

Услышав о погибели Ватсасура, злой Канса царь Бакасура послал; то демон в виде журавля. Он прилетел в Вриндаван и, выбравши удобную минуту, сел, возвышаясь, как гора, на берегу Ямуны. Увидев журавля, все пастухи в великом страхе так сказали Кришне джи: «О братец! Ведь, это в виде журавля какой-то ракшас прилетел! Как нам спастися от него?» Меж тем как все они так Кришне говорили, Бакасур размышлял в душе: «Сегодня я живым его не выпущу из рук!» И вот, когда шри Кришна подошел к нему, то он, схватив его в свой клюв, зажал его. Все дети пастухов в великом страхе озирались, рыдали и кричали: «Ой! Ой! Здесь нет и Халадхара! Что ж скажем мы теперь Яшоде?» Увидев их в большой печали, шри Кришна сделался таким горячим, что Бакасур в клюве не мог его держать. Когда он изрыгнул его, шри Кришна вдруг схватил его за клюв, одной ногою наступил и разорвал. Потом, собрав телят, созвав друзей, с весельем, смехом он домой вернулся".

Так гласит глава двенадцатая „Шри Кришна убивает Ватсасура и Бакасура" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 13

Шри Кришна убивает Агхасура[1]

Шри Шукадева муни так сказал! „Слушай, царь! Однажды на заре шри Кришна в лес отправился пасти телят. Все дети пастухов, из дому снедь с собою захватив, отправилися в лес веселые с ним вместе. Придя на пастбище, они сложили завтраки свои, пустили всех телят своих пастись. Потом раскрасили себя все мелом, красной глиной, наделали различных украшений из цветов, плодов, украсили себя; потом, изобретая множество забав и игр, плясали все и пели, подражая крикам птиц и всех животных!

И в это время вдруг туда явился к ним Агхасур, ракшас, Кансой присланный. Он, приняв вид огромнейшего змея, с разверзнутою пастью сел поодаль. Играя весело с друзьями, шри Кришна подошел туда, где змей сидел и ждал с раскрытой пастью. Увидев издали его, все дети пастухов друг другу говорили: «Смотрите, братцы! Да здесь какая-то гора и в ней огромная пещера!» Поговоривши так, они с телятами, приблизилися к змею. Тогда один из мальчиков, взглянувши в пасть ему, сказал: «Смотрите, братцы! Да здесь какая-то ужасная пещера! Не будем лучше мы входить, в нее и заглянуть то страшно!» Потом один приятель Кришны, Тош сказал: «Пойдем, давайте заберемся-ка в нее! Ведь с нами Кришна, чего же нам бояться? Пусть это даже какой-нибудь асур, чтож? Как Бакасур убит он будет!»

Меж тем как все приятели шри Кришны стояли там, ведя такие речи, асур такой глубокий сделал вдох, что все телята вместе с пастухами попали в пасть его. Когда же их коснулося горячее и ядом напоенное его дыханье, то в ужасе телята замычали, друзья все закричали: «О, Кришна, милый! Скорей иди на помощь, не то мы все сгорим!» Услышав их призыв, обеспокоенный шри Кришна джи сам кинулся в пасть змея! Асур, обрадованный, пасть свою закрыл. Тогда шри Кришна вдруг таким огромным сделал

[1] Военачальник царя Кансы, принявший вид огромного змея с целью пожрать Кришну и его друзей пастухов. Кришна-пастух убивает его.

собственное тело, что лопнула утроба демона, и все телята с пастухами вышли из него. В тот час в великой радости все боги дождь из цветов и нектара там пролили и от жары освободили всех. Тогда все дети пастухов шри Кришне так сказали: «О братец! Сегодня ты, убив асура злого, избавил нас от смерти. Не будь тебя, мы все погибли бы!»

Так гласит глава тринадцатая „Умерщвление Агхасура» в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

श्री

Г Л А В А 14

Брахма джи крадет телят

Шри Шукадева муни молвил: „О царь! убивши так Агхасура, шри Кришначандра джи собрал телят, с собою взял друзей своих и двинулся вперед. Пройдя немного, остановился он в тени кадамбового дерева, и, заигравши на свирели, созвав всех пастухов, сказал: «О братцы! Вот это славное местечко! Зачем нам покидать его, куда еще итти? Садитесь здесь и кушайте все завтраки свои!» Услышав это, они пустили всех своих телят пастись, сами же набрали листьев ака, дхака, даба, кадамба и лотоса, наделали себе из листьев плошек, чашек, все прибрали чисто и все уселися рядами вокруг шри Кришны. Потом все развернули завтраки свои, друг с другом поделились.

Когда они все разделили, тогда шри Кришначандра джи, став посредине в круге, первый поднял свой кусок, велел всем кушать. Они к еде все приступили... Средь них — в короне из павлиньих перьев, с гирляндой из лесных цветов на шее, с палкой пастуха, слегка склонившися вперед всем телом, в желтом шелковом наряде, в желтом шелковом плаще, смеющийся, веселый — шри Кришначандра оделял всех завтраком своим! У каждого с листа он брал, отведывал и говорил: «То кислое на вкус, то — жжет, то горько». Он в их кругу был так прекрасен, как луна средь звезд! В тот час все боги, с Брахмой во главе, сидели на своих виманах и с небес взирали на радость кучки пастухов. И вот великий Брахма вниз спустился и у Кришны всех телят украл, угнал. А дети пастухов все продолжали кушать. Обеспокоившись, все обратилися к шри Кришне: «Братец! мы беззаботно здесь сидим и кушаем, а ведь неведомо куда девалися телята!»

Тогда Канхай веселый молвил пастухам:
«Да кушайте вы, братцы, это не беда!
Не беспокойтесь, братцы, не вставай никто,
Телят собрать? Я справлюсь, справлюсь как никто!»

И с этими словами немного углубился в лес Канхай. Узнав, что Брахма всех телят украл, угнал отсюда, он создал силою своей таких

же самых и пригнал. Пришел и видит — похитил Брахма и увел и пастухов! Он создал силою своей таких же пастухов, какие были, и, видя, что настал уж вечер, собрал всех их, пошел в Вриндабан. И дети пастухов все разошлися по своим домам, но не постиг никто той тайны, не подумал: «Не наши это дети, не наши и телята!» Напротив, с каждым днем все больше возрастала новая любовь к ним!“

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: „Махарадж! Так Брахма пастухов с телятами увел и заключил их в горную пещеру, ее ж отверстие он камнем завалил, да и забыл об этом. А здесь шри Кришначандра чудеса творил все новые и новые! Так целый год прошел. Тогда лишь Брахма вспомнил и сказал себе в душе: «Хоть для меня то не прошло ни одного мгновенья, но для людей прошел уж целый год,[1] а посему теперь мне надлежит пойти и посмотреть, что делается в Брадже, где нет телят и пастухов?» Подумав так, он встал, пришел туда, где всех он заключил в пещере. Откинув камень, смотрит — все дети и телята лежат и спят глубоким сном. Уйдя оттуда, он пришел в Вриндабан и, увидав таких же самых всех — телят и мальчиков, — в великом удивлении сказал: «Каким же образом сюда попали пастухи с телятами? Иль Кришна новых создал?» Сказавши так, пошел он снова пещеру посмотреть. Пока оттуда он, удостоверившись, вернулся, за это время здесь шри Кришна такую майю сотворил, что пастухи все и телята четверорукими вдруг стали и сверх того пред каждым пастухом стояли Брахма, Рудра, Индра, сложивши поднятые руки!

Увидел Брахма, — замер словно изваянье!
Лишился в миг он чувств всех, знанья, созерцанья,
Как будто шри Чавмукхи[2] стала мертвым камнем,
Утратив поклоненье верных, почитанье!

И убоявшись, смежил очи, задрожал всем телом! Когда же проникающий в сердца шри Кришна джи постиг, что Брахма в столь великом страхе, он элементы всех в себя впитал и стал одним, как облака, рассеянные в небесах, сливаются в одно!“

Так гласит глава четырнадцатая „Похищение телят Брахмой и сотворение майи шри Кришной“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Согласно индийскому легендарному исчислению времени, сутки Брахмы равны кальпе, т. е. 8 640 000 000 земных лет.

[2] Четырехликая богиня.

ГЛАВА 15

Брахма возносит хвалу шри Кришне

Шри Шукадев джи молвил: „О царь! Когда шри Кришна джи рассеял созданную майю, тогда лишь Брахма джи пришел в себя. Глубоких мыслей полный, он к господу приблизился, с смиренною мольбой упал к его ногам; потом, сложивши поднятые руки, встал и так сказал: «Владыка! Великую ты оказал мне милость, когда ты гордость удалил мою! Я жил ведь ослепленный ею! Да разве есть тот ум, чтоб мог без милости твоей познать твои дела? Твоя, владыка, майя ослепила всех! А разве есть кто в мире, кто мог бы ослепить тебя? Ты — всех создатель! И в каждом волоске на теле у тебя покоится по многу Брахма, мне подобных! Которым же из них являюсь я? О милосердый к бедным! теперь мне милость окажи, прости мою вину и в памяти не сохрани мой грех!»

Все это выслушав, шри Кришначандра улыбнулся, а Брахма пастухов с телятами всех спящими туда доставил, и пристыженный, он вознес хвалу, затем отправился к себе. И вновь составился здесь круг друзей, такой же самый, как и раньше был! Хоть целый год прошел, никто все ж не узнал того, что было. Когда рассеялся сон пастухов, шри Кришна всех телят пригнал. Тогда один из пастухов сказал: «Ну, братец! Да живо ж ты собрал телят, мы даже не успели и покушать!

С улыбкою Бихари[1] молвил им в ответ:
За вас всех я боялся, больше страху нет!
Они паслись все вместе; живо все нашлись!
Теперь — пора домой нам: мы с зарей ушли!»

С такими разговорами телят собрали, и все веселые, играя, пришли домой“.

Так гласит глава пятнадцатая „Восхваление шри Кришны Брахмой“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Буквально „игривый“; один из эпитетов Кришны.

ГЛАВА 16

Баладев джи убивает асура Дхенука [1]

Шри Шукадева джи молвил: „О Махарадж! Когда шри Кришне восемь лет исполнилось, тогда однажды он сказал Яшоде: «Матушка! Теперь уж я пойду коров пасти! Ты батюшку уговори, чтоб отпустил меня в лес с пастухами!» Услышав это, Яшода сообщила Нанде джи. И он, установив счастливый час, созвал всех пастухов и в месяц Картик,[2] в восьмой день светлой половины, велел шри Кришне с Рамой хлеву пуджу совершить, затем почтительно он обратился к пастухам: «Братцы! С сегодняшнего дня, когда вы отправляетесь коров пасти, с собой берите Раму с Кришной, но не спускайте с глаз своих, в лесу не оставляйте их одних!» Сказавши так, он Кришне с Баларамом из простокваши сделал тилак, завтрак дал и отпустил их с пастухами. Они в восторге с пастухами пригнали в лес коров. Там, увидав красу чудеснейшую девственного леса, шри Кришна молвил Бараму джи: «О, Дау! Какое чудное, прекраснейшее место! Смотри, как здесь склоняются деревья и как играют здесь различные животные и птицы!» Сказавши так, пошел он и, взобравшись на высокий холм, плащем своим размахивая, стал кричать: «Чернушечка, беляночка, желтенушка, светленушка, краснушенька, буренушка, серяночка!» Услышав голос Кришны, все коровы вдруг с мычаньем громким, едва переводя дыханье, бросились к нему. В тот час такая красота была, как будто кучи разноцветных облаков стекалися в одно.

Потом шри Кришначандра джи погнал коров пастись и, скушав завтрак вместе с братом, уснул в тени кадамба; голова его покоилась у друга на коленях. Когда, спустя немного, он проснулся, то Бараму джи сказал: «Давай устроим мы игру такую: составим два отряда и будем драться!» Сказавши так, он разделил всех пополам — коров и пастухов. Затем набрали все лесных цветов, лесных плодов, набили сумки ими и начали сражаться под звуки труб, свирелей и рожков, под звуки бубнов,

[1] Кличка мифического осла, убитого Баларамом.

[2] Седьмой месяц индийского календаря, начинающийся, приблизительно, с середины октября.

тамбуринов, барабанов, под крики «бей их, бей!» Потом вновь разделились на отряды и пошли пасти коров.

И вот сказал один приятель Бараму джи: «Махарадж! Невдалеке отсюда пальмовая роща, и в ней растут плоды, подобные амброзии: но там стоит на страже некий ракшас в образе осла». Услышав это, Баларам джи с пастухами двинулся в тот лес, и там все стали собирать плоды, сбивая их камнями, кирпичами, палками и комьями сухой земли. Услышав этот шум, со страшным ревом прибежал туда осел тот Дхенук. Он, подбежавши, повернулся задом и в грудь лягнул вдруг Баладева джи, а Баладев его схватил и отшвырнул. Тот покатился, но снова встал, ногами роя землю, прижимая уши, отступил назад и вновь лягаться начал. Так они долго там боролись. Наконец, шри Баларам, схватив осла за обе задние ноги и размахнувшись, забросил на огромнейшее дерево. Оттуда он упал и сразу же издох, и вместе с тем сломалося и дерево. От их паденья пошел великий гул, во всем лесу том закачалися деревья!

Тогда сказал Мурари, издали взглянув:
«Деревья закачались, слышен страшный гул».
Бегут тут пастухи к ним вдруг от Баладева,
Запыхавшись, кричат все: «Кришна! к нам, скорее!

Асур убит и там лежит!» Услышав это, шри Кришна к Бараму джи пришел. Тогда то ракшасы все, Дхенука друзья, набросились на них. Шри Кришначандра джи легко их истребил. Тогда все пастухи на радостях, без страха стали собирать плоды, наелись вдоволь, набили ими сумки. Потом, собрав коров, шри Кришна джи сказал так Баладеву: «Махарадж! Мы здесь уже давно, пора итти домой!» И после этих слов, с коровами своими оба брата, смеясь и забавляяся дорогой с пастухами, вечером пришли домой. А те плоды, что принесли с собой, все роздали в Бриндабане. Простившися со всеми, шри Кришна джи уснул. Едва ж зажглась заря, он встал, созвал всех пастухов, и, угостив их завтраком, с коровами пошел вновь в лес. Там пастухи коров в Ямуне напоили и напилися сами. Когда, напившися воды, они пошли оттуда, то пастухи все и коровы повалилися на землю, отравленные ядом. Тогда шри Кришначандра джи, взглянув на них своим бессмертным взором, всех их оживил".

Так гласит глава шестнадцатая „Умерщвление Дхенука" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 17

Укрощение Кали [1]

Шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Таким то образом спася их всех, шри Кришна с пастухами затеял в мяч играть. А там, где был змей Кали, вода Ямуны на четыре косы так кипела ядом, что туда не мог попасть ни зверь, ни птица, а если, заблудившись, попадали, то опаленные великим зноем, падали в пучину Кали. На берегу том не росло ни деревца. Одно лишь дерево — нетленный кадамб там стоял, он был единственный!“ Царь спросил: „Махарадж! Каким путем тот кадамб сохранился?“ Муни молвил: „Однажды Гаруда [2] сидел на древе том и в клюве у него был нектар, из клюва капелька на дерево упала, и потому то сохранилося то дерево!“

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Решив в душе убить чудовищного змея Кали, шри Кришначандра джи, играя в мяч, взобрался на кадамб. Когда ж в него приятель снизу запустил мячом, то мяч упал в Ямуну; за ним в Ямуну прыгнул и шри Кришна. И вот, услышав шум его прыжка, змей Кали начал изрыгать свой яд и, издавая громкое шипенье, как огонь, сказал: «Да кто же это! Кто все еще живет в моей пучине? Уж не сломался ль, не упал кадамб нетленный, жару моего, быть может, вынести не смог? Иль зверь какой-нибудь большой попал, иль птица, коли теперь еще в воде все слышен шум?»

Сказавши так, он тысячами пастей стал вдруг изрыгать свой яд. Меж тем шри Кришна там носился, плавал... В тот час его друзья, рыдая,

---

[1] Имя мифического змея, укрощенного Кришной.

[2] Мифическая птица, или, вернее, полуптица-получеловек. Изображается с человеческим телом, но его голова, крылья и нижние части ног птичьи. Гаруда (गरुड) почитается сыном Кашьяпы, сына Брахмы и Винаты, дочери Дакши. Он считается царем птиц и непримиримым врагом змей. Гаруда близко связан с Вишну, который ездит на нем. Согласно легендам Махабхараты, Гаруда некогда украл у богов амброзию (или нектар — अमृत) с тем, чтобы выкупить свою мать Винату у Кадру, матери змей, однако Индра ополчился против Гаруды и с большими трудностями отнял у него нектар.

кричали, руки простирали, звали. Коровы, рот раскрыв, мычали и ревели, носясь по берегу, а пастухи все издали кричали: «Шьяма,[1] Шьяма! да выходи скорей! Не то, коль без тебя придем домой, какой ответ дадим?» Они в великом горе так здесь говорили. Меж тем один из пастухов в Вриндабан побежал и там сказал: «Шри Кришна прыгнул сам в пучину Кали!» Услышав это, Рохини, Яшода и Нанда с пастухами и пастушками с рыданьями и плачем все бросились туда, и все до одного то падая, то спотыкаясь, прибежали к пучине Кали. Не видя там шри Кришны, вне себя от горя супруга Нанды побежала, хотела в воду кинуться сама. Тогда пастушки, путь ей преградив, ее схватили, а пастухи, удерживая Нанду, говорили:

«Покинув страшный лес, он кинулся сюда,
Немало дайтьям Кришна сделал уж вреда,
Легко он от асуров спасся, без беды!
Ну и теперь наш Хари выйдет из воды!»

А в это время сзади подоспел туда и Баладева джи и успокоил жителей всех Браджа, так сказав:

«Не бойтесь, выйдет Кришна, он ведь невредим,
Зачем печаль и страх так всех вас охватил?
Я не пошел сегодня вместе с ними в лес,
А без меня тут Кришна вдруг в Ямуну влез!»“

Сказанье это рассказав, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Меж тем как Баларам джи всех так утешал, шри Кришна плавал в речке. Когда ж подплыл он к Кали, то змей вдруг бросился и обвился вкруг тела Кришны. Тогда шри Кришна сделался таким огромным, что Кали спасся только тем, что выпустил его. Потом как ни шипел он, как ни направлял свою он пасть, шри Кришна все ж спасался от него. И наконец, увидев, что в великом горе жители все Браджа, шри Кришна сделал вдруг скачок и очутился вмиг на голове у змея!

И принял Кришна тяжесть трех миров вселенной,
Безмерно, страшно тяжким стал вдруг шри Мурари,
На головах у змея пляшет в упоеньи
И в пляске стройной Кришна сам себе играет!

Тогда под тяжестью великой Кали начал издыхать. Раскрыв все пасти, Кали высунул все языки. Из них текли потоки крови. Когда же, потеряв весь яд и силу, он лишился гордости своей, тогда в душе постиг он: Адипуруша принял аватару, не то, в ком может быть такая сила, чтоб спастись от яда моего! Уразумевши это и оставив все надежды на спасенье, он размяк, ослаб. Тогда явилася супруга змея, сложила поднятые руки,

---

[1] Буквально черный (श्याम), один из эпитетов Кришны.

склонила голову и со смирением молила так шри Кришначандру: «Махарадж! Ты благо совершил, когда ты этого тщеславного злочинца гордости лишил! Теперь лишь пробудилось счастие его, когда он удостоился узреть тебя! Те ноги, о которых мыслят Брахма и другие боги, творя молитвы, подвиги святые, покоятся те ноги здесь, на голове у Кали!»

Промолвив так, она сказала: «Махарадж! Ты окажи мне милость, отпусти его, не то ты с ним убьешь ведь и меня! Ведь для жены жить без супруга — лучше умереть! И если все понять, то никакой его вины здесь нет: его природа такова, он кормит грудью, а выходит яд!»

Услышав эти речи, из уст супруги змея, шри Кришначандра, сжалившись, сошел с него. Тогда, приветствовав его, сложивши поднятые руки, Кали молвил: «Владыка! Благоволи простить мою вину! Я по неведению на тебя направил пасть свою! Мы змеи — подлой все породы. Откуда быть у нас такому знанью, чтоб мы могли тебя узнать?» Шри Кришна молвил: «Добро! забудем то, что было! Отныне ж не живи ты здесь. С семьей своею отправляйся ты на остров Рамнак,[1] там живи!»

Услышав это, Кали, весь дрожа от страха, молвил: „Владыка милосердый! Коли пойду туда, то Гаруда пожрет меня. Из страха перед ним я убежал сюда!“

Шри Кришна молвил: «Теперь иди ты без боязни! Увидев у тебя на голове следы моей ноги, с тобою не посмеет говорить!» Промолвив так, шри Кришначандра джи в ту ж самую минуту Гаруду призвал и удалил из сердца Кали всю его боязнь. Тогда змей Кали пуджу совершил, как надлежит, поднес ему светильник, благовония и снедь и, предложив шри Кришне множество даров, сложивши поднятые руки, удаляясь, смиренно молвил:

«На головах моих ты долго так плясал,
О, сохрани навеки всю свою приязнь!»

Сказавши так, простершись пред шри Кришной, Кали со своей семьей ушел на остров Рамнак. Тогда шри Кришначандра вышел из воды“.

Так гласит глава семнадцатая „Укрощение Кали“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Легендарный остров, входящий в состав Джамбудвипа (जंबुद्वीप), одной из частей (материков и систем островов) света. Согласно пуранам, вся земля разделяется на семь материков (द्वीप), и Джамбудвип находится на самой середине земли. В систему этого материка входит Индия и остров Рамнак.

ГЛАВА 18

Шри Кришна джи спасает от лесного пожара

Сказанье это выслушав, Парикшит царь спросил шри Шукадева: „Махарадж! Ведь остров Рамнак — прекрасная страна! Так почему ж ушел оттуда Кали, зачем он поселился здесь в Ямуне? Ты объясни мне это и скажи, дабы сомнение ушло с души моей!“ Шри Шукадев джи молвил: „Царь! На острове Рамнаке проживает Гаруда, Хари вахана.[1] А Гаруда силен необычайно, и посему большие тамошние змеи признали власть его и обещали каждый день давать ему змею на пропитанье. И каждый день носили, вешали на дерево змею. Он прилетал и пожирал. Однажды Кали, Кадру[2] сын, ядом возгордившися своим, пошел пожрать снедь Гаруды и в то же время прилетел туда и Гаруда. Тут между ними был великий бой. И вот, увидев поражение свое, змей Кали так в душе сказал: «Как мне спастись теперь из рук его, куда бежать?» Подумав так он вспомнил: «Коли пойду в Вриндаван и поселюсь на берегу Ямуны, то спасусь: он не посмеет ведь туда явиться!» Подумав это, Кали змей отправился к Ямуне“. И снова царь Парикшит вопросил шри Шукадева муни: „Махарадж! Но почему же Гаруда не мог туда явиться? Открой мне эту тайну!“ Шри Шукадев джи молвил: „О царь! Когда то там на берегу Ямуны жил риши Саубхари[3] и

---

[1] Вахана (वहन) — то, на чем ездят; таким образом Гаруда Хари вахана значит „Гаруда, на котором ездит Хари, т. е. Вишну“.

[2] Согласно пуранам, супруга Кашьяпы, сына Брахмы, прародительница могучих многоголовых змей, одной из которых является Кали.

[3] Согласно Бхагавате пуране, риши Саубхари (सौभरि) был великий подвижник. Он жил на Ямуне. Однажды он увидел в Ямуне рыбу-самца, игравшего со множеством рыб-самок, и у него явилось желание. Саубхари отправился к царю Мандхате и просил в жены одну из его дочерей. Не смея обидеть великого подвижника, царь Мандхата поставил свое согласие на брак с ним в зависимости от желания своих дочерей, и с этой целью устроил так называемый „сваямвар“, брачный пир, на котором невеста выбирает себе жениха по своему желанию из многих претендентов. Силою своих подвигов риши Саубхари преобразился в юношу дивной красоты, и все пятьдесят дочерей царя выбрали его себе в мужья. Риши создал пятьдесят прекрасных теремов по одному для каждой супруги, сам принял пятьдесят обликов и жил одновременно при каждой из своих супруг. Они родили

подвиги свои творил. Случилося, туда однажды залетел и Гаруда, там рыбу он поймал и съел. Тогда тот риши в гневе проклял Гаруду, сказав: «Коли ты прилетишь опять сюда, то не уйдешь живым!» По этой то причине не мог он прилететь туда. И с той поры как Кали поселился там, то место стало называться Калидахом".[1]

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: „О царь! Когда шри Кришначандра вышел из воды, то Нанда и Яшода на радостях там много роздали даров и совершили много добрых дел. Увидев сына лик, порадовали очи. В душе у всех, кто в Брадже жил, явилась жизнь. Меж тем настал и вечер, и вот они друг другу так сказали: „За целый день мы так устали без еды и без питья; зачем домой итти? Давайте, здесь все проведем сегодняшнюю ночь, а завтра на заре отправимся в Вриндаван!" Сказали так и все уснули.

Едва лишь полночь миновала,
Вдруг буря страшная настала!
Лесной пожар! Огонь со всех сторон,
Деревья, лес — все пожирает он!

Как только начался пожар, все вдруг вскочили и, в ужасе великом озираясь кругом и простирая руки, завопили: «О, Кришна, Кришна! Скорей спаси ты нас от этого огня, не то в одно мгновение он всех сожжет и в пепел обратит!» Когда так с Нандой и Яшодой возопили все браджийцы, тогда шри Кришначандра джи поднялся и вмиг огонь тот поглотил и устранил всеобщий страх. Едва зажглась заря, вернулись все в Вриндаван, и в каждом доме радость и веселие настало".

Так гласит глава восемнадцатая „Спасение от лесного пожара" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ему пять тысяч сыновей. Впоследствии, раскаявшись в том, что он растрачивает свою дивную силу на чувственную жизнь, риши Саубхари оставил дворцы своим сыновьям, а сам с супругами удалился в лес для новых подвигов и силой их достиг спасенья не только для себя, но и для пятидесяти своих супруг.

[1] „Пучина змея Кали".

ГЛАВА 19

Баладев джи убивает асура Праламба[1]

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: „Махарадж! Теперь я опишу тебе все времена в году; скажу, какие чудеса творил шри Кришначандра в эти времена; ты прилагай вниманье, слушай! Жаркое время — первым пришло. Явившися, оно у всей вселенной радость отняло, и небеса и землю накалив, в огонь их обратило! Но, силою шри Кришны джи, в Вриндаване всегда была весна! В глубоких зарослях на деревах лианы расцветали, разнообразнейших цветов цвели цветы; на них жужжали пчелы — рой за роем; на ветках манго-дерева кукушки распевали; в тени прохладной их павлины там плясали, и напоенный ароматом дул приятный сладкий ветерок; Ямуна, преграждая лес, блистала чудной красотой. Там Кришна с Баларамом покинули коров, с друзьями всеми вместе увеклися чудною игрой. Вдруг в это время, под видом пастуха, туда явился ракшас, Кансой посланный Праламб. Увидевши его, шри Кришначандра незаметно Балараму джи сказал:

Пожаловал не друг к нам, помни, Балавир,
Под видом пастуха нас асур посетил!
Придумай, как скорее нам его убить,
Но в образе пастушьем не посмей губить.
Когда асур предстанет в образе своем,
Тогда, мой брат, не медли, в миг его убьешь!

Уведомив так Баладева джи, шри Кришначандра, засмеявшись, подозвал к себе Праламба, за руку схватив, сказал:

Твой облик краше всех, отменней,
Наш добрый друг нелицемерный.

Сказавши так, он взял его с собой, и, разделив всех пастухов на два отряда, взял себе один, другой же отдал Балараму. Потом двух

[1] Имя демона, пособника Кансы.

мальчиков он посадил, те стали спрашивать и называть названия цветов. И, отвечая на вопросы, шри Кришна проиграл, а Баладев джи выиграл. Тогда-то пастухи отряда Кришны джи себе на плечи посадили всех товарищей шри Баладева джи и повезли. И вот Праламб взял Баларама джи и побежал с ним далеко вперед, и прибежавши в лес, свое он тело увеличил. В тот час на черном ракшасе, горе подобном, Баларам джи так блистал, как дивная луна на черной туче; серьга его сверкала словно молния и пот лился как дождь!" Сказанье это рассказав, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Когда, оставшись с ним наедине, Праламб хотел убить шри Баларама джи, то Баларам ударом кулака убил его".

Так гласит глава девятнадцатая „Умерщвление Праламба" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 20

Шри Кришна вторично спасает пастухов от лесного пожара

Шри Шукадев джи молвил: „О царь! Когда, убив Праламба, Баларам отправился обратно, к нему навстречу подошел шри Шьяма вместе с их друзьями. И даже все те пастухи, которые в лесу пасли коров, услышав, что асур погиб, покинули коров и все сбежались посмотреть. Меж тем, пасясь, коровы двигались все дальше, из зарослей трав дамбха-[1] канса они попали в заросли мунджа. Вернувшись, оба брата смотрят — не видно ни одной коровы.

Коровы разбрелися, нет и пастухов,
В лесу все заблудились в зарослях кустов.
Взобравшись на деревья, знаки подают:
Платками машут, громко Кришну джи зовут.

И вот один из пастухов к шри Кришне прибежал; сложивши поднятые руки, он сказал: «Махарадж! Коровы все забрались в лес из мунджа, за ними пастухи рассыпались, все ищут, бродят без пути!» Услышав эту весть, шри Кришна джи взобрался на кадамб. Когда он громко на своей свирели заиграл, то, услыхав тот звук, все пастухи и все коровы, ломая лес из мунджа, так бросились к нему, как реки в саване[2] и бхадоне вливаются в глубокий океан, высокие рвут волны. И что ж они увидели? Со всех сторон пылает с страшным треском лес! Увидев это, дети пастухов, его друзья, в глубоком страхе и боязни закричали: «О Кришна! Кришна! Скорей спаси от этого огня, не то в одно мгновенье мы все сгорим!» Шри Кришна молвил: «Закройте все свои глаза!» Когда они глаза закрыли, шри Кришна джи, в одно мгновенье погасив огонь, другую майю сотворил: он перенес всех пастухов с коровами в лес из бхандир[3] и молвил: «Теперь откройте все глаза».

---

[1] Названия разных видов трав.

[2] Саван (सवन) санскр. шраван (श्रवण) — четвертый месяц индийского календаря, соответствующий июлю — августу европейского календаря.

[3] Название растения.

Открыв глаза, взглянувши, пастухи сказали:
«Куда ж исчез ужасный тот огонь, Мурари?»
«И как перенеслися все мы в лес бхандир?»
Исполнен удивленья даже Балавир.

Сказавши так, они своих коров собрали и вместе с Кришною и Баларамом джи вернулися в Вриндаван. Все разошлися по домам, и каждый дома рассказал: «В лесу сегодня Баларама джи убил Праламба, ракшаса, потом в лесу из мунджа вдруг пожар случился, но был потушен силой Хари!»"

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: „О, царь! Услышав эти вести от всех пастухов, браджийцы побежали посмотреть. Но разгадать шри Кришначандры тайну не смогли они".

Так гласит глава двадцатая „Спасение от лесного пожара" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 21

Описание игр в период дождей и осенью

———

Шри Шукадев джи молвил: „Махарадж! Увидевши великую жестокость лета, Павас,[1] царь облаков, исполнился негодованья. Помысливши о благе птиц, зверей и твари всей земной, со всех сторон собрав отряды облаков, пошел сам в бой! В тот час не тучи громыхали, то гремели барабаны; разнообразнейших оттенков облака, которые стеклися туда — то храбрые воители-герои: не молния сверкала между них — то их оружие блистало; не стаи журавлей носились — развевались белые знамена, и не лягушки и павлины были там — сказители то славу воспевали; не крупные лились то капли, то сыпалися тучи стрел! Увидев Паваса, идущего с такой грозой, покинувши поля, спасая жизнь свою, бежало лето. И облако, супруг земли, пролившися дождем, земле давало радость! Она в разлуке со своим супругом томилась целых восемь месяцев,[2] теперь она слилася с ним, вкусила наслажденье и груди-горы освежились; плод понесла она. Из чрева вышел плод — родилось восемнадцать сыновей; они, взяв в дар коренья и плоды, явились на поклон к родителю. В тот час земля в Вриндабане была прекрасна, как красавица в наряде пред свиданьем. Водой наполнились повсюду реки, ручейки, пруды; их оживляли радостью своею лебеди и журавли. Качались ветки у дерев высоких; на них сидели, щебетали, пели птицы: пики, чатаки и голуби и попугаи... Повсюду пастухи, пастушки, в нарядах красных, как цветок кусумбха, качались на качелях, звонко распевали песни. Шри Кришна с Баларамом джи ходили от одних к другим и, с ними игры затевая, вносили много радости. Так, в радостном веселье протекло дождливое все время. Тогда шри Кришна пастухам сказал: «О братцы! Теперь настала осень благодатная.

Высокую я радость с вами испытал,
Я сладость ясной дружбы красоту узнал!

---

[1] Олицетворение периода дождей.

[2] Т. е. период, когда в Индии не бывает дождей.

Блистают ночью ярко звезды в небесах,
Как будто Брахмы это вечные глаза!
Кто месяца четыре мирно дома жил —
Настала осень — каждый о любви забыл!
К труду спешит, к работе трудовой народ,
Цари в чужие земли все ушли в поход!»“

Так гласит глава двадцать первая „Описание времени дождей и осени“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 22

Гимн пастушек свирели

Шри Шукадев джи молвил: „О царь! Сказавши так, шри Кришначандра, вновь собравши пастухов, затеял игры. И всякий день, пока шри Кришна пас в лесу коров, до той поры пастушки дома все сидели и Хари славу воспевали. Вот заиграл в лесу однажды на свирели Кришна. Услышав звук свирели, пастушки Браджа все в волненьи встали, побежали; собравшись вместе, на дороге сели и меж собою говорили так: «Тогда лишь очи наши удостоятся награды, когда мы сможем увидать шри Кришну! Теперь с коровами в лесу там Канха бродит, пляшет и поет, а вечером сюда вернется, и нам удастся увидать его!» Услышав это, одна пастушка так сказала:

«Сестрица, слушай! Слышишь звонкую свирель?
Той веточки бамбука столь высок удел.

И за какие же великие достоинства она в устах шри Кришны пребывает целый день, и упиваясь амброзьей губ его, гремит в восторге, словно тучи при дожде. И неужель она ему милей чем мы, что день и ночь не расстается с ней Бихари.

Она воздвигла раньше крепость предо мной,
Теперь того ей мало: савт [1] пошла войной!

Когда ее шри Кришна желтым шелком вытрет, заиграет, тогда все суры,[2] муни, киннары и гандхарвы с супругами в виманы сядут и, полные желаний, прилетают слушать. Свирель услышав, все приходят в восхищенье и тут же застывают как картины! Какие подвиги она свершила, что все подвластны ей!» Услышав это слово, одна пастушка ей в ответ сказала: «Она сначала родилась в роду бамбуков, о Хари помнила она! Затем она от зноя, холода, воды страдала, и рассеченная в куски, была обожжена огнем, в конце же дым пила она!

---

[1] Сожена, одна из двух или нескольких жен одного и того же мужа.

[2] Божество низшего ранга, повидимому солнечного происхождения.

Кто подвиг столь великий, тяжкий совершил,
Тот по своим заслугам плату получил!»

Услышав это, одна из браджских женщин молвила: «Владыка Браджа! О, почему не сделал нас свирелью, которая ни днем, ни ночью никогда не расстается с Хари!»“

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Так всякий раз, пока шри Кришна, погнавши в лес пасти коров, не возвращался, пастушки воспевали Хари“.

Так гласит глава двадцать вторая „Гимн пастушек свирели“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 23

Шри Кришна похищает одежды пастушек

Шри Шукадева муни молвил: „Когда и осень миновала, пришла зима, надвинулася стужа, холод. В то время жены Браджа меж собою говорили так: «Послушайте, подружки! В награду за купание в агхане[1] уходят все грехи за множество рождений и исполняются сердечные надежды: так слышали мы некогда от старых!» Услышав это, каждая в душе решила: «Коли я буду в агхане купаться, то, нет сомнений, Кришна будет женихом моим!»

Подумав так, все встали на заре, надели платья, украшенья и толпой пошли купаться на Ямуну. Там искупавшись, солнцу жертву принесли и, выйдя из воды, из глины Гаври[2] сделали и предложили ей сандал и рис, плоды, цветы. Поставив перед нею благовонья, светильник, снедь, свершили пуджу. Потом, сложивши поднятые руки, головы склонивши, умоляя Гаври, молвили: «О Деви![3] Мы неотступно молим, дай нам дар: ты сделай, чтобы Кришна стал супругом нашим!» Так каждый день пастушки там купались, и, соблюдая пост, по вечерам лишь простоквашу ели, рис и спали на земле в надежде, что обет их принесет им скорый плод.

Однажды юные браджанки целою толпой пошли купаться на безлюдный берег. Придя туда, они одежды сняли; сложивши их на берегу, вошли нагими в воду и, воспевая Хари, все плескалися в воде. В тот час шри Кришна джи сидел в тени смоковницы и пас коров. Услышав пение пастушек, он тайком пришел туда и, спрятавшись, смотрел на них. Смотрел-смотрел и, наконец, задумал что-то; тогда он взял похитил все

[1] Девятый месяц индийского календаря, соответствует ноябрю—декабрю европейского календаря.

[2] Супруга Шивы, богиня Парвати.

[3] Буквально „богиня“. Обычно так называют супругу бога Шивы, его шакти, т. е. женскую творческую энергию. Различаются две формы Деви: милостивая и жестокая, кровожадная. В своей милостивой форме Деви имеет несколько имен, из которых наиболее употребительны Парвати и Гаури. В своей жестокой форме Деви носит имена — Кали, Шьяма, Чанда, Дурга и т. д. Среди различных изуверских сект, особенно в Бенгалии, Кали или Дурга пользовалась широкой популярностью.

одежды, взобрался на кадамб и, связав одежды в узел, сложил их близ себя. Вот вышли из воды пастушки, смотрят: на берегу одежд их нет. Тогда они в испуге встали, озирался кругом и говорили: „Сейчас сюда не прилетала даже птица! О матушки, да кто ж унес одежды?“ И вдруг одна пастушка увидала: с короною на голове и с посохом в руке, с шафранным тилаком на лбу, в гирлянде из лесных цветов, одетый в желтый шелк, храня молчание, взобравшись на кадамб и притаясь, сидит шри Кришна, связав одежды в узел! Увидевши его, она воскликнула: «Подружки, посмотрите! Вон на кадамбе сидит с узлом тот вор, который и сердца похитил наши». Услышав это и увидев Кришну, все девушки, стыдясь, вернулись в воду. Потом, сложивши поднятые руки и опустивши головы, с смиренною мольбой сказали:

«О милосердый к бедным, о губитель скорби!
Отдай покровы наши, милый Мохан, молим!»
Услышав их моленья, Канхай так сказал:
«О нет, клянуся Нандой, так я не отдам!
Коли по одиночке все вы подойдете,
То у меня из рук их каждая возьмете!»

Браджанки в гневе молвили: «Хорошему ж ты научился, коли велишь нам выходить нагими! Вот как пойдем к своим отцам да к братьям да расскажем, тогда они придут, тебя прославят вором, схватят! Ну, а потом пойдут, расскажут Нанде и Яшоде! Уж те тебя как следует проучат! Кого же нам стыдиться? ты нас лишил стыда!?»

Услышав эти речи и разгневавшись, шри Кришна джи сказал: «Теперь свои одежды вы получите тогда, когда сюда их приведете, не то их не получите совсем!» Услышав это, все пастушки в страхе молвили: «О милосердый к бедным! Ты — наш защитник, ты — хранитель нашей доброй славы! Кого мы станем звать сюда? Из-за тебя, обет свой соблюдая, мы купаемся в маргшире.»[1] Шри Кришна молвил: «Но если вы с душою чистой для меня купаетесь в агхане, тогда оставьте стыд свой и притворство, идите и берите каждая свои одежды!» Когда шри Кришна так сказал, то все пастушки, слова те обсудив, сказали: «Пойдем, подружки! Исполним то, что Мохан нам велит! Ведь он все знает: души наши и тела! Чего ж его стыдиться?» Так меж собой решив и повинуяся словам шри Кришны, руками грудь и тело прикрывая, пастушки, выйдя из воды, склонили головы свои. Когда, на берег выйдя, все они остановились, шри Кришна засмеявшись, молвил: «Теперь, подняв, сложите руки, подходите, и я отдам одежды!» Пастушки молвили:

«Зачем ты лицемеришь с нами, Нанды сын!
Бесхитростны мы — девы Браджа, все просты,

[1] Девятый месяц индийского календаря, соответствующий ноябрю—декабрю европейского календаря. Другое название этого месяца — агхан.

Мы памяти лишились, хитрости отпали,
А ты игру такую выдумал, о Хари!
Собравшись с мужеством, мы свой забудем стыд;
Что делать нам, за нас всех все решаешь ты!»

Сказавши так, пастушки сложили поднятые руки. Тогда шри Кришначандра джи к ним подошел и, возвратив одежды, молвил: «Не огорчайтеся, я только проучил вас. В воде бог Варуна[1] ведь обитает, и каждый, кто нагим войдет в реку, теряет все свои заслуги. Я рад, что увидал у вас душевную привязанность к себе, поэтому открыл вам эту тайну. Теперь все возвращайтеся домой! А в месяц Картик приходите, будем вместе хоровод водить!»“

Шри Шукадева муни молвил: „Махарадж! Услышав это, все пастушки просветлели и с радостью вернулися домой. Шри Кришна же вернулся под смоковницу и с пастухами и друзьями — детьми пастухов в лес углубился. В то время, наблюдая лес густой, он восхвалял деревья, говоря: «Смотрите! Они явились в мир и сколько бедствий переносят, а людям радости дают! Так благодетельно явленье в мир того, кто ближним делает добро!» Сказавши так, он продолжал свой путь и прибыл на берег Ямуны“.

Так гласит глава двадцать третья „Похищение одежд“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Подобно Индре, образ Варуны претерпел весьма сложную эволюцию. В ведах Варуна является одним из важнейших божеств, олицетворением неба, мудрым высочайшим стражем морали и справедливости. В последующее время, в эпический период и в период создания пуран, Варуна снизился до божества среднего ранга и сделался богом вод, точнее богом морей, рек и озер. Как владыка вод, Варуна представляется ездящим на рыбе. Этот свой характер Варуна сохраняет и в настоящее время.

श्री

Глава 24

Шри Кришна джи просит пищи у брахманок

Шри Шукадев джи молвил: „Когда шри Кришна прибыл на берег Ямуны, он там под деревом остановился, опершись на палку. Тогда все пастухи, его друзья, пришли к нему, сложивши поднятые руки, так сказали: «Махарадж! Сейчас нас мучит страшный голод. Мы съели все, что принесли с собою, но голода не утолили!» Кришна сказал: «Смотрите, вон виднеется дымок; там матхурцы тайком, бояся Кансы, жертвы совершают. Пойдите к ним, назвав меня, им поклонитесь и станьте со сложенными просительно руками, скажите издали: Дайте нам пищи! Просите со смирением, как просит кроткий нищий!»

Услышав это, пастухи пошли, пришли туда, где матхурцы сидели, совершали жертву. Приблизившись, они им поклонились, и с великой кротостью, сложивши поднятые руки, молвили: «Махарадж! Передавая вам поклон свой через нас, шри Кришначандра джи велел сказать вам так: „Мы страшно голодны; вы окажите милость и пришлите пищи!“» От пастухов услышав эти речи, матхурцы сказали в гневе: «Вы страшные глупцы, коли теперь такие речи говорите нам. До окончанья жертвоприношенья мы никому не подадим! Слушайте, когда мы жертву совершим и что-нибудь останется, тогда разделим!» Но пастухи вновь со смирением просили, говорили: «Махарадж! Великая заслуга — накормить голодного, который к вам пришел!» Но матхурцы не вняли их словам и, отвернувшися от них, друг другу говорили:

«Ах, скотники все эти, жалкие глупцы!
Вишь, жертву прерывай да рису им неси!»

Тогда все пастухи, утративши надежду, с горечью ушли оттуда и, вернувшися к шри Кришне, так сказали: «Махарадж! Просили милостыню, потеряли честь и все же ничего не получили есть! Что делать нам теперь?» Шри Кришна джи сказал: «Теперь вы к женам их пойдите и просите; они все милостивы и благочестивы; вы испытайте их любовь и веру! Они с почтением и уважением дадут вам пищи.» Услышав это, пастухи опять

пошли туда, где брахманки сидели и готовили обед, и, подойдя к ним, молвили: «Шри Кришна джи в лесу пасет коров; он очень голоден, и потому послал нас к вам: коль есть съестное что-нибудь, то дайте!» Слова такие от пастухов услышав, брахманки все просветлели. На блюда золотые брахманки поставили роскошнейшие яства и побежали; кто их ни останавливал, не мог остановить. Когда ж одну из них супруг там задержал, она в глубоком созерцании, покинув тело, первою пришла к нему, соединилася так с ним, как вода сливается с водою. Потом они пошли, пришли туда, где окруженный пастухами сам шри Кришначандра джи стоял в тени смоковницы, одной рукою опираясь на плечо товарища, немного наклонившись и лотоса цветок держа в руке. Приблизившись к нему, они поставили пред ним все блюда и, простершись перед ним, взирая на лик Хари, друг другу говорили: «Подружки! Это Нанды сын! Мы столько раз слыхали имя Кришны и в памяти его держали! Теперь любуйтесь лунноликим, порадуйте свои глаза, награду получите за рожденье в мире!» Так говоря между собой, они, сложивши поднятые руки, с смирением великим молвили шри Кришначандре: «Владыка милосердый! Когда и кто без милости твоей мог лицезреть тебя? На нас сегодня благодать сошла с небес, мы удостоились тебя узреть, освободились от грехов за множество рождений.

Как жалки и спесивы брахманы, глупцы,
Ослеплены богатством, знанием, скупцы!
Творца сочли, слепые, все за человека!
И как могли постигнуть те слепцы, калеки!
Кому приносят жертвы, подвиги, молитвы,
Того не угостили даже чистым рисом.

Махарадж! Лишь то благословенно, лишь то есть истинное благо, тело, стыд, что может, господи, тебе на пользу быть. Лишь то молитва, подвиг, знанье, куда войдет твое именованье». И выслушав такие речи, шри Кришначандра брахманок спросил об их здоровье и сказал:

«Я не достоин поклоненья с вашей стороны
Я Шьяма, Кришна, Нанды пастуха я сын!

Кто мнит себя достойным поклонения супруги брахмана, тот не достигнет никогда величья в мире. Вы оказали милость нам: узнав про голод наш, вы в лес пришли и проявили к нам заботу. Но разве здесь мы можем вас принять как надлежит!

Наш дом — Вриндаван; это очень далеко,
И проявить почтенье здесь к вам не легко!

Когда бы вы пришли туда, мы предложили б вам цветов, плодов. Вы из-за нас трудились, в лес пришли, а здесь не можем мы ничем вам услужить, и это нам прискорбно!» С такой учтивостью к ним обратившись,

он потом сказал: «Прошло уж много времени, как вы пришли сюда; теперь вам надлежит домой вернуться; брахманы вас ожидают: ведь без супруги жертвоприношение не принесет плода!» Услышав это от шри Кришны, брахманки, сложивши поднятые руки, так сказали: «Махарадж! мы к лотосам — твоим ногам любовь лелея, освободилися от майи рода и семьи. И как теперь мы возвратимся к тем, чьих запрещений не послушали, ушли сюда? И где нам жить потом, когда они не пустят нас в свой дом? Поэтому нам лучше здесь остаться, под твоей защитой! О господи! Одна жена желанье возымела лицезреть тебя и шла совместно с нами; ее супруг остановил ее и задержал, тогда она в печали душу отдала!» Услышав их слова, шри Кришначандра, улыбнувшись, показал им ту, которая пришла к нему, покинув тело, и сказал: «Внемлите! Не погибает тот, кто любит Хари, никогда! Она ко мне явилась раньше вас»".

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: „Махарадж! Увидевши ее, они сначала изумились; потом их осенило знанье, и все они воспели славу Хари. Тогда шри Кришначандра, пищи их вкусив, сказал: «Теперь вам надлежит отправиться домой! Супруги ваши вам не скажут ничего!» Когда шри Кришна джи их успокоил так, тогда они, простившись с ним, простерлись перед ним и возвратилися в свои дома. А их супруги, после размышленья, раскаявшися говорили: «Мы слышали сказание в пуранах, что некогда Яшода с Нандой будто великий совершили подвиг ради полученья сына. Тогда господь явился, даровал им дар, сказав: „Я некогда приму в роду у Яду аватару, тогда явлюсь у вас!" Поистине теперь он то рожденье принял и явился. Он присылал к нам пастухов просить еды... И что мы сделали? Адипуруше мы не дали пищи!

Предстать не захотели мы пред тем сегодня,
Кому установили жертвы и законы!
Сочли Адипурушу мы за человека,
Словам не захотели пастырей поверить!
О как глупы и злы мы, как мы все тщеславны,
Забыли все мы долг свой: Хари не узнали!

Проклятье нашему уму, проклятье жертвоприношенью! Они нам помешали господа узнать, ему служить! Супруги наши лучше нас! Они, не совершая подвигов, молитв и жертв, осмелились пойти, они шри Кришну джи узрели и сами предложили снедь ему». В таком раскаянии матхурцы пред супругами своими стали, сложивши поднятые руки, так сказали: «Благословенна ваша доля: вы Хари удостоились узреть, о не бесплодна ваша жизнь!»"

Так гласит глава двадцать четвертая „Моление брахманок" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 25

Пуджа горе Говардхану[1]

Шри Шукадев джи молвил: „Махарадж! Теперь я расскажу сказание о том, как наш господь шри Кришначандра поднял гору Говардхан и гордость Индры посрамил. Ты прилагай вниманье, слушай! Браджийцы в темной половине картика, в четырнадцатый день свершали ежегодно праздник годовой. Омывшись, искупавшись и посыпав все дворы шафраном и сандалом,[2] готовили различные печенья, сладости и, изготовив благовония, светильники, свершали пуджу Индре. Обычай этот шел у них издревле. Однажды этот день пришел, и Нанда джи велел побольше наготовить снеди. Во всех домах браджийцев готовилася так же снедь. Тогда шри Кришна к матери пришел и так спросил ее: «Матушка! Во всех домах сегодня все готовят сладости, печенья! Скажи, зачем все это делается так? Мне непонятно, объясни, чтобы из души моей ушло недоуменье!» Яшода молвила: «Сынок! Сейчас мне некогда с тобой беседовать; пойди к отцу и у него спроси, он объяснит тебе!» Услышав это, шри Кришна джи пошел и обратился к Нанде с Упанандом: «Отец! Для почитания какого божества сегодня здесь идут столь пышные приготовленья? И для кого во всех домах готовят сладости, печенья? Какую радость, избавленье тот бог подает? Скажи мне имя бога и его достоинства, заслуги, чтоб из души моей ушло недоуменье!»

Вождь Нанда так сказал: «Мой сын! Ты не постиг до сей поры той тайны, что пуджа совершается владыке облаков, владыке всех богов. По милости его во всей вселенной изобилие и процветание: лишь он дарует нам траву и воду, пищу! По милости его цветут, дают плоды леса и рощи и живут в довольстве все живые твари, звери, птицы! Обычай этот — Индру почитать — идет у нас от наших давних предков. Мы сами нового тут ничего не выдумали!»

---

[1] Гора в Бриндабане, которой Кришна совершил пуджу и которую впоследствии поднял на своем мизинце.

[2] Древний обычай посыпать во время праздника цветным, по возможности ароматным, порошком вокруг дома, сохраняется в Индии и в настоящее время.

От Нанды джи услышав это, шри Кришначандра так сказал: «Отец! что наши предки, понимая иль не понимая, свершали пуджу Индре — то их дело! Но почему ж теперь, сознательно покинув путь закона, окольным ты путем идешь? Нам почитанье Индры ничего не даст! Не он податель благ и избавленья. Какое благо получил и кто от Индры? Скажи мне это. Кого и чем он наградил? О, да, одно лишь верно: когда-то, совершая подвиги и жертвы, боги создали на небе собственное царство и престол его вручили Индре; но средствами такими нельзя всевышним стать! О, слушай! Ведь всякий раз, как от асуров он терпит пораженье,[1] пускается он в бегство и, скрывшись где-нибудь, там коротает дни свои! Зачем вы почитаете такого труса? И почему вам не признать свой собственный закон? Ведь Индра ровно ничего не может сделать! Свершается лишь то, что предназначено нам кармой! Довольство и богатство, супругу, брата, друга — все это получают все от кармы, от закона своего! И солнце то же самое, что восемь месяцев повсюду иссушает воду, оно ж четыре месяца дает нам дождь, и на земле лишь от него являются трава, вода и пища! Когда сам Брахма сотворил четыре касты: брахманов, кшатриев и вайшиев и шудров, то каждому установил особую он карму: „пусть брахман изучает веды и науки, а кшатрий охраняет всех; пусть вайшья земледелием, торговлей занимается, а шудры трем им служат!“»

«Отец! Мы — вайшьи! Умножилось число коров, отсюда происходит Гокуль,[2] отсюда и названье наше „гопа“ [3] — „хранители коров“. И наша карма в том, чтоб землю обрабатывать и торговать, служить корове, брахману. Ведь веды всем повелевают нам не оставлять обычай рода своего. И тот, кто оставляет свой закон и начинает соблюдать чужой закон, подобен женщине, принадлежащей роду, но любящей мужчину из другого рода. Поэтому теперь нам надлежит оставить почитанье Индры, нам лес и горы нужно почитать! Ведь мы — лесные жители, и лес — нам царь! Не подобает нам, забыв того, в чьем царстве мы счастливо проживаем, почитать других! Поэтому все собирайте сладости, печенье, снедь и совершите пуджу Говардхану!»

И выслушав слова шри Кришны, Нанда с Упанандом встали и пошли на площадь, где сидели старейшие из пастухов, и, подойдя к ним, рассказали все, что им сказал шри Кришна. Старейшины, все выслушав, сказали: «Да, Кришна правду говорит! Не отвергайте слов его лишь потому, что

[1] Так, Рамаяна рассказывает, что против Индры ополчился демон Раван, царь Цейлона, и Индра был не только разбит, но и взят в плен. Согласно пуранам, Индра был разбит дайтиями (титанами), и, потеряв царство, обратился в нищего. Бхагавата Пурана и „Прем Сагар“ также рассказывают, что асур Бхаумасур победил Индру и отнял у него зонт, знак его царского достоинства.

[2] Слово „Гокуль“ (गोकुल) название деревни, где Кришна провел свою раннюю юность. Буквально значит „стадо коров“ или „коровник“.

[3] Буквальное значение слова „гопа“ (गोप) — „хранитель коров, пастух: *го* (गो) корова и *па* (प) „хранитель, охраняющий“.

он так молод. Добро! Подумайте вы сами, кто такой наш Индра! За что нам почитать его? Он нас заставил позабыть о том, кто нас питает, охраняет!

Какое всем нам дело до царя богов?
Мы будем чтить царей рек, наших гор, лесов!»

Сказавши это, пастухи так продолжали:

«Прекраснейший дал Мохан нам теперь совет:
До всех богов нам дела никакого нет
Великая гора здесь — славный Говардхан
Ей будем поклоняться, будем почитать».

Услышав это слово, Нанда джи, обрадованный, повелел по всей деревне объявить под барабанный бой: «Все населенье Браджа завтра отправляется и пуджу Говардхану совершит! Кто заготовил у себя печенья, сладости для пуджи Индры, пусть каждый забирает все и завтра на заре пусть отправляются на Говардхан!» Услышав это, все браджийцы наутро встали, едва зажглась заря, свершили омовенье, созерцанье.... Потом, наполнив яствами корзины, блюда, миски, кузовки, горшки, кувшины, все погрузили на телеги, коромысла и двинулись на Говардхан. Тогда и Нанда с Упанандом, также со своими семьями, собравши снедь, отправилися вместе с ними. Дорогою все пели и играли и, наконец, пришли все на Говардхан.

Приблизившись к горе, ее всю обмели, очистили со всех сторон и, окропив водою, все вынули; расставили на ней гхевар,[1] бавар, джалеби, ладду, кхурам, имрати, пхени, пера, барфи, кхаджа, гунджа, матхулия, сива, пури, качори, сев, папар, пакаира и многие другие сладости, печенья и разложили там разнообразнейшие яства, приправы и напитки. От снеди разной той самой горы не стало видно, а над горой развесили цветочные гирлянды и гору всю устлали шелком всех цветов.

Краса годины той не поддается описанью! Гора казалася такой прекрасной, как красавица в уборах и нарядах, украшенная с головы до ног. И Нанда джи, пурохита призвав, собрал всех пастухов. Потом поднес он роли,[2] рис, цветы и, приготовив благовония, светильник, снедь, поставив бетель, бетеля орехи и подарки, он пуджу совершил по предписанью вед. Тогда шри Кришна им сказал: «Теперь вы с чистою душою погрузитесь в созерцанье Гирираджа [3] — царственной горы, и он придет, виденье даст и яства скушает!»

Услышав это от шри Кришны, Нанда и Яшода, все пастухи, пастушки встали, сложили поднятые руки, закрыли очи и в созерцанье погрузились.

[1] Гхевар, бавар и т. д. — названия различных сладостей и печений.

[2] Смесь из риса, желтого инбиря, квасцов и уксуса, которая употребляется индусами для рисования на лбу и на руках тилака, т. е. знака касты, субкасты или секты.

[3] „Царь горы“ или „царственная гора“.

А Нанды сын в тот час же принял вдруг другое — толстое, огромнейшее тело, огромнейшие руки, ноги сотворил! Лотосоглазый, лунноликий, с короною на голове, с гирляндой из лесных цветов на шее, в желтом одеянье, надев убор, украшенный камнями самоцветными, открыв свои уста, из недр горы без звука вышел он! И в тот же час он сам, взирая на другой свой образ, воскликнул, обращаясь ко всем: «Смотрите! Гириражд явился! Вам дал виденье тот, кому вы пуджу совершили с чистою душой!»

Сказав слова такие, шри Кришначандра джи простерся сам пред Гирираджем. И следуя его примеру, все пастушки с пастухами, поклонившися горе, между собою говорили: «Когда являлся нам так Индра? Напрасно мы ему творили пуджу. И как понять, что наши предки, забыв такого видимого бога, Индру стали почитать? Совсем нам это непонятно!»

Так говорили все они, меж тем шри Кришна молвил: «Чего ж вы смотрите теперь? Берите и кормите бога снедью, которую с собою привезли!» Услышав это, пастухи с пастушками уставили вкуснейшей пищей блюда и подносы, взяли их и стали богу подносить. А царь Говардхан протягивал к ним руки, брал и ел. И, наконец, он съел все яства, которые браджийцы привезли туда совместно с Нандой. Тогда тот образ слился вдруг с горой.

Свершивши дивное такое чудо, шри Кришначандра с пастухами вместе совершил торжественное обхождение [1] вокруг горы. А на другой же день покинули Говардхан. Все, весело играя, возвратилися в Вриндаван. В тот час там в каждом доме праздник был, веселье, и пастухи, раскрасив всех коров с телятами в различные цвета, на шеи ленты повязали им с колокольчиками и бубенчиками, в игры разные играли".

Так гласит глава двадцать пятая „Пуджа Говардхану" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Обхождение, в особенности обхождение справа налево, служит в Индии с древнейших времен знаком глубочайшего почитания и уважения

कृ

ГЛАВА 26

Шри Кришначандра джи держит гору на одном пальце руки

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни молвил: „Махарадж!

Пренебрегая пуджей в честь царя богов,
Говардхану свершили пуджу-поклонение.
В великий гнев бог Индра, царь богов, пришел,
Послал богам подвластным всем он приглашенье!

Когда все божества явились к Индре, тогда он их спросил: «Прошу вас, мне скажите, кому вчера свершалась пуджа в Брадже?» В тот час туда пришел и Нарада джи. Он Индре так сказал: «Слушай, махарадж! Тебя все почитают, одни браджийцы не желают почитать! Причина этому — сын Нанды: все делают, что он велит. То он ведь не позволил им пуджу совершать тебе, вчера заставил всех он пуджу совершить горе». Услышав это, Индра в гневе молвил: «Изрядно выросли богатства у браджийцев, а потому и гордость в них вселилася такая!

О Брадж! забыл молитвы, жертвы все и подвиг,
Накликал на себя ты голод, нищету!
Стал Кришну человека богом почитать,
Одним веленьям Кришны стал теперь внимать,
Невежда жалкий, глупый, столь смешной малец,
Но все ж большой злочинец, страшный он гордец!
От гордости теперь я скоро их избавлю,
Я отниму их скот весь, нищими оставлю!»
Он вне себя от гнева страшный вздор несет...
И царь богов царя всех облаков зовет!

Услышав зов его, царь облаков, дрожа от страха, подошел и стал перед ним, сложивши поднятые руки. И, увидав его, смягчился Индра и сказал: «Немедля собирай свои войска, пролей великий ливень и затопи

ты гору Говардхан и Браджмандал! Смотри, чтоб от горы и знака не осталось и чтоб браджийцев не осталось и в помине!»

Вот, получив такой приказ, царь облаков, простершись перед Индрой, удалился. Вернувшись в свой удел, созвав большие облака, сказал: «Внимайте! Приказ великого царя гласит: „Не медля выступайте, пролейтеся дождем и затопите весь Браджмандал!“» И облака, тот выслушав приказ, собравши тучи — рать свою, последовали за владыкой облаков. Достигнув Браджмандала, он, немедля, обложил его и, громыхая громом, каплями огромными стал беспрерывно воду ливнем проливать и пальцем указал на гору!“

Поведав это сказание, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Когда со всех сторон так страшные густые облака спустились, стал страшный ливень лить, все пастушки и все пастухи с Яшодою и Нандой вместе, охваченные страхом и промокшие, дрожа всем телом, к шри Кришне прибежали и вздыхали: «О, Кришна! Как нам спастись от этого великого потопа? Ведь ты же упразднил здесь пуджу Индре, заставил пуджу совершить горе! Теперь скорее позови ее, пускай придет и нас спасет, не то в одно мгновенье мы утонем все здесь с городом своим!» Услышав крик их, и видя всех в великом страхе, шри Кришначандра молвил: «Не допускайте страха никакого в души ваши! Сейчас придет Говардхан и спасет вас!» Сказавши так, он силою своею накалил Говардхан и сделал жарким, как огонь, и поднял весь Говардхан он на одном мизинце левой лишь руки! И вот браджийцы все с своим скотом пришли и под горой расположились. Взирали все на Кришначандру, изумлялися и меж собою говорили так:

«Адипуруша это принял аватару;
Прозрели мы и видим: бог богов Мурари!
О братцы, разве может Мохан смертным быть?
На пальце держит гору! Видим это мы!»

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни сказал царю Парикшиту: „Меж тем как повелитель облаков с своею ратью в ярости потоками лил воду, она, упавши на гору, с шипеньем испарялась, как капля на сковороде! И, получив об этом весть, сам Индра в гневе выступил и в бой пошел, и так он беспрерывно целых семь дней воду проливал, но силой Хари в Брадже не упало ни единой капли! Когда иссякла вся вода, то облака пришли, сложили поднятые руки и сказали: «Владыка! У нас воды такие же запасы были, как и во времена великого потопа; она ушла вся без остатка! Что ты велишь теперь нам делать?» Услышав это, Индра погрузился в созерцанье и познал: «Адипуруша принял аватару! Иначе кто бы мог такою силой обладать, кто б гору мог поднять и Брадж спасти!» С такими мыслями, весь полный сожаленья, бог Индра с облаками ушел в свои владенья. Когда рассеялися тучи, появился свет! И все браджийцы, в радости, сказали так шри Кришне: «Махарадж! Теперь уж можно гору опустить, все облака ушли!» Услышав их слова, шри Кришна джи вновь гору водворил на старое же место“.

Так гласит глава двадцать шестая „Спасение Браджа“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 27

Восхваление дивного чуда шри Кришны джи

Шри Шукадева муни сказал: „Когда с руки снял Хари гору и на землю ее поставил, тогда старейшие из пастухов все, увидав такое чудо, говорили так: «Как можно сыном Нанды называть того, кто спас сегодня Браджмандал от этого великого потопа? Да! Некогда, должно быть, Нанда и Яшода подвиги великие свершили, за это сам господь пришел и в доме их родился!» А дети пастухов к шри Кришне подходили, обнимали, спрашивали: «Братец? Как смог ты удержать на этой нежной, лотосоподобной ручке тяжесть страшную такой большой горы?» А Нанда и Яшода, с нежностью прижавши к сердцу сына, сжимая руки, пальцами хрустя,[1] всё говорили: «Семь дней держал ты гору на руке! Болит, должно быть, ручка!» Последними пастушки подошли к Яшоде и, воспевая чудеса шри Кришны, сказали:

«Яшода, Нанда! сын ваш — этот отрок вещий,
Спаситель Браджмандала будет долговечным!
Пусть губит он асуров, данавов и дайтьев
И да спасает всех, кто в Брадже обитает!
Все то, что Гарга риши, к нам придя, сказал,
Исполнилось, родные, все здесь на глазах!»

Так гласит глава двадцать седьмая „Восхваление чуда шри Кришны“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Один из способов выражения радости.

ГЛАВА 28

Индра возносит хвалу шри Кришне

Шри Шукадева муни сказал: „Махарадж! Едва зажглась заря, шри Кришна с Баларамом джи собрали всех коров и пастухов, набрали снеди и в лес отправились пасти коров. Когда они, играя на свирели и звонко распевая песни, в лес пришли, то Индра, царь богов, сопровождаемый богами всеми, восседая на слоне Айравате,[1] предшествуемый Камадхену,[2] отправился из Суралока,[3] и, прибыв во Бриндаван, остановился на лесной дороге. Когда же он увидел издали шри Кришначандру, тогда, сойдя с слона, он босиком, с петлей на шее и дрожа всем телом, бросился ему навстречу. Упав к ногам шри Кришны, он, каясь, рыдал и говорил «Владыка Браджа, сжалься надо мной!

Тщеславие и гордость здесь я проявил,
Порывы гнева, скорби в душу допустил!
Богатством опьяненный, счастьем счел богатство,
Не мог постичь великой тайны жалкий раб твой,
Всевышний ты господь наш, бог всего живого!
В тебе владыку мира видим мы другого!
Сам Брахма, Рудра, боги — датели даров
Живут и одаряют всех твоим добром!
Отец всего живого ты явился в ведах,

---

[1] Согласно легендам, слон Айрават (ऐरावत) вышел из океана, когда боги и титаны сбивали океан в масло. По решению богов этот слон был передан во владение царю богов Индре и с той поры неизменно служит для Индры средством передвижения. Помимо этого, слон Айрават почитается также одним из стражей стран света (дикпалов), под его охраной находится восток.

[2] Легендарная корова, которая исполняет все желания. Согласно пуранам и Махабхарате, она вышла из океана, когда боги и титаны сбивали океан в масло. Как и слон Айрават, Камадхену (कामधनु) была передана богами Индре. По просьбе своих почитателей Индра иногда предоставляет Камадхену во временное пользование своим поклонникам.

[3] „Мир богов“, небеса.

Тебе Камала служит, как рабыня, вечно!
Для блага добрых в мире ты приемлешь тело,
И всякий раз с земли всей ты снимаешь бремя!
О, удали, молю я, гордость, заблужденья!
Я лишь глупец тщеславный, дай мне снисхожденье!»

Когда с таким смиреньем Индра восхваленье произнес, тогда шри Кришначандра сжалился над ним и так сказал: «Теперь-то ты пришел ко мне с своею Камадхену, за это я простил твою вину! Но впредь ты не гордись! Ведь гордость знания лишает и от нее зломыслие растет, а из него — бесчестье».

Из уст шри Кришны услыхав слова такие, Индра встал и пуджу совершил по предписанью вед. Потом назвал его Говиндой[1] и, взявши нектару от ног его, он обхожденье совершил. В тот час на небесах высоких гандхарвы, играя на различных инструментах, шри Кришне славу воспевали, а божества, в виманы севши, пролили с небес цветочный дождь. Когда окончил Индра пуджу, он, сложивши поднятые руки, остановился пред шри Кришной. Тогда шри Кришна повелел ему: «Теперь бери-ка Камадхену и отправляйся в свой небесный град!» И, получив такое повеленье, Индра с ним простился, простерся перед ним, потом с своею Камадхену отправился в мир Индры.[2] Меж тем шри Кришначандра продолжал пасти коров. Когда же день склонился к вечеру, он пастухов созвал, и пастухи все возвратилися в Виндаван. Они все видели. К себе домой вернувшись, все рассказали: «Сегодня силой Хари джи мы удостоились узреть в лесу владыку Индру!»“

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! За слушанье иль за рассказ сказанья о Говинде, которое тебе я рассказал, все получают четыре блага:[3] дхарма,[4] артха,[5] кама,[6] мокша“.[7]

Так гласит глава двадцать восьмая „Славословие Индры“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] „Отыскивающий коров“. Весьма древний эпитет богов. В ведах им часто обозначался Индра, но в пуранах „Говинда“ (गोविंद) всегда является одним из имен Кришны.

[2] Т. е. в Суралоку, на небеса.

[3] Четыре блага, к которым стремится все живое и которые определяют все поведение и весь жизненный путь каждого существа, в особенности человека, а именно:

[4] „Закон“ — добродетель, общественно полезное, пренебрежение собственными своекорыстными и чувственными желаниями в интересах общего блага.

[5] „Полезное“ — материальные блага и стремление к их накоплению.

[6] „Желание, любовь“ — чувственные наслаждения и все, что ведет к удовлетворению чувственных наслаждений.

[7] „Освобождение, спасение“ — стремление к индивидуальному спасению, к освобождению от пут перерождений, выход из океана бывания.

Глава 29

Шри Кришна спасает Нанду джи от Варуны и показывает пастухам рай Вайкунтх[1]

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Однажды Нанда джи, свершая покаянье, соблюдал обет поста экадаши.[2] Весь день он проводил в купаньи, созерцаньи, поклонении богам, в молитвах, в совершеньи пуджи, а ночь всю проводил во бдении. Когда ж настало шесть часов[3] утра и наступил двенадцатый уж день, тогда он встал, очистил тело и, думая, что приближается заря, взял дхоти,[4] полотенце и кувшин, пошел купаться на Ямуну. За ним последовало несколько почтенных пастухов. Когда они пришли на берег, то Нанда джи поклон там сделал и одежду снял. И вот, едва вошел он в воду, как слуги Варуны, которые в воде держали стражу, чтоб не посмел никто купаться ночью, явились к Варуне и так сказали: «Махарадж! Сейчас купается в Ямуне кто-то; что ты велишь нам делать?» Варуна сказал: «Немедленно схватить его, сюда доставить!» И получив такой приказ, те слуги Варуны опять пришли туда, где Нанда джи, свершивши омовение, стоял в воде, творя молитву. Приблизившись к нему, они вдруг бросили аркан и потащили Нанду к Варуне. Тогда же пастухи, которые пришли совместно с Нандой джи, пошли и так шри Кришне рассказали: «Махарадж! На берегу Ямуны слуги Варуны схватили Нанду

---

[1] Рай Вишну. Согласно пуранам, рай Вайкунтха (वैकुंठ) находится либо на горе Меру (Сумеру), расположенной на самом пупе земли (в Хималаях), либо в отдаленном северном океане.

[2] Каждый одиннадцатый день светлой и темной половины лунного месяца. В году считается таким образом двадцать четыре экадаши (एकादशी). Соблюдающий обет экадаши совершенно отказывается от пищи и даже от воды в эти дни. В более легкой форме обет экадаши состоит в отказе от вареной пищи, молока и т. д. и в питании только фруктами. Соблюдение обета экадаши связано с целым рядом религиозных обрядов, некоторые из которых указаны в тексте.

[3] Шесть часов утра, начало первого пахара (पहर), т. е. первой стражи, считается началом новых суток.

[4] Принадлежность мужского костюма — полоса материи, которая повязывается вокруг бедер, проходя между ног. Заменяет панталоны европейского костюма.

рая[1] джи и потащили в царство Варуны!» Услышав их слова, Говинда в гневе встал и бросился туда; в одно мгновение он прибыл к Варуне. Увидевши его, сам Варуна мгновенно встал, сложивши поднятые руки, с смирением сказал:

„Теперь плодом прекрасным венчано рожденье:
Я удостоен счастья, Кришну лицезрел я,
Прости, молю, владыка, грешного меня!
Из-за своих грехов лишь Нанду в плен взял я.
Тебя отцом всей жизни мир весь почитает,
Но кто отец твой, Кришна, мы того не знаем!“

Увидя, что купается он ночью, лишь по неведенью его схватила стража и привела сюда! То счастье! Благодаря такой ошибке, сподобился и я узреть тебя. Теперь, я умоляю, окажи мне милость, не сохрани в душе мою вину! С таким смирением глубоким он доставил множество даров и положил их перед Нандой и шри Кришной. Когда же Варуна, сложивши поднятые руки и опустивши голову, пред ним остановился, шри Кришна взял дары и с Нандою оттуда удалился, в Бриндаван возвратился. Увидев их, навстречу вышли все браджийцы. И вот старейшие из пастухов спросили Нанду рая: «За что тебя схватили слуги Варуны?» Нанда сказал: «Послушайте! Едва они меня схватили и к Варуне доставили, как вслед за мной явился Кришна. Увидевши его, сам Варуна сошел со львиного престола,[2] упал к его ногам и со смирением великим так сказал: Владыка! Благоволи простить мою вину: я по неведению совершил сей грех! Не сохрани его в душе!» Все выслушали, что сказал им Нанда. Потом все пастухи друг другу говорили: «Братья! Уже тогда, когда шри Кришначандра поднял на руке Говардхан и дал спасенье Браджу, мы познали, что к Нанде раю в дом с небес сошел Адипуруша, принял аватару в нем!»

Поговорив так меж собою, все пастухи потом, сложивши поднятые руки, сказали так шри Кришначандре: «Махарадж! Ты много дней нас в заблужденье оставлял! Теперь мы тайну всю постигли! Ты сам — создатель мира, утоляющий печали, владыка трех миров! Даруй нам милость, покажи теперь нам рай Вайкунтху!» Услышав их слова, шри Кришна джи в одно мгновенье создал Вайкунтху и показал его им в Брадже! Когда браджийцы увидали рай, их осенило Знание; сложивши поднятые руки, головы склонив, они сказали: «О господи! Твое величье беспредельно, мы ничего сказать не можем; но все ж по милости твоей сегодня мы постигли, что ты Нараян, что ты явился в мир и принял в нем рожденье для того, чтоб бремя снять с земли!»

---

[1] Современное, новоиндийское произношение древнеиндийского слова „раджа“. В позиции после имени лица слово „рай“ (राय) имеет значение „господин, почтенный“. Ср. цыганское „рай“ в значении „барин, начальник“.

[2] Т. е. царский трон, который обычно называется „львиным сиденьем“ (सिंहासन).

Шри Шукадева джи сказал: «Махарадж! Когда браджийцы так сказали, тогда шри Кришначандра джи вновь осенил их чарами своими и, устранив с их глаз Вайкунтху, которую он создал, своей их маею покрыл. Тогда всем пастухам все это показалося лишь сном, а Нанда джи, по воле майи, вновь стал считать шри Кришначандру сыном».

Так гласит глава двадцать девятая „Нисхождение в мир Варуны и создание Вайкунтхи“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

श्री

ГЛАВА 30

Шри Кришна водит хоровод с пастушками

Поведав это сказание, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж!

С пастушками как Хари водит хоровод,
По мере сил поведать сердце все влечет.

Когда шри Кришна джи унес одежды, то он такое слово дал пастушкам: „Я в картике со всеми вами буду веселый хоровод водить!“ И с той поры пастушки, живя надеждою на хоровод, с печалью в сердце каждый день вставали и почитали месяц картик. По их моленьям осень благодатная пришла.

Когда прекрасный месяц картик наступил,
То страшный зной и холод он прогнал с земли.
Пруды все налилися чистою водой,
И лотосы цветут все, блещут красотой!
С чакорою [1] кумуда [2] словно милый с милой,
Цветут, увидев ночью месяц над долиной
Чакаи [3] в горе вянут, лотосы [4] поникли

---

[1] Вид куропатки (Perdix rufa или Tetrao rufus). Окраска черная с мелкими белыми пятнами и белой грудью. Согласно индийским поэтическим легендам, идущим с древнейших времен, чакора нежно влюблена в луну и не отрывается от нее взглядом. Согласно этим же легендам, чакора питается лучами луны, а в полнолуние глотает даже искры огня, приняв их за лучи луны. Чакора является одним из наиболее излюбленных образов индийской поэзии.

[2] Белая водяная лилия (Nymphaea esculenta), которая раскрывается только ночью и закрывается днем. Индийские поэтические легенды считают кумуду (कुमुद), как и чакору, влюбленной в луну.

[3] Самка чаквы (चकवा). Чаква — вид гусей, красноватый гусь (Anas casarca). В индийской поэзии чаква (самец) и чакаи (चकई) считаются образцом нежной любви. Согласно индийским поэтическим легендам, чаква разлучается с чакаи на всю ночь и описание тоски и жалоб чакаи, разлученной с милым, составляет излюбленную тему индийской поэзии.

[4] Дневные лотосы (कमल) — красные, белые и голубые — расцветают в марте—апреле

О друге-солнце [1] память здесь хранят они лишь!“

Сказав так, Шукадева джи молвил: „Земли владыка! Однажды ночью в полнолунье картика шри Кришначандра вышел из дому и видит: небеса безоблачны, по ним рассыпалися звезды, и свет луны все десять направлений озаряет; прохладный, напоенный ароматом, дует легкий ветерок, а в стороне — густой прекрасный лес своей красою дополняет все. Когда он увидал такую ночь, в его душе явилась мысль: „Я слово дал пастушкам, обещал, что осенью я с ними буду хоровод водить; теперь мне нужно выполнить его!“ Подумав так, шри Кришна в лес пошел и на свирели заиграл. Услышав звук свирели, все молодые девы, жены Браджа, страдая от разлуки, полные любви, пришли в великое волненье. И, наконец, оставив майю рода, отбросив честь семьи, покинув все домашние дела, в волненьи кое-как накинувши одежды и наряды, бросились бежать! Одну пастушку, когда она собралася уйти от своего супруга, ее супруг поймал уж на дороге, и, остановив, вернул домой и не позволил ей уйти. Тогда она, помысливши о Хари и оставив тело, первою к нему пришла. Увидев чистую ее любовь, шри Кришначандра тут же дал ей избавленье“.[2]

И выслушал сказ этот, царь Парикшит спросил шри Шукадева джи: „Владыка милосердый! Пастушка эта ведь почтила так шри Кришну джи, не думая о том, что он господь; она к нему бежала, влекомая одним лишь чувственным желанием, каким же образом она спасенье получила? Прошу, ты объясни мне это, дабы недоумение ушло с души моей!“ Шри Шукадева муни сказал: „Дхармаватар! Кто воспевает добродетель и величие шри Кришначандры, хотя бы даже знание его не осенило, он все же, без сомненья, спасение и блага получает. Ведь кто, не ведая об этом, выпьет нектару, и тот бессмертным станет; и если выпьет, ведая об этом, то действие получится такое ж. Ведь каждому известно, что качества и действие вещей по собственной природе не могут не воздействовать. И такова же сила поклонения Хари. С какими б чувствами кто б ни почтил его, спасенье получает. Ведь сказано:

„Молитвы наши, четки, чхапа [3] или тилак
Не в силах принести нам пользы никакой.

(индийские месяцы чайт, байсакх, первый и второй месяцы индийского календаря) и увядают в саване и бхадоне (т. е. в июле и августе), т. е. в пятом и шестом месяцах индийского календаря. Таким образом картик (восьмой месяц) застает их уже увядшими.

[1] Так как время цветения дневных лотосов совпадает с периодом наибольшей жары, то индийская поэзия считает солнце другом этих лотосов (कमल), подобно тому как луна считается другом водяных лилий (ночных лотосов).

[2] Т. е. избавление от перерождений.

[3] Буквально „печать“ или „отпечаток“. Так называются знаки разных сект, которые делаются последователями их. В частности, у вишнуитов чхапой (छापा) называются отпечатки раковины, диска и других атрибутов Вишну и Кришны, которые выжигаются их последователями при помощи раскаленных металлических печатей на руках, груди, плечах и т. д. Усердные последователи Вишну покрывают такими чхапа все тело, часто также одежду.

Незрелые пусть пляшут,[1] тщетны их усилья,
Угодны Раме[2] только чистые душой!"

И слушай: с каким бы чувством, кто бы ни почтил шри Кришну, каждый получил спасенье: Яшода с Нандою его считали сыном; пастушки почитали за любовника, а Канса, убоявшися, почтил его; приятелем считали дети пастухов, а пандавы за друга почитали; почтил и Шишупал,[3] врагом его считавший; все ядавы почтили, сочтя его своим, а йоги, яти, муни господом его считали: и все потом в награду—спасенье получили. Какое ж чудо в том, что удостоилась спасения одна пастушка, которая помыслила о господе?"

Услышав это, царь Парикшит сказал шри Шукадеву муни: „Владыка милосердый! Сомнение исчезло из моей души! Теперь ты, сделай милость, продолжай сказание!"

Шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! В то время все пастушки, каждая с толпой своих подружек, прибежали к свету мира, океану красоты — шри Кришначандре так, как чистая вода сливается с водой. Красу его наряда, в котором он блистал в тот час, не мог бы описать и сам Бихари Лал.[4] Надев все украшенья, в наряде плясуна, он был чарующе и обольстительно прекрасен! И девы Браджа, увидев Хари красоту, все изумились. А Мохан, поздоровавшися с ними, сурово им сказал: «Скажите, зачем в волнении великом, покинув майю рода, вы в этот страшный лес пришли — в ночное время, в час ужасных бхутов,[5] претов,[6] прошли такою страшною дорогой, накинув кое-как одежды, украшения? Такую смелость проявлять не подобает женщинам! Ведь сказано жене: Хотя бы трус, порочный иль жестокий, хотя бы лживый, безобразный, прокаженный, иль кривой, слепой, хромой, калека; хотя бы нищий — кто б ни был твой супруг, но надлежит жене ему служить! Лишь в этом счастие

[1] Религиозная пляска, один из видов подвигов.

[2] Раме, как частичному воплощению Вишну, т. е. самому Вишну и его полному воплощению — Кришне.

[3] Двоюродный брат Кришны и непримиримый враг его. Шишупал был убит Кришной. Легенды о нем даются в дальнейшем повествовании „Прем Сагара".

[4] Один из крупнейших поэтов литературы хинди, Бихари Лал Чаубе (बिहारी लाल चौबे) (1603—1663), считается величайшим мастером стиха. Согласно традиции, его стихи были настолько совершенны, что его патрон джайпурский раджа Джай Сингх давал ему по золотой ашрафи (около 16 золотых рупий) за каждый стих.

[5] Привидение, злой дух. Согласно легендам, бхуты живут на кладбищах, прячутся на деревьях, оживляют мертвых и чинят людям всяческие неприятности. Согласно Вишну-Пуране, они сотворены создателем в момент гнева, и потому являются жестокими духами, пожирателями мяса. Бхуты являются слугами Шивы, он их повелитель.

[6] Злые духи, тени мертвецов. Согласно пуранам, люди, которые не приносят жертв, не посещают святых мест, не почитают Вишну, не дают даров, соблазняют чужих жен, говорят ложь, проявляют жестокость к людям и животным, пьют хмельное и т. д., обращаются в претов и страдают вечно. Преты живут в грязи, моче, в местах свалки нечистот, едят нечистое и разными способами причиняют зло людям. Как и бхуты, преты почитаются слугами Шивы.

ее и слава в мире! Закон жены, принадлежащей роду, преданной супругу — ни на мгновение не оставлять супруга. А если же супруга, оставив мужа своего, идет к иному мужу, она во множестве рождений будет обитать в аду!»"[1] Сказавши так, он молвил дале: „Слушайте! Вот вы сюда пришли, полюбовались частым лесом, чудесным лунным светом и красой Ямуны... Теперь все отправляйтесь по домам и там служите вы прилежно своим мужьям. Ведь в этом ваше всяческое благо!" Из уст шри Кришны выслушав такую речь, пастушки все сначала, памяти лишившись, в море скорби погрузились. Потом

Все, взоры опустивши, выдавили вздох
И начали вдруг землю рыть ногтями ног.
У всех текут потоки слез из грустных глаз.
Как будто с жемчугами нить разорвалась.

И, наконец, страдая тяжко от печали, они с рыданьями сказали: „О Кришна! Жестокий ты обманщик! Сначала заиграл ты на своей свирели и сразу отнял знание у нас и мысли, душу, все, чем были мы богаты; потом, безжалостный, нас обманул и говоришь жестокие слова! Что ж, хочешь нас и жизни ты лишить?" Промолвив так, они сказали:

„Оставили супругов, дом, родных, семью!
Забыли гордость, стыд свой, стыд перед людьми,
У нас нет никого здесь, кто б мог защитить,
Нас под свою защиту, Кришна, ты прими!

Ведь кто живет у ног твоих, те не хотят богатства, тела, скромности и чести; ты сам во всех рожденьях их супруг! Ты — олицетворенье жизни, о господь!

Когда б домой вернулись — как, кому служить?
Узлом любви к тебе лишь связана вся жизнь".

Услышав их слова, шри Кришначандра, улыбнувшись, подозвал к себе пастушек всех и молвил: „Коли у вас ко мне сильна любовь, давайте хоровод водить со мной!" Услышав это слово, забыв печаль, пастушки с радостью вокруг него все стали и радовали очи, взирая на лик Хари,

Когда облакоцветный, темный стал меж них,
Красавицы красою все вдруг заблистали,
Как будто под горою голубой вдали
Лоза прекрасная вдруг выросла златая!

Потом шри Кришна джи дал повеленье майе: „Мы будем хоровод водить, для этого создай прекрасную лужайку, сама же оставайся здесь; чего бы кто ни пожелал, ты все желания исполни!" Махарадж! Едва его слова услышала она, она отправилася на Ямуну и там на берегу вмиг создала большую круглую лужайку золотую, украсила ее алмазами и жемчугами, вокруг нее поставила колонны из живых бананов, по ним развесила гирлянды и венки из всех прекраснейших цветов, потом пришла

[1] Неточная цитация из законов Ману.

к шри Кришначандре джи и доложила обо всем. Узнав об этом, радостный шри Кришна джи повел с собой на берега Ямуны женщин Браджа. Пришли туда и видят: своей красою хороводный круг в четыре раза превосходит круг луны. Вокруг него, как лунный свет, цветут пески; прохладный, напоенный ароматом, веет сладкий ветерок. А в стороне густой зеленый лес преумножает прелесть ясной ночи.

Увидев это, пастушки все пришли в восторг. Близ этой же поляны находилось озеро большое Манас Саровар.[1] Пойдя туда на берег, они надели дивные изящные одежды и наряды и с головы до ног украсили себя; потом, сплетая звуки музыки прекрасной — лютен, барабанов и прочих инструментов, вернулися обратно и, опьяненные любовью, забыв все мысли и заботы, стали петь, играть, плясать с шри Кришной. В то время шри Говинда так блистал своею красотой в кругу пастушек, как блещет месяц в круге звезд".

Рассказав это сказание, шри Шукадева джи молвил: „Внемли же, махарадж! Когда пастушки, потеряв рассудок, знанье в хороводе, в душе считали Хари чувственным своим супругом и думали, что он подвластен им, тогда шри Кришначандра джи в душе подумал так:

„Теперь они решили, я совсем в их власти,
И чувственным супругом мнят все в явной страсти;
Лишились знанья жены, свой утратив стыд,
И льнут все ближе, словно я любовник их!
В игре исчезло знанье, мысли из души,
Я их покину, чтобы гордости лишить,

и посмотрю, что без меня в лесу они тут станут делать и что тут с ними будет!" Подумав так, шри Кришначандра со шри Радхикою[2] джи исчез."

Так гласит глава тридцатая, „Начало хоровода" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Знаменитое озеро в северных Хималаях, относительно которого легенды говорят, что его создал сам Брахма. Озеро отличается исключительной красотой, и легенды приписывают его водам различные благодетельные свойства. Древние риши считали, что небеса находятся близ этого озера. Легенды считают, что река Ганга вытекает из Манас Саровара, хотя в действительности из него не вытекает никакой реки.

[2] Радхика или Радха (राधा) пастушка, любовница Кришны, супруга пастуха Аянагхоши. В старых произведениях, посвященных мифу о Кришне, Радха совершенно не упоминается. В „Прем Сагаре" она упоминается всего три-четыре раза. В позднейшем вишнуизме, особенно в Бенгалии, Радха вырастает в весьма крупную фигуру, и культ Радхи, которая почитается воплощением супруги Вишну, оттесняет на задний план культ самого Кришны. При мистическом толковании мифа о Кришне, Радха обращается в символ души или в символ божественной любви.

Глава 31

Не видя шри Кришны, пастушки ищут его

Шри Шукадева муни молвил: „Махарадж! Когда пастушки вдруг заметили, что нет шри Кришначандры джи, у всех в глазах вдруг потемнело. От страшной боли все они пришли в великое смятенье и метались, как мечется змея, свой жемчуг[1] потеряв. И вот одна пастушка так сказала:

„Подруженьки родные, где, скажите, Мохан,
Куда ушел внезапно, как покинул нас?
Совсем еще недавно обнял, был моим он,
И прижимал так крепко к сердцу он сейчас!

Ведь только что так дружно он со всеми нами хоровод водил и забавлялся, куда ж он вдруг исчез? Не видел ли кто-либо, как он вдруг исчез?" Услышав это, все пастушки, страдая от разлуки, в печали тяжкой, плача, говорили:

„Куда итти и что нам делать?
Кому сказать, кого позвать?
Где он, как нам теперь проведать?
Мурари как теперь искать?"

Так говорили все пастушки, любовью к Хари опьянясь. Искали всюду, всюду, воспевая качества его, рыдая все взывали:

„Зачем покинул нас ты, о владыка Браджа?
Тебе пожертвовали всем мы безвозвратно!"

И не найдя его, пошли вперед и меж собою говорили: „Подруженьки! Здесь никого не видно, кого ж спросить, куда девался Хари?" Услышав это, одна пастушка сказала: „Послушайте, подружки! Мне в голову пришла такая мысль, что все те звери, птицы и деревья, которые находятся в лесу,

---

[1] Согласно древним индийским легендам, жемчуг находится не только в раковинах, но и в слонах, змеях, рыбах и т. д.

все это — риши, муни! Они все воплощение приняв, пришли сюда, чтоб посмотреть на игры Кришны! Давайте спросимте у них: они стоят здесь, смотрят; они укажут нам, куда девался Хари". Услышав эти речи, все пастушки, в разлуке потеряв рассудок, стали спрашивать всех тех, кто обладает корнем или чувством:

„Могучий бар,[1] пипала, вы, пакаравира!
За святость рост высокий все вы получили,
На благо, пользу ближних в мир вы все явились,
Деревьями здесь в мире все вы воплотились,
Страдали вы от зноя, холода, дождя,
Стояли здесь на благо ближних вы всегда!
Цветы, плоды и корни, ветки все и кору —
Другим вы отдаете, ближним все на корысть.
Похитив достоянье, души, Нанда Лал[2]
Куда ушел, скажите, кто его видал?
О кадамба[3] и амба, милый качанари,
Не видел ли из вас кто, где скрылся Мурари?
Ашока славный, нежный чампа, каравира,
Какою здесь тропою шел наш Балавира?
О туласи,[4] ты Хари нежно так любима,
Не прячешь ли его ты в зарослях где-либо?
Ты распустилась, словно вышла на свиданье!
Где он? Ужель не скажешь нам ты этой тайны?

[1] Бар и т. д. — названия различных деревьев.
[2] „Любимец Нанды", одно из имен Кришны.
[3] Кадамб и т. д. — названия различных деревьев.
[4] Название травы, любимой Вишну. С травой туласи связана следующая красивая поэтическая легенда. Некогда жил могучий демон Джаландхар, который обладал такой великой силой, что грозил Индре лишить его престола. Боги были бессильны победить его, так как он силой добродетели своей супруги Вринды был неуязвим, пока его супруга сохраняла чистоту. Когда Джаландхар осадил небо, боги обратились к Вишну с просьбой лишить Вринду ее чистоты. После долгих колебаний Вишну согласился и велел богам вступить в непрерывный бой с Джаландхаром. Несмотря на то, что против него выступили миллионы богов, Джаландхар был близок к победе. Вринда в страшном беспокойстве ожидала своего супруга. Когда она, измученная ожиданием, увидела его возвращающимся, то бросилась в его объятья, целовала и обнимала его. В действительности же к ней прибыл не ее супруг, а Вишну в образе Джаландхара, и Вринда к своему ужасу поняла, что неумышленной потерей своей чистоты она погубила своего супруга. Меж тем Вишну сам влюбился в Вринду и предложил ей себя в мужья. Вринда отвергла его любовь и прокляла его. Для того, чтобы очистить себя от осквернения, Вринда сожгла себя на костре. Вишну в тоске собрал пепел Вринды и помазал им свое тело в надежде утишить свою тоску и погасить стыд за свой обман, но все было напрасно. Когда он сидел в тоске и проливал слезы, они падали на пепел Вринды и из этого пепла выросла трава туласи, на которую Вишну перенес всю свою нежность, которую он питал к Вринде. Место, где умерла Вринда, было названо Вриндаваном или Бриндабаном „Лесом Вринды". Родившись в образе Кришны, Вишну водит свои хороводы в Бриндабане.

О джати,[1] джухи, травка, малати родная!
Не проходил ли мимо милый наш Канхаи?"
С мольбою к ланям, жены Браджа так взывали:
«Не шел ли, не видали ль — дивный Банавари?»"

Сказав слова такие, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Так все пастушки спрашивали у зверей и птиц, деревьев и лиан и, полные любви к шри Кришне, стали представлять игрой все чудеса, которые свершил шри Кришна в детстве: Путны умерщвленье, спасение от пожара и другие, и продолжали всё искать. Искали все, искали, наконец, в лес углубились, смотрят: сияют на песке следы шри Кришны, лотосы лежат, ячмень, флажок и кнут. При виде их браджанки все простерлись перед прахом, которого так ищут боги, муни и герои, и, подняв головы, исполнившись надежды встретить Хари, пошли оттуда дальше, смотрят, а близ следов тех ног виднеются следы ног женщины. Увидя их, все в удивленье далее пошли и видят: в одном местечке, на подстилке из нежных листьев, зеркало прекрасное лежит в оправе драгоценной. Тут у него все стали спрашивать. Когда же и оно, томяся от разлуки, не дало ответа, тогда они друг дружку стали вопрошать: „Скажи, подружка! Что это означает?" Тогда одна из них, которая всех лучше знала душу милого и милой, так ответила: „Подружки! В тот час, как милый присел, чтоб локоны связать у милой и помешал тем любоваться ей своим прекрасным телом, в тот час красавица взяла вот это зеркало, поставила пред милым, и вот тогда туда попало отраженье дивного лица!" Услышав это, пастушки не разгневались нисколько, напротив, говорили: „Она нашла прекрасный способ Шиву с Парвати почтить! Она великий подвиг совершила, коль так бесстрашно забавляется наедине с владыкой жизни!" Махарадж! Меж тем как все пастушки, опьяненные страданьем от разлуки, так лепетали и искали всюду, в тот час шри Радхика джи, испытавши высочайшее блаженство с Хари и думая, что милый ею покорен, решила, что она возвысилась над всеми и, допустивши гордость в сердце, так сказала: „Мой милый, теперь не в силах я итти, возьми меня на плечи, понеси!" Услышав это, проникающий в сердца, губитель гордости шри Кришначандра джи, с улыбкою присев, сказал: „Иди, взлезай ко мне на плечи!" Едва она успела руки протянуть, чтоб влезть к нему на плечи, шри Кришна вдруг исчез. Как протянула руки Радхика, так и осталася стоять с простертыми руками! Так с тучей разлучается вдруг молния, коль туча возгордится; иль месяца сиянье, рассердившись на него, от месяца отстанет и, ускользнув от блеска белого прекраснейшего тела, доходит до земли и создает такую красоту, что кажется, красавица стоит на золотой земле. Из глаз ее текли потоки слез; она была не в силах даже отогнать тех пчел, которые садилися к ней на уста, обманутые ароматом их! Одна,

[1] Джати и т. д. — названия разных трав.

в лесу, страдая от разлуки, она рыдала так печально, что, услышав звук ее рыданий, рыдали звери, птицы и деревья и лианы! Она так говорила:

„Увы, мой благодетель царственный великий,
Бихари своевольный, как же мог уйти ты?
У ног твоих рабыня я ищу защиты:
Ты море милосердья! Разве мог забыть ты?“

И в это время все пастушки в поисках к ней подошли и обняли ее. Они все вместе испытали здесь такую радость, какую можно испытать, когда великое сокровище утратишь и вдруг найдешь его хоть половину. Потом пастушки все, увидевши ее в великом горе, ее с собою взяли и углубилися в великий лес. И там в лесу до той поры, пока был виден свет луны, шри Кришну джи пастушки все искали. Когда в густом лесу во тьме они дороги больше не нашли, они, мужаясь и надеяся на встречу, все вернулися назад, пришли опять все на берег Ямуны и сели там, где много радости им дал шри Кришначандра“.

Так гласит глава тридцать первая „Пастушки в разлуке со шри Кришной“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 32

Пастушки воспевают чудеса шри Кришны

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Усевшися на берегу Ямуны, пастушки, опьяненные любовью, стали воспевать все добродетели и чудеса все Хари: «Любимый! с тех пор как ты явился в Брадж, здесь проявлялись, нас всех осеняя, радости все новые и новые. Богиня Лакшми, в надежде быть у ног твоих, сюда явилась и устроила надолго жительство свое! Мы все пастушки и твои рабыни; скорее вспомни ты о нас и прояви к нам состраданье. С тех пор как твой прекрасный темный чудный образ увидали, рабынями некупленными мы твоими стали! Поражены сердца у нас всех стрелами твоих очей, так почему ж, о милый, не приписаны мы к челяди твоей? Когда ты не доступен нашим взорам, от нас уходит наша жизнь. Благоволи теперь к нам милость проявить, оставь суровость и скорее нам явись! А ежели тебе убить нас надлежало, зачем тогда от яда, от огня и от воды спасал нас? Зачем тогда не дал нам умереть? Мы знаем, ты не только сын Яшоды: тебя ведь Брахма, Рудра, Индра и все другие божества молеными своими привлекли сюда затем, чтоб мир спасти!

«Владыка жизни! Одно лишь вызывает в нас большое изумление: ведь если нас ты будешь убивать, тогда кого же будешь ты спасать? Любимый! Ты проникаешь в тайны сердца! Но почему ж ты не избавишь нас от наших всех страданий и не исполнишь упований сердца? Иль ты победою над женщинами здесь на земле достичь геройства хочешь? О милый! Когда твой ласковый проникнутый улыбкой легкой взгляд или изгиб бровей, иль шаловливый взгляд твоих очей, иль льнущее движенье шеи‘ иль блеск твоих речей к нам в души проникает, то разве не бывает мучительно нам больно? Когда ты уходил коров пасти в леса, тогда, при мысли о твоих прекрасных нежных ножках, лесные камни и шипы въедались в души наши! С зарей ты уходил и вечером вновь возвращался; но все ж для нас четыре стражи югами казались четырьмя. Когда перед тобою мы садились и дивный лик твой созерцали, тогда в душе мы размышляли: Как глуп великий Брахма, что создал веки у очей, для них воздвиг преграду, не дал смотреть нам не мигая на тебя!»“

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Таким вот образом пастушки, страдая от разлуки, до последних сил многообразно воспевали жизнь и чудеса шри Кришначандры. Но все ж Бихари не пришел. Тогда в отчаянье, в надежде на свиданье после смерти, оставив упования на жизнь и вне себя от тяжкой муки, они упали и с рыданьями вопили так, что, услыхав их вопли, в великую печаль пришло там все живое: как то, что двигаться способно, так и неподвижное".

Так гласит глава тридцать вторая „Пастушки в разлуке с шри Кришной" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 33

Пастушки беседуют со шри Кришной джи

Шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Когда шри Кришначандра, проникающий в сердца, постиг, что без него пастушки не останутся в живых,

Тогда средь них внезапно Нанды сын предстал;
Плясун так вдруг исчезнет, — вмиг уж на глазах.
Когда все увидали: к ним явился Хари,
К ним вмиг вернулись чувства, все поспешно встали.
Так в трупе неживом вдруг явится дыханье,
Утраченные чувства снова пробуждает.
Пока не увидали, в душах их смятенье
Как будто змей Манматха[1] жалом их задел всех!
Узнав их скорбь, любимый вдруг предстал средь них,
Пришел с лозой бессмертья, всех их оживил!
Как лотос ночью вянет в тяжкой, злой печали,
Поблекли жены Браджа, словно все завяли,
Красу сережки солнца тут увидев вдруг,
Огромные их очи ожили вокруг!"

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Увидев корень радости, шри Кришначандру, пастушки сразу выплыли из океана скорби. Приблизившись к нему, они обрадовались так, как радуется утопающий в бездонном море, когда достигнет мели. И окружив его со всех сторон, они вокруг него стояли. Тогда шри Кришна с ними вместе отправился туда, где раньше хоровод водил. Когда пришли туда, одна пастушка, снявши покрывало, постлала на земле его и предложила сесть шри Кришне. Когда он сел на нем, то несколько пастушек в гневе молвили: „Махарадж! Ты — плут большой! Умеешь у другого ты отнять и душу и добро, а сам совсем не уважаешь чувств другого!" Сказавши так, они друг другу говорили:

[1] „Мутящий душу"; одно из имен Камадевы, бога любви.

„Забыв достоинства все, знает лишь порок,
Обманом полонивши, в сердце он живет!
Смотрите же, подружки, будьте осторожны:
С таким обманщиком ведь жить нам невозможно!“

Услышав это, одна из них сказала: „Подружки, да уймитесь! От ваших слов не будет проку! Смотрите, я заставлю говорить вот Кришну самого!“ Сказавши так, она с улыбкой обратилася к шри Кришне: „Махарадж! Один творит добро, не видя от других добра; другой лишь воздает за то, что сделано ему; а третий за добро злом воздает; четвертый и не замечает даже добра, что сделано другими. Кто лучше всех, кто хуже всех из этих четырех, ты объясни нам это!“ Шри Кришначандра молвил: „Все слушайте, приложив вниманье! Я объясню вам, кто всех лучше, кто всех хуже. Всех лучше будет тот, кто делает добро, не получивши от другого: отец так любит сына. Но если за добро добром же воздавать, то в этом никакой заслуги нет: корова так за корм дает нам молоко. Кто за добро отплатит злом, того считайте вы врагом. Но хуже всех неблагодарный, который благом пренебрег!“

Пастушки, выслушав его ответ, переглянулися друг с другом и стали хохотать. Тогда шри Кришначандра в волнении сказал: „Послушайте меня! Я не вхожу в число тех четырех, как вы то думаете и смеетесь. Обычай мой иной: чего б ни захотел кто, исполню я его сердечное желанье. Пожалуй, вы мне скажете: „но если это твой обычай, тогда зачем ты нас покинул так в лесу? Причиной этому лишь то, что этим любовь я вашу испытать хотел. За это не сердитесь на меня; поверьте, правда все, что я сказал!“ Сказавши так, он снова молвил:

„Теперь я завершил все ваше испытанье:
Я был у вас всех в мыслях, жил в воспоминаньях.
Умножила разлука нежность во сто крат,
Как будто неимущий стал бы вдруг богат!
Пожертвовали всем вы, отдали за миг,
Забыли вы все веды, стыд перед людьми!
Подвижникам подобно, дом оставив свой,
Питая только к Хари крепкую любовь.
Доколе буду вашу славу возносить;
Дано мне вами столько, что не отплатить!

Когда б мы жили сто лет Брахмы, то и тогда не смог бы я отдать вам все свои долги!“

Так гласит глава тридцать третья, „Беседа пастушек с шри Кришной“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 34

Хоровод

Шри Шукадева муни сказал: „Царь! Когда шри Кришначандра произнес проникновенное такое слово, то пастушки, забыв свой гнев, все радостные встали, к Хари подошли и испытали дивное блаженство. Потом, исполненные радости, все стали игры совершать. В то время

Шри Кришна создал майю множества частей;
Один, он разделился сам на много тел,
И каждой дал он радость, как она хотела:
В любви и чудесах ведь Кришне нет предела!

Махарадж! Шри Кришначандра принял столько тел прекрасных, сколько всех пастушек было, и повел их на готовый хороводный круг и снова начал хороводную игру.

Сплели пастушки руки с Кришною великим,
Меж каждых двух пастушек Кришна темноликий.
И каждая считала, Кришна близ нее,
Не видела, что Кришна с каждою вдвоем!
У каждой пальцы нежно с пальцами сплетались,
И расцвели все пары, все кружатся с Хари,
Меж каждых двух пастушек пляшет Нанды сын,
Как молния меж тучек, блещет он один,
Все жены Браджа белы, Кришна[1] темноликий,
Сапфиры будто в четках с золотом сплелися!

Махарадж! Таким вот образом стояли все пастушки и шри Кришна. Потом, сплетая звуки разных инструментов и выводя труднейшие мелодии, под звуки музыки все стали петь; и, постепенно подбирая все более и бо-

[1] Само имя Кришна (कृष्ण) значит „черный“. Весьма показательно, что почти все боги, имевшие большое значение в ведический период и впоследствии спустившиеся до положения божеств второго ранга — белы, меж тем как наиболее чтимые аватары Вишну — Кришна и Рама — резко отличаются от них своим цветом: Кришна — черный, а Рама — голубой.

лее высокие тона, они под звуки разных песен все пустились в пляску. Восторгом опьянились так, что все забыли все, не только тело, но и душу. По временам то обнажалась грудь пастушки, то вдруг скользила диадема Кришны; то разрывались ожерелья и рассыпалися жемчужины, то, разорвавшись, падали гирлянды из лесных цветов. На лбах у них, как нитки жемчуга, сверкали капли пота.

Вкруг белых нежных лиц пастушек локоны рассыпалися черные, как будто молодые змеи, жаждая амброзии, взлетели на луну [1] и к ней прильнули. Случалось, что пастушка трелями вдруг рассыпалась, следуя за трелями свирели Кришны, мелодия ж другой с ней не сливалась. Иная же пастушка нежным голосом так точно подражала всей мелодии свирели, что Хари приходил в восторг, как восторгается юнец, увидя в зеркале свое изображенье.

Так пели все с шри Кришной и плясали; в любовных играх разных осыпали взглядами друг друга, друг друга одаряли радостью и радость получали. Так радуя друг друга, смеяся, обнимаясь, они дарили украшения, одежды. В то время Брахма, Рудра, Индра и все другие божества и гандхарвы, с супругами своими сев в виманы, наблюдая тот веселый хороводный круг, в восторге пролили цветочный дождь. А их супруги, блаженство созерцая то, смеялись от восторга и в душе так говорили: „О, если б мы родились в Брадже, мы тоже бы водили с Хари хоровод!“ Различные мелодии, различные тона сплеталися в такой гармонии, что, услыхав ее, все ветерки застыли, вода остановилась; с толпою звезд остановился месяц и лучами пролил дождь из нектара. От этого ночь удлинилась и продолжалася шесть месяцев, но никому не стало то известно. И с той поры та ночь названье получила: „Брахмы ночь“.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Владыка земли! Когда шри Кришначандра хороводную игру водил, то в голове его явилась прихоть, и он с пастушками пошел на берега Ямуны. Они вошли все в воду, и весело играли все в воде. Прогнав усталость, вышли на берег, и он, исполнивши желанья всех пастушек, молвил: «Ночь близится к концу, теперь остался только час. Вы все идите по своим домам!» Услышав это, пастушки, опечалившись, сказали: «Владыка! Как мы пойдем, покинув лотосы прекрасных ног твоих? Не слушает велений наша жадная душа!» Шри Кришна молвил: «Слушайте! Как йоги в мыслях всякий час меня хранят, так вы меня храните в мыслях, и где б вы ни были, я буду вместе с вами!» Услышав это слово, они исполнилися радости, простились с ним и разошлися по своим домам. Никто из их домашних не узнал сей тайны, не узнал, что дома не были они“.

Сказанье это выслушав, царь Парикшит вопросил шри Шукадева муни: „О милосердый к бедным! Ты объясни мне, расскажи! Шри Кришначандра принял аватару и явился в мир, чтоб погубить асуров, чтоб бремя

[1] Согласно легендам, луна наполнена нектаром или амброзией.

снять с земли, дать счастье всем благим и добрым и показать пути закона! Зачем же он устроил тут забаву хороводную с чужими женами? Ведь это действие прелюбодея, с чужой супругой наслажденье вкушать!“ Шри Шукадев джи молвила:

„Внемли, о царь, коли ты тайны не постиг!
За человека, зрю я, господа ты мнишь!
И мысль о нем способна грех весь удалить,
Очистить тело, душу радостью облить
Как все, что попадает в пламенный огонь!
Вмиг в пламени сгорает; все святит огонь!

Чего не может сделать сильный? Ведь что б они ни совершили, силою своею карму убивают. Так Шива джи яд [1] страшный принял, но, выпив яд, он этим лишь украсил шею; он вместо ожерелья носит черную змею! [2] Кто ведает его пути? Для самого себя он ничего не делает. Но тот, кто поклоняется ему и в памяти его хранит, тот может дар любой просить и все ему он даст.

Обычай у него такой: он представляется со всеми сходным, но, если со вниманьем посмотреть, то он окажется таким отличным от всего, как лотоса листок в воде. И сверх того, ведь я уж ранее сказал тебе, открыл происхожденье всех пастушек: богини то и гимны вед для лицезренья Хари в Брадж пришли и там родились. Таким же образом сама шри Радхика от Брахмы получила дар, на землю снизошла и здесь родилась, дабы служить шри Кришначандре, и потому осталася в служенье господу!“

Сказавши это, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Сказано есть: „Все веруйте душою в чудеса святые Хари, но подражать его делам не помышляйте. Кто Гопинатха [3] славу воспевает, тот, истинно, великую награду получает. За воспевание хвалы шри Кришне такую же награду получают, какая достигается свершеньем омовений в шестидесяти восьми святых местах“.

Так гласит глава тридцать четвертая „Хоровод“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Согласно Махабхарате и пуранам, когда боги сбивали молочное море, то после того, как из него вышел нектар, напиток бессмертия, из него же явился и страшный яд калакут (कालकुत), запах которого наполнил все три мира. Он грозил погубить все живое. Брахма обратился с просьбой к Шиве, и Шива выпил этот яд. Яд не оказал вредного действия на Шиву, и единственным следствием было то, что шея Шивы потемнела, почему он получил имя Нилькантха (नीलकण्ठ), т. е. „синешей“.

[2] Шива обычно изображается в виде мужа с тремя глазами (третий глаз у него на лбу) с прической в виде рога, с гирляндой из черепов и с ожерельем из ядовитых змей и с трезубцем в руках.

[3] „Покровитель пастушек“ — одно из имен Кришны.

ГЛАВА 35

Освобождение видьядхара Сударшана.
Умерщвление демона Шанкхасура.

Шри Шукадева муни сказал: „Царь! Я поведу рассказ о том, как Кришна джи освободил видьядхара и как убил Шанкхасура. Ты прилагай вниманье, слушай. Однажды Нанда джи, созвав всех пастухов, сказал: „Братцы! Когда шри Кришна у меня родился, то Амбике,[1] богине рода нашего, я дал такой обет: в тот день, когда шри Кришне джи исполнится двенадцать лет, я с городом пойду под звуки музыки и пенья в храм богини и пуджу совершу. По милости ее сегодня я увидел этот день! Теперь нам надлежит пойти и пуджу совершить".

От Нанды джи из уст услышав это слово, все пастухи немедля встали, побежали, и мигом каждый из дому принес все нужное для совершенья пуджи. Тогда и Нанда рай, собравши все необходимое для пуджи, велел на коромысла и телеги погрузить все молоко, сметану всю и масло. Потом с семьей своей примкнул к ним и двинулися в путь. Вот ехали все, ехали они и прибыли на место, посвященное богине Амбике. Приехавши туда и искупавшися в реке Сарасвати, почтенный Нанда джи призвал пурохита, потом, собравши всех своих, отправился к богине в храм и совершил там пуджу пышную по предписанью шастр. Все то, что принесли богине в дар, пред нею положили, свершили обхожденье. Потом, сложивши поднятые руки, Нанда со смирением сказал: „О, мать! По милости твоей двенадцать лет исполнилося Канхе!"

Сказавши это, он простерся пред богиней и, из храма выйдя, он тысячу брахманов напитал. На это много времени ушло, и Нанда джи с браджийцами своими, принявши обет паломничества, там же и заночевал. Когда он ночью спал, вдруг подползла змея большая, схватила Нанду рая за ногу и начала глотать его. При виде той змеи он испугался и в страхе стал вопить: „О Кришна! Скорей иди на помощь, не то змея меня проглотит!" Услышав крики Нанды, все браджийцы — мужчины все и женщины — проснулися и прибежали к Нанде джи. Зажгли огонь и видят: лежит огромная змея и в пасть схватила ногу Нанды джи. И в этот миг туда пришел шри Кришначандра. Едва он, на глазах у всех, хребта ее своей ногой коснулся, как она, змеиное покинув тело, обратилась в юношу прекрасного. И юноша, свершив поклон, перед шри Кришначандрой стал, сложивши поднятые руки. Тогда шри Кришна джи спросил его: „Кто ты и за какой великий грех ты обращен в змею? Скажи мне это!" Он, опустивши голову, смиренно молвил: „О проникающий в сердца! Ты знаешь все и ведаешь причину всю перерожденья моего! Видьядхар я, по имени Сударшан. Я в Сурапуре жил, в прекрасном городе богов. Но, возгордившися своею красотою и талантами, я никого не ставил ни во что!

Однажды, сев в виман, я прогуляться вылетел. Случилось, пролетал я там, где риши Ангира[1] сидел и подвиги творил. Я пролетел над ним сто раз. Однажды он меня заметил и сказал: «Гордец! ты обратись в змею!»

Едва слова те вышли из уст его, я, обратившися в змею, упал на землю. В то время риши мне сказал: «Ты от руки шри Кришначандры джи спасение получишь!» По этой именно причине я приполз и Нанду за ногу схватил. Я жаждал, чтобы ты пришел и мне спасенье дал. Владыка милосердый! Ты явился и по милости своей, мне дал спасенье!" Сказавши так, видьядхар совершил святое обхождение вокруг шри Кришны и, получив его соизволенье, простерся перед ним, простился и, сев в виман свой, полетел он в мир богов. Увидев это чудо, все браджийцы в изумление пришли. Потом, когда зажглась заря, все вместе посетили храм богини, затем вернулися в Вриндаван".

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни молвил: „Владыка земли! Однажды лунной ночью Говинда с Халадхаром весело в лесу с пастушками своими песни распевали. В это время туда пришел слуга Куберы, якша[2] Шанкхасур. Он был могуч, и в голове его был камень драгоценный. Пришел он, смотрит: здесь играет вся толпа пастушек, а там шри Кришна с Баладевом джи поют в восторге словно опьяненные. И в голове Шанкхасура явилась прихоть:[3] согнал он браджских женщин и всех погнал перед собой. В то время все пастушки, испугавшись, закричали: «Владыка Браджа! Спаси ты нас!»

Едва из уст пастушек такие вопли вышли, услышав их, шри Кришна с Баларамом, братья, вырвали деревья с корнем, схватили их и бросились туда: так лев бросается на опьяненного слона! И, прибежав туда, сказали так пастушкам: «Не бойтесь ничего! мы здесь!» Увидев их, подобных смерти, якша, испугавшись, покинул всех пастушек и бросился бежать, спасая

---

[1] В ведийских гимнах Амбика — сестра Рудры (Шивы), но впоследствии она была отожествлена с Парвати, супругой Шивы.

[1] Один из семи великих риши (ऋषि) и один из десяти Праджапати, т. е. прародителей человечества. В Риг-веде Ангире приписывается много гимнов. По некоторым легендам, Ангира родился из уст Брахмы.

[2] Легендарные божественные существа, служители Куберы, бога богатства. Якши считаются хранителями его сокровищ.

[3] Якши вообще не считаются существами зловредными; они часто изображаются легкомысленными.

жизнь свою. Тогда-то Нанда Лал, оставив близ пастушек Баларама джи, сам побежал за Шанкхасуром, схватил его за гриву, на землю швырнул, и, размахнувшись, голову ему отсек и вынул камень драгоценный из головы его; потом, вернувшися обратно, отдал камень Балараму джи".

Так гласит глава тридцать пятая „Освобождение Видьядхара. Умерщвление Шанкхасур" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 36

Шри Кришна пасет в лесу коров. Пастушки являются к Яшоде и поют, прославляя шри Кришну.

Шри Шукадева муни сказал: „Царь! Пока в лесу коров пас Хари, все молодицы Браджа пришли к супруге Нанды, сели и стали господу петь славу. Все чудеса, которые в лесу творил шри Кришна, пастушки, сидя дома, воспевали.

«Звучит, подружка, слушай, звонкая свирель!
Покой несет зверям, всем птицам, эта трель!
Застыв в виманах, боги, всех богов супруги
Исполнены восторга, слыша эти звуки.
И падают браслеты, кольца с нежных рук;
Душою все близ Хари; тяжких полны мук».
Тогда одна браджанка громко говорит:
«Вот тучка утомилась, больше не гремит!»
Поет в восторге Хари, пляшет он кружась,
И пляшут брови, руки, щеки напружась!
Свирель услышав, с милым вдруг застыла лань,
Коров всех на Ямуне Кришна джи собрал.
В восторге облака все тень бросают там,
Как будто опахала держат все в руках.
То в заросли густые Хари убежит,
То снова под большую пальму уж спешит.
Коровье стадо стало бегать вслед за ним,
Он всех собрал, водою всех их напоил.
Настал и вечер. Хари повернул домой,
Мычат коровы звонко, как свирель порой".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Так каждый день пастушки воспевали Хари. Когда же приближался вечер, они навстречу выходили и, встретивши шри Кришну, корень радости, вкушали радость и возвращалися домой. Тогда Яшода

рани с любовью вытирала сыну личико, покрытое густою пылью и, прижимая к сердцу, испытывала радость".

Так гласит глава тридцать шестая „Песни пастушек" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 37

Умерщвление Вришабхасура [1]

Шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Однажды вечером шри Кришна с Баларамом с коровами из лесу шли домой. И в это время появился вдруг огромнейший асур: он смешался со стадом.

До неба он вздымает в высь громаду тела,
Хребет могучий твердым, словно камень сделал.
Огромные прямые острые рога,
И кровью налитые в ярости глаза.
Подняв свой хвост, средь стада бегает, ревет,
И с ревом извергает бык мочу, навоз.
Вздымая гордо плечи, он прядет ушами.
Покинувши виманы, боги убежали.
Копытами изрыл он берег весь реки.
Хребтом вздымает горы, словно стебельки!
В тот час живых всех тварей объял страшный страх,
Трепещут стражи мира, в страхе стражи стран!
Земля заколебалась, Шеша задрожал,
У жен и у коров всех чрева плод пропал!

Увидевши его, рассыпались повсюду все коровы, и все браджийцы бросились туда, где сзади всех шли Кришна с Баларамом. Им поклонившися, они сказали: «Махарадж! Там впереди стоит огромный бык, спаси нас от него!» Услышав их слова, шри Кришначандра, проникающий в сердца, сказал: «Не бойтесь ничего! То подлый ракшас, приняв вид быка, пришел сюда; от нас своей он ищет смерти!» Сказав так, он пошел вперед и, увидав его, сказал Банвари: [2] «Ну, подходи ко мне, эй, перерядженный! Зачем тебе пугать кого другого? Что ж прямо не идешь ко мне? Кого зовут — „Противник Льва", тот не бросается на лань! Смотри, вот — я, Говинда, смерть твоя! Таких, как ты, немало я убил и уничтожил!»

[1] Т. е. асур в образе быка.

[2] Одно из имен Кришны.

Сказавши так, рукою об руку ударил и воскликнул: «Иди, вступай со мною в бой!» Услышав это, асур с такою яростью вдруг налетел, как падает с небес перун владыки Индры. И всякий раз, как Хари джи его назад отбросит, он всякий раз оправится и вновь он наступает. Когда же Хари раз швывнул его на землю, то, разъярившись, он встал и вдруг зажал между обоими рогами Хари. Тогда шри Кришна джи освободился вмиг и, вдруг зажав ногою ногу, схватил асура за рога и так его скрутил, как выжимают мокрую одежду. Тогда он повалился и упал и испустил свой дух. В тот час все божества, в свои виманы сев, в восторге пролили цветочный дождь; пастушки же и пастухи воспели славу Кришне! Шри Радхика тогда приблизилася к Хари и сказала: «Махарадж! Убив асура в образе быка, ты запятнал себя грехом. Поэтому теперь иди и омовенье соверши в священном месте; тогда лишь сможешь прикоснуться ты к другим!» Услышав это, господь сказал: «Я призову сюда, в Брадж, все священные места!» Сказав так, он отправился к Говардхану и повелел там вырыть два глубокие пруда. И все священные места, телесный образ приняв, пришли туда и, называя имена свои, наполнили своей водой пруды и удалились. Тогда шри Кришначандра искупался в них и, выйдя, роздал множество коров и, напитавши многих брахманов, стал чистым от греха!

С того-то дня прославились пруды те: пруд Кришны — Кришнакунд, пруд Радхи — Радхакунд".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Однажды Нарада джи муни Кансу посетил. Когда он для того, чтоб увеличить ярость Кансы, открыл ему всю тайну рожденья Баларама и рожденья Шьямы, сказал ему о появлении майи и спасении Кришны, тогда в великом гневе Канса молвил: «О Нарада джи! Ты правду говоришь!

Сначала он пришел ведь, сына мне отдал,
Доверье укрепив тем к близким и родным.
Когда ж обман задумал, что-то показал,
Похитил все мое, он сам живым бежал!»

Сказав так, Васудева джи призвал он, схватил его и заключил в оковы. Потом, держа в руке свой меч, он в бешенстве сказал:

«Обманщик злой! Теперь ты в руки мне попался!
Личиною святого ты здесь прикрывался!
Меж тем взял сына Кришну, к Нанде отослал,
А мне принес богиню, подлый, показал!
В душе одно, другое на устах твоих,
Теперь убью на месте, на глазах своих!
Я мнил тебя слугою, другом и родным,
Ты оказался подлым недругом моим.
На языке-то мед, вишь, в сердце страшный яд!
Тебе обман и подлость жизнь могли спасти;

Предательства, обмана полон гнусный взгляд!
И прета, демон страшный, лучше уж чем ты!»"

Прервав бессмысленную эту речь, вновь Канса обратился к Нараде джи и сказал: „Махарадж! Не разгадал я тайны, которая была на сердце у него! Родился мальчик, он девочку принес и показал. Другого же назвал он недоноском, меж тем его он в Гокуль перенес!" Когда, промолвив это, он, кусая губы, поднял меч, чтоб Васудева поразить, то муни Нарада джи, руку удержав его, сказал: „О царь! Сегодня пощади ты Васудева и сделай так, чтоб Кришна с Баларамом джи пришли сюда!" Когда, уговорив так Кансу, муни Нарада оттуда удалился, то Канса заключил в каморку Васудева с Деваки, а сам, объятый страхом, Кеши [1] ракшаса призвал и так сказал:

„Могуч ты, Кеши славный, мой товарищ, друг!
Сомкнулся на тебе лишь чаяний всех круг!
Немедля собирайся, друг, несися в Брадж,
Убей мне Раму, Кришну, смерти их предай!",

Услышав эти слова, Кеши, получив приказ, простился, простерся перед ним, потом отправился в Вриндаван. А Канса между тем велел созвать советников своих: Шала, Тошала, Чанура, Ариштy, Вьомасура и всех других. Они явились. Он объяснил им все, затем сказал: „Мой недруг близко тут живет! Подумайте, раскиньте вы умом и вырвите стрелу, пронзившую мне сердце!" Советники сказали: „Владыка земли! Велик ты и могуч, кого тебе бояться? Ну, велико ли дело нам убить каких-то Раму с Кришной! Ты не тревожься ни о чем! Уж мы придумаем такой совет, чтоб силою иль хитростью их заманить сюда. Сначала ты вели устроить здесь, как надлежит, прекрасную арену, чтоб, услыхав о красоте ее, сюда бы устремился посмотреть ее весь люд из сел и городов. Затем вели ты совершить здесь жертву Махадеву. Для жертвы той потребуешь от подданных козлов и буйволов.

Услышав эти вести, браджийцы все с дарами явятся сюда, а с ними вместе придут и Рама с Кришной. Тогда какой-нибудь твой богатырь их поразит; не то другой какой силач убьет их у ворот". Услышав это,

Обдумав это все, царь Канса так сказал:
„Прекраснейший совет ты мне здесь преподал!"
Потом богатыря он в терем пригласил,
Его с почетом принял, бетель предложил.

Потом пришел он на совет и так сказал своим старейшим ракшасам: „Когда сюда племянники мои прибудут — Рама с Кришной, пусть кто-нибудь из вас убьет их, чтоб из души моей ушла забота!" Так объяснив им все, потом призвал махавта [2] и сказал: „Твой слон могучий самый

[1] „Гривастый", — демон в виде коня с роскошной гривой.

[2] Вожак слона.

дикий. Ты станешь с ним у городских ворот. Когда они вдвоем прибудут и станут в ворота входить, то ты их растопчи слоном. Смотри ж, чтобы им не удалось бежать. И коль убьешь ты их обоих, тогда, что бы ты ни стал просить, получишь все!“ Так рассказав все, объяснив и дав всем указанья, Канса в темной половине картика, в четырнадцатый день, устроил жертвоприношенье Шиве, а вечером призвал к себе Акрура[1] и, милостиво встретив, во дворец его повел; там посадил его он на престоле львином близ себя, взял руку и с великой лаской ему сказал: „В роду у ядавов ты самый мудрый, стойкий и благочестивый! За это знают все тебя и чтут. И не найдется никого, кто б не был счастлив увидать тебя! А посему ты сослужи мне службу так, как некогда владыке Индре послужил премудрый Ваман:[2] пошел и хитростью отнял у Бали царство все, а самого царя-то Бали в ад послал! Немедля отправляйся ты в Вриндаван; как только можешь, силою иль хитростью, доставь сюда обоих сыновей злой Деваки. Ведь сказано: «Великие на благо ближним приемлют на себя труды!» В сем изреченье говорится также о тебе. Весь стыд за это дело падет на одного меня. Зачем я буду дальше говорить? Как только можешь, приведи их, а здесь уж без труда расправимся мы с ними! Тут либо Чанур их убьет, иль слон Кубалья схватит, разорвет, не то я сам его убью, все дело сделаю своими же руками. С обоими покончивши, прикончу Уграсену за то, что он великий двоерушник, моей он жаждет смерти. А Девака, отца злой Деваки, я на огне сожгу и утоплю в воде! Прикончу вместе с ним и Васудева и с корнем вырву ересь Хари! Тогда я безмятежно буду править царством! Вступлю в союз тогда я с Джарасандхом; он мой великий друг, от страха перед ним дрожат все девять стран вселенной! Ему ведь служат Нараксур,[3] Банасур[4] и ракшасы другие, великие, могучие! Иди и приведи мне Раму с Кришной!“

Сказав такие речи, Канса вновь стал объяснять Акруру все: „В Вриндаван отправляйся и скажи так Нанде: „Готовится жертвоприношенье Шиве в столице и состязания в стрельбе из лука и будет много разных игр и состязаний!“ Услышав это, Нанда, Упананда и пастухи все явятся сюда с дарами, козлов и буйволов пригонят. А вместе с ними посмотреть придут и Кришна с Баладевом. Вот я тебе здесь средство указал завлечь сюда их всех. А дальше — ты человек высокой мудрости! Какие сам придумаешь уловки, так поступай и действуй. Зачем я буду дальше вразумлять тебя? Ведь сказано:

„Послы различные бывают;
Их сила, ум проявятся в делах,

[1] Один из Ядавов, дядя Кришны.

[2] Буквально „пигмей, карлик“. Вишну, воплотившийся в виде пигмея.

[3] Т. е. асур Нарак или Бхувасур, сын земли. Его история будет рассказана в дальнейшем повествовании „Прем Сагара“.

[4] Т. е. асур Бана, дайтья (титан), сын Бали, который получил от Шивы тысячу рук. Его история рассказана в 63 главе „Прем Сагара“.

Отважно дело выполняют,
За это их доверием дарят“.

Услышав это все, Акрур сначала подумал так в своей душе: „Коль я теперь что-либо доброе скажу ему, он не послушает меня! Поэтому-то лучше сделать так: теперь скажу ему лишь то, что будет для него приятно и угодно. В другом ведь месте сказано еще: «Всегда ты должен говорить лишь то, что собеседнику приятно!» Подумав так, Акрур, сложивши поднятые руки и голову склонив, сказал: „Махарадж! Ты дал прекраснейший совет! С великою готовностью я выслушал его и принял к руководству. Грядущее не в нашей власти. Немало разных планов строит человек, гоняется за ними, но получает только то, что кармою назначено ему. Одно предполагают, осуществляется другое... Не исполняется ничье сердечное желанье. Связав грядущее, ты это все задумал, но неизвестно, как оно осуществится. Я соглашаюся со всем, что ты сказал, и завтра на заре отправлюся и приведу с собою Раму с Кришной!“ Сказавши так, Акрур простился с Кансой и к себе домой вернулся“.

Так гласит глава тридцать седьмая, „Беседа Кансы с Нарадой“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ॐ

ГЛАВА 38

Шри Кришна умерщвляет демона Кеши

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Теперь я поведу рассказ о том, как шри Кришначандра Кеши демона убил и муни Нарада вознес ему хвалу, затем как Хари погубил Вьомасура.[1] Ты прилагай вниманье и повесть слушай о всех сих чудесах.

Однажды на заре пришел в Бриндабан демон Кеши, принявши вид высокого ужасного коня. От ярости великой кровью налились его глаза, он поднял хвост и гриву и стал копытами своими землю рыть и с громким ржанием, вздымая плечи, всех лягать; увидевши его, все пастухи пришли в великий страх и, прибежав к шри Кришне, рассказали. Он выслушал их и отправился туда, где Кеши бегал. Увидев Кеши, шри Кришначандра подтянул свой пояс для борьбы, рукою об руку ударил и, прогремев как лев, сказал: «Эй ты... Коль ты, большой любимец Кансы, пришел сюда и принял вид коня, то что ж ты за другими бегаешь! Иди сюда, вступай со мною в бой, я посмотреть хочу, какая сила у тебя! Да долго ли еще носиться будешь, как моль вокруг светильника? Знай, смерть твоя близка!» Услышав это, Кеши в ярости сказал себе в душе: «Сегодня я померяюсь с ним силой! Схвачу его и разжую как стебель сахарного тростника! Я выполню то дело, что Канса поручил мне».

Сказавши так, с раскрытой пастью он понесся так, как будто захотел сожрать весь мир. Когда он в первый раз приблизился и на шри Кришначандру пасть свою направил, шри Кришна вдруг толкнул его и осадил назад. Когда же он, оправившися от удара, в другой раз снова бросился с раскрытой пастью, тогда шри Кришна джи своей рукою в пасть ему залез, и сделав руку крепкой и могучей, как железная дубина, так вытянул ее, что преградил все десять выходов из тела! Тогда-то Кеши в ужасе сказал себе в душе: «Все тело разрывается! И как случилось это, что сам я взял в рот смерть свою? Как рыба проглотит крючок и погибает, так и я: сам погубил свою я жизнь!»“

[1] Т. е. асур Вьома, слуга Кансы; он был убит Кришной.

Сказавши так, он прилагал огромные усилья, чтоб руку удалить, однако же ему ничто не помогло. И, наконец, дыхание его остановилось, живот огромный лопнул, и он упал и распростерся. Тогда из тела Кеши кровь текла рекой. В то время прибежали дети пастухов и стали на него смотреть. Меж тем шри Кришначандра джи пошел вперед и встал в тени кадамба.

И в это время к нему приблизился шри муни Нарада джи с лютнею в руке. Приветствовав его, он стал пред ним, под звуки лютни звонкой он, воспев все прошлые и будущие чудеса и подвиги шри Кришначандры, молвил: „Владыка милосердый! Пределов нет для дивных подвигов твоих! И кто способен рассказать о чудесах твоих? Но я, по милости твоей, я знаю только то, что ты, чтоб верным счастье дать, чтоб защитить всех добрых, чтоб погубить асуров злых, приемлешь воплощенья многократно и являешься в сем мире, чтоб бремя снять с земли!“ И выслушав такую речь, господь простился с муни Нарадой; а Нарада, простершись перед ним, оттуда удалился. А он, собрав всех пастухов, друзей своих, уселся под смоковницей и стал играть в царя: того назначил он советником, другого главным, а третьего военачальником, а сам он сделался царем. Потом все занялись игрою в жмурки“.

Сказанье это рассказав, шри Шукадева джи молвил: „Владыка земли!

Когда убит был Кришной мощный демон Кеши,
Когда услышал Канса страшную ту весть,
Повел тогда такие к Вьомасуру речи,
От внутреннего страха сам дрожит он весь:
«Вьомасур мой могучий, ты — гроза врагов!
Гремит весь мир твоею славою благой.
Как дивный ветра сын был вестником у Рамы,
Так ты, Вьомасур, ты — мой верный вестник Ямы.
Не медля понеси смерть сыну Васудева,
Сегодня для меня ты сделай это дело!»“

Услышав это, Вьомасур, сложивши поднятые руки, молвил: „Махарадж! Все, что посильно мне, я сделаю сегодня, вся жизнь моя тебе принадлежит. Лишь те, кто жизнию своею дорожат, лишь те стыдятся за господина жизнь свою отдать. Но для слуги иль для жены лишь в том и слава и закон, чтоб жизнь свою отдать за господина!“ Сказавши так, Вьомасур принял бетель в знак согласия бороться с Кришною и с Баларамом, и, поклонившись Кансе, он отправился в Вриндаван. Когда он вышел на дорогу, он принял облик пастуха. Шел-шел он, наконец, пришел туда, где Хари забавлялся, играя в жмурки с пастухами. Когда, придя туда, сложивши поднятые руки, он издали сказал шри Кришначандре: „Махарадж! Позволь и мне здесь с вами поиграть!“ то Хари, подозвав его к себе, сказал: „Оставь свое смущенье, играй здесь с нами в ту игру, в какую сам ты хочешь!“ Услышав это, он, обрадовавшись, молвил: „Есть

славная игра — волк и ягненок!" Шри Кришначандра улыбнулся и сказал: „Прекрасно! Ты будешь волком, а пастухами и ягнятами все будут". Услышав это, Вьомасур от радости расцвел. И вот все пастухи тут обратились в ягнят и начали игру. Тогда асур по одному брал пастухов, садил их в горную пещеру, а выход из нее огромною скалою закрывал и возвращался. Когда он засадил туда всех пастухов, а здесь остался лишь один шри Кришна, тогда он грозно закричал: „Сегодня сослужу я службу Кансе, всех ядавов я истреблю!" Сказавши так, асур оставил облик пастуха и в волка подлинного обратился. Когда он бросился на Хари, то Хари вдруг схватил его за горло и, так ударив кулаком, швырнул, как при свершеньи жертвы жрец козленка убивает".

Так гласит глава тридцать восьмая, „Умерщвление Вьомасура" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 39

Акрур прибывает во Вриндаван

Шри Шукадева муни молвил: „Махарадж! В двенадцатый день темной половины картика убит был Кеши и Вьомасур. В тринадцатый же день, едва зажглась заря, Акрур явился к Кансе, простился с ним и, сев на колесницу, отправился в Вриндаван с такими мыслями в душе: «Какие подвиги, молитвы, жертвы, дары, паломничества иль обеты совершил я? За что я получу такую дивную награду! Ведь сколько знаю я, во всем рожденьи этом я никогда не произнес и имени-то Хари! Я жил всегда в общеньи с Кансой. Как мне постигнуть тайну столь высокой чести? Должно быть, я в своем рожденье прежнем свершил великое святое дело и силой святости его я удостоился такой награды, что Канса вдруг послал меня, чтоб я привел к нему шри Кришначандру, корень радости и счастья! Теперь отправлюсь я, сподоблюсь лицезреть его и получу награду за свое рожденье!

Сложив смиренно руки, я к ногам паду,
Взложу пыль ног священных скоро на главу!
От всех грехов очистят всех нас эти ноги,
Ногам тем Брахма служит, с ним другие боги!
Плясали эти ноги в дивном хороводе!
С коровьими стадами ноги эти ходят:
Была от дивной пыли радость для Ахальи,[1]
Из ног священных вышла вся святая Ганга.[2]

---

[1] Супруга легендарного риши Гаутамы. Согласно Рамаяне, Ахалья была первой женщиной, которую создал Брахма. Индра, приняв образ Гаутамы, соблазнил ее. За ее легкомыслие Гаутама проклял ее и лишил счастья быть самой прекрасной из женщин. В течение многих тысяч лет она переносила тяжкие страдания, и только Рама вернул ей ее прежний вид и примирил с супругом.

[2] Согласно пуранам, река Ганга является дочерью Хималаев, внучкой легендарной горы Сумеру. По другим легендам пуран, которые в данном контексте имеются в виду, Ганга вышла из большого пальца ноги Вишну и первоначально текла только на небесах. Когда риши Капила превратил в пепел шестьдесят тысяч сыновей царя Сагара, то для их спасения риши Бхагиратх спустил Гангу с небес на землю. Ганга была разгневана и падала

Они, осилив Бали, Индре послужили:
Те ноги удостоюсь скоро я увидеть!
И добрый знак в пути мне бодрость придает:
Вон справа пробежало стадо антилоп!»

Махарадж! Подумав так, Акрур сказал себе в душе: „Но как бы он не счел меня посланцем Кансы!“ Потом помыслил он: „Ведь тот, чье имя «Проникающий в сердца», всегда поймет сердечную любовь! Он узнает своих друзей, своих врагов и никогда меня врагом он не сочтет. Напротив, увидав меня, прижмет меня к груди своей он крепко, на голову мою возложит руки, нежные как лотос! Тогда я радость дам чакорам глаз своих, без устали любуясь красотою лунноликого, которого всегда в глубоких мыслях созерцают Брахма, Рудра и все другие божества!“

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Меж тем как с мыслями и думами такими Акрур, пустив своих коней, от Кансы ехал, из леса вышли там с коровами своими шри Кришна, Баларам и пастухи. Их встреча состоялась у Вриндавана. Увидев издали сиянье Хари, Акрур сошел немедля с колесницы и в волнении глубоком побежал ему навстречу, припал к его ногам и погрузился весь в такой восторг, что ничего не мог сказать устами: от радости великой он только проливал потоки слез. Тогда шри Кришна джи, подняв его, с великой лаской встретил и, взявши за руку, привел к себе домой. Там Нанда рай, увидевши Акрура, просветлев, пошел к нему навстречу и принял со вниманием великим и почетом. Омыв Акруру ноги, предложил ему сиденье он.

И слуги с благовонным маслом появились,
Натерли ароматной мазью и омыли.
Яшода принесла тут стол ему, сиденье,
На том столе роскошном было угощенье.

Когда, прополоскав свой рот, он начал кушать бетель, то Нанда джи, осведомившись о здоровье, молвил: «В роду у ядавов великий старец ты! Свое достоинство всегда ты сохранял. Скажи, как ты живешь там у злодея Кансы и как живут там люди! Открой мне эту тайну!» Акрур джи сказал:

со страшной силой. Для того чтобы ослабить силу ее падения, ее воды принял на свою голову Шива. Сойдя на землю, Ганга вслед за Бхагиратхом потекла в Гангасагар, где Капила обратил в пепел сыновей Сагара. В своем беге она помешала жертвоприношению риши Джахну (जह्नु), который в гневе выпил ее и только после горячих просьб Бхагиратха позволил ей выйти из своего колена (по другим легендам — из уха). По указанным причинам Ганга носит также ряд других имен: Бхагиратхи, Джахнусута (дочь Джахну) и т. д. Согласно пуранам, Ганга течет тремя потоками, один на небесах, другой на земле и третий в подземном царстве.

«С тех пор, как в граде нашем царствовать стал Канса,
Он муками, бесчестьем там позорит нас всех.
Ты вопросил о жизни бедственного града;
Народ страдает тяжко, жизни уж не рад он!
Пока в Матхуре Канса, сей злодей, царит,
Не может наш род Яду в ней спокойно жить.
Как для скота, овец, коз страшен злой мясник,
Так для народа Канса; люд главой поник!»“

Сказавши так, он прибавил: „Вы знаете нрав Кансы! К чему мне больше говорить?“

Так гласит глава тридцать девятая „Хождение Акрура в Вриндаван“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 40

После беседы с Нандой Акрур беседует с Кришной и Баларамом

Шри Шукадева джи сказал: „Владыка земли! Когда окончилась беседа с Нандой джи, тогда шри Кришна с Баларамом, знаками Акрура подозвав, уединились с ним.

Почтив его, спросили в тайне о делах:
«Скажи нам, дядя, как там жизнь течет у вас,
Здорова ль Деваки мать, здрав ли Васудев,
И Канса, давний враг наш, все ль еще у дел?
Наш дядя Канса страшный грешник и наглец!
Весь Яду род, злодей, он губит ведь в конец!

То пагуба великая родилася в роду у Яду. Она замучила всех ядавов. Сказать тебе по правде, то Деваки и Васудев страдают так все из-за нас! Ведь если бы они нас не скрывали, то им бы не пришлось страдать так тяжко!» Промолвив это, Кришна снова молвил:

«Сказали ль что родные, как ты уезжал?
Должник я неоплатный, раб их навсегда!
Они о нас, должно быть, память сохраняют,
Живут в нужде и тяжко ради нас страдают!»“

Услышав это, Акрур джи молвил: „Владыка милосердый! Ты знаешь все! Что я могу сказать? Жестокость обуяла Кансу; в нем нет приязни ни к кому! Он беспрестанно думает о том, чтоб Васудева с Уграсеной погубить. До сей поры, однако, волею судьбы, они остались невредимы. Но с той поры, как муни Нарада к нему явился и все подробно рассказал о том, как ты родился и живешь, он заключил в оковы, в цепи Васудева джи и держит в тяжкой муке. А завтра состоится у него в Матхуре жертвоприношенье Махадеву и состязанье по стрельбе из лука. Все соберутся посмотреть. Меня прислал он вас позвать и так сказал: «Ты отправляйся и возвращайся с Рамой, с Кришной, вели приехать Нанда раю с дарами

для великой жертвы. И вот я прибыл вас забрать с собой!» Услышав это от Акрура, Рама с Кришною явились к Нанда раю и сказали:

«Послушай, батя, Канса всех зовет ведь нас!
Акрур привез от Кансы нам такой приказ.
Козла с собой бери ты, буйвола, ягнят,
Для жертвы лука все нам, все везти велят!
Мы выедем все вместе с этим всем добром,
Приказывает царь нам, все к нему пойдем!»

Когда шри Кришначандра джи так объяснил и рассказал все Нанде джи, то Нанда рай без промедления позвал глашатая и повелел ему под звуки барабана обойти весь город и всюду объявить, что завтра на заре всем вместе надлежит отправиться в Матхуру; царь приглашает всех. Услышав это, все браджийцы на заре собралися и принесли свои дары. А Нанда джи взял молока, сметаны, масла, ягнят, козлов и буйволов, велел телеги снарядить и сам последовал за ними. А Кришна с Баларамом джи с приятелями-пастухами вместе, на колесницы сели.

Шри Нанда с Упанандой едут впереди!
Говинда, Халадхара едут позади.

Шри Шукадева джи молвил: „Владыка земли! Услышав вдруг о неожиданном отъезде Кришны, все браджские пастушки юные пришли в великое волнение и страх, покинули свои дома, поспешно бросились за ними. Все причитая, сетуя и спотыкаясь в спешке и падая, все прибежали, наконец, туда, где находилась колесница Кришначандры джи. Приблизившися к колеснице, стали все вокруг нее, сложили поднятые руки и смиренно так молили: «О, на кого ты оставляешь нас, владыка Браджа? Мы для тебя пожертвовали всем. Ведь доброго любовь вовек не исчезает, как линия руки всегда и неизменно на руке, а глупого любовь непостоянна, как из песка стена! Чем провинились мы перед тобой, что ты к нам повернулся вдруг спиной?»“ Сказавши так шри Кришначандре, пастушки посмотрели на Акрура и сказали:

„Акрур жестоко, страшно всех ограбил нас,
Он не считался с нами, ввергнул нас в печаль!
Того, кто каждый миг нам здесь защитой был!
Того увез с собою, взял, о нас забыл!
Обманщиком жестоким брахман оказался.
Зачем же лицемерно Акруром назвался?
Ты не Акрур,[1] жестокий, ты без сердца, злой!
Зачем ты мучишь женщин, преданных душой?“

Такие вот жестокие слова пастушки говорили... Забыв рассудок свой и стыд, они все ухватилися за колесницу Хари и так друг другу

[1] Слово „акрур“ (अक्रूर) — имя мудреца Акрура — значит „не жестокий, милостивый“.

говорили: „Матхурские красавицы легко доступны, в любви искусны и прекрасны! Ты их полюбишь, их красоте и чарам подчинишься, и там останешься, Бихари! Тогда зачем тебе о нас и вспоминать? Как счастливы они, что будут жить с любимым! Чем провинились мы, когда творили подвиги свои, моленья? За что шри Кришначандра покидает нас?“ Так меж собою говорили все пастушки, потом вновь обратились к Хари: „Тебя зовут ведь все владыкою пастушек, Гопинатхом, так почему ж с собою не возьмешь ты нас, пастушек?

Как нам прожить одним здесь без тебя, о друг?
Едва сомкнутся веки, больно рвется грудь!
Любовью осыпал нас, что ж даришь разлуку?
В тебе нет состраданья; топишь всех нас в муке!“
Так ропщут все пастушки в страшном тяжком горе,
Печальные все тонут в море тяжкой скорби,
Не оторвут от Хари скорбных нежных глаз,
Как от луны чакора, пойманная лань!
И скорбных слез потоки льются из очей их,
Рассыпались на лицах локонов их змеи!“

Шри Шукадева муни сказал: „О царь! Я рассказал тебе, в каком пастушки были состояньи. Меж тем Яшода джи с великою любовью прижимала к сердцу сына, с глубокой нежностью, рыдая, говорила: «Сынок! На сколько дней отсюда уезжаешь, на столько дней возьми с собой съестного. Туда приедешь, никого там не люби! Скорее возвращайся, дай себя скорей увидеть матушке своей!» Услышав эти речи, сошел шри Кришна с колесницы, всех успокоил и утешил, простился с матерью, простерся перед ней, благословенье взял он от нее и снова сел на колесницу и поехал. И вот Яшода джи с пастушками осталась здесь, с рыданьями кричала в страшном горе: «Кришна! Кришна!», а там шри Кришна встал на колеснице и громко им кричал в ответ: «Да возвращайтеся домой! Не беспокойтесь ни о чем! Мы там побудем лишь четыре дня иль пять, и все домой вернемся!» Так говорил шри Кришна, и все смотрели на него. Когда же колесница вперед ушла далеко, и пыль там поднялася тучею до неба, и в ней не стало видно даже флагов колесницы, тогда в отчаяньи все вдруг лишились чувств, упали и дрожали, как рыбы, вынутые из воды. А через несколько минут пришли в себя и встали. И вот Яшода джи, вселив в сердца надежду на свиданье, своих пастушек успокоила, собрала их и возвратилась во Вриндаван. Меж тем с шри Кришначандрою все двигались вперед, приехали на берега Ямуны. Там пастухи все стали воду пить, а Хари джи поставил колесницу в тень смоковницы. Акрур, задумав искупаться, сошел здесь с колесницы. Тогда шри Кришначандра джи сказал так Нанда раю: «Вы с пастухами всеми отправляйтеся вперед. Когда же искупается наш дядюшка Акрур, то мы догоним вас!»“

Услышав это, Нанда джи со всеми пастухами двинулся вперед. Меж тем Акрур свои одежды снял, омывши руки, ноги, совершил ачман,[1] пошел по берегу и погрузился в воду. Исполнив погруженье, он пуджу совершил, исполнил возлияние, словесную и умную молитву. Когда ж опять свершил он погруженье и, открыв глаза, вдруг в воду посмотрел, то в ней пред взорами его предстал шри Кришна с колесницей.

Главу горе он поднял, снова посмотрел:
Царь Яду неподвижно с братом там сидел.
Пришел он в изумленье, в сердце размышлял:
„Шри Кришна на горе ведь, с ним и Баларам,
Под деревом далеко вон сидят вдвоем,
Его ж в воде я вижу тут перед собой!
Что вне и что во мне тут, мне не разгадать!
Какой же образ должно истинным назвать?“

Махарадж! Акрур джи видел там один и тот же образ далеко от себя и близ себя в воде и размышлял. Как вдруг шри Кришначандра джи четверорукий образ принял, в руках держал он шанкху, чакру, гаду, падму и, окруженный сурами и муни, киннарами, гандхарвами и другими верными ему, предстал в воде пред взорами Акрура. Потом предстал он в образе святого Вишну, покоящегося на змее Шеша. Увидев этот образ, Акрур джи изумился больше прежнего.

Так гласит глава сороковая „Хождение Акрура“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Прихлебывание воды из правой руки; совершается перед приемом пищи или перед совершением какого-нибудь религиозного действия.

Глава 41

Акрур возносит хвалу шри Кришне джи

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Акрур стоял в воде и долго созерцал там господа и, наконец, он осенен был знаньем. Тогда, сложивши поднятые руки, поклонившись, он сказал: «Господи! Ты тот, кто все творит и разрушает, для блага верных ты явился в мир, ты проявляешься в неисчислимых образах, а суры, нары, муни — все ничтожные твои частицы! Все из тебя выходят и погружаются в тебя опять, подобно водам, которые, из океана выйдя, вновь все вливаются в него! Твое величье несравненно. Кто может описать его? Ты существуешь вечно, чистый дух! И небеса — твоя глава, земля же — ноги, чрево — океан, а небо — небо все, все облака и тучи — волосы твои, деревья — волоски на теле, огонь — твой рот, все десять стран — то уши, луна и солнце — очи, Индра — то рука твоя, а Брахма — разум, самосознанье — Рудра, гром — то речь твоя, дыханье — ветер, вода — мужское семя, мигание ресниц твоих — то смена дня и ночи. В сем образе ты вечно пребываешь! Кто в состоянии познать тебя?»“ Произнеся такое славословье, Акрур джи, помыслив о стопах господних, молвил: „Владыка милосердый! Храни меня ты под своей защитой!“

Так гласит глава сорок первая „Славословие Акрура“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 42

Акрур является на совет Кансы

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Когда шри Кришначандра, подобно майе плясуна и лицедея, сам показал себя во множестве чудесных образов в воде, и снова отнял их, тогда Акрур джи вышел из воды на берег и поклонился Хари. А Нанда Лал тогда спросил Акрура джи: «Ах, дяденька! Зачем в холодную такую пору так долго ты сидел в воде? Мы здесь уж испугались за тебя и думали: „Что дядюшку заставило забыть, что время двигаться вперед? Уж не видал ли ты какого чуда там?“ Ты вразуми нас, расскажи, чтоб из души у нас сомнение ушло».

Акрур, услышав, поднял руки, молвил так:
«Ты знаешь все, владыка Браджа, Браджа-натх!
Ты дал мне здесь виденье дивное в воде,
Но в действиях великих Кришны чуда нет.
Теперь я верю в Кришну, верю всей душой,
Направь стопы, владыка, в Матхуру со мной!
Теперь не медли боле, господи, в пути,
Скорее отправляйся, всех спеши спасти».

Услышав это, Хари встал с земли и сел на колесницу, посадил с собой Акрура и двинулся вперед. А Нанда и другие пастухи, которые поехали вперед, подъехали меж тем к Матхуре и близ нее расположились в палатках. Потом все стали ожидать шри Кришну с Баларамом, смотрели на дорогу и в волненьи говорили так в душе: «Как можно долго так купаться? И почему до сей поры не едет Хари?» Пока они так размышляли, к ним подъехал Кришначандра, корень радости. Тогда Акрур, сложивши поднятые руки, голову склонив, смиренно молвил: «Владыка Браджа! Теперь, молю тебя, ты посети мой дом и освяти его, дай радость верным, позволь им лицезреть себя!» Услышав это слово, Хари так сказал Акруру:

«Сначала, дядя, Кансе долг свой уплати,
Потом, когда вернешься, дом свой покажи!
Когда пойдешь, от всех нас всяческий привет!»
Уехал он, склонивши голову в ответ.

Он ехал, ехал и наконец туда приехал, где Канса на собрании сидел. Акрур сошел там с колесницы. Его увидев, Канса встал со львиного престола, подошел к нему, приветствовал его с большой любовью. Потом с великим уваженьем и почетом руку взял его, подвел к престолу и посадил с собою рядом. Осведомившись о здоровьи, он сказал: «Поведай нам, о том, как съездил ты!»

Акрур, услышав это, так сказал: «О, раджа!
Словами не опишешь все величие Браджа!
Не скоро кончил я бы Нанду восхвалять!
Исполнив порученье, я с тобой опять!
Со мной явились оба: Кришна джи и Рама
И с ними все браджийцы прибыли с дарами.
Поставили шатры там близко у реки,
Сошли с телег, и станом стали пастухи».

Услышав это, Канса просветлел и молвил: «Акрур джи! Сегодня ты для нас великое исполнил дело, что Раму с Кришною привез сюда! Теперь домой ты отправляйся, отдохни!»“

Сказанье поведав это, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Услышав повеленье Кансы, Акрур отправился к себе домой и погрузился в размышленья. Меж тем туда, где Нанда с Упанандою сидели, пришли Говинда с Халадхаром и спросили: «Коль вы дадите разрешенье, то мы пойдем осмотрим город!»“ Услышав это, Нанда рай сначала вынул сладости и дал покушать им, и оба брата сели и поели. Затем он им сказал: «Добро, идите, посмотрите, но долго там не задержитесь!»“

Когда такие добрые слова сошли с уст Нанды джи, то оба брата с радостью созвали пастухов — своих друзей, и все отправилися город посмотреть. Прошли они немного, смотрят: вкруг города со всех сторон стоят сады, леса и рощи, покрытые цветами и плодами. В них на деревьях птицы сидят повсюду, и на разные лады приятно все поют. Огромные пруды наполнены кристальночистою водой, в них лотосы цветут; над лотосами теми жужжат роями пчелы; на берегу играют лебеди и журавли и разные другие птицы; прохладный, напоенный ароматом, дует легкий ветерок; повсюду у оград больших садов раскинулися заросли бетеля, а между них, на много кос пестреют гряды с разными цветами; куда ни глянь, повсюду у колодцев вращаются колеса с ведрами; садовники сады там поливают и звонко распевают песни.

Увидев эту красоту лесов и рощ, садов, в великой радости господь вошел в Матхуру с пастухами. А город-то какой! Вокруг него, со всех

сторон воздвигнуты высокие из меди башни. Он окружен широким рвом кирпичным, наполненным водой, и четверо ворот в него ведут хрустальных, в них двери из восьми металлов, окованные золотом червонным. А в городе виднеются различнейшие храмы и дворцы: зеленые и желтые, белые и красные, пяти-, шестиэтажные, высокие такие, что с облаками в небесах ведут беседы: их золотые куполы, подобно молниям, сверкают в вышине. Повсюду развеваются знамена, флаги. Из всех ажурных окон и окошек клубами несется аромат. У каждого двора колонна из платана, со свежими ветвями, украшенного куполом златым,: меж ними тянутся плетенья из цветов, и с них спускаются гирлянды. Повсюду из домов несется музыка. И в отдаленье от домов стоят дворцы царя, блистая золотом, сверкая камнями самоцветными: их красоту нельзя словами описать! Таков прекрасный, дивный град Матхура, и посмотреть его пошли шри Кришна, Баладев и пастухи.

По городу Матхуре вдруг пронесся слух,
Что в город прибыл Кришна, дивный Нанды сын.
Все в городе узнали, к Кришне все бегут,
О всем своем домашнем деле позабыв.
В Матхуре много женщин... Жены и девицы
Все слушают: волненье, радость на их лицах!
Друг другу говорят все, снова повторяют:
„Приехал Балабхадра,[1] брат с ними шри Мурари.
Акрур туда сегодня послан был за ним,
Идем, подружки, взглянем хоть глазком одним!“
Та от еды сбежала, та не искупалась,
Та заплетала косу, бросила, помчалась!
Любовные утехи все забыли, милых,
Накинули одежды, все уборы мигом.
Те, в чем сидели дома, выбежали девы
С одним лишь пожеланием: „Кришну посмотреть бы“.
Забыли жены скромность, женский стыд и страх,
У окон, на балконах стали на глазах!
Без устали та смотрит, стоя у ворот,
По улицам снует та, глаз не оторвет.
Куда ни глянь, повсюду женщины стоят,
Протягивают руки, всем сказать хотят:
„Тот в синем одеяньи — белый Баларам,
А в желтом одеяньи — черный Гханашьям.[2]
Племянники вот Кансы, вот вдвоем идут,
От них пока не спасся ни один асур!
О подвигах их славных раньше все слыхали,

[1] Одно из имен Баларама, брата Кришны.
[2] „Совсем черный“, одно из имен Кришны.

Теперь красой любуйтесь жадными очами!
Кто сотворил благое в прежних всех рожденьях,
Тот удостоен чуда видеть их явленье!»“

Рассказав это сказанье, шри Шукадева муни молвил: „Махарадж! На разные лады так говорили меж собою все жители Матхуры, так говорили женщины, мужчины: при виде Кришны, всех их охватил восторг. И по какой бы улице, дороге, площади ни шли шри Кришна, Баларам и их друзья, повсюду люди у своих домов стояли, их окропляли благовонным чоа[1] и сандалом и проливали в радости великой дождь цветов. А Кришна с Рамою, любуясь красою города, так говорили пастухам: «Ну, братцы! Смотрите же, не заблудитесь! Кому ж случится заблудиться, пускай тот возвращается домой к шатрам!» Когда они немного углубились в город, смотрят, что такое? В город следуют преважно прачки[2] Кансы с огромными узлами стиранного платья! Все пьяные, они идут и дружно распевают славу Кансе. При виде их, шри Кришначандра джи сказал так Баладеву джи: «Эй братец! давай у них отнимем все одежды, и сами приоденемся получше и приоденем пастухов своих, а что останется, все раздадим народу!» Сказав так брату, Хари с пастухами поближе к прачкам подошел и так сказал:

«Почище одеженку дайте пастухам,
Мы сходим во дворец в ней, все вернем мы вам!
А если царь одежей нас всех наградит,
То от щедрот царевых вам мы уделим!»

Услышав речь такую Кришны, главный из тех прачек засмеялся и сказал:

«Повремените, дайте дома разложить!
К дворцу идите, только нужно поспешить!
Коров пасли, шатались вы по всем лесам.
Ахир! Да ты попоной тело прикрывал!
Пришел, вишь, нарядился, словно как фигляр,
Надеть наряд вдруг царский парень пожелал!
Собрался все вместе прут к царю толпой,
В надежде: наградит он щедрою рукой!
И так едва влачат, вишь, жалкую-то жизнь,
Теперь хотят, чтоб царь их смертью поразил».

Услышав эти издевательства от прачки, Хари снова, улыбнувшись, молвил: «Мы так, по простоте своей, к вам с просьбой обращаемся.

---

[1] Ароматная жидкость, получаемая из сандалового дерева и различных цветов.

[2] Стиркой белья в Индии занимаются мужчины. Этой работой занимается особая каста — прачек-дхоби.

Зачем ты извращаешь нашу просьбу? Ведь если дашь нам платье, сам ничем не пострадаешь, заслужишь только похвалу!» Услышав эту речь, стиральщик в гневе молвил: «С твоей ли рожей надевать наряды царские! Скорее прочь с моей дороги, не то сейчас убью!» Услышав этот окрик, шри Кришначандра в гневе размахнулся и так ударил кулаком, что прачки голова как колос кукурузы отлетела. Тогда его товарищи и слуги все узлы и свертки бросили и разбежались все до одного, спасая жизнь свою. Все к Кансе прибежали и стали все вопить. А здесь шри Кришна джи, собрав одежды, сам оделся, велел одеться брату, одел всех пастухов своих, а что осталось, бросил все на разграбленье! Тогда все пастухи на радостях надели, как умели, те одежды.

Все на ноги надели живо пояски,
А на руки надели кое-как портки.
Не могут разобраться в платье городском!
В душе хохочет Кришна: «Это нелегко!»

Когда они проследовали дальше, к шри Кришне подошел портной, простерся перед ним и, вставши, сложивши поднятые руки, молвил: «Махарадж! По положенью своему я называюся слугою Кансы, но сердцем же всегда я воспеваю доблести твои! Ты сделай милость, прикажи, и я надену на тебя одежды, и за это твоим рабом я буду называться».

Когда из уст его слова такие вышли, шри Кришначандра, проникающий в сердца, признав его своим слугою, призвал его к себе и так сказал: «Ты в добрый час явился! Одень нас хорошенько!» Тогда он мигом расстегнул и снял одежды, где следовало врезал, где следует подшил, как следует пригнал и, выбрав нужные одежды, одел сначала Раму с Кришной, затем всех пастухов. Тогда шри Кришна веру даровал ему, с собою взял, и все пошли вперед.

Тогда садовник царский именем Судам
Почтил шри Кришначандру, всех в свой дом позвал,
Украсил всех венками пышными гостей,
И был в том доме праздник, радость для друзей!“

Так гласит глава сорок вторая „Вступление в Матхуру“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 43

Шри Кришна исцеляет Кубджу[1] *и ломает лук Шивы*

Шри Шукадева джи сказал: „Владыка земли! Увидев ревность веры этого садовника, шри Кришначандра просветлел и даровал ему святую веры благодать. Когда оттуда далее пошли, шри Кришначандра видит: прямо перед ним на улице стоит горбунья и держит у себя в руках поднос, а на подносе чашечки с шафраном и сандалом. И Хари вопросил ее: «Кто ты? Куда ты это все несешь!» Она ответила: «О милосердый к бедным! Раба я Кансы, и Кубджою зовут меня. Всегда сандалом натираю Кансу, в душе же воспеваю добродетели твои! За это удостоилась сегодня я узреть тебя, и этим осветилася вся жизнь моя, глаза мои достойную награду получили. И у рабыни этой лишь одно желание теперь осталось, и если мне господь велит, я поднесу ему сандал руками этими своими».

Увидев у нее святую ревность веры, Хари молвил: «Коль в этом ты находишь радость, то натри». Услышав это слово, Кубджа с великою любовью приложила все старанья! Когда она сандалом умастила тут шри Кришну джи и Баларама, тогда шри Кришна, увидав ее душевную любовь, ей милость оказал свою: ей на ноги своей ногою наступил, а пальцами двумя за подбородок взял и, подняв руку, выпрямил ее. Едва коснулася ее десница Хари, как она вдруг обратилася в чудесную красавицу. Тогда с великою любовью она сказала Хари: «Владыка милосердый! Ты даровал своей рабыне милость, ты выпрямил горбунье тело! Теперь, будь милосерд, приди в мой дом и освяти его, в нем отдохни и дай своей рабыне радость!» Услышав это, Хари руку взял ее и, улыбнувшись, так сказал:

«Ты нашу всю усталость, Кубджа, отогнала,
Пришла и умастила тело нам сандалом.
Когда прекрасно тело, сердце тож прекрасно,
Любовь ведь обитает только в сердце ясном,

[1] Буквально „горбунья“ — имя массажистки царя Кансы, впоследствии поклонницы Кришны.

Когда убью я Кансу, я приду в твой дом!»
Так молвив, шри Мурари шел своим путем.

А Кубджа возвратилася к себе домой. Посыпав перед домом у себя сандалом и шафраном и полная надежды на свиданье с Хари, устроила великий праздник.

Все женщины Матхуры, все туда спешат,
Все, видя Кубджу, смотрят, все ей говорят:
«Как счастлива, о Кубджа, вся твоя судьба,
Тебе великий Брахма счастье даровал!
Ты некогда суровый подвиг совершила,
За то от Гопинатха милость получила.
А мы все недостойны Хари увидать!
Явился ей Мурари, нежно приласкал».
Так говорят все жены, девы меж собой.
Мурари по Матхуре шествует с толпой.

И вот, осматривая город, господь со всеми пастухами прибыл к Дханушпауру, к воротам лука. Когда привратники увидели, что он идет с толпой, влюбленною в него, как будто опьяненный, они сказали гневно: «Эй, деревенщина! куда вы прете? Держись подальше, это царские ворота!» Услышав окрики привратников и притворившись, будто их не слышит, шри Кришна с пастухами медленно прошел воротами, пришел туда, где был положен лук огромный Махадева: длиною он равнялся трем огромным пальмам. Приблизившись к нему, он поднял лук свободно, без труда, и так вдруг натянул его, что без труда сломал, как слон ломает стебли сахарного тростника.

Тогда вся стража, поставленная Кансою у лука, набросилась на Кришну. Но господь побил и их. Тогда все горожане, увидев это чудо, подумав обо всем, от страха отрешились и стали говорить друг другу так: «Смотрите! Царь был дома и смерть к себе призвал домой. Теперь уж не спастись ему от рук суровых этих братьев». Когда был сломан лук, раздался страшный шум. Услышав гул ужасный, Канса испугался и спросил своих людей: «Откуда взялся этот страшный шум?» Тогда те слуги царские, которые стояли в отдаленье и смотрели, простоволосыми явились к Кансе, закричали: «Спаси нас, Махарадж!... явились в город Рама с Кришной и подняли великое смятенье! Лук Шивы сломан, вся стража перебита!»

Услышав это, Канса, призвавши множество воителей, сказал: «Немедля отправляйтесь с ними и силою иль хитростью убейте Кришну с Баладевом!» Едва сошел такой приказ с уст Кансы, они собрали все свое оружие, и все отправились туда, где были оба брата. Как только воины их вызвали на бой, шри Кришна подошел и перебил их всех. Когда увидел Хари, что из всех слуг Кансы никого в живых уж не осталось, тогда сказал он Балараму джи: «Братец, уж много времени прошло с тех пор,

как мы сюда пришли, давай-ка, повернем к шатрам. Отец наш Нанда ждет нас, должно быть, беспокоится». Сказавши так, господь созвал всех пастухов и с Баларамом джи пришел туда, где все расположились в шатрах. Вернувшись к Нанде джи, шри Кришна так сказал: «Отец! Мы все по городу бродили и видели там множество диковинок!» и пастухам всем показали свои роскошные одежды.

Увидел это Нанда, молвил так с укором:
«Ах, Канха, не унял ты даже тут свой норов!
Ведь не деревня наша, здесь не бражский лес:
Сынок, столица Кансы государя здесь!
Не смей, сынок, здесь больше ссоры затевать,
И мой урок запомни, милый, навсегда!»

Когда окончил Нанда рай джи наставления свои, то Нанда Лал с великой ласкою сказал ему: «Отец! Проголодался я, дай мне полакомиться тем, что матушка с собою, нам дала!» Услышав это, Нанда вынул все съестное, что привез с собою и дал ему. Шри Кришна с Баларамом взяли и скушали все с пастухами вместе»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева муни молвил: „Махарадж! Итак, придя к шатрам и с наслаждением покушав, все уснули. А Канса, между тем, услышав о делах шри Кришны, впал в страшное душевное волнение: стоял ли он, сидел,— не мог найти покоя. Он в глубине души своей жестоко тосковал и все ж не мог ни с кем своей печалью поделиться. Ведь сказано:

„Когда червь точит древо, сердце пожирает,
То дерева страданий мы не замечаем.
Когда запала в душу тяжкая кручина,
Слабеет ум и тело, тает наша сила".

В великом безпокойстве, наконец, пошел он во дворец и там на ложе лег. Однако же от страха уснуть не мог он.

Все три ночные стражи он не мог уснуть...
На миг один лишь веки сон ему сомкнул,
Тогда увидел Канса странный, страшный сон:
Без головы живая тень к нему идет,
Купается тот призрак голый весь в песке,
То едет на осле он, яд пьет вдруг в тоске!
На кладбище поедет, ездит средь бхутов!
То из цветов кровавых вдруг венок сплетет!
То видит он — деревья в пламени стоят,
На них юнцы и девы в муке все вопят.

Махарадж! Когда увидел Канса этот страшный сон, он в ужасе проснулся, и, погрузившись в размышленья, он встал и из своей опочивальни вышел, призвал к себе своих советников и так сказал: «Немедля отправляйтесь, велите подмести арену и полить ее, как надлежит, украсить. Затем вы позовите Нанду с Упанандой, всех браджийцев и усадите на арене всех ядавов: Васудева и других. Потом вы пригласите также всех царей различных стран, что прибыли на торжество. Тогда и я прибуду». Советники все, выслушав приказ, отправилися на арену, велели подмести ее, полить, из шелка желтого велели балдахин поставить, развесить флаги, стяги и знамена, гирлянды и венки, велели музыке играть и всем послали приглашенья. Все прибыли, расположились на местах. Тогда исполненный великой гордости царь Канса прибыл, сел на троне. В то время божества в свои виманы сели и стали в радости с небес смотреть".

Так гласит глава сорок третья „Сон Кансы" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 44

Шри Кришна убивает слона Кувалью

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Когда настало утро, Нанда с Упанандой и все старейшие из пастухов отправилися на собранье на арену. Тогда шри Кришначандра Баладеву джи сказал: «Братец! Все пастухи ушли вперед. Теперь не время мешкать, скорее соберем друзей своих, детей пастушьих, пойдем смотреть борьбу!» Услышав это, Баларам без промедленья встал и так сказал друзьям, всем пастухам: «Эй, братцы! Пойдем посмотрим, что делается на арене там». Услышав это, все не медля подошли к нему. И вот шри Кришначандра с Баларамом оделись плясунами и пошли с друзьями-пастухами и скоро оказались у ворот арены, где, мотая головой, стоял огромный пьяный слон Кувалья, имевший силу тысяч десяти слонов.

Увидевши у входа пьяного слона,
Шри Баларам джи громко маханта позвал:
«Махант, добром послушай, я тебя прошу,
Уйми слона скорее, я пройти спешу!
Ты лучше по добру бы всех нас пропустил,
Не то, смотри, слона ведь можешь погубить.
Тебя предупредили, знай, вина не наша,
Вини себя, коли ты Хари джи не знаешь!

Он — трех миров владыка. Он явился злых всех погубить и бремя снять с земли!» Погонщик выслушал и в гневе молвил: «Я знаю, знаю! он пас в лесу коров, и сделался владыкой трех миров. Поэтому то он сюда явился, в великого героя обратился. Но тут не то, что лук сломать: мой слон могучий обладает силой десяти тысяч слонов. Пока вы не сразитесь с ним, я не пущу вас далее пройти. Ты поразил не мало силачей, но если ты уйдешь живым сегодня от слона, я буду знать, что ты поистине силач!»

Тогда в великом гневе Халадхар кричит:
«Послушай, махант, глупый, нам ты не грози!

Тебя с слоном могучим в миг могу убить
Коль говоришь со мною, то сдержи язык!
Преград не существует в мире всем для нас!
Скорей зови, живее прочь возьми его,
Послушайся скорее слова моего!»

Услышав это и рассвирепев, махант пустил слона. Когда слон ринулся на Баладева джи, то он, широко размахнувшись, нанес ему такой удар, что слон, втянув свой хобот, с ревом отступил назад. Увидев это чудо, богатыри могучие все Кансы, которые стояли и смотрели, сочтя себя погибшими, в душе сказали: «Кто может победить таких богатырей могучих?» Меж тем махант, увидев вдруг, что слон его назад отброшен, в глубоком страхе размышлял в душе: «Ведь если эти юноши не будут здесь убиты, меня в живых уж не оставит Канса!» Подумав так, он снова анкушом[1] слона ударил, разъярил его и вновь погнал на братьев. Слон подскочил и, Хари хоботом схватив, на землю повалил его и, разъяренный, придавил клыками. Тогда господь уменьшил тело все свое до самых маленьких размеров и даже меж клыков живым остался.

И вздрогнули, пришли все вдруг в великий страх!
Все мужи, жены, муни, боги в небесах!
Меж тем меж двух клыков тех Кришна джи встает,
Господь, источник силы, встал, в ладоши бьет!
С слоном могучим равным силою он стал!
В шакала обратившись, Кришна зарычал.
Все верную защиту видели здесь в нем,
Увидев проявленье дивной силы вновь.
Услышав вой шакала, в ярость слон пришел,
И вытянув свой хобот, ринулся он вновь,
Мурари наклонился, вдруг под брюхом стал,
А слон остановился, словно враг бежал.
Мурари сзади вышел, сам как зарычит,
А Баладев внезапно путь весь преградил.
Тут принялися оба с тем слоном играть,
И замерли все люди, с ужасом глядят.

Махарадж! То Баларам тянул его к себе, схватив за хобот, то Шьяма, ухватив за хвост, тянул к себе. Когда же слон хотел кого-нибудь схватить, они вдруг убегали. Довольно долго так они играли с ним, как в детстве забавлялись некогда с телятами. И, наконец, шри Хари джи, схватив слона за хобот и размахнувшися, швырнул его на землю.

Как только слон издох, вожак вдруг бросился с угрозой к Хари. Господь в одно мгновение убил его, швырнув его к ногам слона. Со смехом оба

---

[1] Железный крюк, которым погоняют слонов.

брата, одетые фиглярами, схватили в руки по клыку и, выйдя на арену, остановились там. В то время Нанда Лал предстал пред каждым в образе, который соответствовал тем чувствам, с которыми все на него смотрели: борцы увидели борца, цари узнали в нем царя, все боги увидали в нем владыку своего, а пастухи узнали друга, Нанда с Упанандой — сына, красавицы все городские видели в нем воплощенье красоты, а Канса и другие ракшасы в нем увидали смерть свою. О Махарадж! При виде Кришны Канса в великом ужасе воскликнул: «Эй, силачи мои! Убейте же скорей его иль уберите с глаз моих!»

Едва сошел с уст Кансы этот возглас, все лучшие его богатыри, учителя их, сыновья, ученики схватились за оружье, надели разные уборы, и, хлопая руками, зовя их на борьбу, со всех сторон вдруг окружили Кришну с Баларамом. Едва они к ним подошли, шри Кришна с Баларамом стали, приготовились к борьбе. Тогда один из тех богатырей, Чанур, взглянув на них, с усмешкою сказал: «Послушайте. Не весел что-то царь наш; чтоб душу отвести весельем, он хочет посмотреть наш с вами бой. И так как вы, живя в лесу, постигли всю науку, не беспокойтесь больше ни о чем, вступайте с нами в богатырской бой, повеселите своего царя».

Шри Кришна молвил: «Нас царь великой милостью почтил и пригласил сюда сегодня. Что делать нам, пусть он решает сам. Вы все богатыри, искусные в науке ратной, а мы ребята неученые. Куда же нам бороться с вами? Ведь сказано: „Лишь с равными вступайте в брак, в любовь и во вражду“. Но воля государя — нам закон. Поэтому ваш вызов принимаем, но пощадите нас, не поразите смертью. Теперь и нам и вам всем надлежит вести борьбу, ее законы исполняя. Порадуем все вместе государя».

Услышав это, Чанур молвил так со страхом:
«Неведомый твой путь тут, видно, не познать нам.
Не мальчики вы; силой каждый равен нам,
Богатыри вы, видно; нас ввели в обман.
Играя, разломал ты надвое здесь лук,
Шутя убил Кувалью, спасся сам от мук,
Ты никогда не терпишь, Кришна, пораженья,
Об этом каждый знает, каждому известно»“.

Так гласит глава сорок четвертая „Убиение Кувальи“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 45

Шри Кришна джи убивает Кансу

Шри Шукадева муни сказал: „Владыка земли! Покончив с этими речами, ударили в ладоши, и Чанур стал перед шри Кришной, а Маштик вызвал Баларама на борьбу. И началась борьба между богатырями.

Их головы сплелися, руки словно змеи,
Скрестился взор со взором в схватке той лихой,
Тот на ногу наступит, сам шагнет вперед,
Врага другой вдруг обнял, тот рванул, трясет.

В это время все на них смотрели и говорили так между собой: «Ай, братцы! Великое насилье здесь творится на собраньи этом. Смотрите, можно ли сравнить: здесь мальчики, красою совершенною блистающие, там богатыри, подобные небесному перуну. Коль воспротивиться такой борьбе, то разъярится Канса, а не противиться — нарушатся законы. Поэтому нам оставаться непристойно: ведь мы бессильны здесь что-либо изменить».

Махарадж! Меж тем как все они так говорили меж собой, шри Кришна, Баларам с богатырями вели там богатырский бой. И, наконец то, оба брата повергли в прах, убили двух богатырей. Едва они скончались, вдруг на братьев обрушилися все богатыри. Господь в одно мгновенье поразил, убил и их. Тогда поклонники все Хари просветлели и заиграла музыка вокруг, все испускали возгласы: «джай, джай».[1] А боги, сев в свои виманы, шри Кришне славу воспевали и с небес все пролили великий дождь цветов. А Канса испытал великую печаль; смятенья полный, в ярости сказал он слугам: «Эй, вы, зачем играете? Иль так приятна вам победа Кришны?» Промолвив это, он сказал: «Да, эти оба парня очень распустились. Схватите их, свяжите, с собранья уведите. Да вместе с ними Деваки схватите, приведите также Уграсену и лицемера Васудева. Сначала тех убейте, затем убейте и обоих этих». Едва слова такие сошли с уст Кансы,

[1] Буквально: „победа, победа“. Эти возгласы соответствуют нашему „ура“ и “браво„.

как Мурари, благодетель верных, в одно мгновенье поразивши всех асуров, подскочил и в миг туда взлетел, где на высоком троне, закованный в кольчугу, в шлеме, держа в руках свой щит и меч, сам Канса восседал, исполненный великой гордости. Увидя, что шри Кришна приближается к нему как воплощенье смерти, он был охвачен ужасом, и в страхе с трона встав, он задражал всем телом.

В душе его явилась мысль: «бежать», но от стыда он был не в состоянии бежать. Подняв свой щит и меч, он стал удары наносить. В то время Нанда Лал с великой ловкостью его удары отбивал. И суры, нары,[1] муни, гандхарвы, взирая на такой великий бой, взывали в страхе так: «О, господи, скорее порази злодея этого». Недолгая борьба там на престоле продолжалась. Господь, увидев всех в великом горе, схватил за гриву Кансу и свергнул вниз с престола, потом он спрыгнул сам. Из тела Кансы жизнь ушла. Тогда участники великого собрания воскликнули: «Шри Кришначандра джи убил злодея Кансу!» Услышав этот крик, все боги, нары, муни возликовали все.

Воспев хвалу в великой радости своей,
Все боги проливают дождь цветов с небес
На бубнах, барабанах радостно играют:
«Да здравствует сын Нанды, Кришна беспечальный!»
Сердца матхурских граждан радостью полны,
Как лотосы взирают все на диск луны".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Дхармаватар! Когда скончался Канса, его могучих восемь братьев ринулися в бой. Господь сразил и их. Когда же Хари увидал, что ракшасов в живых уж больше не осталось, он потащил труп Кансы на берег Ямуны. Там оба брата отдохнули. С того то дня то место получило наименование свое: «Вишрамгхат», что значит «Брег отдохновенья».

И получив известие о смерти Кансы, жены Кансы и жены младших братьев Кансы, все в великом горе с рыданьями и ударяя в грудь себя, пришли туда, где на берегу сидели подле трупа оба брата. Приблизившися к трупу и взирая на супруга, они все радости былые вспоминали и воспевали доблести его и, пораженные великой скорбью, все падали и бились на земле. И в это время Канха, источник милосердия, им милосердие свое явил, приблизился к ним и сказал:

«О матери и жены, тяжкая печаль!
Супруга надлежит вам здесь воде предать.[2]
Никто из смертных в мире вечно не живет,
И призрачно все то, что мы своим зовем.

[1] Согласно пуранам, божества низшего ранга, родственные гандхарвам, киннарам и т. д.

[2] Наиболее обычный в северной Индии способ погребения состоит в сожжении трупа, после которого бросают останки в реку.

Здесь нет отца, нет брата, матери нет, сына.
Рожденье смерть несет всем... Смерть вновь возродила.
Пока с живым живою связаны мы нитью,
Мы призрачным лишь счастьем пользуемся в жизни».

Махарадж! Когда шри Кришначандра успокоил так цариц, тогда они оттуда встали, собрались с мужеством, на берег все пришли и предали воде супругов. И сам господь своей рукой зажег костер у трупа Кансы и погребенье совершил".[1]

Так гласит глава сорок пятая „Смерть Кансы" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Погребальный костер зажигает ближайший родственник покойника, в данном случае Кришна, как племянник Кансы.

ГЛАВА 46

Освобождение из темницы Васудева и Деваки и помазание на царство Уграсены

Шри Шукадева муни сказал: „О царь! Супруги Кансы и супруги младших братьев Кансы, искупавшись и омывшись, с рыданьями отправились оттуда во дворец. Тогда шри Кришна с Баларамом джи отправился к Деваки и Васудеву и сняли цепи и оковы с ног и рук их. Простершись перед ними, они пред ними стали, сложивши поднятые руки. Тогда узрели Деваки и Васудев джи образ господа и удостоились знанья. В своей душе они узнали твердо, что они — творцы вселенной, приняв воплощение, явились в мир, чтоб погубить асуров, чтоб бремя снять с земли. Когда же Васудев и Деваки душой постигли это, то Хари, проникающий в сердца, вновь осенил их майею своей, и майя отняла у них святое откровенье, и после этого они узнали в Кришне джи и Балараме джи своих детей. Тогда шри Кришначандра со смирением великим так сказал:

«Страданья и печали долго принимали,
О нас вы неизменно память сохраняли.

Но в этом нашей нет вины. Ведь с той поры, как вы оставили нас в Гокуле у Нанды, мы жили в подчинении другим, своей не знали воли. Но у меня в душе всегда являлась мысль, что той, в чьем чреве прожил десять месяцев и от которой я рожденье принял, я не дал ни крупицы радости. И сами мы не видели ведь радости глубокой от родных своих. Без пользы проводили жизнь с чужими. Отец и мать за нас великие страданья претерпели, а мы ничем служить им не смогли. А в мире силой обладает только тот, кто почитает сам родителей своих. Мы должниками их остались, служить им не могли».

Владыка земли! Когда шри Кришна джи так высказал свою сердечную печаль, тогда они,исполненные радости великой, обняли обоих их с любовью, и эта радость уничтожила минувшую их скорбь. Порадовав своих родителей, они оттуда оба удалились и явились к Уграсене и, сложивши поднятые руки, так сказали:

«Почтенный дедушка, ты царством этим правь,
Благие все созвездья, добрый день настал».

Когда с уст Хари джи сошли слова такие, царь Уграсена встал, приблизился к шри Кришначандре и, припав к его ногам, сказал: «Владыка милосердый! Молю тебя, услышь мою мольбу. Коль ты убил великого злодея Кансу и всех асуров истребил, дал радость верным, то сам садись ты на престол теперь и правь матхурским царством, охраняй народ». Господь сказал: «Махарадж! Никто из ядавов не обладает правом царствовать, и всем известно это! Когда царь Яяти состарился, то он, призвавши сына Яду, так сказал: „Дай мне свой юный возраст, а старость от меня возьми“. Услышав это, Яду так подумал про себя в душе: „Коль я отцу отдам свой юный возраст, он сделается юным и будет предаваться наслажденьям, и на меня падут его грехи. Поэтому то лучше так не делать“. Подумав так, он дал отцу ответ: „Отец. Я не могу так сделать“. Услышав это, царь Яяти во гневе проклял Яду и сказал: „В твоем роду никто царем не будет“.

Тогда к нему явился Пуру, младший сын; сложивши поднятые руки, он сказал: „Отец, дай старость мне свою, а юность у меня возьми. Мне это тело бесполезно, и если может быть оно полезно для тебя, то что же лучше этого?“. Когда сказал так Пуру, то царь Яяти, обрадованный, отдал ему старость и, у него взяв юность, молвил: „Пуру, царский трон останется в твоем роду“. Поэтому, почтенный дедушка, не подобает царствовать нам, Ядавам.

Садись ты на престол здесь, царством этим правь,
О всех правах сомненья все свои оставь.
Мы будем выполнять все трудные дела,
Что ни велишь, мы точно будем выполнять.
Кто власть твою не станет в царстве уважать,
Наш первый долг — жестоко всех тех наказать.
Не погружайся царь, ты, в думы и сомненья,
И счастие народу дай своим правлением.
При Кансе ядавы все в страхе перед ним,
Покинув край родной свой, всюду разошлись.
Теперь, наш царь, проси их всех вернуться к нам,
В Матхуре посели всех, радость всем им дай.
Коров, богов, брахманов всем вели здесь чтить,
Прилежно на защиту всех их, царь, трудись»“.

Рассказав это сказанье шри Шукадева муни сказал: „Дхармаватар! Махараджадхирадж! Шри Кришначандра, благодетель верных, познав, что Уграсена джи является его поклонником, так убедил его и, посадив на львиный трон, его помазал он на царство, велел над ним поставить царский зонт,[1] и оба брата сами хвостами яка опахали[2] государя.

[1] Зонт является одним из атрибутов царской власти.

[2] Опахание хвостом яка — символ признания царской власти.

В то время в радости великой в городе все граждане кричали: «Да здравствует наш государь!». А боги пролили с небес цветочный дождь. Махарадж! Так посадив шри Уграсену на престол, шри Кришна с Баларамом повелели слугам государя за собой нести несметное число одежд и украшений и все отправилися к Нанде раю джи. Там оба брата стали перед ним, сложивши поднятые руки, с смирением сказали: «Как возвеличить нам тебя? Когда б мы обладали целой тысячею языков, то и тогда б мы не смогли прославить добродетели твои. Ты с нежною любовью воспитал обоих нас как сыновей своих. Ты неизменно проявлял любовь и ласку и мать Яшода с нежностью любила нас, всегда дарила ласкою своей и нас родными сыновьями почитала, и даже в мыслях никогда не думала о нас, как о чужих!»

Сказавши так, шри Кришначандра дале молвил: «Отец, не гневайся на нас за то, что я тебе скажу, я говорю из глубины души своей: мы будем называть родителями вас, однако ж не надолго мы задержимся в Матхуре, повидаемся с своими братьями по касте[1] и послушаем здесь о происхожденье рода Яду, и к матери своей пойдем, порадуем ее: она ведь ради нас перенесла великие страданья. Ведь если бы они нас не отправили к тебе, то были бы свободны от страданий». Сказавши это, он велел сложить пред Нандой джи одежды и наряды. Свободный от оков любви сказал:

«От нас обоих милой матушке поклон,
Питайте к нам, как прежде, нежную любовь».

Когда из уст шри Кришны вышло это слово, то Нанда рай в великой скорби глубоко вздохнул, а пастухи подумали и так в душе сказали: «Что за диковинные речи говорит он! Из слов его понятно только то, что он теперь нас хочет обмануть и так сбежать от нас. Не то зачем бы стал он говорить жестокие такие речи». Махарадж! И вот один из них по имени Судама, друг его, сказал: «О братец мой, Канхайя. Что за дела теперь тут у тебя в Матхуре? Из-за чего с такой жестокостью отца родного покидаешь и остаешься здесь? Ты сделал хорошо, что Кансу уничтожил и все дела уладил. Теперь же возвращайся с Нандой, едем все в Вриндаван, будешь царствовать. Ты посмотрел, какое царство здесь. Не обольщайся же душой. Ты здесь не будешь счастлив так, как там!»

«Послушай! Лишь глупцы, увидев царство, блеском обольщаются и радуются, увидав слонов, коней... Не променяй же ни на что Вриндаван. У нас всегда стоит весна. И сердце никогда не может позабыть красу густого леса и Ямуны. О брат! Чего достигнешь ты, покинув вдруг все радости и не уважив наших слов, когда, забыв любовь отца и матери, ты здесь останешься? У Уграсены ты на службе будешь состоять, и день и ночь в заботах будешь жить. Тебе придется сделаться слугой того, кому ты царство отдал сам. Как сможешь ты перенести такой позор?

[1] Пастухи ахиры принадлежат к третьей касте — вайшиев, меж тем как ядавы принадлежат ко второй касте кшатриев-воинов.

Насколько лучше будет, если ты не станешь такого горя Нанде причинять и вместе с ним вернешься!

Ты вспомни Брадж, Ямуну, всю красу лесов,
Ужель забыл, как с нами пас в лесах коров?
Не покидай, господь, нас, едем, Кришна, в Брадж!
Поедем вместе все мы, нас ты не оставь»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева муни сказал царю Парикшиту: „Махарадж! И долго все они такие речи говорили и наконец с шри Кришною и Баларамой осталось только десять или двадцать их друзей. Они все, успокаивая Нанду рая, говорили: «Отбрось свои сомненья! Бери всех пастухов и отправляйтеся вперед, а мы потом вернемся с ними». Услышав это,

Ахиры впали в страшное волненье,
Как будто укусила всех змея,
На Хари смотрят все они с сомненьем,
Как на картине[1] все они стоят.

В то время Баладев, увидя Нанду рая в столь глубокой скорби, стал успокаивать его и говорить: «Отец, зачем ты так горюешь? Мы несколько лишь дней пробудем здесь, устроим все дела и к вам назад вернемся. Тебя ж вперед мы отправляем потому, что мать осталася одна и дома там волнуется, должно быть. Когда вернешься ты, она спокойней будет». И Нанда джи сказал: «Сынок! Да поезжайте вместе вы со мной, со всеми повидаетесь, потом сюда вернетесь».

Сказав слова такие, Нанда впал в печаль,
Не мог уйти, припал он в горе к их ногам.
Истерзанный, печальный, он в безумье впал,
И удержу тут горьким не было слезам.

Махарадж! Когда шри Кришначандра джи, свободный от всех обольщений майи, увидел Нанду джи со всеми пастухами в столь глубокой скорби, то он в душе подумал: «Когда их так со мною разлучить, они не смогут больше жить». Тогда он излучил свою ту майю, которая весь мир в обмане держит. Она явилася и знания лишила Нанду джи со всеми пастухами вместе. Потом господь сказал: «Отец! Зачем ты так печалишься? Подумай-ка ты сам, да разве далеко Матхура от Вриндавана? Да разве далеко мы уезжаем от тебя, что ты горюешь так? В Вриндаване там все волнуются, должно быть, потому тебя и посылаем мы вперед».

Когда господь так успокоил Нанду джи, тогда он с мужеством собрался и, сложивши поднятые руки, так сказал: «Господь! Коли твоя такая воля, то разве смею я желать другого? Я уезжаю. Я не могу

[1] Т. е. застыв на месте, неподвижно.

нарушить твой приказ». Когда слова такие сошли с уст Нанды джи, то Хари отпустил его в Вриндаван вместе с пастухами. А оба брата и их несколько друзей остались в Матхуре. В то время вместе с Нандой пастухи

В раздумьи тяжком грустно шли своим путем,
Идут так, проигравшись, игроки домой.
Ни мысли, ни заботы в сердце не найти...
Едва волочат ноги, падают в пути.
Идут все во Вриндаван, смотрят в Мадхуван.[1]

Едва-едва плетясь, они все ж прибыли в Вриндаван. Услышав об их возвращении, Яшода рани прибежала из дому в волнении глубоком, и, не видя Рамы с Кришной, с ужасом сказала Нанде джи:

«Скажи, супруг, куда же делись сыновья.
Один пришел, принес нам платьев да тряпья.
Алмазы там оставил, блестки только взял,
Безумец, вылил нектар, сам глотать стал яд.
Владея чудным камнем, выбросил его,
Узнав о дивных свойствах, с горя ты умрешь!

Вот так и ты: кому-то сыновей отдал, взамен их сам принес наряды да уборы. Когда их нет, зачем теперь тебе богатства? О глупый мой супруг! Как будем жить без них: едва закроются бывало их ресницы, и разрывается вся грудь. Да как могло остаться целым сердце у тебя, когда они тебе сказали о разлуке?»

Услышав это, Нанда джи, убитый горем, голову склонил и так сказал: «Сказать по правде, мне эти украшенья Кришна дал, но я не помню, как их взял. Да что я буду говорить о Кришне? Ты будешь слушать и страдать.

Убил там Кришна Кансу, к нам назад пришел,
Отняв свою любовь, он проповедь прочел.
Он сделался вишь как-то сыном Васудева,
Украл у нас он души, нам подарки сделал.
Тогда я сам в безумье, верь, жена, пришел,
Сказал, как мы любили в детстве всей душой.
Теперь, супруга, Хари сыном не считай,
Владыкою признай и с верой почитай.

И раньше нам известно было, что он Нараян, но волей майи мы его за сына почитали». Махарадж! Когда же Нанда рай джи высказал всю истину ей о шри Кришне, тогда Яшода рани, то, подчиняясь власти майи,

[1] Лес на берегу Ямуны (Джумны) близ города Матхуры, где Шатрагхну, брат Рамы, героя Рамаяны, убил демона по имени сына Мадху. Согласно легендам, в ознаменование этого события и был основан город Матхура.

считая господа за сына своего, в душе страдала тяжко и в смятении рыдала, то, осененная великим знаньем, созерцала господа душой и, воспевая добродетели его, освобождалась от душевной скорби. Таким же образом все населенье Браджа, — как женщины, так и мужчины, — в любви глубокой к Хари вели о нем различные и долгие беседы. Во мне нет силы рассказать о них.

Поэтому теперь я расскажу о чудесах его в Матхуре. Ты прилагай вниманье, слушай.

Когда Говинда с Халадхаром, простившись с Нандой раем, вернулись к Васудеву с Деваки, тогда они, увидев сыновей, забыв о всех своих страданьях, такую радость испытали, какую может испытать подвижник, сподобившись награды за великий подвиг свой. А после Васудев сказал так Деваки: «Наш Кришна с Баладевом жили у чужих. Они совместно с ними ели,[1] пили и не знают об обычаях той касты, к которой по рождению принадлежат. Поэтому теперь нам надлежит, пурохита позвав, спросить, что скажет он, то сделать». Деваки сказала: «Очень хорошо».

Тогда немедля Васудев послал и пригласил к себе жреца, высокочтимого в их роде — Гаргу муни джи. Гарга джи явился. Они ему открыли все свои душевные сомненья и спросили: «Махарадж! Теперь что надлежит нам делать? Сделай милость, вразуми нас». Гарга муни молвил: «Сначала соблаговолите приглашения послать ко всем сочленам касты, затем исполните обряды касты, вручите Раме с Кришною священный шнур».[2]

Когда слова такие вышли из уст пурохита, то Васудев, послав известие об этом в город, пригласил к себе всех членов роду Яду и всех брахманов. Все они прибыли. Он встретил их с почтеньем и с почетом усадил. Сначала Васудев джи, как то надлежит, исполнил все обряды касты и просил великих брахманов составить гороскоп, и занести в их родословную. Потом дал брахманам тем десять тысяч упитанных коров с рогами золотыми, с хребтами медными, с серебряными копытами, покрыв всех желтым шелком; он при рождении шри Кришны джи такой обет дал. Потом велел устроить пир, исполнив все обряды, предписанные ведами, и повязал шри Кришне с Рамою священный шнур, затем он, дав обоим

[1] Совместная еда дозволена только для членов одной касты. Принятие пищи совместно с членами низших каст считается осквернением и приводит к утрате касты.

[2] Священный знак принадлежности к трем высшим, арийским, кастам получают и имеют право носить только брахманы, кшатрии и вайшьи. Шудры (низшая каста) и внекастовые индусы лишены права носить священный шнур. Обряд вручения священного шнура совершался и совершается перед началом ученья, которое для мальчика брахмана должно, согласно сутрам, начинаться в восемь лет, для кшатрия в одиннадцать и для вайшьи в двенадцать. По совершении обряда вручения священного шнура (в настоящее время этот обряд исполняется только для проформы) мальчик делался учеником, должен был поселиться у учителя, жить на милостыню и служить своему учителю до тех пор, пока он по окончании ученья искупается, станет снатаком (स्नातक) искупавшимся, закончившим свое ученье. Снатак получает право жениться и становится домохозяином.

братьям съестного на дорогу, отправил их для изучения науки. Они отправились и прибыли к авантикапурскому[1] риши по имени Сандипани.[2] Он был пандит великий, сведущий в науках; жил он в Кашипуре.[3] К нему они пришли. Простершись перед ним, сложивши поднятые руки, стали перед ним и со смирением великим молвили:

«О прояви, великий риши, состраданье,
Вниманья удостой нас, дай святое знанье!»

Махарадж! Когда шри Кришна с Баларамом джи с таким смирением обратились к риши Сандипани, то он с великою любовью ввел их в дом свой и с великим милосердием стал обучать. Прошло немного дней; шри Кришна с Баларамом все четыре веды изучив,[4] упаведы,[5] шесть шастр, грамматик восемь,[6] восемнадцать пуран,[7] мантры,[8] янтры,[9] тантры,[10] агамы,[11] джйотиш,[12] вайдьик,[13] кок,[14] сангит,[15] пингал,[16] сделались вместилищем четырнадцати наук и шестидесяти четырех искусств. Тогда однажды оба брата, сложивши поднятые руки, со смирением великим обратились к гуру: «Махарадж! Ведь сказано, что если даже принять воплощенье много раз и много дать всего, то все ж нельзя за знанье отплатить. Но ты сам знаешь, что мы можем, благоволи назначить сам награду за ученье,

[1] Город Авантика, современный Уджайн в Центральных провинциях, принадлежит к семи старинным священным городам. Брахманы г. Авантики славились своей ученостью.

[2] Имя гуру (учителя) Кришны и Баларама.

[3] Старинное название Бенареса, которое употребляется индусами и в настоящее время — Каши или Кашипури.

[4] Т. е. Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа.

[5] Низшее после вед знание, т. е. 1) аюрведа (медицина), 2) гандхарваведа (музыка и танцы), 3) дханурведа (военная наука), 4) Стхапаньяведа (архитектура).

[6] Т. е. грамматика санскрита и различных пракритов, знание которых входило как необходимый элемент в систему образования.

[7] Т. е. 1) Brahma-Purāṇa, 2) Padma-Purāṇa, 3) Mārkaṇḍeya-Purāṇa, 4) Viṣṇu-Purāṇa, 5) Vāyu-Purāṇa, 6) Bhāgavata-Purāṇa, 7) Nārada-Purāṇa, 8) Agni-Purāṇa, 9) Bhaviṣya-Purāṇa, 10) Brahmavaivarta-Purāṇa, 11) Linga-Purāṇa, 12) Vāraha-Purāṇa, 13) Skanda-Purāṇa, 14) Vāmana-Purāṇa, 15) Kaurma-Purāṇa, 16) Matsya-Purāṇa, 17) Garuḍa-Purāṇa, 18) Brahmāṇḍa Purāṇa.

[8] Священные стихи из ведических гимнов, мистические стихи и формулы, употребляемые как заклинания.

[9] Магические диаграммы; мантра-янтра — заклинания.

[10] Религиозные трактаты или дисциплины, описывающие магические или мистические средства, якобы ведущие к достижению сверхъестественной силы.

[11] Шастры, содержащие заклинания, якобы высказанные самим Шивой.

[12] Астрономия и астрология.

[13] Медицина.

[14] Наука любви (कोक ars amandi). Согласно традиции основы этой науки впервые были изложены пандитом Коком, откуда и название самой дисциплины.

[15] Теория музыки и танцев.

[16] Просодия. Основание этой дисциплины приписывается легендарному Пингалу, божественному змею.

мы, по мере сил своих, дадим и, приняв от тебя благословенье, отправимся к себе домой».

Когда из уст шри Кришны с Баларамом вышло это слово, то риши Сандипани удалился и, погруженный в размышления, вошел в свой дом. Своей супруге открывая тайну их, он так сказал: «Эти юноши — шри Рама с Кришной — Адипуруша изначальный. Они явились в мир для блага верных, приняв аватару, чтоб бремя снять с земли. Я видел чудеса их и потому познал всю эту тайну. Ведь люди, принимая множество рождений и предаваясь в каждом изучению наук, все ж не находят брода в бездонном океане знаний. А посмотри, они в столь юном возрасте в короткое такое время перешли через непереходимый и безбрежный океан. И что б они ни захотели сделать, в одно мгновенье могут сделать все». Промолвив это, он сказал:

«Скажи, супруга, что же нам у них просить?»
Все выслушав, супруга стала говорить:
«Проси, чтоб возвратил он нашего нам сына;
И если Хари он, то это сделать в силах».

Так обсудивши в доме, Сандипани риши из дома со своей супругой вышел и, став перед шри Кришной с Баларамом, сложивши поднятые руки, со смирением сказал: «Махарадж! Еще недавно сын был у меня. Однажды в праздник, взяв его, с семьею я отправился купаться в море. Когда пришли туда, я, сняв одежды, со всеми вместе стал у берега купаться. Тут набежала вдруг волна морская, и в ней мой сын исчез, да больше и не вышел: его чудовище морское проглотило. Из за него я глубоко страдаю, и если ты хотел бы отплатить мне, то возврати мне сына моего, и удали страданье из души моей».

Услышав это, шри Кришна с Баларамом поклонилися супруге гуру и гуру Сандипани, потом, войдя на колесницу, отправилися к морю, чтоб возвратить им сына. Вот ехали они и, наконец, приехали на берег моря. Увидев их, идущих в гневе, море, в страхе приняв образ человека, со множеством даров вдруг вышло из воды на берег и, задрожав всем телом, приблизилось и стало перед ними. Потом оно, им предложив дары, простерлось перед ними и, сложивши поднятые руки, голову склонив, с мольбой великою сказало:

«Явлением своим ты счастье даровал!
Господь, какое дело вызвало сюда?»

Шри Кришначандра молвил: «Учитель мой святой недавно приходил сюда с семьей купаться. Ты унесло волной высокой сына гуру; его нам возврати. Для этого мы прибыли сюда».

Смиренно выслушав все, море так сказало:
«Волной не уносило я его, не брало.

Учитель, ты владыка мира, всей вселенной.
Господь, ты образ Рамы принял несравненный.

И с той поры живу я в страшном страхе и остаюсь в своих границах». Хари сказал: «Коль ты его не взяло, то кто ж другой мог взять его отсюда?» Море сказало: «Владыка милосердый! Тебе открою эту тайну. Во мне живет здесь, в виде раковины, асур, по имени Шанкхасур.[1] Он бродит всюду здесь в воде и мучит все живое. Когда приходит кто-нибудь сюда на берег искупаться, то он хватает и уносит. Возможно, он унес и сына гуру твоего. Я этого не знаю точно, благоволи войти и посмотреть».

Услышав это, Кришна в море сам вошел,
В глубокие глубины моря он вошел,
Увидел Шанкхасура, демона убил
И, разорвав утробу, вынул из глубин,
Но не нашел шри Кришна сына гуру в ней.
В печаль шри Балабхадра впал еще сильней.

«О брат! Без дела мы его убили». Кришна молвил: «Не печалься! Теперь возьми и подержи его». Сказав так, Хари джи из этой раковины сделал сам оружие себе, и братья выступили в путь. Шли, шли они и прибыли в град Ямы, который называется Саньямани, и в нем царит царь Дхармарадж.[2]

Увидев их, царь Дхармарадж, сойдя с престола своего, пошел навстречу им и принял их с великою любовью и учтивостью. Потом он посадил их на престол, омыл им ноги и, вкусивши нектара от ног их, он сказал: «Благословен сей град, куда господь явился и дал узреть себя, и верных благодарностью наполнил все сердца. Теперь благоволи мне повеленье дать, и твой слуга исполнит все». Господь сказал: «Верни нам сына гуру нашего». Едва сошло с уст Хари это слово, немедля Дхармарадж пошел и мальчика привел. Потом, сложивши поднятые руки, сказал с мольбой: «Владыка милосердый! По милости твоей об этом я и прежде знал. Я знал что ты придешь за сыном гуру. Поэтому со тщанием я охранял его и отроку до сей поры не дал родиться, махарадж!» Сказав так, Дхармарадж отдал шри Хари отрока. Господь его с собою взял. Немедля посадив на колесницу отрока, они отправились оттуда и скоро с отроком предстали перед гуру; тут оба брата, сложивши поднятые руки, так сказали: «Теперь, великий гуру, каковы твои веленья будут?» Услышав это и увидев сына, риша Сандипани в великой радости благословенье дал шри Кришне с Баларамом и сказал:

«Что я могу, Мурари, у тебя просить.
Ты счастием осыпал, сына возвратил.
Хвала тебе, великий дивный ученик,
Теперь ты возвращайся в дом своих родных».

[1] Т. е. „Раковина-асур“, асур в виде раковины, он был убит Кришной.
[2] „Царь закона“, одно из имен Ямы, владыки подземного мира, царства умерших.

Когда такое повеленье гуру дал, то оба брата с ним простились, простерлись перед ним и, сев на колесницу, уехали оттуда и, наконец, подъехали к Матхуре. Узнав о приближеньи их, царь Уграсена с Васудевом и все граждане — все женщины и все мужчины — бросились навстречу им. Все вышли за город и, встретив их, устлали путь их шёлковым ковром и с музыкой и пеньем господа ввели в престольный город. Тогда был праздник в каждом доме, и всюду музыка звучала“.

Так гласит глава сорок шестая „Умерщвление Шанкхасура“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

कृ

ГЛАВА 47

Шри Кришна джи посылает Удхава джи во Вриндаван для утешения Нанды и других

Шри Шукадева джи сказал: „Владыка земли! Теперь я расскажу тебе о том, как некогда шри Кришначандра вспомнил о Вриндаване. Ты прилагай вниманье, слушай. Однажды Хари Балараму джи сказал: «Братец! Должно быть, все, кто обитает в Брадже, вспоминая нас, горюют тяжко. Ведь миновал тот срок, который я им указал. Поэтому нам надлежит теперь послать туда кого-нибудь, чтоб он поехал и утешил их».

Так посоветовавшись с братом, Хари Удхава призвал и так сказал: «Эй, Удхав. Во-первых, ты наш друг, а во-вторых, ты ловкий малый, знающий и смелый. Поэтому нам хочется тебя послать в Вриндаван. Так отправляйся, отвези ты весточку от нас обоих Нанде и Яшоде, пастушкам, утешь как следует и возвращайся, да привези с собой мать Рохини». Удхав джи сказал: «Воля ваша».

Тогда шри Кришначандра джи сказал: «Сначала отправляйся к Нанде джи, к Яшоде и, взрастив в них знанье, освободи их от душевной слепоты; все объясни и расскажи им, пусть ведают они, что я к ним близко, и пусть забудут горе; забыв о чувствах к сыну, пусть чтут меня как господа. Потом скажи и тем пастушкам, которые в угоду мне забыли стыд пред ведами и пред людьми. Скажи им: „Забудьте чувство к милому и почитайте Хари, как владыку своего и перестаньте вы скорбеть в разлуке“». Махарадж! Сказав так Удхаву джи, братья совместное посланье написали, в котором, как то надлежит, послали свой поклон, привет, благословенья Нанде и Яшоде и всем пастухам и, написав всем браджским женщинам совет всем обратиться к йоге, вручили то послание Удхаву и так сказали: «Ты сам прочти для них посланье это. Как только можешь, объясни им все, да поскорее возвращайся».

Дав это порученье Удхаву джи, господь велел надеть ему свои одежды, украшенья и корону, посадил на колесницу личную свою и так отправил Удхава в Вридаван. Пустивши колесницу быстрым ходом, Удхав двинулся вперед и скоро, уехав из Матхуры, он приближался к Вриндавану. И что ж он видит там? В густой тенистой чаще на деревьях приятно

распевают дивные разнообразнейшие птицы. Повсюду бродят, словно облака, коровы белые и серые, и бурые и желтые. Повсюду под деревьями сидят пастушки, пастухи и дети пастухов и все шри Кришны славу воспевают. Увидев эту красоту, охваченный весь радостным волненьем, узнав места веселых игр шри Кришны, поклонившись им всем, Удхав джи подъехал уж к околице деревни, как кто-то издали, узнавши колесницу Хари, подбежал к нему, спросил, как звать его, потом отправился сам к Нанде джи и так ему сказал: «Махарадж! На колеснице Кришны приехал из Матхуры какой-то Удхав джи, на нем одежды все шри Кришны».

Услышав это, Нанда рай, как он сидел на площади средь пастухов, так встал и побежал и скоро прибежал к Удхаву джи. Узнав в нем друга Кришны и Баларама джи, он с великою любовью встретил Удхава и, поздоровавшись, с большим почетом и почтеньем пригласил его в свой дом. Сначала он велел омыть Удхаву ноги и предложил ему сиденье. Потом распорядился изготовить для него обед роскошный и угостил Удхава джи. Когда он с удовольствием откушал, то Нанда джи распорядился постлать ему прекрасную постель, роскошную как пена. На ней он бетелю покушал и заснул и радостно проснулся, прогнав дорожную усталость. Когда же Удхав встал от сна, то Нанда джи приблизился к нему, присел и стал расспрашивать: «Скажи мне, Удхав джи, здоров ли Уграсены сын, и задушевный друг мой, Васудева джи; со всей своей семьей и сохраняет ли он к нам приязнь былую?» Сказавши так, он дале молвил:

«Скажи, почтенный Удхав, как здоров наш сын?
Ведь ты всегда в Матхуре там с ним вместе жил.
И вспомнил ли когда наш милый сын о нас?
Для нас ведь без него то солнца свет погас,
Он всем нам говорил ведь: „я вернуся к вам!“
Прошло поры немало, срок уж миновал.

А каждый день Яшода вот встает и ставит простоквашу, снимает масло, ставит все для Хари. Скажи мне, вспоминает ли когда там Канха о Яшоде и о браджских женщинах, которые его так сильно любят? Иль все забыл уже?»“.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Паракшиту: „Владыка земли! Таким вот образом расспрашивая обо всем и вспоминая все былые чудеса шри Кришначандры джи, в великом умиленьи Нанда рай джи вдруг заплакал от любви. Сказав все это, погруженный в созерцанье господа, безмолвно он сидел, промолвив только:

«Давно могучий Канса с приспными убит!
Как можем мы теперь все Кришну позабыть?»

И в это время, потеряв рассудок, память, вне себя от горя, к Удхаву джи подошла с рыданьями Яшода и, спросивши о здоровье Рамы с Кришною, сказала: «Скажи мне, Удхав джи! Как там живет без нас так долго Хари?

Какую весточку прислал он нам с тобой? Когда вернется он, когда покажется он нам?» Услышав это, Удхав джи сначала Нанде и Яшоде джи прочел послание шри Кришны и Баларама джи. Затем он стал их утешать: «Кто мог бы описать величье тех, в чьем доме сам господь рожденье принял, кому он дал блаженство видеть игры детские свои? Высок ваш жребий! За сына своего вы удостоились почитать предвечного Адипурушу, который Шиву сотворил и Брахму, у которого нет матери и нет отца, нет брата и нет друга. Вы всякий час живете с сердцем, погруженным в созерцание его; и как он может быть от вас далеко.

Ведь сказано:

„Всегда, кто любит Хари, тот вблизи него:
Для них лишь воплотился Хари, в мир пришел.
Не ведает друзей, не знает он врагов,
Нет низких, нет высоких в мире для него.
И каждый, в чьем лишь сердце есть к нему любовь,
Итти за Хари может, пестуя любовь.

Как бхринги, черная пчела, с собой червя уносит и придает ему свой облик, иль наподобие того, как бхаунри[1] попадет случайно в плен, в цветок прекрасный лотоса, его же самка всю ночь жужжит над ним, не хочет разлучиться с ним, не хочет улететь, подобно этому того, кто любит Хари, кто держит Хари в мыслях, Хари претворяет в самого себя, всегда живет вблизи него“».

Промолвив это, Удхав джи сказал: «Отныне не считайте Хари сыном: почитайте господом его. Он благодетель верных, проникающий в сердца господь. Он к вам придет, он явится и ваши все желания исполнит. Вы не печальтесь ни о чем, махарадж!» Так долго говорил он с ними обо всем... Когда ночь миновала и лишь последний час ее остался, то Удхав джи сказал так Нанде раю джи: «Махарадж! Теперь настало время масло вам сбивать. Коль вы позволите, то я пойду, в Ямуне искупаюсь». И Нанда рай ответил: «Очень хорошо». Сказавши это, он остался там сидеть и погрузился в мысли. А Удхав живо сел на колесницу и поехал на Ямуну. Сначала он, одежды сняв, очистил тело, а после, подойдя к воде, он возложил на голову там прах земной, потом, сложивши поднятые руки, он прочел хвалу калинде[2] и, совершив ачман, вошел он в воду. Закончив сандхья,[3] пуджу и тарпан,[4] он стал творить молитву. В то время браджские все женщины уж встали и подмели в домах, помазали полы навозом, воскурили благовония, зажгли светильники и стали масло все сбивать.

---

[1] Так же как и бхринги, большая черная пчела. Согласно поэтическим легендам бхаунри неизменно влюблен в цветок лотоса.

[2] а) Солнце, б) гора, из которой вытекает Ямуна.

[3] Утренняя или вечерняя молитва.

[4] Возлияние богам или усопшим предкам.

Сметану сбили, масло вынули они,
И занялись своею в доме все работой,
Потом собрались, вместе за водой пошли...
Прекрасные браджанки все снуют в хлопотах.

Махарадж! Пастушки все в разлуке со шри Кришной, опьяненные любовью, воспевали славу Кришне и, собравшися толпой, любимого все вспоминают и на дорогах вспоминают чудеса и игры господа.

Одна сказала: «Тут я встретила вдруг Канху».
Другая: «От меня он спрятался тут как то».
«Меня он как то сзади за руку схватил».
«В тени смоковницы там Хари наш стоит».
Та говорит: «Видала, как коров доила».
Другая: «Как-то я здесь на заре следила».
Одна сказала: «Стадо он пасет в лесу.
Послушала, свирели слышен даже звук».
«Теперь — дорогой этой не пойдем мы, мать.
У нас подачку Кришна будет вымогать.
Распустит все узлы он; разобьет кувшин».
«Посмотрит лишь глазком он, будешь без души».
«Он где-то спрятался, чу! вдруг он прибежит.
Куда бы нам пойти и где б его найти».
Так меж собою жены Браджа говорят,
В разлуке со шри Кришной вянут их тела“.

Так гласит глава сорок седьмая „Хождение Удхава в Вриндаван“ в „Прем Сагаре“, сочиненном Лаллу джи Лалом.

ГЛАВА 48

Удхав беседует с пастушками о шри Кришне

Шри Шукадева муни сказал: „Владыка земли! Когда почтенный Удхав помолился, он вышел из воды, надел свои одежды, украшения и сел на колесницу. Когда он с берега Калинди ехал к дому Нанды, тогда пастушки, которые шли за водой, увидели далеко на дороге колесницу. При виде колесницы стали все друг с другом говорить: «Чья ж это колесница приближается сюда? Давайте-ка посмотрим. Давайте, станем здесь и обождем!» Услышав это, одна пастушка молвила: «Подружки! Уж не приехал ли тот лжец, Акрур, который некогда увез от нас шри Кришначандру и в Матхуре там поселил, а Кансу повелел ему убить?» Услышав это, другая молвила: «Зачем сюда приедет этот злой обманщик? Ведь он украл уж корень нашей жизни. Что ж, он теперь возьмет и нашу жизнь?» Махарадж! Таким вот образом они между собою говорили.

Все вместе так стояли жены Браджа там,
Поставили кувшины, с плеч своих их сняв.

Меж тем, когда приблизилася колесница, то, издали увидев Удхава джи, они одна другой сказали: «Подружки! На колеснице едет и на нас все смотрит кто-то темноцветный и лотосоглазый, с короною на голове, в гирлянде из лесных цветов на шее, в желтом одеяньи, в желтом же плаще. Он так походит на шри Кришначандру!» Тогда одна из них сказала: «Подружки! Да он вчера еще приехал к Нанде джи. Удхавом его зовут. Шри Кришначандра джи прислал с ним порученья».

Услышав это, пастушки, видя, что вокруг нет никого, забыв все опасенья и стесненья, побежали к Удхаву джи. Узнав в нем друга Хари, они отвесили ему земной поклон, спросили о здоровье и, сложивши поднятые руки, со всех сторон тут окружили колесницу. Увидев их любовь, Удхав сошел немедля с колесницы. Тогда пастушки усадили Удхава джи в тени большого дерева и, окружив его со всех сторон, уселись сами и стали говорить ему с большою лаской:

«Прекрасно сделал, Удхав, ты приехал к нам,
Привез от Мадха вести прежним всем друзьям.
Всегда ты жил близ Кришны, друг его большой!
Так расскажи ж нам вести, что привез с собой!
Послал тебя к отцу он, к матушке родной;
Поди теперь не помнит, ни о ком другом.
Пожертвовали всем мы, дали что могли,
Душою привязались, все уйдя с земли.
Он думал о себе лишь, всех других забыв.
В награду за любовь он мукой отплатил.

Как птица оставляет дерево, лишенное плодов, так нас покинул Хари и от нас ушел. Мы всем пожертвовали для него, и все ж не сделался он нашим». Махарадж! Когда пастушки, опьяненные любовью, таких речей наговорили много, то Удхав джи, увидев стойкость их любви, хотел подняться, чтоб им поклониться. Тогда одна пастушка, увидевши самца пчелы, сидевшего там на цветке, по поводу его сказала Удхаву джи:

«О медоносный! Ты с лотосов ног Мадхава[1] напился соку, поэтому тебя и называют Мадхупа,[2] что значит „пьющий мед“. Ты плута друг, поэтому-то он и сделал вестником своим тебя, прислал сюда. Ты не касайся наших ног: ведь мы то хорошо все знаем, что темноцветные все плуты. Каков ты сам, таков и Шьяма. Поэтому не смей нам кланяться. Как ты летаешь, лакомишься соком всех плодов и всех цветов и остаешься все ж ничьим, так вот и он: полюбит и останется ничьим». Так говорила та пастушка. Вдруг прилетела и другая пчелка. Увидевши ее, пастушка Лалита[3] сказала:

«Эй, пчелка, улетай-ка, нас скорей оставь;
Лети себе к Матхуру, там все передай.

Где наслаждаются прекрасная, как Кубджа, царская супруга и шри Кришначандра. Да что мы будем говорить лишь об одном рожденье? Таков твой нрав во всех рожденьях! Царь Бали отдал[4] все тебе, ты в ад его послал. А верную супругу Ситу без вины ты[5] выгнал из дому. Когда ты с ней так обошелся, то что же говорить о нас». Когда она окончила, то все пастушки снова, сложивши поднятые руки, Удхаву сказали так: «О Удхав джи! Мы беззащитны здесь без Кришны. Возьми ты нас с собой»“.

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Когда слова такие тут сошли с уст всех пастушек, то Удхав джи сказал: «Все со вниманьем слушайте.

---

[1] Буквально „Медовой“, одно из имен Кришны.
[2] Т. е. „пьющий“ или „напившийся меду“.
[3] Имя одной из пастушек.
[4] При воплощении Вишну в виде пигмея.
[5] В образе Рамы, аватары Вишну, героя Рамаяны.

Я вам прочту и объясню послание, которое вам написал, прислал шри Кришначандра джи. Написано: „На наслаждения телесные оставьте все надежды, стремитесь к единенью с Кришной в духе, и никогда не будете в разлуке“. И сказано еще:

„И день и ночь держите в мыслях все меня:
Милее вас не будет друга у меня“».

Сказавши это, Удхав джи потом промолвил: «Предвечного Адипурушу, Хари джи, вы неизменною любовью полюбили. Того, кого все прославляют как незримого, непостижимого и неизменного, того вы полюбили как супруга. Как в теле есть земля, вода, огонь и воздух и эфир,[1] так пребывает в вас господь. Но силой майи вам он кажется от вас отдельным. Воспоминание о нем храните в мыслях: он всегда во власти любящих его. От близости его погибнуть может знание и мысль о нем; поэтому, уйдя отсюда, Хари поселился далеко. И, сверх того, еще велел шри Кришначандра вам сказать: „Я на свирели заиграл, позвал вас в лес. Когда я увидал в вас появление огня любви, тогда я с вами хоровод водил.

Когда вы позабыли сущность божества,
Царь ядавов исчезнул, тщетно вам искать.

Потом, когда вас осенило знанье, когда в душе вы оживили мысль о Хари, господь, узрев в душе у вас святое знание и веру, вновь явился перед вами“». Когда с уст Удхава сошли слова такие,

Тогда ему пастушки в гневе говорят:
«Теперь мы знаем все: он попросту сбежал.
Он говорит о знанье, йоге всех умов,
Забыв о нас, о небе речи он повел.
Сам только о забавах думает в душе,
Себя он Нараяном звать нам повелел,
Всегда здесь в Брадже с детства счастье нам давал,
Как он непостижимым и незримым стал.
Кто качествами всеми, формой обладал,
Как тот лишился качеств, форму потерял.
Пока еще дыханье, жизнь для нас мила,
Кто станет, Удхав, слушать те твои слова».
Одна подружка встала, снова говорит:
«Да приласкайте Удхо: сердце так велит.
Да что мы с ним, подружки, станем толковать,
Послушаем, посмотрим: с ним ли рассуждать?»
Одна тут так сказала: «Он не виноват.

[1] Согласно с учением различных философских систем.

Его послала Кубджа: слушаться он рад.
Кого захочет Кубджа, может научить,
А он придет, поет вишь, что она велит!
И никогда бы Шьяма так нам не сказал,
Как этот насказал нам: Брадж весь напугал.
Такие речи слушать станет кто, сестра?
Уж больно тошно слушать, прекратить пора.
„Забудьте наслажденье, в духе слейтесь с ним“.
Когда такие речи Мадхав говорил?
Обет, молитва, подвиг, помнить о постах —
Все это дело вдов ведь, нам внушает страх!
Живи ты в мире вечно, Канха дорогой,
Ты одарял нас счастьем, радовал собой.
Пока жив муж, зачем же нам копить навоз?[1]
Скажи, какие нравы ты у нас тут ввел.
Наш подвиг, благочестье, наш обет таков:
Всегда чтоб к сыну Нанды чуствовать любовь.
Тебя, о Удхав, кто здесь станет обвинять,
Как натаскала Кубджа, ты сумел сплясать»“.

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни сказал: „Махарадж! Когда такие речи, полные любви, услышал Удхав джи из уст пастушек, то он в душе и сам страдал из-за того, что поучал их в благочестии. В смущенье замолчал он и головой поник, сидел безмолвно. Потом одна пастушка спросила у него: «Скажи, ну как живет там Балабхадра? И думает ли он когда о нас, когда он вспоминает о ребяческой любви, иль позабыл уж все?»

Услышав это, какая-то пастушка ей ответила: «Да ты, пастушка только, деревенщина. Такие ли красавицы в Матхуре! Теперь им подчинился Хари, развлекается там с ними. Куда теперь ему там вспоминать о нас? Когда уехал он туда и там под крылышком стал жить, подружка, с тех пор не наш он милый, сделался чужим. Когда бы мы об этом раньше знали, то разве б мы ему уехать дали? Теперь тоскою горю не поможешь. И потому нам надлежит забыть про все свои страданья и жить одною надеждой на свиданье. Как восемь месяцев земля леса и горы переносят зной, живут надеждою на облака, и облака приходят, освежают их, так Хари к нам придет, нас навестит».

Одна сказала: «Хари подвиг совершил.
Убил врага он Кансу, царство получил;
Зачем ему в Вриндаван к нам сюда итти.
Что ж он, покинет царство, чтоб коров пасти?
Подруженьки, надежды киньте навсегда:
Забот нам много будет, счастья — никогда».

[1] Вдове в знак скорби об умершем супруге повелевается мазаться коровьим навозом.

Одна из них в волненьи всем им говорит:
«На Кришну все надежды как нам позабыть?

Куда б мы ни взглянули — на лес, на горы, иль на берега Ямуны, где играл шри Кришна с Баларамом, встают повсюду здесь воспоминания о них. О ты, владыка жизни нашей, Хари, куда ушел ты?» Потом одна сказала:

«Весь Брадж теперь подобен морю тяжких мук,
В потоке бурном лодка — слово только, звук!
В страданиях, в разлуке всем нам утонуть,
А Кришна говорит нам: „Я перевезу“.
О, Гопинатх, зачем ты позабыл о нас?
В помине не осталось, знать, в тебе стыда».

Услышав это, Удхав джи в душе стал размышлять: «Хвала пастушкам этим, их твердости хвала. Покинув все, они живут все, погрузившись в созерцание шри Кришначандры». Махарадж! Так Удхав джи, увидев их любовь, в душе их восхвалял. А в это время все пастушки встали и стали перед ним. С большим почтеньем и вниманьем Удхава джи привели они к себе домой. Увидев их приязнь большую, он последовал за ними, и вкусил там снеди. Тогда пастушки, пуджу совершив Удхаву джи, дали множество даров ему, потом, сложивши поднятые руки, с великою любовию сказали: «О Удхав джи! Когда вернешься к Хари, благоволи сказать: „Владыка! Ты прежде проявлял великую к нам милость! Ты за руки брал нас, ходил повсюду с нами. Теперь же, получив высокий сан, со слов той горожанки Кубджи, ты нам послание прислал о единеньи в духе. Мы женщины все темные, до сей поры не видели в лицо учителя. Откуда получить нам знанья?

К нему любовь питали с самих детских лет,
И нам ли знать о йоге, навыков ведь нет!
И почему сам Хари нас не научил?
Об этом он посланье всем нам настрочил.
Благоволи все это, Удхав передать:
Мы погибаем все тут, пусть придет спасать“».

Махарадж! Сказавши это, все пастушки, душою Хари созерцая, погрузилися в экстаз. А Удхав джи, простершись перед ними, удалился, сел на колесницу и отправился к Говардхану. Он несколько дней пробыл в Брадже. Потом, уехавши оттуда, он посетил все те места, где чудеса свершал и где играл шри Кришначандра джи. Он в каждом месте пробыл три-четыре дня. Немного времени спустя, он возвратился вновь в Вриндаван. Отправившися к Нанде и Яшоде он, сложивши поднятые руки, молвил: «Я встретил здесь всеобщую приязнь и прожил в Брадже много дней. Теперь, коль вы дадите разрешенье, то я отправляюся в Матхуру».

Услышав это, Яшода рани в дом пошла и принесла сметаны, молока и масла, простокваши и много разных сладостей. Вручив все это Удхаву джи, Яшода так сказала: «Благоволи отдать все это милому шри Кришне, Бараму и не забудь сказать сестрице Деваки: „Отдай моих шри Кришну с Баларамом, не задержи их у себя!» Сказав такой наказ, Яшода рани в страшном горе разрыдалась. А Нанда джи сказал: «О Удхав джи! Что нам еще тебе сказать? Ты сам бывалый человек, достойный и много понял сам! Вернешься, то благоволи сказать так господу: „Ты вспомни о страданьях тех, кого покинул в Брадже. Скорее повидайся! Не забывай о нас!“».

Когда, сказав так, Нанда рай сам залился слезами, то все браджийцы, которые стояли там, — мужчины все и женщины — все зарыдали вместе с ним. А Удхав джи, всех успокоив и утешив, обнадежив, укрепив их бодрость, простился с ними, взял с собою Рохини и с ней отправился в Матхуру. Вот ехал, ехал он и наконец приехал к Кришне джи.

Увидев Удхава джи, шри Кришна с Баларамом бросились ему навстречу, с большой сердечностью спросили о его здоровье и стали спрашивать, что нового в Врандаване: «Скажи нам, Удхав джи, здоровы ль Нанда и Яшода и все браджийцы с ними? И вспоминают ли они когда о нас иль нет?» И Удхав джи сказал: «Махарадж! Величье Браджа и любовь к тебе всех тех, кто обитает в нем, — все это описать не в силах я. Они одним тобою дышат, и день и ночь все думают лишь о тебе. Любовь к тебе пастушек — чистый образ совершеннейшей любви. Я твой совет о единеньи в духе передал, но лишь от них любви глубокой тайну я познал». Сказавши это, Удхав джи вновь продолжал: «О, милосердый к бедным! Что мне сказать еще? Ты — проникающий в сердца. Ты знаешь души всех. В немногих лишь словах скажу тебе: там в Брадже каждый корень, все, в чем теплится сознанье, страдает тяжко без тебя, без лицезренья, без касанья. Одной надеждой на свидание с тобой живут».

Когда, услышав эти вести, оба брата погрузилися в печаль, то Удхав джи, простившись со шри Кришначандрой и передав послание от Нанды и Яшоды Васудеву с Деваки, отправился к себе домой. А Рохини, с шри Кришною и Рамой повидавшись и испытав большую радость, поселилася в своем дворце“.

Так гласит глава сорок восьмая „Утешение пастушек“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 49

Шри Кришна джи с Удхавом джи посещают дом Кубджи

Шри Шукадева муни сказал: „Махарадж! Однажды благодетель верных, шри Кришна джи Бихари, вспомнив о приязни Кубджи и решив исполнить данное ей слово, взял с собою Удхава джи и с ним отправился к ней в дом.

Когда узнала Кубджа, к ней идет Гопала,
То тканями, коврами путь его устлала
И с радостью великой стала перед ним...
Заслуг великих прежних плод он пробудил.
Для Удхава сиденье Кубджа принесла.
Мурари шри Бихари в глубь дворца ввела.

Войдя туда, он видит в украшенном картинами покое дивном стоит прекраснейшее ложе. На нем прекрасная постель, покрытая чудесными цветами. И Хари подошел и сел на нем. А Кубджа, удалившись в глубину покоя, покрыла тело благовонной мазью, омылась, искупалась, вдела гребень в волосы, одела дивные одежды, украсила себя всю с головы до ног, вкусила бетелю и, окропив себя всю благовонными духами, упоенная любовью, приблизилась к шри Кришначандре так, как Рати [1] приближается к супругу своему. И, опустив в смущеньи покрывало, питая страх в груди пред первой встречей, безмолвно стала близ него. Увидевши ее, шри Кришначандра, корень радости, ее взял руку, притянул и, посадив на ложе близ себя, ее желание исполнил.

Потом он, с ложа вставши, к Удхо подошел,
В смущеньи улыбнувшись, он глаза отвел.

Махарадж! Так одарив блаженством Кубджу, шри Кришначандра взял с собой Удхава и с ним пошел в свой дом. А Балараму джи сказал:

[1] Буквально „наслаждение, любовь“. Имя богини любви, супруги Камадева, бога любви.

«Братец! Я обещал Акруру дома посетить его, поэтому сперва отправимся к нему, затем пошлем его мы в Хастинапур, пусть разузнает, что там происходит». Когда он так сказал, то оба брата отправились к Акруру. Когда Акрур увидел господа, он, исполненный великой радости, упал к его ногам и, возложивши на главу свою прах ног его, сложивши поднятые руки, со смирением сказал: «Владыка милосердый! Великую ты оказал мне милость, что посетил меня, дал лицезреть себя и освятил мой дом». Услышав это, шри Кришначандра молвил: «Ах, дядя! Зачем такая пышность? Ведь мы свои ребята». Сказав так, Кришна молвил: «Дядя! молитвами твоими асуры все теперь истреблены. Но есть одна забота в сердце у меня. Мы слышали, что пандавы отправились в Вайкунтх, и от руки Дурйодханы [1] пять наших братьев страждут тяжко.

А Кунти [2] тетушке то горя больше всех,
Ты съезди в Хастинапур, там ее утешь!»

Услышав это слово, Акрур джи ответил Хари: «Благоволи не беспокоиться об этом. Я поеду в Хастинапур, ее утешу и привезу тебе оттуда вести»“.

Так гласит глава сорок девятая „Посещение Кубджи“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Сын царя Хастинапурского Дхритараштры; глава кавравов, героев Махабхараты.
[2] Сестра Васудева, тетка Кришны, мать пандавов, героев Махабхараты.

ГЛАВА 50

Акрур, услышав дерзкие слова Дурйодханы, отправляется с Видуром[1] в дом Пандавов и утешает Кунти

Шри Шукадева муни сказал: „Владыка земли! Когда шри Кришначандра выслушал слова Акрура, то он его отправил позаботиться о пандавах. Он сел на колесницу и отправился. Ехал он, ехал, и наконец он из Матхуры прибыл в Хатинапур. Сошел там с колесницы и отправился туда, где царь Дурйодхана сидел в своем совете. Приветствовав его, он стал пред ним. Его увидев, Дурйодхана с своим советом встал, пошел к нему навстречу и с большим почетом и почтеньем посадил его с собой. Осведомившись о здоровье, он сказал:

«Здоров ли Сурасена, жив ли Васудев?
Здоров ли Мохан славный, жив ли Баладев?
А по какой причине царь ваш Уграсен
Не вспомнит о родне уж. Всех забыл совсем!
Прикончил он сыночка, правит царством сам,
Ни до кого нет дела, горд он больно стал!»

Когда Дурйодхана сказал все это, Акрур все выслушал, ни слова не сказал; в душе ж себе подумал: «В совете этом оставаться неприлично мне. Коль я останусь здесь, то он не мало будет говорить таких речей, их мне не переслушать. Поэтому не хорошо здесь оставаться мне».

Подумав так, Акрур джи встал и, взяв с собою Вадура, отправился в дом пандавов. Придя туда, он видит: горюя о супруге, Кунти в печали тяжкой плачет. Акрур к ней подошел и сел и стал так утешать: «О мать! Никто не может волю Брахмы превозмочь. И никогда никто не может, как бессмертный, вечно жить. Живые твари, обладая телом, испытывают радости и горе. А посему скорбеть не подобает человеку. Ведь скорбь нам ничего не принесет: она вселяет только в сердце муку».

Махарадж! Когда Акрур джи, утешая, вразумляя, говорил так Кунти, тогда она задумалась и замолчала. Потом, осведомившись о его здоровье

[1] Сын риши Вьясы от рыбыни шудры. Почитается мудрейшим из мудрых.

и делах, она сказала: «О, Акрур джи! Здоров ли мой отец и мать, здоров ли брат мой Васудев с семьей? И вспоминают ли когда шри Кришна с Баларамом джи своих пять братьев — Юдхиштхиру[1] и Бхиму, Арджуна и Накула и Сахадева? Они здесь в море скорби. Когда же Кришна с Баларамом придут и защитят их? Теперь уж мы не в силах выносить все издевательства слепого Дхритараштры: ведь здесь он поступает так, как повелит ему Дурйодхана. А тот теперь и день и ночь все думает о том, как погубить всех сыновей моих. Не раз он яду им давал: мой Бхимасена[2] яду уж отведал».

Так рассказав об этом, Кунти снова молвила: «Скажи, Акрур джи, когда все кавравы питают к нам вражду такую, то где ж искать защиты сыновьям моим? Как избежать им смерти, возмужать? Большое это горе! Да что рассказывать! Как лань, отстав от стада, страх питает, так я всегда в печали пребываю.

Кто Кансу и асуров всех сгубить сумел,
Да будет мне защитой: он так дивно смел.
Здесь Бхима, Юдхиштхира, Арджун брат его...
О муках их расскажешь, как к нему пойдешь!»

Когда с такой печалью Кунти довела рассказ свой до конца и выслушал ее Акрур, его глаза наполнились слезами, и в утешенье он сказал: «О мать! Ты не печалься ни о чем! Твои пять сыновей все вырастут могучими и славными. Врагов своих, злодеев всех убьют и истребят. Союзником их будет шри Говинда». Сказавши это, Акрур джи продолжал: «Шри Кришна с Баларамом джи меня к тебе прислали и сказать велели, чтоб ты здесь не скорбела ни о чем. „Мы скоро к ней придем“, они сказали».

Махарадж! Так сообщив ей о словах шри Кришны джи, Акрур, утешив, успокоив Кунти, подав надежду ей, простился и с Видуром, отправился он к Дхритараштре[3] и сказал ему: «Ты старший в роде. Зачем творишь такие беззакония? Ты подчинился воле сына и, захватив трон брата своего, ты угнетаешь здесь племянников своих. Где виданы подобные законы? Зачем чинишь такие беззакония?

Лишился ты очей вот, сердца не видать:
Весь род свой истребил ты, грешно и сказать.

Зачем без всяких прав и без заслуг ты захватил вдруг царство брата, стал угнетать Юдхиштхиру и Бхиму?» Услышав это, Дхритараштра схватил Акрура за руку и молвил: «Что я могу поделать? Ведь слов моих не слушает никто. Они все делают, что захотят, меня же обратили в дурачка.

[1] Сыновья Кунти, пять пандавов: Юдхиштхира, глава пандавов, впоследствии царь Хастинапура; Бхима, самый сильный из пандавов; Арджун, самый прекрасный, отважный и мудрый из них. Два остальных пандава Накула и Сахадев — фигуры менее замечательные.

[2] Бхима; Бхимасена — более полная форма его имени.

[3] Слепой царь Хастинапура, отец Дурйодханы и всех братьев кавравов.

Поэтому не вмешиваюсь в их дела я, сижу себе один, в безмолвии творю молитву господу». Когда сказал так Дхритараштра, Акрур простерся перед ним и, удалившися оттуда, на колесницу сев, поехал. Ехал, ехал он и из Хастинапура приехал в Матхуру.

И Уграсене с Васудевом рассказал он все о Панду:
«Страдают тяжко дети Кунти: даже с тела страшно спали».

Так рассказавши Уграсене с Васудевом джи все то, что видел в Хастинапуре, Акрур отправился к шри Кришне с Баларамом и поклонился им; потом, сложивши поднятые руки, так сказал: «Махарадж! Я съездил в Хастинапур и посмотрел там все. Там тетка ваша и пять братьев все от кавравов злых страждут тяжко. Зачем я буду больше говорить? Ты проникаешь в сокровенное. Дела все эти и бедствия не скрыты от тебя». Промолвив это, Акрур поведал Кришне джи о просьбе Кунти, простился с ними и пошел в свой дом. Услышав обо всем, шри Кришна с Баладевом, — боги всех богов — как люди сели и задумались о том, как бремя облегчить земли".

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни сказал царю Парикштиту: „Владыка земли! Воспел я славу лесу Браджа, городу Матхуре, и этим рассказал я первую лишь часть сказанья. Теперь я дальше буду петь вторую часть, коль силу мне пошлет владыка Дварки".[1]

Так гласит глава пятидесятая „Хождение Акрура в Хастинапур" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ТАК ОКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ „ПРЕМ САГАРА".

[1] Столица царства Кришны, город, созданный для него на острове посреди океана.

ГЛАВА 51

ДАЛЕЕ ИДЕТ ВТОРАЯ ЧАСТЬ СКАЗАНИЯ

Война шри Кришны и Баларама с Джарасандхом

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Теперь я расскажу тебе сказание о том, как Кришна с ратью, Джарасандха победив, убив Калаявана[1] и дав спасенье Мучукунде,[2] оставил Брадж, переселился в Дварку. Со тщанием ты прилагай внимание и слушай. Царь Уграсена правил всем матхурским царством справедливо. Шри Кришна с Баларамом джи, как слуги государя, исполняли все веления его. От этого счастливы были все, и царь и весь народ. Но две супруги Кансы страдали тяжко в скорби по супругу своему. От скорби не могли они ни спать, ни есть, ни пить. Все восемь страж в печали пребывали.

Однажды эти две сестры в великом горе говорили меж собой: «Как без царя народ, как без луны прекраснейшая ночь теряет красоту свою, так и красавица теряет красоту свою всю без супруга! Мы стали беззащитны, не подобает нам здесь оставаться. И будет лучше, если мы уйдем отсюда, будем жить в дому отца родного». Махарадж! Царицы обе так между собой решив, потребовали колесницу, сели на нее, и обе отправилися из Матхуры. Вот ехали да ехали они и прибыли в страну Магадха к своему отцу. Там обе, плача и стеная, поведали отцу о том, как Кришна с Баларамом джи убили Кансу и асуров.

И, выслушав их, Джарасандх, в великой ярости явился на совет и так сказал: «Скажите, кто родился в роде Яду столь могучий? Кто Кансу и асуров всех убил и сделал вдовами обеих дочерей моих? Немедля я со всей своей могучей ратью выступаю, сожгу Матхуру со всем родом Яду и поборю шри Кришну с Баларамом, свяжу обоих их и приведу сюда, не то не буду называться Джарасандхом».

Сказавши так, немедля написал повсюду Джарасандх подвластным всем царям послание такое: «Немедля собирайте рать свою, являйтеся ко

[1] Буквально „Черный Явана (грек)". Царь варваров, вступивший в войну с Кришной, Калаявана был убит взглядом царя (богатыря) Мучукунды.

[2] Могучий царь, сын царя Мандхаты. Своим взглядом Мучукунда убил Калаявана и был награжден Кришной.

мне. Мы отомстим за Кансу и истребим весь Яду род». И получив посланье Джарасандха, цари всех стран собрали каждый рать свою и спешно прибыли все к Джарасандху. Меж тем сам Джарасандх успел уже собрать свои войска, привел их в боевой порядок. Когда, собрав все полчища асуров, сам Джарасандх отправился в поход в Матхуру из страны магадской, тогда он вел с собою двадцать три рати акшаухини. В одной акшаухини же состояло: двадцать одна тысяча и восемьсот семьдесят воинов на колесницах и столько ж на слонах, сто девять тысяч триста пятьдесят воинов пеших и шестьдесят тысяч воинов конных. Такие двадцать три акшаухини он вел с собой. Мне долго бы пришлось рассказывать о том, как был силен в них каждый ракшас.

Махарадж! В тот час, как Джарасандх со всеми ратями асуров выступил под звуки мощных барабанов, хранители всех десяти сторон земли от страха задрожали; все божества от страха бросились бежать; от тяжести необычайной вся земля заколебалась, как грудь. Так двигался могучий Джарасандх и наконец приблизился к Матхуре и осадил ее со всех сторон. Тогда все граждане, в великом ужасе, пришли к шри Кришначандре и стали так вопить: «Махарадж! Царь Джарасандх пришел с войсками и со всех сторон он осадил наш город. Что делать нам теперь, куда бежать?»

Услышав это, Хари погрузился в размышленья. И Баларам приблизился и господу сказал: «Махарадж! Ты принял воплощенье, чтоб устранять страданья верных. Теперь прими же огненный свой образ, сожги огнем весь лес асуров, сними с земли ты бремя!» Услышав эту речь, шри Кришначандра вместе с ним отправился немедля к Уграсене и сказал: «Махарадж! Благоволи нам дать приказ открыть немедля бой, а ты со всеми ядавами вместе благоволи здесь крепость охранять».

И с этими словами он пошел к отцу и матери. Меж тем все граждане собрались и стали в ужасе вопить: «О, Кришна! Как нам спастись теперь от рук асуров этих?» И Хари, увидев всех, не исключая матери с отцом, объятыми великим страхом, в успокоение сказал: «Вы не тревожьтесь ни о чем! Вся эта рать асуров, которую вы видите перед собой, в одно мгновение на этом самом месте вся исчезнет, как исчезает водяной пузырь». Сказавши так, шри Хари успокоил всех, придал им бодрости. Когда, простившись с ними, господь пошел вперед, то боги вдруг прислали им обоим колесницы дивные с вооруженьем боевым. Они пришли и стали перед ними. Тогда на колесницы оба брата сели.

И выехали вместе оба эти брата,
Приблизилися братья к той асуров рати.

Подъехали туда, где Джарасандх стоял. Увидев братьев, Джарасандх с великой гордостью сказал шри Кришначандре: «Эй! Прочь с очей моих! Да разве я могу с тобою драться? Ты мне не ровня». Шри Кришначандра молвил: «Эх, глупец, тщеславный! Что ты болтаешь? Кто истинный герой, не говорит речей хвастливых, просто обращается со всеми. Когда дойдет

до дела, тогда свою он силу проявляет. А кто себя сам превозносит, может ли других заставить говорить так о себе? Ведь сказано: „Коли гремит, дождя не будет“. Поэтому зачем тут разводить пустую болтовню?»

Когда царь Джарасандх, услышав эту речь, необычайно разъярился, шри Кришна с Баладевом убежали. За ними бросился и он со всею ратью. В догонку стал он так кричать: «Эй, вы, злодеи! Куда ж вы убегаете так от меня? Вы слишком долго оставались в живых! Что ж вы задумали теперь? Живыми вас теперь не отпущу! И вас, со всем презренным родом Яду, я отошлю туда, куда ушел царь Канса наш с асурами своими!» Махарадж! Когда столь злая речь сошла с уст этого асура, то, отбежав немного оба брата вновь остановились. Шри Кришна джи вооружился всем оружием, а Баларам джи взял свой плуг, свою дубинку. Когда приблизилася рать асуров, то оба брата с страшным криком так обрушились на них, как лев бросается вдруг на слоновье стадо. И зазвенело тут оружие!

В тот час огромных барабанов гром был грому туч подобен; огромнейшие рати ракшасов их окружали, казались облаками; оружие как град разило. Средь них шри Кришна с Баларамом, бой ведя, блистали так, как молния средь черных туч сверкает. Все боги, на своих виманах сидя и с небес взирая, пели славу господу, победу призывали для него. Меж тем царь Уграсен со всеми ядавами вместе мучился в душе великим страхом, говоря: «Что мы наделали! Зачем позволили шри Кришне с Баларамом джи пойти в толпу асуров?»“

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Владыка земли Когда в бою жестоком асуров много полчищ изрубили, то Баладева джи, сойдя вдруг с колесницы, асура Джарасандха в плен забрал. Тогда шри Кришначандра джи, приблизившися к Балараму джи, сказал: «Брат! Не убивай его, а отпусти живым. Ведь если он уйдет живым, то снова соберет асуров и вернется. Мы всех их истребим; с земли мы снимем бремя А не отпустишь ты его живым, то все те ракшасы, которые бежали, не попадут к нам в руки». Так убедивши Баладева джи, господь велел немедля Джарасандха отпустить. И он ушел к своим, которые спаслися бегством с поля брани.

Вокруг себя он смотрит, молвит так, убитый:
«Могучие все рати, все в конец разбиты.
Великое постигло нас всех испытанье...
Оставив дом, творить я буду покаянье!»
Тогда сказал советник, раджу утешая:
„Ты человек бывалый, что ж ты так страдаешь?
Сегодня пораженье, завтра ждет победа,
Возможно ли оставить царство, ввергнув в беды?

Что за беда, что ты в сегодняшнем сраженье вдруг пораженье потерпел? Мы соберем другую рать и в ад пошлем со всеми ядавами вместе и шри Кришну, Васудева. Ты не тревожься ни о чем». Махарадж!

Советник этими словами успокоил и утешил Джарасандха и тех асуров, которые спаслись, бежав от битвы. И Джарасандх царь снова всех собрал в столице, и новые стал рати собирать. Меж тем шри Кришна с Баларамом озирали поле брани, видя, что кровь течет рекой, и колесницы в ней без воинов повсюду плавают, как корабли. Виднеются повсюду мертвые слоны, как горы; из ран у них фонтанами бьет кровь. Там Махадева джи с толпою бхутов, претов, восторгом опьяненный, пляшет и поет, украшенный гирляндами отрубленных голов, а жены бхутов, претов, пишачи, черпают ту кровь всю черепами и в восторге пьют ее. А коршуны, вороны и шакалы, усевшися на трупах, мясо пожирают и меж собой вступают в бой".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Все колесницы, слонов, коней и ракшасов, которые на этом поле пали, Паван[1] всех собрал в огромнейшую кучу, и Агни[2] вмиг всех сжег и в пепел обратил. Пять элементов[3] вновь вернулися к источникам своим. Как шли они сюда все видели, а как они ушли — никто не видел. Так погубив асуров и бремя сняв с земли, шри Кришна с Баларамом, благодетель верных, вернулись к Уграсене и, простершись перед ним, сложивши поднятые руки, так сказали: «Махарадж! Великой силою твоих святых заслуг великих рать асуров мы побили, в бегство обратили. Теперь благоволи без страха править царством, даруй народу счастье!» Когда слова такие сошли с их уст, царь Уграсена джи, в глубокой радости, устроил пир большой и после этого стал править царством справедливости. Прошло немного времени, и Джарасандх асур, собрав большую рать, вновь выступил в поход; шри Кришна с Баларамом вновь его разбили и обратили в бегство. И так семнадцать раз он выступал в поход великий с полчищами из двадцати трех акшаухини; и каждый раз господь их разбивал и в бегство обращал".

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни сказал царю Парикшиту: „Махарадж! И в это время в душе у муни Нарады явилась мысль. Немедля он отправился и прибыл к Калаявану. Нараду джи увидев, Калаяван со своим советом встал пред ним. Потом, простершись перед ним, сложивши поднятые руки, он спросил: «Махарадж! Что привело тебя сюда?»

Услышав, Нарада джи так сказал с раздумьем:
«Мурари с Балабхадрой стали жить в Матхуре,
И без тебя здесь кто их может победить?
Не может Джарасандх ведь Кришну джи убить.

[1] Одно из имен Вайю (वायु), бога ветров.

[2] Бог огонь. Согласно древним легендам, бог Агни проявляется в трех формах: на небе в виде солнца, в воздухе в виде молнии, а на земле в виде огня. В ведическую эпоху Агни был одним из важнейших божеств, входя в древнюю триаду: Агни, Индра и Сурья. В эпоху создания пуран Агни в большой мере утратил свое былое значение, хотя все же еще почитается важным божеством.

[3] Т. е. земля, вода, огонь, воздух и эфир.

Ты богатырь великий, сам бессмертен ты!
А Хари с Баладевом — дети и плуты».

Сказавши так, Нарада муни продолжал: «Ты должен сам преследовать его, покуда не убьешь! Облакоцветный и лотосоглазый, блистает дивной красотой; он, в желтом шелковом наряде, в желтом он плаще». Сказавши так, Нарада муни удалился, а Калаяван рать свою стал собирать. Немного времени ушло на это, и он собрал три кроры[1] диких, страшных варваров: у них всех шеи страшно длинные, большие зубы, грязные одежды, гривы рыжие и красные глаза, как гхунгхчи.[2] Собрав их всех под звуки барабанов, он выступил в поход на Матхуру и обложил ее со всех сторон. Тогда шри Кришначандра джи, увидев все, что происходит, подумал так в душе: «Не хорошо здесь больше оставаться! Сегодня он на нас пошел, а завтра Джарасандх придет с своею ратью, от этого народу мука. Поэтому-то лучше будет, если мы здесь не останемся, отправимся все в океан и поселимся там». Махарадж! Помыслив это, Хари джи призвал немедля Вишвакарму[3] и, объяснив ему, сказал: «Немедля отправляйся и построй средь океана город, да такой, чтоб в нем свободно мы могли бы поселить весь многочисленный род Яду, они же не должны знать этой тайны и не должны заметить, что то не их дома. В одно мгновенье забери всех и перенеси туда».

Услышав это, Вишвакарма удалился и в одну лишь ночь построил он средь океана на Сударшане[4] такой прекрасный город, какой велел ему шри Кришна джи построить, и, дав ему названье «Дварка», он явился к Хари и доложил ему об этом. Потом господь ему дал повеленье: «Немедля забери всех ядавов, перенеси туда, чтоб тайны этой не узнал никто, и не подумали: „куда же мы попали? И кто нас перенес сюда?"».

Едва слова такие сошли с уст господа, как Вишвакарма ночью взял и перенес на остров ядавов и с ними Уграсену с Васудевом. Шри Кришна с Баларамом тоже отправились туда. И вот, услышав шум от волн морских, все ядавы проснулися и в изумлении друг другу говорили: «Откуда взялся океан в Матхуре? Не разгадать нам этой тайны!»".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Владыка земли! Переселив всех ядавов так в Дварку, шри Кришначандра джи сказал так Баладеву джи: «Братец! Теперь отправимся и защитим народ, а Калаявана убьем»".

Так гласит глава пятьдесят первая „Поражение Джарасандха" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Одна крора равна десяти миллионам.

[2] Семена растения гхунгхчи или ганджа отличаются своим кроваво-красным цветом.

[3] Архитектор богов, открывший смертным Стхапатья веду, т. е. основы архитектуры как науки. Согласно Махабхарате, Вишвакарма является не только архитектором, но и богом и мастером всех ремесл и прикладных искусств, выступая таким образом в роли греческого Гефеста.

[4] Буквально „Прекрасный" — название острова.

ГЛАВА 52

От взора Мучукунды Калаяван обращается в пепел,
Мучукунда получает избавление от рождений и смерти

Шри Шукадева муни сказал: „Махарадж! Вернувшись в Брадж, шри Кришначандра джи оставил Баларама джи в Матхуре, а сам он — море красоты, свет мира, одетый в желтый шелковый наряд и в желтый шелковый же плащ, надев все украшенья, отправился в стан Калаявана и там предстал пред ним. И он, шри Кришну увидав, сказал себе в душе: «Иначе быть не может: это Кришна. В нем налицо все те приметы, которые мне указал Нарада муни. Да, это тот, который Кансу и других асуров погубил и разгромил рать Джарасандха!» Подумав так в душе,

Царь Калаяван Кришне громко закричал:
«Куда бежишь, Мурари? Кто так напугал?
Теперь тебе пришлося встретиться со мной!
Остановись на месте! Эй, вступай-ка в бой!
Да, я тебе не Канса, я не Джарасандх:
Род Яду истреблю я, всех убью я сам!»

О, царь! Сказав так, Калаяван в великой гордости покинул рать свою и кинулся преследовать один шри Кришначандру. Но глупый, он не разгадал великой тайны господа. И Хари впереди бежит, за ним, на расстоянии одной руки, без устали несется Калаяван. Бежали так они, бежали, и наконец, когда прошли значительное расстояние, господь вдруг скрылся в горную пещеру. Войдя туда, он видит: какой-то человек лежит и спит. Он вмиг покрыл его своею желтой тканью, сам же отошел и спрятался. За ним бежал и Калаяван, тяжело дыша. Вбежав в ту темную пещеру и, увидав там человека, спящего под желтым покрывалом, он про себя подумал, что это, притворившись, спит шри Кришна.

Махарадж! Подумав так в душе, тут разъяренный Калаяван ударил спящего того и крикнул: «Ах, ты обманщик! Что ж ты притворился спящим безмятежно, как святой? Вставай! Я сразу же убью тебя!» Сказав так, он стащил с него тот желтый плащ, и спящий пробудился вдруг. Едва он

в гневе на него взглянул, как Калаяван вмиг сгорел и обратился в пепел". Услышав это, царь Парикшит сказал:

„О, Шукадев, скажи мне, это объясни,
Кто жил в пещере этой, кто же это был?
И почему он взглядом в пепел обратил?
И кто его великой силой одарил?"

Шри Шукадева муни сказал: „Владыка земли! Мучукунда был сыном Мандхаты[1] из рода кшатрия Икшваку.[2] Он обладал великой силою и мощью. И слава Мучукунды, громившая полки врагов, проникла в девять стран земли. Однажды к Мучукунде пришли все боги в великом страхе пред насильями асуров и со смирением великим так сказали: «Махарадж! Усилились асуры очень, от них теперь нельзя спастись. Скорее защити нас! Такой обычай ведь идет издревле, что всякий раз, когда становятся бессильны суры, муни, риши, на помощь им приходят кшатрии». Услышав это, Мучукунда последовал за ними и вступил в войну с асурами. В войне с асурами прошло так несколько уж Юг, тогда-то божества сказали Мучукунде: «Махарадж! Для нас ты много потрудился, теперь где-либо сядь и отдохни и телу дай покой.

Немало дней боролся ты со злым врагом,
Семьи, богатств лишился, всех своих детей.
Теперь уж не осталось, нет твоих родных.
Домой не возвращайся, всех утратил ты.

Иди туда, куда тебя влечет твоя душа». Услышав это, Мучукунда так сказал богам: «Владыки милосердые! Вы сделайте мне милость, укажите мне уединенное такое место, куда б я мог пойти, заснуть спокойно, чтоб меня никто не разбудил». Услышав это, боги, просветлев, сказали Мучукунде: «Махарадж! Иди в пещеру на горе Джаулагири,[3] никто тебя там не разбудит, а если кто-нибудь — захочет он того или невольно — тебя разбудит, то на него взглянув, одним лишь взглядом ты сожжешь его и в пепел обратишь»".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю: „Махарадж! Получив такой дар от богов, Мучукунда поселился в той пещере. По этой-то причине, едва лишь взор его на Калаявана упал, он вдруг сгорел и в пепел обратился. Потом сосуд святого милосердья, Канха, благодетель верных, облакоцветный, луннолики, лотосоглазый, четверо-

---

1 Царь Мандхата был сыном Ювансашвы. Согласно легендам, он родился без участия женщины, выйдя из правого бока своего отца. Сам бог Индра кормил его со своего пальца.

2 Сын Ману Вайвасвата, сына солнца. Икшваку почитается родоначальником солнечного рода кшатриев, и, согласно легендам, он царствовал в Айодхья (нынешний Аудх), в начале Трета-Юги.

3 Название одной из высочайших вершин в Хималаях.

рукий, держа в руках прекрасных шанкху, чакру, гаду, падму, в короне из павлиньих перьев, с серьгами в форме макара,[1] в гирлянде из лесных цветов, одетый в желтый шелк, виденье Мучукунде дал. Увидев образ господа, он восьмичленный совершил поклон,[2] потом же, став пред ним, сложивши поднятые руки, молвил: «Владыка милосердый! Как ты, явившись в эту темную пещеру, осветил ее и тьму прогнал, так, сделай милость, открой свою мне тайну, благоволи ты удалить все заблуждения души моей!»

Шри Кришначандра джи сказал: «Мои рожденья, карма, гуны многи, и их число не поддается исчисленью, кто б сколько ни считал. Но я тебе открою тайну этого рожденья: я принял воплощенье в доме Васудева, и потому меня зовут все „Васудевом“. В Матхуре Кансу я убил и всех асуров, и снял с земли я бремя. Семнадцать раз с великой ратью в двадцать три акшаухини походом шел против меня царь Джарасандх и вел войну. Но от меня он пораженье потерпел. А тот Калаяван, собрав огромнейшее полчище в три кроры варваров, пришел со мной сражаться и сгорел от взора твоего». Когда такая речь сошла с уст господа, то Мучукунду осенило знанье, и он сказал: «Махарадж! Силою великой обладает майя, господи, твоя. И ею очарован мир весь: она лишает всех ума и памяти.

Ты совершаешь карму к благу всех созданий
И принимаешь тяжесть всяческих страданий!
Как если кость вонзится вдруг собаке в рот,
Она, сама страдая, кость свою сосет
И думает, из кости кровь ей в рот течет:
Так мы свои страданья счастием зовем.

О, Махарадж! Ведь тот, кто в этот мир пришел, без милости твоей не может выйти он из темного колодца, который называют домом. Поэтому и у меня явилася забота: как мне снастись из этого колодца?» Шри Кришна джи сказал: «Внемли, Мучукунда. Все то, что ты сказал, все правда. Но я могу тебе назвать все средства для спасенья, ты их используй. Получивши царство, из-за земли, богатств и благ земных ты много беззаконий совершил. Без подвигов тяжелых не можешь ты от них очиститься. А посему на север отправляйся и подвиги твори. Потом, покинув это тело, вновь прими рожденье в доме риши. Тогда получишь благодать спасенья». Когда услышал Мучукунда эту речь, то он познал, что наступила Калиюга. Постигнув это, он простился с господом, простерся перед ним и, совершивши обхожденье, отправился он в Бхадринатх.[3] Меж тем шри Кришначандра джи отправился в Матхуру и сказал так Бараму джи:

[1] Название легендарного морского зверя.

[2] Восьмичленный поклон (साष्टांग प्रणाम) совершается, когда, распростершись на мле, обращают к земле голову, руки, ноги, сердце, глаза, бедра, слова и мысль.

[3] Название легендарного города в Хималаях.

«Я Калаявана там смерти уж предал,
А старца Мучукунду в Бхадри[1] я послал.
Рать Калаявана все ж выглядит могучей,
Матхуру обложила темной страшной тучей,
Туда пойдем скорее, варваров убьем.
От бремени всю землю этим мы спасем».

Сказавши так, шри Кришначандра взял с собою Халадхара[2] и, выйдя из Матхуры, направился туда, где оставалось войско Калаявана. Приблизившись к той рати, оба брата с ней вступили в бой. Когда же истребил господь всю варварскую рать, тогда сказал он Баладеву джи: «Теперь возьмем мы все богатства и отсюда из Матхуры отошлем их в Дварку». Баларама джи сказал: «Очень хорошо». Тогда шри Кришначандра повелел немедля из Матхуры вынести богатства все и погрузить на буйволов, верблюдов, колесницы и слонов и отослал их в Дварку. И в это время Джарасандх вновь наступать стал на Матхуру с ратью в двадцать три акшаухини. Тогда шри Кришна с Баларамом джи в большой тревоге вышли и показалися ему. Затем, чтоб пыл его унять, они пустились в бегство. Тогда советник Джарасандху так сказал: «Махарадж! Кто силою такою обладает, чтоб мог противиться тебе? Смотри, ведь оба брата Кришна с Баларамом, покинув все богатства и свой дом, спасая жизнь свою, из страха пред тобой без памяти пустились в бегство». Услышав от советника слова такие, сам Джарасандх с своею ратью немедля бросился в погоню с криком:

«Что ж вы пустились в бегство? Эй, чего страшитесь?
Поговорим немного! Эй, остановитесь!
Зачем бежать и падать, страшно так дрожать?
Близка уж ваша гибель; вам не убежать!»“

Рассказав это сказанье, шри Шукадева муни сказал: „Владыка земли! Когда шри Кришна с Баларамом джи вдруг обратились в бегство, себя, как люди, проявили, тогда из сердца Джарасандха вдруг ушла вся прежняя печаль, и он весь просветлел, обрадовался так, что рассказать нельзя. Меж тем шри Кришна с Баларамом все бежали да бежали и наконец они приблизились к горе Гаутаму.[3] А высотой она была в одиннадцать йоджана.[4] Они взобрались на нее, поднялись на вершину и там остановились.

Увидев, Джарасандха громко закричал:
«Мурари с Балабхадрой на гору бежал.
Теперь от нас спастися как моим врагам?
С горою этой вместе их огню предам!»

[1] То же, что Бхадринатх.

[2] Одно из имен Баларама.

[3] Гора близ города Насика, откуда вытекает река Годавари.

[4] Мера длины, равная четырем косам или девяти милям.

Едва слова такие сошли с уст Джарасандха, асуры окружили эту гору, доставили из городов и сел дров и дверей, и ими гору обложили, а сверху тряпок навалили, полили маслом постным и коровьим и зажгли. Когда огонь достиг вершины той горы, то оба брата незаметно так перенеслися в Дварку, что их ухода не видал никто, а вся гора сгорела, обратившись в пепел. В то время Джарасандх, считая, что шри Кришна с Баларамом джи сгорели вместе с той горой Гаутаму, в великой радости собрав всю рать свою, пришел в Матхуру и, овладев всем царством, велел об этом объявить по городу под барабанный бой и там свою поставил стражу. Потом сравнял с землей все старые дворцы, которые принадлежали Уграсене с Васудевом и сам на месте их все новые построил".

Поведав эти сказанья, шри Шукадева джи сказал царю: „Махарадж! Так, обманувши Джарасандха, шри Кришна с Баларамом джи, отправившися в Дварку, поселились там. А Джарасандх, оставивши Матхуру, свое все войско взял и радостный, свободный от забот, вернулся вновь к себе домой".

Так гласит глава пятьдесят вторая „Смерть Калаявана, спасение Мучукунды и уход шри Кришны с Баларамом в Дварку" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 53

Баларам вступает в брак с Ревати.
Царь Рукма собирается выдать Рукмини

Шри Шукадева муни сказал: „Махарадж! Теперь благоволи ты слушать продолжение сказанья. Когда, убивши Калаявана и дав спасенье Мучукунде и обманувши Джарасандха, шри Кришначандра, корень радости, с собой взяв Баладева джи, переселился в Дварку, то жизнь вошла там в души ядавов, весь город осенило счастье. Все граждане в нем стали жить в спокойствии и радости. А через некоторое время, однажды несколько ядавов явились к Уграсене и сказали: «Махарадж! Пришла пора для Баларама в брак вступить, ведь он пришел уж в возраст». Услышав речи их, царь Уграсена брахмана позвал и, объяснив ему, как надлежит, сказал: «О божество![1] Ты отправляйся поскорей куда-нибудь и присмотри хороший род и дом и там сосватай-ка невесту Балараму джи». Сказавши это, он потребовал немедля роли, рису, денег и кокосовых орехов. Затем царь Уграсена, сделав тилак этому брахману, ему дал денег и кокосовых орехов и отпустил его. Вот шел тот брахман, шел, пришел к царю Райвату[2] в стране Анарте[3] и там сосватал он для Баларама дочь его шри Ревати. Потом он взял с собою брахмана его и свадебные все подарки, явился с ними к Уграсене в Дварку и рассказал ему подробно обо всем. Царь Уграсена выслушал его, пришел в большую радость, позвал он брахмана того, что свадебные все дары привез, велел устроить пиршество, подарки принял и, щедро наградив, он отпустил его. Потом он сам, со всеми ядавами вместе, с великой пышностью отправился в страну Анарту и заключил брак Баларама джи".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева муни так сказал царю: „Владыка земли! Таким вот образом все ядавы, устроив свадьбу Баладева джи, вернулися обратно. Меж тем шри Кришначандра джи с собою брата взял

---

[1] Широко распространенная в прошлом форма обращения к брахману девата (देवता), т. е. божество, так как брахманы считают себя земными богами.

[2] Сын Ревы, легендарный основатель города Кушастхам или Дварки в Гуджарате.

[3] Древнее название Гуджарата и его столицы.

и с ним отправился в Кундальпур[1] и там, вступивши с ракшасами в бой, он отнял Рукмини, невесту Шишупала, дочь Бхишмака царя, привез ее домой и с нею в брак вступил". Услышав это, царь Парикшит вопросил шри Шукадева джи: „О милосердия сосуд! Каким же образом шри Кришначандра джи отправился в Кундальпур, убил асуров, отбил царевну Рукмини джи, дочь Бхишмака царя. Ты объясни и расскажи мне это".

Шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Благоволи же слушать, прилагай внимание. Я объясню и расскажу тебе всю эту тайну. В стране Видарбха есть великий град Кундальпур. Там царствовал царь Бхишмак, слава о котором достигла всех концов земли. Шри Сита джи явилася к нему и аватару приняла. Когда родилась дочь, царь Бхишмак джи послал призвать астрологов. Они явились, составив гороскоп и дав той дочке имя Рукмини, сказали: «Махарадж! По нашей мысли так выходит, что эта дочь твоя высокодобродетельною будет, сосудом красоты, по качествам прекрасным будет равной Лакшми и вступит в брак с Адипурушей».

Из уст астрологов услышав это слово, царь Бхишмак принял это как большое счастье и испытал великое блаженство, а брахманам дал множество даров. И вот царевна эта, словно серп луны, день ото дня все стала возрастать и играми своими радовать отца и мать. Когда же подросла она, тогда с подругами, подружками своими стала забавляться различными, чудеснейшими играми. Однажды та царевна — газелеглазая, чампакоцветная[2] и лунноликая — отправилась с подругами своими в прятки поиграть. Когда они играли, то все подруги стали говорить ей: «Рукмини! Да ты пришла, расстроила нам всю игру! Ведь в темноте, где прячешься ты с нами, от света месяца-лица, царевна, твоего исходит лунный свет! От этого нам спрятаться нельзя!» Услышав это, она лишь улыбнулась и замолкла".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Таким вот образом она с подругами играла, и день от дня ее краса росла вдвойне. Однажды в это время Нарада муни в Кундальпур пришел. Увидев Рукмини, отправился к шри Кришначандре в Дварку и сказал: «Махарадж! Есть в Кундальпуре, в доме Бхишмака царя, царевна, кладезь красоты, достоинств, благонравия; она подобна Лакшми. Она тебя достойна!» С тех пор как Хари услыхал от муни Нарады такую тайну, он день и ночь все думал о царевне. Махарадж! Таким путем шри Кришначандра джи услышал имя Рукмини, о доблестях ее узнал. Теперь я расскажу о том, как Рукмини узнала имя господа и славу. Однажды нищие различных стран, скитаясь по миру, пришли в Кундальпур и воспевали славу Кришначандры: как принял он рождение в Матхуре, как в Гокуль и Вриндаван скрылся, как он играл с детьми простых всех пастухов, как он, убив асуров, бремя снял с земли и ядавам дал счастье. Об этом пели нищие.

[1] Столица древнего царства Видарбха, современного Бидара в Хайдарабаде.

[2] Т. е. цвета цветов чампака (चम्पक—Michelia champaka) — кустарника с желтыми цветами.

Все граждане, услышав о великих подвигах шри Кришны джи, в великом изумлении друг другу говорили: «Когда увидим мы очами этими того, о чьих великих подвигах мы слышали ушами?» А в это время нищие каким-то образом явились на собранье Бхишмака царя и стали петь о добродетелях и чудесах шри Кришны. В это время

Шри Рукмини на кровлю как-то поднялась,
И песнь о славе Хари к ней вдруг донеслась.
В великом изумленьи сердцем увлеклась.
Взяла и наклонилась, чтоб их увидать.
Красавица внимает сердцем и душой,
Любовь в ней расцветает нежною лозой.
Царевна вся в восторге, вся потрясена,
И ум и память слава Хари унесла".

Сказавши так, шри Шукадева джи продолжал: „Владыка земли! Таким путем шри Рукмини услышала о славе и об имени шри Кришны. И с этого-то дня она и день и ночь, все восемь страж, все шестьдесят четыре часа — спала ль она иль бодрствовала, сидела иль стояла, ходила или шла, пила иль ела иль играла — все непрестанно думала о нем и воспевала добродетели его. Всегда вставала на заре и, искупавшись, делала себе изображенье Гаври из земли и, предложив ей роли, рис, цветы, курила благовония, светильник зажигая, и, сложивши поднятые руки, опустив голову, так говорила ей:

«Молю тебя, о Гаври, милость ты мне дай,
Мне дай в супруги Кришну, мать, уйми печаль».

Таким вот образом жить стала Рукмини всегда. Однажды так случилось, что она с подругами играла, царь Бхишмак, увидав ее, встревожился душою и сказал: «Она пришла уж в брачный возраст. Коли ее скорей не выдать замуж, то люди засмеют. Ведь сказано: „В чьем доме в брачный возраст девушка пришла, тому уж тщетно расточать дары иль подвиги творить и добрые дела. И не исполнится от этих дел до той поры закон, пока он не отдаст сам дочери свой долг"». Подумав так, царь Бхишмак джи пришел на свой совет, созвал советников всех и родню и так сказал: «Братья! Дочь моя пришла недавно в брачный возраст, и для нее нам следует найти супруга — рода высокого и добродетелей великих, пригожего и с добрым нравом». Услышав это, все стали называть царей различных стран, их род и добродетели и красоту и силу. Но ни один из тех, кого они назвали, Бхишмаку. царю по нраву не пришелся. Тогда-то Рукма,[1]

[1] Впоследствии царь Бходжаката.

старший сын его, сказал: «Отец, царь города Чандери[1] Шишупал великой силой обладает; во всех он отношеньях ровня нам. Коль Рукмини ты за него отдашь, то тем заслужишь славу в мире». Когда же царь не стал и слушать тех его речей, то младший сын его Рукмакеш так сказал:

«Отец, прошу, за Кришну Рукмини отдай,
Со славным Васудевом ты в родство вступай».
Услышав это, Бхишмак в радость вдруг пришел,
И сыну в похвалу он много слов нашел.
«Ты, мальчик, оказался всех умнее здесь,
Твои простые речи мне и по душе!
Ведь сказано:
С вопросом обращайся к младшим, к старикам,
А дело-то так сделай, как придумал сам.
Коль выслушал советы, лучший принимай,
Таков обычай в свете: ты не нарушай».

Сказав так, далее царь Бхишмак молвил: «Мне Рукмакеш прекрасный дал совет. Ведь Сурасена, царь ядавов, великой славою и силой обладает, и Васудев джи сын его. Вот каковы есть те, в чьем доме принял воплощенье предвечный наш Адипуруша, бог всех богов шри Кришначандра. Он обладает силою великой, убил он Кансу и других всех ракшасов и, бремя сняв с земли, прославил род весь Яду, и с ядавами счастье дал всему народу. И если отдадим мы Рукмини шри Кришначандре, владыке Дварки, то удостоимся хвалы и славы в мире». Услышав эти слова, собранье все пришло в большую радость, и все сказали: «Махарадж! Прекрасное задумал дело, государь. Такого жениха для дочери ты не найдешь нигде. Прекрасно это будет, коль шри Рукмини ты сочетаешь браком со шри Кришначандрой джи». Когда собрание все так сказало, то старший сын царя Бхишмака, Рукма, выслушав все это, в страшном гневе молвил:

«Что неуч говорит нам, сам не понимает,
Занятий прежних Кришны он, глупец, не знает.
Шестнадцать лет ведь жил он где-то там у Нанды,
Его тогда ахиром звал ребенок каждый,
Попоной покрывался, пас у Нанды скот,
И у дороги кушал, кто что поднесет.

Пастух он деревенский, больше ничего. Что толковать о родословной парня, чьи мать, отец покрыты тайной. Да чьим же сыном нам его назвать? Одни его считают сыном Нанды пастуха, другие почитают сыном Васудева. Однако же до сей поры никто не разгадал той тайны,

[1] Древний город, развалины которого сохранились в Гвалиоре в округе Нарвар, на расстоянии 10 миль от современного города Чандери, который славится своими бумажными и шелковыми тканями.

чей сын ваш Кришна. И что кому на ум взбредет, то каждый и поет. Ведь мы цари! Нас каждый знает, почитает. А ядавы когда же сделались царями? Что до того, что ядавы нежданно для себя взлетели в высь, величия достигли? Былой позор теперь не смыть! Да и теперь ваш Кришна является слугою Уграсены! Какую ж славу в мире мы приобретем, коль Кришну мы в зятья возьмем? Ведь сказано: „В любовь и брак и во вражду лишь с ровнею вступайте и этим славу рода сохраняйте". А если Рукмини мы выдадим за Кришну, то про меня все люди скажут: „шурин пастуха". От этого погибнет честь и слава наша».

Махарадж! Сказав так, Рукма продолжал: «Царь города Чандери, Шишупал великой силою и мощью обладает. От страха перед ним дрожат цари всех стран. И испокон веков там род его владеет царским троном, а потому прекрасно будет, если выдадим мы Рукмини за Шишупала. И впредь в моем присутствии не смейте даже имени какого-то там Кришны называть!» Услышав это, все собрание, хотя в душе и сожалели все об этом, осталося безмолвным. И Бхишмак джи сам не посмел сказать ни слова. А Рукма же, призвав к себе астрологов, установил счастливый день и через брахмана отправил сам подарки свадебные Шишупалу.

Тот брахман взял подарки, отправился и прибыл в город Чандери, явился на совет царя. Когда царь Шишупал, увидев брахмана, приветствовал его, спросил: «Скажи, о божество, откуда прибыл ты? И какова причина твоего прибытия сюда?» — то брахман, дав ему благословенье, ему причину своего прибытья объяснил. Царь Шишупал, услышав это, просветлел. Потом, призвав к себе пурохита, подарки свадебные принял. И, щедро наградивши брахмана того, он отпустил его. Потом послал он приглашенье Джарасандху и всем другим царям различных стран.

Когда цари пришли и каждый рать свою привел с собою, тогда он сам собрал свое все войско и отправился в Кундальпур для заключенья брака. Тот брахман же, который относил дары, явившись к Бхишмаку сказал: «Махарадж! Я государю Шишупалу славному отнес подарки свадебные. И он, собрав с великой пышностью свой поезд свадебный, пришел для заключенья брака. Благоволи исполнить долг свой».

Царь Бхишмак джи, услышав это, сперва пришел в безмерную печаль. Потом, обдумав все, отправившися во дворец, сказал своей супруге обо всем. Она, узнав об этом, позвавши музыкантов и женщин из их рода, велела всем готовить пир и стала исполнять прилежно свадебные все обряды. Потом царь вышел, дал приказ советникам и главному из них: «Немедля собирайте все, что нужно нам для брака дочери». И получив приказ царя, сам главный[1] и советники велели всем немедля изготовить все, и скоро все представили царю. Меж тем народ все слышал, видел, и в городе распространились слухи, что Рукмини должна была вступить в брак

[1] Т. е. главный советник, главный министр.

со шри Кришначандрой, но Рукма злой не допустил, чтоб состоялся этот брак. Теперь за Шишупала Рукмини джи выйдет".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Владыка земли! Меж тем как в городе ходили эти слухи, в дворце все женщины играли, пели и исполняли все обряды; там брахманы читали веды и велели службы исполнять. Повсюду в городе гремели барабаны. Огромные смоковницы с ветвями и листвой сажали у домов рядами, как колонны, и люди украсили все их куполами золотыми и протянули между ними цветочные гирлянды и венки. И, сверх того, все горожане велели подмести, подчистить все базары, улицы и площади устлать коврами. Меж тем как во дворце и вне его с такою пышностью приготовленья шли, к шри Рукмини явилось несколько подруг ее и так сказали:

«Тебя за Шишупала Рукма отдает,
Тебя уже царицей весь народ зовет».
В печали молвила им, голову склонила:
«Спаси меня, владыка. Ты — владыка мира».

Сказав так, Рукмини задумалась. Потом, позвавши брахмана, сложивши поднятые руки, превознеся его, смиренно заклинала, открыв ему свое сердечное желанье: «Махарадж! Мое посланье в Дварку отнеси, прочти его владыке Дварки и возвращайся вместе с ним сюда. За это буду я тебя глубоко почитать и буду знать, что ты мне сделал милость и дал мне в женихи шри Кришну».

Услышав это, брахман молвил: «Хорошо. Ты напиши послание свое, и я пойду и передам его шри Кришначандре. Он наш владыка милосердый. Коль он пойдет со мной, я приведу его». Когда слова такие из уст брахмана вышли, то Рукмини джи, написав посланье, полное любви, ему его вручила и сказала: «Отдай послание шри Кришначандре, корню радости и от меня скажи ему: „Рабыня та, сложивши руки, умоляет и говорит тебе: Ты постигаешь сокровенное, тебе открыты души всех. Зачем я буду больше говорить? Я у тебя ищу защиты: теперь мой стыд принадлежит тебе. Благоволи так сделать, чтоб спасти меня. Приди и дай своей рабыне лицезреть тебя"».

Махарадж! Когда, сказав так, Рукмини джи отпустила брахмана того, он с мыслию о господе в душе и повторяя имя господа отправился немедля в Дварку и, волей Хари, не успел заметить даже, как достиг ее. Придя туда, он видит, стоит средь океана город, вокруг него огромнейшие горы, их украшают рощи и леса; в них раздаются голоса разнообразнейших зверей и птиц, прекрасные пруды наполнены водой кристально чистой; в них лотосы цветут, над ними же жужжат роями пчелы; по берегам играют журавли и лебеди и множество других различных птиц. На много кос вокруг идут сады с различными цветами и плодами, а по краям их бетеля сады цветут. Садовники стоят повсюду у колодцев, звонко распевают

и, вращая колесо колодца, поднимают кожаные ведра, поливают все вокруг, а у колодцев толпы водоносов по лестницам снуют.

Когда тот брахман, созерцая эту красоту, пошел вперед, то что он видит? Весь город окружен высоким валом, в нем четверо ворот, и в тех воротах двери золотые, они украшены камнями самоцветными. А в городе самом блистают серебряные, золотые дивные дворцы, — пяти- семиэтажные, такие все высокие, что с небесами говорят; их купола и главки как молнии сверкают; повсюду развеваются знамена, флаги разных красок; из окон и оконцев, сквозь отдушины и сквозь резьбу в стенах разносится повсюду аромат. У каждого двора, рядами, как колонны, стоят смоковницы живые, с побегами, с листвой, верхушки их увенчаны шарами золотыми, а между них протянуты гирлянды и венки. Там музыка веселая звучит во всех домах, читаются сказания, пураны и предания о Хари. Все восемнадцать каст живут счастливо и спокойно. Сударшанчакра охраняет город".

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни продолжал: „О царь! Любуясь дивной красотою Дварки, брахман подошел к дворцу, вошел он на совет царя и там остановился. Потом, произнеся благословение, спросил: «Скажите, где изволит обитать шри Кришначандра джи?» Тогда один из бывших на совете указал ему дворец шри Кришначандры. Когда он, подойдя к воротам, там остановился, привратники, увидевши его, все сделали земной поклон и так спросили:

«Откуда соизволил ты прибыть сюда?
Какой страны посланье хочешь передать?»

Он сказал: «Я — брахман, житель Кундальпура, принес вручить шри Кришначандре джи посланье от царевны Рукмини джи, дочери царя Бхишмака». Услышав это, те привратники сказали: «Махарадж! Проследуй во дворец, шри Кришначандра на престоле львином сам сидит там прямо перед входом». Услышав это, брахман во дворец вошел, и Хари, увидав его, сошел с престола, посадил его. Омывши ноги, выпил нектар ног его и стал ему с таким смирением служить, как служат только божеству. Господь его намазал благовонной мазью, осыпал благовониями, искупал и, угостив его роскошнейшим обедом, бетель предложил. Потом, осыпав брахмана шафраном и сандалом, одел ему гирлянду из цветов и уведя в покой жемчужный, спать уложил на чистой, украшенной камнями самоцветными, постели с балдахином. Махарадж! Брахман так устал с дороги, что только лег, и вмиг уснул счастливым сном. Потом шри Кришна возымел желание послушать брахмана, пришел и сел; в душе он говорил себе: «Вот-вот проснется он». Когда же он увидел, что брахман не встает, тогда, обеспокоенный, присев у ног на ложе, стал ноги прижимать ему. От этого прервался сон брахмана, и он проснулся. И Хари джи, спросивши о здоровье, вопросил:

«Какое царство, брахман, ты для нас оставил?
Благоволи открыть нам, брахман, эту тайну!
Скажи, с каким же делом ты пришел сюда,
Что мы тебя узрели, радость ты нам дал?»

Брахман сказал: «О сосуд милосердия! Благоволи мне оказать вниманье, слушай. Я расскажу тебе причину своего прибытия сюда. Махарадж! С тех пор как Рукмини, дочь Бхишмака царя, услышала об имени и добродетелях твоих, и день и ночь она живет лишь только мыслью о тебе и жаждет горячо служить прекрасным лотосам — ногам твоим. Была близка надежда на соединение с тобой, но все вдруг изменилось». Господь спросил: «Что же произошло?» Брахман сказал: «О, милосердый к бедным! Царь Бхишмак джи, созвав однажды всю свою родню и всех мужей совета, так сказал: „Братья, дочь моя пришла уж в брачный возраст. Теперь ей нужно жениха найти“. Когда из уст царевых вышло слово это, все стали называть царей различных, род их, их достоинства и имена. Но ни один из них ему, известно это, не пришелся по душе. Тогда-то Рукмакеш назвал тебя. Обрадованный царь приветствовал его слова и всем сказал: „О братья! Его слова в моей душе запечатлелись, словно надпись на скале. Что вы можете сказать?“ Они сказали: „Махарадж! Коль обыскать три мира, такого жениха нам не найти, а посему нам надлежит теперь не медлить, скорей устроить брак шри Кришначандры с Рукмини“. Махарадж, так было постановлено. Но тут вмешался Рукма и настоял на обрученье Рукмини с царем великим Шишупалом. Теперь уж он собрал все полчища асуров и с ними выступил для заключенья брака»“.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „Владыка земли! Так рассказавши обо всем, тот брахман добродетельный вручил шри Хари и послание от Рукмини. Господь с большой любовью взял посланье, прижал его к груди. Прочтя его, обрадованный, он брахману сказал: «О божество! Ты не тревожься ни о чем. Я сам немедля отправлюся с тобой, побью асуров, исполню все ее желания». Услышав это, брахман успокоился душой. А Хари, думая о Рукмини, пришел в тревогу“.

Так гласит глава пятьдесят третья „Послание шри Рукмини“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

श्री

ГЛАВА 54

Шри Кришна похищает Рукмини

Шри Шукадева джи сказал: „О, царь! Так успокоил брахмана шри Кришначандра. Потом он так сказал:

«Коль дерево о дерево потрут,
Всегда рождается огонь и пламя,
Так я у них царевну отниму,
И разобью войска асуров сам я».

Сказав так, он одел прекрасные одежды и приятные наряды и явился к Уграсене. Сложивши поднятые руки, он сказал: «Махарадж! Царь Кундальпурский Бхишмак джи прислал с своим пурохитом посланье. Он хочет выдать за меня свою царевну дочь. Он приглашает одного меня. Коль ты прикажешь, я отправлюся и в брак вступлю там с дочерью его».

Услышав, Уграсена так ему сказал:
„В далекую страну ты ехать пожелал.
Не езди ты, Мурари, в ту страну один,
Коль ссора приключится, кто там защитит?

И кто тогда об этом известит всех нас!» Сказав так, Уграсена продолжал: «Хорошо. Коль хочешь ты туда поехать, тогда бери всю рать свою и отправляйтеся вдвоем два брата; по заключеньи брака же скорее возвращайтеся назад. Ни с кем там не вступайте вы ни в ссору ни в войну. Ведь если долго проживешь, красавиц много встретишь!» Шри Кришначандра, получив такое разрешение, сказал: «Махарадж! Ты правду мне сказал. Но я отправлюся вперед, а ты потом благоволи отправить Баларама джи с моею ратью».

Сказавши так, шри Хари джи простился с Уграсеною и Васудевом и пришел туда, где брахман ожидал его, велел позвать возницу Дарука и колесницу. Он, получив от господа такое повеленье, немедля в колесницу заложил четверку лошадей. Тогда шри Кришначандра сел на колесницу и, посадив с собою брахмана, отправился из Дварки в Кундальпур.

Когда он выехал из города, то что ж он видит? Справа от него бегут стадами лани, а прямо перед ним бежит с добычею огромный лев со львицей и ревут. Увидев этот добрый знак и про себя подумав, брахман молвил: «Когда теперь я вижу этот добрый знак, то у меня рождается такая мысль: как лев со львицею бегут, достигнув цели, так и ты вернешься, выполнив все то, что ты задумал». Шри Кришначандра молвил: «Твоею милостью». Сказав так, Хари двинулся вперед и, наблюдая по пути все новые и новые деревни, города и страны, прибыл в Кундальпур. Там он увидел, что свадебный наряд, в который облачился город, еще во много раз усилил красоту его.

На улицах все чисто, крыша над базаром,
Посыпано душистым чоа и сандалом,
Повсюду пой[1] и бетель связаны пучком,
Орехи золотые, глянь, висят кругом,
Не счесть зеленых листьев всех плодов, цветов,
Чудесные гирлянды вдоль рядов домов,
Протянуты там арки флагов и знамен,
Изящные верхушки в золоте кругом.

И в каждом доме радость. Махарадж! Такою красотой блистал весь город. Кто мог бы описать те чудеса, которыми был разукрашен весь дворец? Они доступны были только взорам, не словам. Шри Кришначандра, осмотрев весь город, сам разбил шатер близ города, в саду царя. Там, сев в тени прохладной, освежившись, он брахману сказал: «О божество! Сначала ты пойди и извести царевну о моем прибытии сюда. Пусть соберется с духом и перестанет горевать. Потом вернись и расскажи, что делается во дворце. Тогда подумаем о том, что делать дальше». Брахман так сказал: «Владыка милосердый. Сегодня первый день, ведь, брака, и во дворце большое торжество. Я во дворец пойду и постараюсь Рукмини наедине открыть столь радостную тайну о твоем прибытии». Сказав так, брахман удалился.

Махарадж! Меж тем как Хари незаметно прибыл так один в Кудальпур, царь Шишупал и Джарасандх шумно прибыли туда и привели с собой всю рать асуров. От тяжести ее змей Шеша содрогнулся и задрожала вся земля. Услышав о его прибытии, царь Бхишмак джи ему навстречу вышел с советниками и со всей семьей. С большим почтением приветствовав гостей, он одарил их всех прекрасными одеждами и украшеньями и драгоценными камнями, дал множество коней, слонов, потом, введя их в город, предложил дворцы для жительства и много кушаний, питья".

Поведав это сказанье, шри Шукадева продолжал: „Махарадж! Теперь я расскажу тебе о том, что делалося в Дварке. Ты прилагай вниманье, слушай. Когда шри Кришна выехал из Дварки, все ядавы

[1] Растение (Basella lucide) со съедобными листьями.

явились к Уграсене и сказали: «Махарадж! Мы слышали, что в Кундальпур для заключенья брака своего отправился царь Шишупал и Джарасандх со всею ратию асуров. А Хари-то отправился один! Поэтому мы знаем, что там между шри Кришной джи и ними будет бой. Узнав об этом, мы вне себя. Как можем мы покинуть Хари и оставаться здесь? Махарадж! Нам сердце не позволит здесь остаться. Теперь, что соизволишь приказать, мы все исполним».

Услышав их слова, царь Уграсена мудрый сам пришел в великое волнение и страх. Призвав немедля Баларама джи, он объяснил ему все и сказал: «Бери с собою наши все полки и отправляйся спешно в Кундальпур, пока туда не прибыл Кришна джи. Возьми его с собой и возвращайтеся обратно». И, получив приказ царя, немедля Баладев собрал сам пятьдесят шесть крор могучих ядавов и выступил на Кундальпур. Тогда слоны все боевые — и черные, и белые, и бурые как дым, — там двигались как горы облаков; их белые клыки белели словно цапли; гремели барабаны, словно облака; оружие как молния сверкало. Насколько глаз хватал, повсюду двигались отряды всадников в роскошных одеяньях — красных, желтых, и колесниц ряды, сверкая, двигались вперед. Увидев эту красоту, обрадованные, все боги с любовью сели на свои виманы, и, дождь цветов с небес пролив, почтили войско криками: «Джай, джай» шри Кришначандра, корень радости!» Едва успел шри Кришна в Кундальпур прибыть, как вдруг туда же прибыл и Баларам джи с ратью всей своею". Рассказав это, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Так прибыл в Кундальпур шри Кришначандра, море красоты, свет мира, но Рукмини не получила вести о его прибытии:

Она вокруг все смотрит, в личике испуг,
Так на заре прекрасный месяц меркнет вдруг.
В душе прекрасной девы выросла печаль.
Она взошла на крышу, смотрит, смотрит в даль.
То выглянет в окошко, смотрит из дверей;
Струятся слез потоки из ее очей,
Лицо поблекло, в сердце множество тревог,
Она вздыхает часто; как глубок тот вздох!
От тяжкой скорби слезы пролились дождем,
Задумалась, о горе думает своем:

«О, почему же Хари не пришел еще? Его ведь имя Антарджами, проникающий в сердца. В чем прегрешила я пред ним, что он до сей поры не вспомнил обо мне? Иль, может, брахман не попал туда? Иль, может, Хари счел меня столь безобразной, что не захотел ответить мне любовью? Или, прослышав о прибытьи Джарасандха, господь не захотел притти? Ведь завтра свадьба, и асур уже пришел. Коль завтра овладеет он моей рукой, то что ж без Хари будет тут с моею грешною душой?

Молитвы, подвиги, обеты, благочестье не оказали мне поддержки никакой!
Что делать мне теперь, куда бежать?

Со свадебною свитой здесь уж Шишупал!
Не медли, милосердый, мне защиту дай!»

Когда с уст Рукмини сошли слова такие, одна подружка ей сказала: «Как может Хари джи прибыть сюда без разрешения отца и брата из отдаленной столь страны?» Другая молвила: «Чье имя Антарджами, проникающий в сердца, тот, милосердый к страждущим, не может не прибыть! Мужайся, Рукмини, оставь свое волненье! Моя душа надеждою полна, что вот придет к нам кто-то, скажет: „Приехал Хари“». Махарадж! Они вдвоем так меж собою говорили, как вдруг явился брахман. Дав им благословенье, он сказал: «Шри Кришначандра джи приехал, в саду царя разбил он свой шатер. А Баладев джи следует за ним со всею ратью». Увидев брахмана и услыхав такие речи, Рукмини вернулась к жизни. В тот миг она такое счастье испытала, какое может испытать подвижник, сподобившись награды за свой подвиг.

Потом шри Рукмини джи, сложивши поднятые руки, голову склонив, сказала брахману тому: «Сегодня тем, что ты пришел и о прибытьи Хари известил, ты возвратил мне жизнь. Чем я могу вознаградить тебя за это? Ведь если б я дала тебе богатства трех миров, то и тогда б не уплатила полностью свой долг». Промолвив это, она себя сдержала и в смущении замолкла. Тогда тот брахман исполнился великой радости и, дав благословенье, удалился. Явившись к Бхишмаку, он, государя утешая, ему все обстоятельства прибытия шри Кришны рассказал. Услышав обо всем, царь Бхишмак, поклонившись брахману, бегом отправился туда, где в роще царской спокойно возлежали Кришна с Баларамом. Приблизившись к Мурари, приветствовав его поклоном восьмичленным, он стал пред ним. Потом царь Бхишмак, сложивши поднятые руки, так сказал:

«Призыв к тебе, о Хари, жил в душе моей!
Как я скажу, что сделал подлый тот злодей?

Теперь исполнилось мое желание. Ты сам пришел сюда, позволь мне лицезреть тебя». Сказавши так, царь Бхишмак повелел разбить шатер шри Кришне и, возвратившись во дворец, исполненный тревоги, так сказал:

«Всему известны миру Хари чудеса,
Что будет ныне с нами, ведает он сам!»

Меж тем туда, где был шри Кришна с Баларамом, весь город устремился. Мужчины, женщины, пришли и, головы склонив, все воспевали славу господу и, восхваляя, так друг другу говорили: «Для Рукмини достойнейший жених — шри Кришна. Да сочетает их творец, да будет брак их долговечным!» А в это время оба брата, подумав, вышли город осмотреть. Тогда, куда б ни шли они, везде на улицах, базарах, перекрестках, за

ними следовали толпы женщин и мужчин и сыпали на них душистыми чоа и сандалом, кропили розовой водой и щедро сыпали цветы. Протягивая руки, указывали господа друг другу, говоря:

«В одежде чудной синей — это Баларам,
В роскошном платье желтом — это Гханашьям.
На голове корона, серьги, глянь, дрожат,
Лотосоглазый хочет все увлечь сердца!»

А братья шли, осматривали все. И, наконец, они весь город осмотрев и войско Шишупала, вернулися к своим полкам. Узнав об их прибытьи, старший сын царя Бхишмака джи, царь Рукма, в великой ярости пришел к отцу и так сказал: «Скажи мне правду, по чьему приглашенью прибыл к нам тот Кришна? Не разгадал еще я этой тайны! Как мог явиться он без приглашенья?

Брак радостное дело только для друзей,
Ему какое дело? Разве поглядеть?

Ведь эти два жестоких плута куда бы ни пришли, везде затеют ссору. Коль ты себе желаешь блага, то правду мне скажи. Кто их позвал сюда, зачем они пришли?»

Махарадж! Так пригрозив отцу, царь Рукма удалился и, теряясь в догадках, отправился туда, где на своем совете восседал царь Шишупал и Джарасандх, и так сказал: «Сюда недавно прибыл Кришна с Баларамом. Предупредите всех своих людей, чтоб были все на стороже». Услышав имена обоих братьев, царь Шишупал, узнав о подвигах великих Хари, о делах его, пал духом, глубоко задумался, а Джарасандх сказал: «Слушайте! Куда придут они вдвоем, везде затеют ссору. Они весьма сильны и страшно двоедушны. Они ведь в Брадже без труда убили Кансу и других великих ракшасов. Ребятами их не считайте! Им счастие сопутствует всегда, и с кем бы ни вступили в бой, они не знали пораженья. Семнадцать раз шри Кришна разбивал мои войска! Когда же в восемнадцатый раз стал я наступать, то он бежал и на гору взобрался. Когда же гору я зажег, он хитростью бежал и удалился в Дварку.

Никто не может тайну Кришны разгадать,
Коль он здесь появился, нужно бед нам ждать.
Хитер он, двоедушен, смел в своих делах!
Не знаю, на кого тут бросится злой враг.

Поэтому нам надлежит придумать средство, чтобы честь свою спасти». Как только Джарасандх сказал такое слово, то Рукма молвил: «Что это значит, что ты так беспокоишься? Его я знаю хорошо! Он по лесам плясал и песни распевал, играл там на свирели, пас коров. Что понимает этот деревенский парень ваш в науке ратной? Вы не тревожьте здесь

себя заботами. В одно мгновенье разобьем, прогоним Кришну, Баларама со всеми ядавами их»".

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! В тот день царевич Рукма, успокоив Шишупала с Джарасандхом и укрепив их мужество, вернулся во дворец, но их всю ночь сомнения терзали. Едва зажглась заря, царь Шишупал и Джарасандх, узнав, что это день торжественного брака, с великой пышностью готовили свой брачный поезд, и во дворце царя уж праздник начался. Меж тем царевна Рукмини джи встала, послала брахмана к шри Кришначандре и велела так сказать: «О, милосердия сосуд! Сегодня наступил день брака. Есть на восток от города храм Деви. Сегодня ровно в полдень я отправлюся туда для совершенья пуджи. Вся честь моя в твоих руках. Благоволи так сделать, чтобы спасти меня».

И на исходе первой стражи к ней пришли ее подруги и подружки и женщины ее семьи. Явившись к ней, они сперва велели изготовить на дворе прекрасный чаук [1] из дивных жемчугов, поставили посредине там сиденье золотое, украшенное чудными камнями, и на сиденье посадили Рукмини, и, пригласивши семь прекрасных женщин, счастливых в браке, велели им растительным намазать маслом Рукмини. Потом они ее покрыли мазью благовонною, омыли, искупали; велели на нее надеть шестнадцать принадлежностей наряда и двенадцать украшений и, наконец, накинувши на Рукмини джи красный свадебный наряд, готовую для брака посадили. Меж тем уж оставалося лишь несколько часов до вечера. Тогда-то Рукмини взяла с собой своих подруг, своих подружек и отправилась в храм Деви пуджу совершить. Царь Бхишмак джи послал за ней охрану из своих людей.

Узнав о том, что Рукмини отправилась за город для свершения пуджи Деви, царь Шишупал, из страха пред шри Кришной, позвал к себе своих главнейших удальцов, героев и бойцов и, заклиная всех, и низких и высоких, — послал всех для охраны Рукмини. Они пришли, с оружьем наготове последовали за царевной. В то время Рукмини во всех своих нарядах, с толпой своих подруг торжественно под покрывалом следовала и под защитой черных ракшасов она казалася луной в кругу прекрасных звезд средь черных облаков. Она шла, шла и, наконец, приблизилася к храму Деви. Войдя туда, она омыла руки, ноги, выпила глоток воды для очищенья. Затем богине предложив сандал, цветы, рис, благовонья и светильник, как веды требуют, с великой верою свершила пуджу Деви. Потом же предложила угощенье брахманам, дала прекрасные одежды, сделала из рори [2] тилак и предложила рис и, дары им раздав, взяла от них благословенье.

---

[1] Четыреугольник, который рисуется во дворе на земле по случаю радостных событий, в частности по случаю брака. У богачей вместо красок употребляются жемчуга и драгоценные камни. Чаук заполняется сладостями, цветами, благовониями. В случае свадьбы, посредине чаука ставится сиденье для невесты, которая здесь наряжается для брака.

[2] То же, что и роли.

Потом, когда она, свершивши обхожденье Деви, лунноликая, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона, взяла своих подруг, в душе питая мысль о встрече с Хари, спокойная, была готова уж отсюда удалиться, тогда, один на колеснице сидя, приблизился шри Кришначандра джи туда, где вместе с Рукмини стояли все герои воины с оружием в руках".

Сказав так, шри Шукадева джи продолжал:

„Когда из храма вышли, после пуджи Гаури,
Тогда одна подруга молвила со страхом:
«Смотри, смотри, царевна, прибыл к храму Хари,
Ты видишь, колесница мчится быстро с флагом».

Услышав это от подруги и посмотрев на колесницу господа, царевна расцвела от радости и не могла сдержать восторга. Она, рукою опираясь на руку подруги, как зачарованная, тихо шла с улыбкою среди своих подруг и стражей, полная надежды на соединенье с Хари, и красота ее не поддается описанью. Телохранители, увидев близ себя шри Кришначандру джи, остановились, как-будто памяти лишились все, из рук их выпали края покрова Рукмини. Когда они, как зачарованные, вдруг взглянули на царевну, их очарованность сильнее выросла, и, ослабев, они стояли так, что позабыли о душе своей и теле.

Подняв высоко лук свой — линии бровей —
Держа ресниц прекрасных крепко тетиву,
Метая стрелы дивных взоров из очей,
Она всех убивала: стражей и толпу.

Махарадж! Тогда все ракшасы стояли неподвижно как картины и смотрели. Шри Кришначандра, сквозь толпу подъехав к Рукмини на колеснице, остановился. При виде господа она в смущенье протянула руку. И левою рукой господь поднял ее и посадил на колесницу.

Душа полна смущенья, тело все дрожит,
Покинув все для Хари, Рукмини бежит.
Бросает так отшельник дом и всех родных,
Припав к ногам шри Кришны, нежится у них.

Махарадж! Так получила Рукмини награду за подвиги и добрые дела, и прежние страданья все исчезли. Враги с оружием в руках стояли, смотрели им в лицо. Из их толпы господь взял Рукмини и вмиг помчался так, что

Казалось, то шакалов стая там стоит,
На ту большую стаю бросился вдруг лев,

Схватив свою добычу в зубы, он бежит!
Бесстрашно удалился, испустив свой рев.

Когда шри Кришначандра так проследовал вперед, то Баларам джи, ударив в барабаны, последовал за ним со всей своею ратью".

Так гласит глава пятьдесят четвертая „Похищение Рукмини" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 55

Война между Шишупалом и шри Кришной

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Когда, отъехав несколько вперед, шри Кришначандра джи увидел, что Рукмини сидит в смущенье и тревоге, он сказал: «Прекрасная! ты не тревожься ни о чем. На раковине заиграю я и удалю весь страх с твоей души. Когда приедем в Дварку, по ведийскому закону я в брак с тобой вступлю». Сказав так, он надел ей свой венок и слева посадил. Когда раздались раковины звуки, то слуги Шишупала, Джарасандха вдруг пришли в себя. По городу всему вдруг разнеслась молва, что Хари Рукмини увез. А Шишупал узнал о похищенье Рукмини от тех людей, которые с царевной были для охраны. Царь Шишупал и Джарасандх пришли в великий гнев, надели крепкие кольчуги, шлемы, пояса, надели все свое оружие, собрали рать свою и бросились вслед за шри Кришной, чтоб сразиться с ним. Догнав его, с оружием в руках грозили. «Эй, чего же вы бежите? Остановитеся, беритесь за оружье, вступайте в бой. Ведь кшатрий, доблестный герой, на поле брани не покажет спину». Махарадж! Услышав это, ядавы вдруг повернулись к ним лицом, и заработало оружие с обеих там сторон. А дева Рукмини, исполненная страха, скрылась вся за покрывалом и проливала слезы, вздыхая тяжко. Она смотрела на лицо любимого и, полная печальных мыслей, говорила так в душе: «Какие бедствия ему приходится терпеть из-за меня!» И проникающий в сердца господь, постигнув тайну сердца Рукмини, сказал: «Прекрасная! Чего ты так боишься? Ты не тревожься ни о чем!»"

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Царь! В этот час все божества сидели на своих виманах; что видят боги с высоты небес?

С асурами вступили ядавы все в бой,
Великое сраженье, тяжкий бой идет.
Остановился Кришна, смотрит за борьбой,
А Баларам могучий рать свою ведет.

Гремят там барабаны, и певцы поют призывы боевые, а барды воспевают славу их. И сходятся бойцы: конь сходится с конем, слон со слоном и с колесницей колесница, пеший с пешим. И здесь и там все доблестные мужи рвутся в бой, разят врага, а трусы, покидая поле, бегут, спасая жизнь свою. Стоят шатаясь раненые; кружат повсюду трупы без голов, с оружием в руках; на трупы падают тела. Из них струятся реки крови. Средь них на поле высятся слонов издохших груды, словно острова; их хоботы как крокодилы. Великий Махадев с толпою бхутов, претов, пишачей [1] там собирает головы убитых, все делают гирлянды из голов и надевают их на шею. Там коршуны, шакалы и собаки дерутся меж собой и тащат трупы и, разорвав их, пожирают. Вороны, выклевав у павших очи, летят от трупов. И видят боги: Баларам скосил всю рать асуров так, как косит ниву пахарь. А Джарасандх и Шишупал, лишившись всех своих полков, бежали с поля битвы: немногих раненых с собою захватив, остановилися они в укромном месте. Там Шишупал в великом горе, голову склонив, сказал так Джарасандху: «Теперь покрыты мы позором, мы обесславили свой род! Не подобает нам на свете жить! Поэтому позволь вернуться мне на поле и голову сложить в бою.

Не то я, как отшельник, буду жить в лесу,
Займуся покаяньем, всех надежд лишусь,
Мы потеряли славу, честь... Зачем нам жить?
Зачем хранить бесчастье, жизнь свою влачить?»

Услышав это, Джарасандх сказал: «Махарадж! Ты обладаешь знанием, ты знаешь все. Зачем я буду утешать тебя. Кто обладает знанием, о прошлом не горюет он: добро и зло творит для нас другой. И человек бессилен перед ним, мы все его подвластны воле. Как кукла деревянная в руках фигляра пляшет, так пляшет человек в руках творца. Он делает, что хочет. Поэтому ни в радости ни в скорби не радуйся и не скорби ты, друг. Все принимай за сон. Семнадцать раз я на Матхуру наступал с огромной ратью в двадцать три акшаухини, и Кришна все семнадцать раз уничтожал всю рать. Но я в отчаянье не впал. А восемнадцатый же раз, когда я истребил всю рать его, я радости совсем не испытал. Он от меня бежал и на гору взобрался. Я под горой развел огонь, но непонятно, как он жив остался. Его пути нам не познать». Сказав так, царь Джарасандх, вновь продолжал: «Махарадж! Теперь нам надлежит скорей бежать. Ведь сказано: „Пока ты жив, ты ничего не потерял“. Со мной самим случилось так: семнадцать раз терпел я пораженье, на восемнадцатый раз победил. Поэтому, ты делай все, чтоб жизнь свою спасти; оставь свое упрямство!»

Махарадж! Когда Джарасандх все объяснил ему, то Шишупал собрался с мужеством, собрал всех раненых бойцов, которые спаслись, и

[1] Разновидность злых духов, наиболее зловредных.

в тяжком горе сам последовал за Джарасандхом. Так потерпев здесь пораженье, они пустились в бегство. Теперь послушай, что случилося у Шишупала дома. Там, думая о возвращенье сына своего, мать Шишупала стала радостно готовить пир. И вдруг она чихнула, и правый глаз вдруг замигал. Когда она увидела недобрые такие знаки, то у нее на лбу забилась жилка. И в это время кто-то прибежал, сказал: «Изрублено все войско сына твоего. Невесты он не получил. Теперь оттуда он бежит, спасая жизнь». Услышав это мать Шишупала славного, пришла в глубокую печаль и осталась безмолвной.

Меж тем, узнав о бегстве Шишупала с Джарасандхом, Рукма в страшной ярости пришел на свой совет и сел. Потом ко всем он обратился и сказал: «Куда спасется Кришна от моей руки? Немедля выступаю, убью его и Рукмини верну обратно, не то не буду называться Рукмой и не вернуся больше в Кундальпур». Махарадж! Связав себя такою клятвой, Рукма, взяв рать акшаухини, выступил на бой с шри Кришначандрой и преградил путь войску ядавов. Тогда сказал своим он людям: «Вы убивайте ядавов, а я пойду вперед, схвачу и приведу сюда шри Кришну джи». Услышав это, его товарищи вступили в бой с войсками ядавов, а он погнал коней вперед. Догнав шри Кришначандру джи, он грозно закричал: «Эй, плут! Мужик! Что понимаешь ты в делах высоких царских? Ты, слышно, в детстве молоко да простоквашу воровал и, наловчившися, явился, здесь красавицу украл.

Но я-то не из Браджа, я ведь не пастух».
И с этими словами он берет свой лук.
Отравленные ядом стрелы он берет,
Лук натянул, пускает, три стрелы он шлет.

Увидев пущенные стрелы, шри Кришначандра джи рассек их на лету. Вновь Рукма мечет стрелы, господь рассек и их. Тогда шри Кришна взял свой лук и так пустил он стрелы, что вверх взлетели кони с колесницей и возница. В руках у Рукмы лук рассек, и он упал. И сколько ни было оружия у Рукмы, Хари все тут изрубил и бросил. Тогда он в страшной ярости схватил свой щит и меч и, соскочивши с колесницы, так вдруг бросился к шри Кришначандре джи, как на слона бросается вдруг бешеный шакал, иль бабочка летит на свет. И, подбежавши к колеснице Хари, он метнул в нее дубиной. Господь в одно мгновение схватил его, хотел убить, но Рукмини джи молвила ему:

«Не убивай, владыка, он — мой старший брат.
Пусти живым его ты! Он — безумный раб!
Слепой, глупец он. Разве тайну мог постичь?
Супруга дивной Лакшми человеком мнит.
Ты повелитель йогов, вечное начало,

Для верных в мир явился, счастье, радость дал им.
Как мог безумец этот господа узнать?
Воспеть, о милосердый, благостную длань».

Сказав так, Рукмини вновь продолжала: «Не принимают близко к сердцу ведь проступков глупых и детей, как лев не думает о лае собаченки. Ведь если ты его убьешь, то ввергнешь в горе моего отца. Тебе не подобает делать это. Во всяком месте, которого нога твоя коснется, все твари в радости живут. Ведь это было бы необычайным, чтоб при такой родне как ты, царь Бхишмах сына потерял и ввергнут был в печаль». Махарадж! Сказав так, Рукмини джи продолжала вновь: «Махарадж! Ты сделал благо, как любимому родному, что взял его в полон и, вырвав меч из рук, так пригрозил убить его». Потом в великой скорби, дрожа всем телом, с слезами на глазах, рыдая и припав к его ногам, с любовью так сказала:

«Даруй мне милостыню — брата, о господь,
Об этом слава в мире всюду ведь пойдет».

Когда шри Кришначандра джи услышал это и на Рукмини взглянул, весь гнев его прошел. Он Рукма не убил, а сделал знак вознице. Возница встал и, сняв с него тюрбан, связал ему немедля руки за спиной, сбрил бороду, усы и волосы на голове, оставивши лишь локон на макушке, и сзади к колеснице привязал".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Так поступил шри Кришначандра с Рукмой. Меж тем там Баладев джи, побив иль в бегство обратив всю рать асуров, кинулся на помощь брату так поспешно, как белый слон бежит в испуге через заросли прекрасных лотосов, ломает лотосы, их пожирает, роняет на своем пути. И скоро он догнал шри Кришну. Увидев связанного Рукму, он в великом гневе так сказал шри Кришне: «Да что ты сделал? Зачем связал так шурина? Ты не отвык от скверных шуток!

Связав его, немного ты явил ума,
Поступком этим, Кришна, связь ты разорвал.
Всех ядавов позором ты навек покрыл.
И кто теперь захочет с нами в свойстве быть?

И почему ты сам не убедил его, не образумил, вернуться не заставил, когда он встал перед тобой, готовый к бою?» Махарадж! Сказав так, Баларам джи Рукму отвязал: утешив, успокоив, с большой учтивостью простился с ним. Потом, сложивши поднятые руки, с глубокою мольбою, Баларам, обитель счастья, Рукмини сказал: «Прекрасная! Твой брат здесь оказался в тяжком положении, но в этом неповинны мы. Все это плод тех дел, которые он совершил в своих рожденьях прежних. К тому ж таков закон для кшатриев — из-за земли, богатств и женщин они ведут войну

вступают меж собой в союз. Не помни же об этом деле, поверь моим словам! Ведь с этим связаны и пораженье и победа, а этот мир есть только океан страданий. Когда родишься, где искать здесь счастья? Но человек, подвластный майе, сердцем различает здесь страданье, радость и добро и зло, победу, пораженье, соединенье и разлуку. Но в этом для живого нет ни радости, ни скорби. Ты не скорби о том, что брат твой так обезображен: ведь те, кто обладает знанием, говорят: „душа бессмертна, гибнет только тело". Поэтому от поношенья тела бессмертная душа не может пострадать»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Дхармаватар! Когда так Баларам джи успокоил Рукмини, тогда

Красавица, услышав, сердцем поняла,
И перед Баладевом в стыд она пришла.
И милому в смущеньи знаки подает:
«Пусти же колесницу, милый мой, вперед».
За покрывалом спрятав личико свое,
Так милыми словами Хари говорит:
«Смотри, стоит так близко милый Баладау,
Скорей же колесницу ты вперед пускай».

Когда с уст Рукмини сошли слова такие, шри Кришначандра джи погнал коней на Дварку. Меж тем там Рукма царь, вернувшися к своим, с глубокой скорбью так сказал: «Поклялся я пред всем Кундальпуром, я сказал: „Немедля я пойду, убью там Кришну с Баларамом джи и, истребив всех ядавов, вернуся с Рукмини". Не выполнил я свой обет. Наоборот, я потерял и честь свою! Теперь я не хочу и жить. Оставлю я страну, очаг домохозяина. Я сделаюсь отшельником и где-нибудь умру». Когда сказал так Рукма царь, тогда один его приятель молвил: «Махарадж! Ты муж великий и могучий! И если Кришна и другие все спаслись от рук твоих, то это был для них счастивый день, они спаслися силою судьбы. Не то какой же враг, когда бы мог спастись, вступив с тобою в бой? Ты человек разумный, зачем такие мысли допускаешь в душу. Сегодня пораженье, завтра ждет победа, — но есть закон для доблестного мужа: он мужества терять не должен никогда: Прекрасно. Враг сегодня спасся. Но мы его убьем потом». Махарадж! Когда он убедил так Рукму, тогда тот так сказал: «Слушайте!

Я здесь лишился чести, Кришной я разбит,
И наполняет душу тяжкий страшный стыд.
В Кундальпур не вернуся больше никогда,
Я для себя другое царство сам создам».
Сказав так, основал он город там другой,
Потребовал казну всю, сына взял с женой.
Так новое царь Рукма царство основал.

Махарадж! Меж тем как Рукма царь из ненависти к Бхишмаку остался там, шри Кришначандра с Баладевом джи все ехали да ехали и к Дварке, наконец, подъехали они.

Густые клубы пыли к небу поднимались,
По ней об их приезде в городе узнали.
Когда узнали все там, что вернулся Хари,
Тогда прекрасный город украшать все стали,
Он заблистал красою целых трех миров.
Ту дивную красу кто описать бы мог?

Тогда там в каждом доме праздник был. У каждого двора посажены рядами, как колонны, кела[1] с ветками, с листвой, на них подвешены кувшины золотые, полные воды; повсюду развеваются знамена, флаги, над улицей, как арки, там гирлянды и венки; у всех домов, на улицах, на площадях и на базарах всех стояли толпы женщин молодых, светильники в руках держали. Навстречу вышел сам царь Уграсена со всеми ядавами вместе, под радостные звуки музыки и пенья. Исполнив все обряды, он вводит в город Баларама, источник счастья, и шри Кришначандру, корень радости. Какая это красота была — нельзя и описать. И души всех, и женщин и мужчин, наполнились блаженством. Представ пред господом, все граждане ему дары вручили. А женщины все из своих ворот, дверей, беседок и светлиц их провожали свадебными песнями и, совершая арти,[2] осыпали их цветами. Шри Кришначандра джи и Баладев джи, как подобает, шли и радостью дарили всех. Так шли они и, наконец, пришли все во дворец. Через немного дней однажды сам шри Кришначандра джи отправился в совет царя, где восседал царь Уграсена, Васудев и все старейшины из рода Яду, и, сделав им поклон, сказал: «Махарадж! Кто, победив в бою жестоком, возьмет красавицу жену, то брак такой зовется браком ракшасов».[3] Услышав это, Шурасена джи, призвав пурохита и

[1] Вид банана (Musa sapientum).

[2] Свадебная церемония, совершаемая перед женихом. Она состоит в обнесении вокруг жениха блюда, на котором находится светильник с пятью свечами, мука и благовония. Обычай требует, чтобы такое блюдо было обнесено вокруг жениха не менее четырех раз: два раза на высоте пупа, один раз на высоте рта, и семь раз вокруг всего тела. Обнесение блюда сопровождается пением, отсюда и сами свадебные песни в честь жениха носят это же название. Церемония арти (आरती) совершается также перед статуями богов.

[3] У индусов различаются восемь форм брака, а именно: 1) ракшаса-виваха (rakṣasa vivāha), т. е. брак по обычаю ракшасов — брак открытым увозом. Эта форма брака допускается только для кшатриев, т. е. для членов воинской касты; 2) Пайшача-виваха (paiçaca vivāha) — насильственное похищение невесты, совершаемое тайно или обманным образом; 3) свайамвара (svayaṁvara) — выбор невестой жениха из многих претендентов, приглашаемых родителями ее; 4) гандхарва-виваха (gandharva vivāha) — брак по любви, по взаимному согласию жениха и невесты, но без согласия или вопреки воле родителей; 5) асура-виваха (asura vivāha) — брак с уплатой калыма, допускается только для низших каст вайшиев и шудров; 6) арша-виваха (arṣa vivāha) — брак с уплатой калыма не деньгами или другими ценностями, а только в форме подарка отцу невесты коровы и быка; допускается не только для низших каст, но и

объяснив ему, сказал: «Благоволи установить день брака для шри Кришны». Пурохит сразу же открыл свои листы, определил счастливый месяц и день солнечный, день лунный и созвездье, установил счастливую луну и солнце и определил день брака. Тогда царь Уграсена дал такое повеление своим советникам: «Немедля соберите все необходимое для брака». А сам он сел и, написав послания, вручив их брахманам, послал их пригласить всех пандавов и кравров и всех других царей различных стран. Махарадж! И получив посланье, цари обрадовались и отправились немедля. За ними следовали брахманы и пандиты, певцы и нищие.

И, получив об этом вести, царь Бхишмак тоже повелел собрать там множество одежд, оружия, уборов дорогих, украшенных ценнейшими камнями, и колесниц, коней, слонов, рабов, рабынь и паланкинов. Затем вручил все это брахману, как приданое за дочерью своей, и со смиренною мольбой отправил в Дварку. И вот, когда явилися цари различных стран, то прибыл и тот брахман доброжелательный посланец Бхишмака, со всем его добром. Тогдашнюю красу прекрасной Дварки нету сил и описать. Когда пришел день брака, тогда, исполнив все обряды, жениха с невестой повели и посадили под мандапом,[1] и все старейшие из ядавов пришли огромною толпой и сели. В тот час

И пандиты читали веды громко вслух,
Шри Рукмини ходила с Хари джи по кругу,
Гремели барабаны, громко, словно гром,
Осыпали цветами боги всех кругом.
Там гандхарва и сидхи,[2] садху, чарана
С небес высоких смотрят; всех восторг объял.
Уселись на виманы боги, смотрят вниз;
Богини, их супруги, песней залились.
Вокруг огня обходят Хари и невеста,
Ее он слева садит, с ней садится вместе.
Он развязал ей узел, столик предложил.
Потом богине рода пуджу совершил.
Прекрасное запястье Хари снял с руки,
Молочный рис вкушают, сахарной муки.
Высокое блаженство Хари испытал,
Народ, на них взирая, счастье призывал;

для брахманов; 7) брахма-виваха (brahma vivāha) — невеста предлагается достойному жениху и отдается ему безо всякой мзды с его стороны; 8) дайва-виваха (daiva vivāha) — сходна с брахма-виваха, с тем различием, что в дайва-виваха женихом является жрец-брахман. Кроме этих восьми основных форм брака, различаются еще различные модификации их. Подробнее у J. Jolly. Hindu Law and Custom. Authorised Translation by Balakrishna Ghosh, Great India Society, Calcutta, 1928.

[1] Временное сооружение в виде навеса или беседки, сооружаемое по случаю брака.

[2] Полубоги, отличаются своей совершенной святостью. Согласно легендам, обитают на небесах, между солнцем и землей.

«Да здравствуют супруги, многая им лета,
Да будет сладкой жизнь их, словно дивный нектар».
Всех брахманов пришедших щедро одарили.
Сказителей, певцов всех платьем наградили.
Потом гостей, царей всех ближних, дальних стран
С почтеньем отпустили с миром по домам".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Все те, кто будет слушать иль читать о жизни Рукмини и Хари и, прочитав или прослушав, будут вспоминать, получат веру, избавление и славу. И, сверх того, за слушанье сказания о Хари, такую они награду получают, какая достается за принесенье ашвамедха[1] и других великих жертв, за принесенье в дар коров и прочие дары, за омовенье в Ганге и других священных реках и за святое путешествие в Праяг[2] и во все другие славные священные места".

Так гласит глава пятьдесят пятая „Повесть о браке Рукмини" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Принесение в жертву коня. Одно из наиболее торжественных жертвоприношений, которое могло совершаться только великими царями, царями царей. Совершением ста жертвоприношений ашвамедха, согласно легендам, можно достичь власти над раем.

[2] Нынешний Аллахабад.

Глава 56

Прадьюмна убивает Шамбарасура[1] и возвращается в Дварку

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Однажды Махадев джи у себя сидел, весь погруженный в созерцание. И вдруг явился Камадев,[2] и так его встревожил он, что созерцанье Хари[3] вдруг прервалось. И он, лишившись знания, стал забавляться с Парвати любовною игрой. Меж тем как Шива джи играл в любовную игру, вновь знание вернулося к нему. Тогда он в гневе Камадева сжег и в пепел обратил.

Когда могучий Шива Камадева сжег,
Он на тоску, смятенье Рати джи обрек.
Она в тоске великой, нет ее супруга,
Дрожит в смятенье тело, нет родного друга,
Упав на землю бьется, в муке вся дрожит,
И, обнимая землю, «милый» говорит.
И зная, что без друга мучится жена,
К ней обратилась Гаври, говорит она:

«О, Рати! Ты не кручинься так. Послушай, я открою тайну, как вернуть тебе супруга. Сначала он родится в доме у шри Кришначандры джи, и назовут его Прадьюмной. Потом его похитит Шамбар, бросит в океан. Потом он попадет в живот огромной рыбы и будет принесен на кухню Шамбара. Ты отправляйся, поселися там. Когда он будет принесен, возьми и воспитай его. Потом убьет он Шамбара, возьмет тебя с собою в Дварку, там с ним счастливо ты будешь жить». Махарадж!

Такое наставленье Гаури ей дала;
Тогда, взяв тело, Рати к Шамбару пришла.
Красавица в поварне долго там жила,
И день и ночь все друга там она ждала".

[1] Т. е. асур Шамбар.

[2] Бог любви.

[3] Хара — одно из имен Шивы.

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Царь! Меж тем как Рати так жила в надежде на соединение с супругом и рыдала, здесь Рукмини джи понесла в утробе плод. Когда исполнилося десять месяцев, то у нее родился мальчик. Узнав об этом, пришли астрологи, и, гороскоп составив, так сказали Васудеву джи: «Махарадж! Увидев столь счастливую планету этого младенца, мы все приходим к заключению, что по красе своей, достоинствам и силе он будет равен самому шри Кришначандре. Однако он все детство проживет в воде, потом, убив врага, вернется со своей женой». Сказав так и назвав его Прадьюмной, астрологи все, получив подарки, удалились. А в доме Васудева стали исполнять обряды и началося торжество. А после к Шамбару явился вдруг шри Нарада джи муни и, разъяснивши все, сказал: «Каким же сном ты спишь? В уме ли ты?» Тот спросил: «Что?» Нарада сказал: «Твой враг великий,[1] воплощенье Камы, родился в доме у шри Кришначандры и Прадьюмной назван».

Царь! Нарада предостерег асура Шамбара и удалился, а Шамбар, после долгих размышлений, сам придумал вот какое средство: «Я обращуся в ветер и, отправившись туда, схвачу его и брошу в море. Так устраню я из души заботу и буду жить без страха». Придумав это, Шамбар встал и, сделавшись невидимым, унесся и, наконец, он оказался во дворце шри Кришны джи, где Рукмини джи в глубине дворца держала на руках своих ребенка и кормила грудью. Он, устремив свой взор туда, беззвучно там остановился. Едва успела Рукмини джи руку от ребенка отвести, как вдруг асур покрыл все майею своей, схватил его и так унесся вдруг, что ни одна из женщин, которые сидели там, не увидали, не узнали, кто и как пришел, как взял и как унес ребенка. Не видя мальчика перед собой, Рукмини джи страшно испугалась, разрыдалась. Услышав звук ее рыданий, все ядавы, все женщины и все мужчины сбежались во дворец, и все, высказывая разные догадки, стали горевать.

Но в это время появился Нарада джи муни. Услышав вопли всех, он так сказал: «Вы не тревожьтеся исчезновением младенца. Ему ничто не угрожает. Где б он ни оказался, все ж не может смерть его постигнуть. Когда минует детство, он вернется к вам с прекрасною супругой». Махарадж! Когда, открыв всем ядавам такую тайну и успокоив их всех, Нарада джи муни удалился, то и они, все обсудивши, успокоились опять.

Теперь благоволи послушать продолжение сказанья. Когда похитил Шамбар и унес Прадьюмну, он бросил в океан его. Его там проглотила рыба. Ту рыбу проглотила вдруг огромная другая рыба. Случилося, пришел рыбак и в океан закинул сеть, и в сеть попалась эта рыба. И вытащил рыбак свой невод. Увидев эту рыбу, обрадовался он, принес ее домой. Потом рыбак взял рыбу, отнес к царю Шамбару, подарил ее царю. Царь

[1] Согласно Рамаяне и Махабхарате, асур Шамбар является врагом Камадева, бога любви.

взял и отослал ее в свою поварню. Когда стряпуха царская взяла, разрезала ту рыбу, то в ней нашла другую рыбу. Когда она взяла и распорола брюхо ей, оттуда вышел мальчик — темноцветный, дивной красоты. Увидев мальчика, она от удивления остолбенела. Потом, взяв мальчика, она пошла и отдала младенца Рати. Она с великой радостью взяла его. Когда узнал об этом Шамбар, призвал он Рати и сказал: «Ты постарайся воспитать ребенка этого получше». Услышав от царя такое слово, Рати джи взяла ребенка и вернулась в свой дворец. Тогда то Нарада джи Рати так сказал:

«Теперь возьми младенца, вырасти его:
Он твой супруг Прадьюмна, в мир явился вновь.
Он Шамбара погубит, он спасет тебя,
Он проведет здесь детство, милую любя».

Открыв ей эту тайну, Нарада джи удалился А Рати с нежною любовью, отдавая душу, принялась воспитывать его. По мере роста отрока, и в ней росло желание найти супруга в нем. По временам она, любуясь красотой его, с любовью прижимала к сердцу. А иногда, целуя в глазки, в личико иль в щечки, смеясь и прижимая его к груди, все говорила так:

«Всевышний мне такое счастье даровал:
В утробе дивной рыбы милого прислал».
И, Махарадж!
С любовью приносила Рати молока,
И с нежностью поила милого дружка.
Она с ним забавлялась, пела лишь о нем:
«Мой милый, говорила, мы опять вдвоем».

Потом, когда пять лет исполнилось Прадьюмне, Рати стала наряжать его, в различные наряды одевать и украшенья, стала почитать его душой, очам своим давала радость. Когда тот мальчик, вдруг схватив ее за полу платья, говорил ей: «мама», она смеялась, говорила: «О мой любимый! Зачем так говоришь? Ведь я твоя супруга. Ты посмотри. Подумай ты своим сердечком. Мне Парвати джи предсказала это и сказала: „Иди и поселись у Шамбара, а твой супруг родится у шри Кришны, и он придет к тебе в утробе рыбы“. И Нарада джи также говорил: „Ты не кручинься. Супруг твой вновь к тебе вернется“. Я с той поры здесь поселилась, питаяся надеждой на соединение с тобой. С твоим приходом исполнилась моя надежда наконец».

Сказав так, Рати стала обучать супруга своего стрелять из лука. Когда Прадьюмна стал искусен сам в науке лучной, тогда однажды Рати так сказала: «Мой господин! Теперь тебе не подобает больше оставаться здесь. Ведь мать твоя шри Рукмини горюет тяжко без тебя, как без теленочка корова. Поэтому теперь так нужно сделать: убей асура Шамбара, возьми

меня с собой и отправляйся в Дварку, пускай посмотрят на тебя отец и мать; порадуй тех, кто жаждет увидать тебя!»“

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю: „Махарадж! Прадьюмна слушал все такие речи Рати. Когда он возмужал, тогда однажды он, играя, подбежал вдруг к Шамбару. И Шамбар, увидев его и приласкав как собственного сына, молвил: «Я этого ребенка воспитал как собственного сына». Услышав это, шри Прадьюмна джи в великой ярости сказал: «Я мальчик, но твой враг. Давай теперь померяемся силой». Сказавши так, вдруг хлопнул он рукою об руку и стал пред ним. А Шамбар засмеялся и сказал: «Ах, братец. Откуда это взялся у меня другой Прадьюмна? Да что я грудью вырастил змею, что ты развел такие речи?» Сказав так, он добавил: «Сынок! Зачем ты говоришь такие речи? Уж не пришли ли за тобой посланцы Ямы?» Махарадж! Услышав эти речи Шамбара, мальчик молвил: «Да, меня зовут Прадьюмной. Немедля в бой со мной вступай. Ты бросил в море некогда меня, но я теперь пришел тебе за это отомстить. Кто здесь теперь чей сын, и кто здесь чей отец? В своем дому ты воспитал сам смерть свою!»

Услышав это, Шамбар сразу лук схватил,
Он гнев великий, страшный в сердце ощутил,
Как будто наступил он в тьме змее на хвост.

Потом царь Шамбар поспешил собрать свою всю рать и вывел он Прадьюмну в поле. Там в ярости свою дубину поднял и закричал как гром: «Я посмотрю, кто сможет здесь теперь спасти тебя от смерти!» Когда же Шамбар, так сказав и размахнувшись, вдруг метнул свою дубину, тогда Прадьюмна джи легко ее рассек; она бессильно на землю упала. Тогда он в гневе мечет огненную стрелу, Прадьюмна же метнул вдруг из воды стрелу и погасил ее. Тогда, придя в ужаснейшую ярость, Шамбар вдруг направил на него все то оружие, которое при нем там было. Прадьюмна уничтожил все. Когда у Шамбара не оставалось больше уж оружия, тогда он в ярости набросился вдруг на Прадьюмну джи, схватился с ним, вступил в единоборство. И вот Прадьюмна джи взлетел с ним в небеса и голову ему отсек своим мечем и бросил вниз. Потом вернулся, истребил всю рать асуров.

Увидев Шамбара убитым, шри Рати испытала блаженство несказанное. И в тот же миг с небес спустился вдруг виман, и Рати со своим супругом села на него и понеслася в Дварку, как облако прекрасное несется с молнией своей. Неслись, неслись и прибыли туда, где возвышались дворцы златые, блистая как Сумеру.[1] Сойдя с вимана, они немедля отправилися во дворец цариц. При виде их красавицы, все вздрогнув,

[1] Легендарная гора, якобы состоящая из золота и драгоценных камней. Сумеру почитается царем всех гор. Вокруг нее находятся четыре озера; одно — молочное, другое из меда, третье из чистого сока сахарного тростника и четвертое с чистой водой. На Сумеру обитают боги.

встали. Они подумали: «Пришел шри Кришна с новою прекрасною супругой» и смутились. Никто из них не разгадал той тайны, что Прадьюмна это; все говорили: «Кришна, Кришна». Когда Прадьюмна джи спросил: «Где мать моя и мой отец?», тогда царица Рукмини сказала, радостно своим подругам: «Подружки милые, кто это принял образ Хари?» Они сказали: «Нам кажется, что это не кто иной, как сын шри Кришны джи». При звуке этих слов у Рукмини джи из грудей струею полилося молоко, и левая рука затрепетала. Ее всем сердцем потянуло к сыну подойти, его обнять, но не могла обнять его она без разрешения супруга. В тот час там Нарада джи появился и, повторив свое пророчество, он устранил их все сомненья. Тогда лишь Рукмини джи подбежала, поцеловала сына в голову, к своей груди его прижала, устроила, как надлежит, их брак, взяла в свой дом и сына и невестку. Тогда пришли все ядавы, все женщины и все мужчины, устроили великий пир, и все в восторге ликовали. Во всех домах звучали свадебные песни, и счастие весь город Дварку осенило“.

Поведав это сказанье шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Так родился Прадьюмна джи, так детство он свое провел, убив врага, вернулся в Дварку с Рати. Тогда благословение и радость осенили каждый дом“.

Так гласит глава пятьдесят шестая „Рождение Прадьюмны и умерщвление Шамбара“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 57

Сатраджит[1] обвиняет шри Кришну в краже драгоценного камня Сьяманта,[2] потом, убедившись в своей неправоте, выдает за шри Кришну свою дочь Сатьябхаму

Шри Шукадева муни так сказал: „Махарадж! Сперва Сатраджит обвинил шри Кришначандру в краже камня драгоценного, потом, уразумев свою ошибку, устыдившись, за Хари выдал Сатьябхаму, дочь свою".

Услышав это, царь Парикшит джи спросил шри Шукадева джи: „О милосердия сосуд! Кто был Сатраджит? Откуда получил он камень, как мог он Хари в краже обвинить? Как убедился он потом во лжи своей и выдал дочь свою за Хари? Прошу, ты объясни и расскажи мне это".

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Благоволи же слушать! Я объясню все, расскажу тебе. Сатраджит был один из ядавов. Он много дней творил суровейшие подвиги в честь Сурьи.[3] Тогда бог Сурья был обрадован, призвал его к себе. Вручая Сатраджиту камень драгоценный, он сказал: «Сей камень называется Сьямантаком. В нем обитает счастье и богатство. Ты чти его всегда, и будешь мне подобен силою и блеском. Коль ты, творя молитву, подвиги, обеты, пост великий, будешь чтить его, то от него получишь ты награду, какую сам захочешь. В какую бы страну иль град иль дом сей камень ни попал, туда уж не войдут страданья, бедность, смерть. Всегда там благовремение будет обитать, пребудет там богатство, изобилье».

Махарадж! Промолвив так, бог Сурья отпустил Сатраджита. Он с камнем возвратился в дом свой.

И на другой день утром встал и утреннее омовение совершив и прочие утренние обряды, он камню пуджу совершил и неустанно подносил

[1] Один из ядавов, отец супруги Кришны Сатьябхамы.

[2] Чудесный камень, полученный Сатраджитом от бога солнца.

[3] Бог солнца; одно из важнейших божеств ведического пантеона, в значительной мере оттесненное впоследствии богами абстрактного порядка: Брахмой, Шивой и Вишну. В Рамаяне Сурья считается сыном Брахмы, в пуранах сыном Кашьяпы. У Сурьи трое детей: Ману Вайвасвата, прародитель рода человеческого, Яма, бог царства мертвых, и богиня Ями, супруга Ямы, она же река Ямуна. У Ману Вайвасвата был сын Икшваку, от которого произошел солнечный род кшатриев. Сурья изображается в виде юноши на колеснице, в которую запряжено семь коней.

ему сандал и рис, цветы и благовонья, светильник, снедь. И вот из камня вышло восемь бхаров[1] золота. Сатраджит, взяв его, пришел в восторг. Однажды, совершая пуджу и любуясь красотой и блеском камня, Сатраджит в глубине души подумал: «А хорошо бы было этот камень показать шри Кришначандре джи!»

Подумав так, Сатраджит, взяв тот камень, у себя на шее привязал и на собранье ядавов явился. Увидев издали блеск камня, ядавы все встали и сказали так шри Кришначандре джи: «Махарадж! Сам Сурья возымел желание тебя увидеть и идет сюда. Тебе ведь покланяется сам Брахма, Рудра, Индра и все другие божества. Все восемь страж они все мыслят о тебе и воспевают славу. Ты есть Адипуруша изначальный, вечный. И как рабыня неустанно служит Камала[2] тебе. Ты бог для всех богов. Никто познать не может всю твою природу, и бесконечны качества и чудеса твои. Ты в мир пришел, зачем же ты скрываешься, господь?»

Махарадж! Когда все ядавы увидели, что приближается Сатраджит, они сказали так; тогда шри Кришна молвил: «Не солнце это, это ядава Сатраджит. Он подвиги для Сурьи совершал и камень получил в награду от него. Блеск камня этого подобен блеску солнца. Он навязал тот камень на себя и к нам идет сюда». Махарадж! Едва успел шри Кришна это все сказать, как он вошел и сел в собранье, где ядавы играли меж собой. Увидев дивный камень тот, все были очарованы, и сам шри Кришначандра любовался им. Тогда Сатраджит ядава подумал что-то в глубине души и вдруг простился и ушел к себе домой. И с той поры всегда носил он камень свой на шее. Однажды ядавы сказали Хари: «Махарадж! Возьми ты камень у Сатраджита и подари тот камень государю Уграсене, и ты получишь славу в мире. Не для него такие камни. Поистине, то камень царский».

Услышав эти речи, шри Кришна джи расхохотался и сказал Сатраджиту: «Отдай царю ты этот камень и удостоишься величия и славы в мире!» Услышав только слово «дать», Сатраджит поклонился и безмолвно удалился. Задумавшись об этом, он пошел немедля к брату и сказал: «Шри Кришна джи просил сегодня камень у меня, но я ему не дал». Едва успел Сатраджит молвить это, как брат его Прасен в великой ярости схватил тот камень драгоценный, привязал его себе на шею, взял оружие, сел на коня, поехал на охоту. Приехав в темный лес, он стал стрелять из лука лосей и пятнистых ланей и свиноланей и газелей. Случилось, из-под носа у него вдруг ускользнула лань. В досаде во всю мочь пустил за ней коня Прасен. Он мчался, мчался и вдруг попал туда, где находилась вечная огромнейшая темная пещера.

Услышав шум копыт коня и лани, вдруг из пещеры выскочил огромный лев. Он всех троих убил, взял камень и залег в пещеру с ним. Когда в огромной темной той пещере тот камень оказался, она так осветилась,

[1] Мера веса, применяемая ювелирами, равная 2000 палав.

[2] Одно из имен Лакшми, супруги Вишну.

что свет проник до самой преисподней. Там проживал в то время Джамбавант,[1] медведь, который с Рамачандрой[2] был в Рамаватаре.[3] Он со своей семьею жил там со времен далеких Третаюги. Увидев вдруг сияние в пещере, он бросился на свет. Бежал, бежал и наконец он прибежал ко льву. Убил он льва, взял камень и пошел к своей жене. Она взяла тот камень у него и привязала к люльке дочки. Ребенок любовался им, без устали смеялся и играл. Все восемь пахара во всем жилище было светло".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Так потерялся камень; такова судьба Прасена. И вот охотники, которые поехали с Прасеном вместе, вернулись и сказали Сатраджиту: «Махарадж!

Покинул нас в лесу он, скрылся он один.
Помчались мы, искали, все же не нашли.
Мы в страхе вновь искали. Вот пришли ни с чем!
В лесу там не нашли мы. Где исчез Прасен?»

Услышав их слова, Сатраджит перестал и пить и есть. В глубоком горе он сидел и думал. Потом сказал себе в душе: «Шри Кришны это дело. Не кто другой как он убил там брата из-за камня. Взял камень и вернулся он, как будто никуда не ездил. Сначала он просил сам у меня, но я не дал. Теперь он взял его таким вот образом». Так говорил себе в душе Сатраджит и день и ночь все горевал. Однажды ночью он, худой, унылый и печальный, лежал с супругой на кровати, не говорил ни слова, думал, думал. Его супруга так сказала:

«О чем грустишь, мой милый? Что скорбишь душой?
Какая в сердце тайна? Поделись со мной!»

Сатраджит так сказал: «Не подобает открывать жене тяжелой тайны. В ее утробе ведь не залежится тайна. Что дома ни услышит, вынесет на свет. Нет знанья у нее, и ничего она не понимает, что добро, что зло». Услышав это, супруга Сатраджита рассердилась и сказала: «Когда же я что услыхала дома и вынесла на улицу, что ты так упрекаешь? Да разве одинаковы все жены?» Промолвив это, она сказала: «Пока не скажешь мне, что у тебя на сердце, не буду я ни есть, ни пить». Услышав это от супруги, Сатраджит молвил: «Что правда и что ложь, то богу одному известно. Вот мне пришло на ум: смотри же, я тебе скажу, но ты не смей сказать об этом никому». Жена сказала: «Хорошо, я не скажу». Сатраджит сказал: «Шри Кришна джи просил однажды камень у меня, а я не дал.

---

[1] Легендарный медведь, царь медведей, который со своею армией из медведей участвовал в походе Рамы на Ланку (Цейлон) и боролся против Равана на стороне Рамы. Почитается большим мудрецом.

[2] Т. е. Рама. Слово чандра, (चंद्र) „луна" присоединяется к именам богов для выражения их святости, любви к ним и т. д., напр., Кришначандра, Рамачандра.

[3] Т. е. аватара (воплощение) в образе Рамы: период, когда Вишну воплотился на земле в образе Рамы.

Вот мне и кажется теперь, что он поехал в лес, убил там брата моего и завладел тем камнем. Его работа это. Никто другой бы не посмел так сделать»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Услышав это, жена всю ночь уж не сомкнула глаз. Пока она терялася в догадках, прошла вся ночь. Едва зажглась заря, она пошла к своим подругам и служанкам и сказала: «Шри Кришна джи убил Прасена и взял камень. Я это ночью слышала от мужа. Но вы не смейте говорить об этом никому». Все ей сказали: «Хорошо!», и все без дальних разговоров разошлись. Но удивленно все собралися в укромный уголок и стали говорить между собой. И, наконец, одна рабыня побежала и рассказала обо всем в одном из теремов шри Кришны. Когда услышали об этом там, у всех в душе явилась мысль: «Не может быть неправдой то, о чем сказала всем жена Сатраджита!» Подумав так, все огорчились, весь терем стал ругать шри Кришну. А кто-то побежал к шри Кришне и сказал: «Махарадж! Ты опозорен обвиненьем в том, что ты убил Прасена и похитил камень. Что ж ты бездействуешь? Придумай, что тут сделать?»

Услышав это все, шри Кришна джи сначала взволновался. Потом, подумав, он пошел туда, где на совете царском восседали Уграсена, Васудев и Баларам, и так сказал: «Махарадж! Меня здесь все клеймят позором. Все говорят, что Кришна сам убил Прасена и похитил камень. Поэтому я с разрешенья государя сам отправлюся искать Прасена и тот камень, чтоб смыть с себя такой позор». Сказавши так, шри Кришна джи вернулся и, взяв с собой немногих ядавов, товарищей Прасена, поехал в лес. Когда он углубился в лес, то взор его упал на след копыт коней. И вот, следя за ними, он приехал, наконец, туда, где лев схватил и растерзал Прасена и коня. Увидев их скелеты рядом со следами лап огромнейшего льва, все убедились, что Прасена растерзал там лев.

Когда все убедились в этом, но камня не нашли, шри Кришначандра взял с собою всех, отправился туда, где находилася та мрачная, глубокая, ужасная пещера. И что же видят там, у входа в ту пещеру? Лежит убитый лев. Но камня все ж не оказалося и там! Увидев это чудо, все обратилися к шри Кришначандре со словами: «Махарадж! В лесу здесь появилося какое-то такое существо, что льва убило, камень отняло и скрылося в пещере. Теперь с ним ничего не сделать. Пока ты должен был искать, — искал. Позор твой смыт. Теперь позор падет на льва».

Шри Кришна джи сказал: «Идем, залезем-ка в пещеру эту и посмотрим, кто льва убил и камнем завладел». Но все они сказали: «Махарадж! Как мы пойдем в пещеру, в которую нам страшно и глядеть? Напротив, и тебя смиренно просим, не изволь ходить ты в эту страшную пещеру, скорей отправимся домой! Вернемся в город, все в один мы голос скажем, что лев убил Прасена и отнял камень, а льва какое-то чудовище убило и скрылося в глубокой и ужаснейшей пещере. Мы собственными, ведь, глазами в этом убедились». Шри Кришначандра джи сказал: «Я думаю

лишь об одном — о камне, поэтому один пойду в пещеру, а через десять дней вернусь. Вы десять дней здесь оставайтесь, а если больший срок пройдет, то возвращайтеся домой и известите всех об этом». Махарадж! Сказав так, Хари сам вошел в ту темную ужасную пещеру. Шел, шел он, наконец, пришел туда, где Джамбавант лежал и спал. Его жена стояла, укачивая в люльке дочку.

Увидев господа, она вдруг испугалася и, вскрикнув, разбудила Джамбаванта. Он вдруг вскочил и, бросившись на Хари, стал с ним бороться. Когда ни силою, ни хитростью не смог он Хари одолеть, тогда, подумав про себя, в душе сказал: «По силе мне равны лишь Рама с Лакшманом. Кто в этом мире обладает силою такой, что может устоять в борьбе со мной?» Махарадж! Руководимый знанием, так про себя подумал Джамбавант. Потом, помысливши о господе,

Он отступил смиренно, перед Кришной стал
«Владыка Рагху»,[1] молвил: «Мне виденье дал.
Предвечный ты владыка. Я тебя познал.
Твоя святая сущность ясно мне видна.
Ты совершил благое, приняв вновь рожденье,
Ты удалишь с земли всей злых, преступных бремя.
Я с самой Третаюги в этом месте жил,
И тайну мне твою здесь Нарада открыл:
„Придет господь за камнем в лес к тебе сюда,
Тогда себя узреть он дар великий даст“.

Расказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „О, царь! Когда Джамбавант, познавши господа, сказал такое слово, в то время шри Мурари, благодетель верных, узрев любовь Джамбаванта, в великой радости сам принял образ Рамы и, держа свой лук и стрелы, дал ему виденье. Тогда Джамбавант, поклонившися ему поклоном восьмичленным, стал пред Хари и, сложивши поднятые руки, с смирением великим так сказал: «О, море милосердья! Коль дашь, господь, мне приказанье, я выскажу свое желанье». Господь сказал: «Ну хорошо, скажи». Тогда сказал Джамбавант: «О, очиститель павших! Покровитель страждущих! В моей душе явилося желанье выдать за тебя дочь Джамбавати и удостоиться величия и славы в мире». Господь сказал: «Коль таково твое желанье, я согласен». Когда слова такие здесь сошли с уст господа, Джамбавант совершил сначала Кришне пуджу, принеся сандал, рис, благовония, светильник, снедь, потом он заключил брак дочери своей по древнему ведийскому закону. В приданое за ней он дал тот камень“.

[1] Мифический царь из солнечной династии. Его потомком является царь Дашаратха, отец Рамы. Таким образом Рама принадлежит к роду Рагху, поэтому Рама является владыкой (рода) Рагху.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „О царь! Шри Кришначандра, корень радости, взял камень тот и Джамбавати и вышел с нею из пещеры.

Теперь благоволи послушать далее рассказ о ядавах, товарищах Прасена и шри Кришны, которые остались ждать у входа в ту пещеру. Когда они прождали там у входа в ту пещеру двадцать восемь дней и Хари не вернулся, они пришли в отчаянье и, строя разные печальные догадки, плача и рыдая, все вернулись в Дварку. А получив об этом весть, все ядавы пришли в глубокую печаль и все, взывая «О, шри Кришна!» в великой скорби стали плакать и рыдать. Весь терем огласился воплями. И все царицы, от великой скорби исхудавшие, печальные, оставили дворец и, плача и рыдая, все пришли туда, где был храм Деви джи на расстояньи ко́сы от города.

Свершивши пуджу и почтив так Гаври, они, сложивши поднятые руки и головы склонив, сказали: «О, Деви! Тебя все почитают нары, суры, муни. И все, кто умолял тебя дать дар, все получили дар. Ты знаешь все — прошедшее и будущее, настоящее. Скажи, когда вернется к нам шри Кришначандра, корень радости?» Махарадж! Так умоляли все царицы, неотступно у двери храма Деви оставаясь. А Уграсена, Баладев и все другие ядавы сидели, погруженные в глубокую печаль. Как вдруг явился на собрание царя, с улыбкою предстал пред всеми сам предвечный обитатель Дварки — шри Кришначандра с Джамбавати. При виде лунноликого, всех охватила радость. И все царицы, получив столь радостную весть, свершили пуджу Деви, и, вернувшись во дворец, устроили великий пир они“.

Рассказав это сказание, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Когда шри Кришначандра джи в совете появился, немедля он послал за Сатраджитом. Отдав ему тот камень, он сказал: «Не брал я камня этого! Меня ты ложно опозорил!

Прекрасный камень этот Джамбавант там взял.
Его он мне с своею дочерью отдал».
Тогда, взяв дивный камень, голову склонив,
Сатраджит, полный скорби, сам ушел от них.
„Я в злобе против Хари тяжко погрешил,
Я по незнанью род свой чести сам лишил.
Позором я владыку ядавов покрыл,
Вражду посеял... Камень разума лишил.
О, что ж теперь мне сделать, чтобы смыть вину?
Отдам я Сатьябхаму с камнем как жену!“

Махарадж! Так размышлял в душе Сатраджит. Хоть получил он камень, но все ж пришел домой убитый горем и тайные все мысли он жене поведал. Его жена сказала: «Мой господин! Ты это хорошо придумал. Отдай шри Кришне Сатьябхаму и удостоишься великой славы в мире!»

Услышав это от жены, Сатраджит брахмана призвал, установил счастливый день и час и, положив на блюдо рори, рису и орехов, с пурохитом послал к шри Кришначандре все, как свадебный подарок. Шри Кришна джи с великой пышностью, в высоком свадебном уборе головном, немедля прибыл сам для заключенья брака. Тогда Сатраджит отдал дочь ему, исполнив все обряды, предписанные ведами. Он дал в приданое за нею множество богатств, вдобавок же отдал и камень.

Увидев камень тот, шри Кришна отделил его от всех других даров и молвил: «Мне этот камень ни к чему! Ты получил его за подвиги свои от Сурьи. У нас в роду дары приемлют только от шри Бхагавана,[1] отнюдь не от других богов. Возьми и у себя храни ты камень». Махарадж! Едва слова такие вышли неожиданно из уст шри Кришначандры джи, Сатраджит камень взял и устыдился. Шри Кришна джи, взяв Сатьябхаму джи, под звуки музыки отправился с ней в свой дворец и там благополучно жил с супругой Сатьябхамой".

Услышав это сказанье, царь Парикшит джи спросил шри Шукадева джи: „О, милосердия сосуд! Как мог пристать позор к шри Кришне? Ты, сделай милость, объясни". Шри Шукадева сказал:

„Взгляни в прекрасный бхадон ночью на луну,
И к ней пристали пятна. Знаешь ли вину?
Внемли же:
В четвертый день бхадона на луну взирайте,
Внимая этой песне, все грехи смывайте".

Так гласит глава пятьдесят седьмая „Сказание о браке с Джамбавати и Сатьябхамой" в „Прем Сагаре," сочиненном шри Лаллу Лалом.

[1] Одно из имен Вишну.

ГЛАВА 58

Шатадханва[1] убивает Сатраджита и, отдав камень Акруру, бежит. Шри Кришна убивает его

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Теперь я расскажу тебе сказание о том, как Шатадханва из-за камня вдруг Сатраджита убил и, дав его Акруру джи, из Дварки сам бежал. Ты прилагай внимание, слушай.

Однажды кто-то прибыл в Дварку, из Хастинапура, и известил он Баларама джи, обитель счастья, и шри Кришначандру, корень радости,

Как пандавов позвали дети все слепца
И спать их уложили в доме близ дворца,
Когда ж настала полночь, то со всех сторон
Закрывши окна, двери, вдруг зажгли тот дом.

Услышав это, оба брата пришли в глубокую печаль. В большой тревоге сразу же потребовали Дарука возницу с своею колесницей, сели на нее, отправилися в Хастинапур. Сойдя там с колесницы, они явились на собранье кавравов. И что ж они там видят? Уныло все сидят в изнеможенье полном. Дурйодхана задумался о чем-то; а Бхишма[2] проливает слезы; горюет тяжко Дхритараштра; у Дроны[3] льются слезы из очей; Бидур джи тоже в горе; Гадхари[4] близ него сидит; все жены кавравов сидят и, вспоминая пандавов, рыдают, и все собранье в страшной скорби. Увидев это все, шри Кришна с Баларамом джи приблизились и сели среди них. Потом они о горе их спросили, но никто им не посмел открыть ту тайну. Все оставались безмолвными".

[1] „Обладатель ста луков", имя ядава, убившего Сатраджита, отца Сатьябхамы.

[2] Сын царя Сантану, предка пандавов и богини реки Ганги. Бхишма был воспитателем пандавов и кавравов. В великой войне кавравов и пандавов Бхишма был на стороне кавравов и состоял главнокомандующим всей их армии. Во время войны был смертельно ранен Арджуном и умер от ран.

[3] Брахман, один из героев Махабхараты, учитель воинских наук кавравов и пандавов. В великой войне Дрона был на стороне кавравов и по смерти Бхишмы был назначен главнокомандующим армии кавравов и впоследствии был убит на войне.

[4] Один из сторонников кавравов.

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Меж тем как получив известие о гибели в огне всех пандавов, шри Кришна с Баларамом джи отправился в Хастинапур, был в Дварке некий Шатадханва, один из ядавов. Он прежде сватался сам к Сатьябхаме. К нему зашли однажды шри Акрур и Критаварма,[1] и оба так ему сказали: «Шри Кришна с Баларамом джи отправился в Хастинапур, и для тебя явился тут счастливый случай. Ты отомсти теперь Сатраджиту, ведь он тебя так страшно опозорил! Ты сватался, а он-то дочь шри Кришне отдал! К тому ж еще злословил на тебя. Теперь здесь у него защитника уж нету никакого». Услышав это, Шатадханва воспылал великой яростью. И ночью он пошел к Сатраджиту и стал ему грозить. Потом он силою и хитростью убил его и отнял камень. Затем, оставшися один в своем дому, он обо всем подумал сам, раскаялся и стал так сожалеть:

«Зачем вражду шри Кришны так зажег к себе?
Зачем Акрура злого принял я совет?
Акрур и Критаварма в дом ко мне пришли.
Совет худой мне дали и в соблазн ввели:
Святыми их зовут все, а ввели в обман.
Как с этим примириться? Всюду словно тьма!»

Махарадж! Тут Шатадханва так скорбел и горевал и неустанно повторял: «Грядущего не миновать, ни от кого путь кармы не узнать». А там, взирая на убитого Сатраджита, его супруга плакала, взывая: «Супруг мой! Мой супруг!». И слушая ее рыданья, их родные — все мужчины и все женщины — старались всячески ее утешить, потом заплакали и зарыдали сами; рыдания наполнили весь дом. Узнав о гибели отца, немедля прибыла и Сатьябхама джи. Утешив всех родных, она велела в масло поместить труп своего отца, потом потребовала колесницу, села на нее, помчалася к шри Кришначандре, корню радости. Не останавливаясь ни днем ни ночью, она приехала к шри Кришначандре.

Увидев вдруг супругу, Хари вопросил:
«Благополучно ль дома, милая, скажи?»
Сложила Сатьябхама руки, говорит:
«Как без тебя, владыка, может счастье быть?
Преступный Шатадханва нас поверг в печаль:
Отца убил, жестокий, дивный камень взял.
Мы в масло погрузили тестя твоего
О, удали печали сердца моего!»

Сказав так, Сатьябхама джи остановилася перед шри Кришной и Баларамом джи, заплакала навзрыд и причитала: «Отец мой, мой отец!» Услышав плач супруги, и шри Кришна с Баладевом джи сначала погрузилися в печаль и скорбь, как люди. Потом, утешив Сатьябхаму джи и укрепив в ней мужество, они отправилися вместе с нею в Дварку". Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! И прибыв в Дварку, шри Кришначандра, видя Сатьябхаму в страшном горе, дал ей клятву, обещал: «Прекрасная! Мужайся, потерпи и не кручинься ни о чем. Свершилось то, что было предначертано. Но я ни за какое дело не возьмусь прежде, чем Шатадханву я не уничтожу, не отомщу за твоего отца».

Махарадж! Когда вернулись в Дварку Рама с Кришной, то Шатадханва в ужасе покинул дом и говорит себе в душе: «Я поступил по наущению других и возбудил вражду шри Кришначандры джи! И у кого ж теперь искать защиты?» Пришел он к Критаварме и, сложивши поднятые руки, со смиренною мольбой сказал: «Махарадж! Меня вы научили, и потому я сделал это дело. Теперь шри Кришна с Баларамом джи пылают гневом на меня. Поэтому я прибежал к тебе искать защиты. Молю, позволь мне где-нибудь укрыться!» Но Критаварма, выслушав речь Шатадханвы, молвил: «Послушай! Я не могу ничем тебе помочь. Кто возбудил вражду шри Кришначандры, погиб для всех тот безвозвратно. Да разве ты не знал, какою силой обладает шри Мурари, что всех, кто с ним вступил в вражду, ждет неизбежно пораженье? Что сделали слова других? Что ж ты не взвесил сил своих пред тем, как к делу приступить? Обычай в мире есть такой: „Лишь с равными вступайте в брак, любовь и во вражду!" На нас не возлагай надежды. Мы оба лишь служители шри Кришначандры, корня радости, и не приличествует нам вступать с ним во вражду. Иди туда, где для рогов твоих найдется место».

Услышав это, Шатадханва в скорби и глубоком горе удалился и пришел к Акруру. Сложивши поднятые руки, голову склонив, он со смиренною мольбой сказал: «О господин, ты покровитель и владыка ядавов. Тебя все чтут и пред тобой все головы склоняют! Святой и милосердый! Ты подаешь всем утешение, выносишь муки и принимаешь за других мученье. Ничьих ты не стыдишься слов! Прими меня и дай мне кров! Ведь я все это сделал, вняв лишь твоему совету. Спаси меня теперь ты от руки шри Кришны».

Все это выслушав, Акрур джи молвил Шатадханве: «Большой глупец, коль говоришь такие речи мне! Да разве ты не знаешь, что шри Кришначандра джи вселенной всей создатель и от всех скорбей он врачеватель. Когда и кто во всей вселенной мог бы устоять, вступив с ним во вражду? Кто говорил, те чем же пострадали? Теперь-то на твою лишь голову бесчестье пало. Ведь сказано: „У всех: у наров, у богов, у муни есть один обычай: руководится каждый выгодой своей". Есть разные на свете люди, и каждый говорит для выгоды своей. Поэтому-то человеку надлежит не следовать чужим советам, и прежде чем за дело взяться, взвесить выгоду свою, урон. Ты не подумал прежде, чем то дело сделать. Теперь тебе нигде во всей вселенной не спастись. Кто со шри Кришной во вражду вступил, тот долго никогда не жил. Куда бы ни бежал он, смерть всюду

[1] Один из кавравов, проживавший в Дварке. Известен своими кознями и жестокостью.

настигала. Мне не охота умирать из-за того, что я тебе защиту дам: ведь всем на свете жизнь своя мила».

Махарадж! Когда Акрур дал Шатадханве столь суровую сухую отповедь, то тот, отчаявшись, оставил всю надежду на спасенье, оставил камень у Акрура джи, сам сел на колесницу, поспешил покинуть город и бежал. А вслед за ним на колеснице мчались и шри Кришна с Баларамом джи. На расстоянии ста йоджана они его настигли. Услышав шум их колесницы, Шатадханва в ужасе тут с колесницы соскочил и бросился в Митхилапур.[1]

Господь, увидев Шатадханву, в гневе повелел сударшанчакре:[2] «Не медля отруби ты Шатадханве голову». И, повинуяся велению господа, сударшанчакра вмиг, без промедленья полетел и голову отсек ему. Тогда шри Кришначандра подошел к нему и камень стал искать, но не нашел. Тогда сказал он Баладеву джи: «Братец! Убили Шатадханву, камня не нашли». Баларам джи сказал: «Брат! Тем камнем завладел какой-нибудь великий муж, он не принес его и нам не показал. Но камень тот ведь никому не скрыть. Увидишь, не у одного, то у другого мы его найдем».

Сказав так, Баладев джи обратился вновь к шри Кришначандре: «Брат! Теперь ты отправляйся в Дварку, а я отправлюся на поиски за камнем. Когда найду, вернуся с ним»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Шри Кришначандра, корень радости, убивши Шатадханву, отправился сам в Дварку, а Баларам, обитель счастья, отправился искать тот камень. Обыскивая страны, города и села, Баладев джи ехал, ехал и приблизился к Айодхьяпури.[3] Узнав о приближении его, айодхский царь Дурйодхана сам бросился ему навстречу. Он вышел за город и встретил Баларама и сам поднес ему дары. Потом велел устлать дорогу шелковым ковром и проводил его в свой собственный дворец. Там посадил его на трон и, оказав ему смиренно всяческие почести, он угостил его. Потом, сложивши поднятые руки и склонив главу, он встал и со смирением великим молвил: «О милосердья океан! Благоволи сказать, чему обязаны все мы твоим прибытием сюда».

Махарадж! Баладева джи, увидев искренность его приязни, сам с радостью открыл ему всю тайну поисков своих. Выслушав его, могучий царь Дурйодхана сказал: «Владыка! Камень тот, верь мне, ни у кого не может скрыться. Рано ль, поздно ль, сам он обнаружится». Сказав так, он, сложивши поднятые руки, молвил: «О, милосердый к бедным! Великое то счастье для меня, что, оставаясь дома здесь, сподобился тебя узреть я

---

[1] Город Митхила, столица древнего царства Виддар, в нынешнем Северном Бераре; этот город находился, повидимому, на месте нынешнего Тирхута, между реками Гандаки и Коши.

[2] Металлический диск с острыми краями, оружие Кришны. Здесь, как и во многих случаях, представлен в олицетворенной форме.

[3] Город Айодхья, столица Аудха.

и смыл свои грехи за множество рождений! Теперь ты сделай милость и благоволи исполнить задушевное желание раба. Останься ненадолго здесь, возьми меня в ученики и обучи борьбе с дубиной, и получи ты славу в мире». Махарадж! Услышав это от Дурйодханы, шри Баларам джи сделался его учителем и, ненадолго там остановившись, обучил его борьбе с дубиной. Он обыскал весь город. Но камня там не оказалось. И скоро после возвращения шри Кришны джи и Баларам джи прибыл в Дварку. Тогда шри Кришна джи, собрав всех ядавов и Сатраджита из масла вынув, предал труп огню. Костер тот погребальный он зажег своей рукой.

Когда шри Кришна джи закончил совершение обрядов погребальных, тогда Акрур и Критаварма, посовещавшись меж собой, пришли к шри Кришне джи. Наедине они ему тот камень показали и сказали: «Махарадж! Все ядавы в нечестье впали, и майя всех их ослепила. Уж перестали думать, помнить о тебе: ослеплены богатством все. И ежели б теперь какое бедствие пришлось им пережить, то будут господу они усерднее служить. А посему покинем град мы, возьмем сей камень[1] и бежим. Когда же мы заставим ядавов всех вспомнить о тебе и почитать тебя, то мы опять вернемся в Дварку». Сказавши так, Акрур и Критаварма со своими семьями бежали в полночь вдруг из Дварки, с ведома шри Кришны джи, в такой великой тайне, что не узнал никто, куда они бежали. Едва зажглась заря, по городу разнесся слух, что в полночь шри Акрур и Критаварма с семьями своими неведомо куда бежали, и неизвестно, что случилось с ними".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Меж тем как в Дварке в каждом доме шли об этом разговоры, Акрур отправился сперва в Праяг, велел себя побрить и искупался там в Трибени.[2] Потом он роздал множество даров и сделал много добрых дел, соорудил там лестницу во имя Хари и отправился с семьею в Гайю.[3] Расположившись там на берегу реки Пхалгу,[4] он совершил поминовенье предков по правилам священных шастр и, угостив всех брахманов священной Гайи, роздал множество даров. Потом он, посетив Гададхара,[5] оставил Гайю и прибыл в Кашипури. Узнавши о прибытии его, цари соседних стран все прибыли туда и, встретив здесь Акрура джи, дары ему там предложили. И, принеся там жертву, раздав множество даров, свершая подвиги и пост, Акрур остался там".

---

[1] Согласно легендам, никакое несчастье не могло постигнуть город, в котором находится камень Сьямантака.

[2] „Триречье". У Праяга (т. е. Аллахабада) сливаются три реки: в Гангу впадает Ямуна и, согласно легендам, река Сарасвати, которая якобы течет под землей. Место слияния этих трех рек считается в высокой степени святым.

[3] Город в Бихаре. Один из семи городов, священных для индусов.

[4] Река, на которой стоит Гайя.

[5] Одно из имен Вишну и Кришны. Согласно легендам, Вишну сделал себе дубину из костей демона Гады, потому и получил такое имя.

Так протекло немного времени, и шри Мурари, благодетель верных, решив в душе своей призвать Акрура джи, сам к Балараму джи пришел и так сказал: «Мой брат! Теперь благоволи послать народу этому изрядную толику бедствий и заставь их вновь призвать Акрура джи». И Баладев джи сказал: «Махарадж! Благоволи же сделать все согласно с совестью своей, благоволи дать радость праведным». Когда слова такие здесь сошли с уст Баларама джи, шри Кришначандра такое чудо сотворил, что в Дварке в каждом доме распространилися вдруг всякие болезни, горячка, лихорадка, эпилепсия, чахотка, лишаи, чесотка, боли головные, проказа и слоновая проказа, водянка, фистула, тимпанит, понос, запор, рези в животе, колика, кашель, семиплегия, паралич, тиф и множество других болезней.

И сверх того четыре месяца уж не было дождя. От этого в том городе повысохли все реки, каналы и пруды. Не уродилося ни хлеба ни травы. И все живые твари, в небесах парящие и на воде живущие и по земле ходящие, все твари, птицы и коровы в мучениях великих стали сохнуть, а граждане, все умирая от мучительного голода, вопили: «Спаси! Спаси!» И, наконец, все граждане в великой скорби и печали пришли к шри Кришначандре, устранителю печалей; с великою мольбою и покорностью, сложивши поднятые руки и головы склонив, сказали:

«Здесь под твоей защитой все мы стали жить,
За что ж такие муки нам переносить?
Дожди не выпадают, мор на нас напал!
За что же испытанье нам создатель дал?»

Промолвив это, все они сказали: «О повелитель Дварки! О милосердый к страждущим! Ты наш создатель, от всех страданий врач — один лишь ты. Куда итти нам, миновав тебя? К кому нам обратиться? Откуда вдруг свалилися на нас все эти муки? И почему случилось это? Сделай милость, благоволи сказать нам это»".

Шри Шукадева муни так сказал: „Махарадж! И, выслушав их речи те, шри Кришначандра им сказал: «Внимайте! Откуда удаляется святой, в тот град, как будто беспричинно вдруг приходит смерть, страдание и бедность. С тех пор, как Акрур джи покинул этот город, нас постигли бедствия. Где проживает муж святой, муж, говорящий правду, Хари раб, там пропадает все недоброе, все бедствия и глад. Сам Индра любит верных Хари и посему во благовремение посылает дождь».

Услышав это слово, все ядавы воскликнули: «Махарадж! Ты истину сказал нам. У нас самих такая мысль являлася в душе по той причине, что отца Акрура имя шри Супхалак;[1] он сам святой великий, правдивый и благочестивый. Где обитает он, там не бывает никогда страданий, бедности и голода, и небо посылает дождь во благовременье. От этого благополучие царит там неизменное. И да услышат все! Однажды в Кашипуре

[1] Буквально: „Приносящий прекрасный плод".

граде большой случился голод. Тогда сам царь великий Кашипурский призвал к себе Супхалака. Махарадж! Едва пришел Супхалак джи, как в той стране пошел вдруг изобильный дождь, все бедствия исчезли. И вот царь Кашипурский выдал за Супхалака царевну дочь свою, и он счастливо стал там проживать. А имя той царевны было — Гандини. Ее-то сын шри Акрур».

Сказав так, ядавы вновь продолжали: «Махарадж! Об этом мы и прежде знали. Теперь благоволи нам повелеть, мы все исполним». Шри Кришначандра молвил: «Немедля разыщите вы Акрура джи и с честью и с почетом привезите в Дварку». Едва слова такие сошли с уст господа, все ядавы отправились искать Акрура джи. Шли, шли они и прибыли в град Варанаси.[1] Приблизившись к Акруру джи и предложив ему дары, сложивши поднятые руки и склонив главу, остановились перед ним и так сказали:

«Вернись, владыка, Шьяма с Балою[2] зовет.
Ведь без тебя весь город полон злых тревог. —
Где ты живешь, владыка, там живет и счастье,
Где нет тебя, владыка, бедность там, несчастье.
Хоть в граде обитает славный шри Гопал,[3]
Но голод посетил нас, мор на нас напал;
И сам господь покорен брахманам святым:
От них все получают добрых дел плоды».

Махарадж! Услышав это слово, Акрур джи со своей семьей и Критавармою в тревоге и без промедления отправился из Варанаси с ядавами вместе под радостные звуки музыки и пенья. Через немного дней Акрур джи со своею свитой подъехал к Дварке. И, получив о этом весть, шри Кришна джи и Баларам ему навстречу вышли и с большим почетом и вниманьем ввели Акрура в город. О, царь, едва вошел Акрур джи в город, вдруг дождь пошел, настало благоденствие. И бедность и печали в городе исчезли. Акрур был возвеличен, и жители всей Дварки стали жить счастливо и беспечно.

Потом однажды сам шри Кришначандра, корень радости, призвал к себе Акрура джи и так сказал ему наедине: «Ты получил тот камень Сатраджита. Скажи, что ты с ним сделал?» Он сказал: «Махарадж! Он у меня». Потом господь сказал: «Отдай чужое достояние тому, кому оно принадлежит. А если нет его, то сыну надлежит вручить его. Коль сына нет, то надлежит отдать все брату. Коль брата нет, отдай его семье. А ежели нет и семьи, отдай все сыну гуру. Коль нет и сына гуру, то брахману отдай. Но сам ты достояния чужого не бери. Таков закон. А посему

[1] Бенарес.
[2] Сокращенная форма имени Баларама.
[3] „Хранитель коров, пастух" — одно из имен Кришны.

тебе теперь прилично здесь вручить сей камень внуку Сатраджита, и ты получишь славу в мире».

Когда такое слово излилось из уст шри Кришначандры джи, Акрур принес тот камень, положил пред господом. Потом, сложивши поднятые руки, со смирением сказал: «О, милосердый к страждущим! Благоволи взять этот камень, благоволи простить мою вину! Из камня этого явилось золото, и я его истратил все на посещенье мест святых». Господь сказал: «Ты сделал благо». Сказав так, Хари взял сей камень и отдал Сатьябхаме. Тем устранил он все душевные заботы".

Так гласит глава пятьдесят восьмая „Казнь Шатадханвы" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 59

Шри Кришна с пандавами отправляется на охоту. Шри Кришна вступает в брак с Калинди.[1] Он отдает лес Кхандав[2] Агни, и Арджун защищает его от Индры

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Однажды Кришначандра, друг всего живого, корень радости, подумал: «Поеду я теперь и погляжу на пандавов, которые живыми вышли из огня».[3]

Сказав так, Хари взял с собой немного ядавов и, выехав из Дварки, прибыл в Хастинапур. И получивши весть о приближении его, Юдхиштхира и Бхима, Арджун, Накул, Сахадев, пять братьев все с великой радостью ему навстречу кинулись. И, выйдя за город его там встретив, с великой преданностью и с любовию ввели его немедля во дворец.

Когда вошел он во дворец, то Кунти с Драупади[4] сначала пригласили семерых счастливых в браке женщин, велели изготовить чаук из жемчугов, поставить в нем скамейку золотую. Потом собственноручно совершили арти, омыли ноги господину и, поведя его в поварню, предложили снедь роскошную. Махарадж! Когда шри Кришначандра джи, откушав, приступил к жеванью бетеля, тогда

Вблизи присела Кунти, речи повела:
«Здоров ли батюшка мой, как живет мой брат?

---

[1] Одна из супруг Кришны; согласно легендам, Калинди была дочерью Сурьи — бога солнца.

[2] Лес и страна на берегу реки Ямуны (Джумны). После раздела царства Хастинапурского, страна Кхандав была получена во владение пандавами.

[3] Согласно Махабхарате, кавравы, чтобы погубить потомков Панду, зажгли дом, в котором спали пандавы, но пандавы, предупрежденные своими доброжелателями, заблаговременно покинули дом и таким образом спаслись.

[4] Дочь Драупада, царя государства Панчала. Драупади была женой всех пятерых пандавов (Юдхиштхира, Арджун, Бхима, Накула и Сахадева). Когда Драупади пришла в брачный возраст, то ее отец Драупад устроил сваямвар и предложил ей выбрать себе жениха из среды многих претендентов. Арджун своими доблестями превзошел всех, и потому Драупади стала его женой. По предложению матери пандавов, Кунти, Драупади сделалась женой всех братьев и разделила их судьбу. Брак Драупади является единственным в древнеиндийской литературе примером полиандрии. Царица Драупади является одной из наиболее трагических фигур в индийской литературе.

Здоров ли Сурасена, жив ли Васудев,
Племянники и братья? Жив ли Баладев?
Мы все живем надеждой на одних лишь вас:
Не будь вас, все мученья кто б терпел из нас?
И всякий раз, когда здесь горе приключалось,
По доброте всегда ты нас всех защищаешь.
От всех страданий, Кришна, ты наш избавитель,
Для пятерых всех братьев ты один спаситель.
Как лань в лесу трепещет перед волчьей стаей
Так и они страдают близ сынов слепца здесь».

Махарадж! Когда сказала это Кунти,

Тогда сам Юдхиштхира поднялся с мольбой:
«Господь, владыка Яду, о хранитель мой!
Великие все йоги чтут всегда тебя,
Не Шиве и не Брахме молятся, любя.
Ты нас несчастных, бедных в доме посетил.
Какие же заслуги, кто, когда свершил?
Четыре месяца здесь радуй наши очи;
Когда дожди минуют, ты вернуться можешь»".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! И выслушав его слова, шри Бихари, благодетель верных, утешил всех и, дав надежду всем, у них остался. Он каждый день без меры расточал свою любовь и благодать. Однажды Кришначандра джи с царем Юдхиштхирою, Арджуном и Бхимой, Накулом и Сахадевом взяли лук и стрелы, на колесницы сели и отправилися в лес все на охоту. Приехав в лес, сошли все с колесниц, надели пояса, размяли руки, привели в порядок стрелы, рассыпались по зарослям лесным и стали бить там львов и тигров, носорогов, буйволов и лосей, кабанов, ланей и пятнистых антилоп. Свою добычу все сносили к шри Юдхиштхире. А царь Юдхиштхира, довольный, радостно смеялся и каждого кормил его любимым блюдом. Пятнистых антилоп, кабанов, ланей всех он отослал в поварню.

Меж тем шри Кришначандра с Арджуном, преследуя добычу, углубились в лес, опередили всех и там расположилися под деревом. Потом пошли вдвоем на берег к речке и напились воды. И что же видит вдруг шри Кришначандра джи? По берегу реки там ходит одинокая красавица младая, красы необычайной: луннoликая, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона, со станом льва, украшенная с головы до ног и напоенная любовью. Увидев дивную красавицу, шри Хари джи остолбенел от изумленья и сказал:

«Скажи, кто эта дева дивной красоты:
И никого с ней нет там. Глянь; узнаешь ты?»

Махарадж! Услышав этот возглас господа и увидав ее, шри Арджун в изумленье бросился туда, где та красавица гуляла одиноко по берегу реки, и так спросил ее: «Скажи, красавица, кто ты? Откуда ты пришла и почему гуляешь здесь одна. Открой мне эту тайну!» Услышав это,

Красавица не медля молвила ему:
«Царевна я, дочь солнца, я в лесу живу.
Зовут меня Калинди, так отец назвал,
Для жительства в воде он мне дворец создал,
Пришел, в реке построил дивный здесь дворец;
Меня здесь утешая, так сказал отец:
„Когда ты, дочка, будешь близ реки гулять,
Придет к тебе жених твой, увезет тебя.
В роду у Яду Кришна принял воплощенье,
К тебе сюда придет он, жди здесь посещенья.
Адипуруша, вечный, Хари, бог богов.
О, дочь, ты родилася только для него".
И с той поры, как мне так мой отец сказал,
Я ожидаю Хари, чтоб упасть к ногам».

Махарадж! Услышав это, Арджун джи в великой радости сказал: «Красавица! Сюда пришел уж тот, кого ты ожидаешь — предвечный наш господь, владыка Дварки, шри Кришначандра, корень радости». Махарадж! Когда с уст Арджуна сошло такое слово, то благодетель верных, шри Бихари, сам сел на колесницу и к ним приблизился. Когда, увидев господа на колеснице, Арджун рассказал ему всю тайну, тогда шри Кришначандра джи с улыбкою немедля взял на колесницу деву и вернулся в город. Пока шри Кришначандра джи из леса ехал в город, за это время Вишвакарма, постигнув волю господа, вдали от всех построил для него прекраснейший дворец. И Хари, прибыл во дворец, сам снял Калинди с колесницы и поселился с нею там.

Немного дней спустя, однажды Кришначандра джи и Арджун джи сидели ночью вместе. Как вдруг пришел к ним Агни. Сложивши поднятые руки, склонив свою главу, он обратился к Хари и сказал: «Махарадж! Я голодаю много дней! Я обошел весь свет, но пищи не нашел нигде. Теперь одна надежда — на тебя. Коль ты мне разрешишь, то я пойду и буду пожирать тот лес!» Господь сказал: «Добро! Иди и пожирай». И Агни вновь сказал: «Владыка милосердый. Я не могу пойти один в тот лес. Коль я пойду, придет шри Индра, он меня погасит». Услышав это, Кришна джи сказал так Арджуну: «Друг мой! Пойди и попаси ты Агни, он ведь много дней как умирает с голоду».

Когда слова такие сошли с уст Кришначандры, Арджун взял лук и стрелы и пошел с шри Агни. Достигнув леса, Агни запылал и начал пожирать деревья — манго, тамаринды, смоковницу, пипалы и пальмы, тамали,

махуны, джаман, кхирни, кагнары,[1] лозы виноградные, персиковые, ишманные деревья, бера и множество других деревьев.

Бамбук пылает с треском, пламя жжет траву,
Лесные птицы, звери носятся в дыму.

Куда ни глянь, повсюду Агни джи бушует с ревом, и клубы дыма черного вздымаются, кружася, к небесам. Увидев этот дым, царь Индра джи потребовал немедля Мегхапати,[2] мощного владыку облаков, и так сказал: «Немедля выступай, пролей там ливень, погаси огонь, спаси скорее лес, зверей и птиц и все лесные твари; спаси ты все, что там живет!» И получив такой приказ, владыка облаков собрал рать темных туч и кинулся туда. Когда он, загремев, хотел пролить там дождь, то Арджун вдруг метнул такой вихрь стрел, что облака о них разбились и взлетели в высь, как вверх взлетают хлопья хлопка, подхваченные вдруг порывом ветра. Никто не видел, как они явились, как исчезли: едва лишь появившись там, они исчезли незаметно. Меж тем шри Агни, пожирая Джахаракханд,[3] приблизился туда, где был дворец асура Мая.[4] Увидев яростное пламя страшного огня, который неуклонно близился к нему, охваченный великим страхом, Май поспешно босиком, едва накинув платье, выскочил из своего дворца. Сложивши поднятые руки, он остановился перед Арджуном. Потом, приветствовав его поклоном восьмичленным, в великом страхе молвил: «О, господин! Спаси меня от этого огня! Скорее защити меня.

Напасся Агни вволю, он теперь уж сыт,
Благоволи о наших всех грехах забыть!
Вонми моим моленьям, смилуйся, молю.
Избавь от Вайшванара,[5] жизнь спаси мою».

Махарадж! Когда такое слово здесь сошло с уст дайтьи Мая, то Вайшванар сложил свои все огненные стрелы и Арджун в изумление пришел. Потом они вдвоем с асуром Маем дайтьем приблизились к шри Кришначандре, корню радости, и Арджун так сказал: «Махарадж!

Маясур[6] этот может службу сослужить:
Он для тебя построит дом, чтоб здесь пожить.
Теперь над ним ты сжалься, пожалей его,
Избавь его от страха, погаси огонь!»

Промолвив это, Арджун снял свой лук и стрелы и положил на землю. Тогда господь, мигнув, дал знак шри Агни, он тотчас же погас, по лесу разлилась прохлада. И благодарный Агни джи дал Арджуну двух белых, словно лебеди, коней прекрасных, заложенных в чудеснейшую колесницу, дал два колчана крепких, а также латы, которых не пробьет ни меч ни стрелы. Потом, о царь! Шри Кришначандра с Арджуном и Маем двинулися в путь. И там в лесу в одно мгновенье Май построил дивный золотой чудеснейший дворец, украшенный прекраснейшими жемчугами, чудо красоты, которая не поддается описанью. Кому бы ни пришлось взглянуть, все в восхищеньи застывают как картины. Четыре месяца там отдыхал шри Кришначандра. А после он отправился туда, где царь Юдхиштхира сидел в своем совете царском. Придя к царю, господь просить стал позволенья возвратиться в Дварку. Едва такое слово здесь сошло с уст Кришначандры, царь и весь его совет пришли в великую печаль. Все граждане — все женщины и все мужчины — все стали горевать. Потом господь, как надлежит, всех успокоил и утешил, обнадежил, взял Арджуна с собой, простился с Юдхиштхирой и из Хастинапура отправился. Веселый и довольный, он через немного дней приехал в Дварку. Когда узнали о прибытии его, весь город был охвачен радостью; печаль былая вся исчезла. Отец и мать, увидев сына, радость испытали и от души своей печали отогнали.

Потом однажды Кришначандра джи, явившись к Уграсене, открыл ему всю тайну о Калинди: «Махарадж! С собою я привез Калинди, солнца дочь. Благоволи же сочетать нас браком по ведийскому закону». Услышав это, Уграсена джи немедля повелел советнику: «Немедля отправляйся, приготовь все нужное для брака». Советник, получив его приказ, в одно мгновение доставил все необходимое для брака. Тогда царь Уграсена с Васудевом джи астролога призвал и, установив счастливый день, немедля сочетали браком по ведийскому закону Кришну джи с Калинди".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „О, царь! Так состоялся брак Калинди. Теперь я расскажу сказание о том, как Хари добыл Митрабинду[1] и вступил с ней в брак. Ты прилагай вниманье, слушай. Была у Шурасены дочь, родная тетка Кришны джи; Раджадхидеви имя было ей, и у нее была дочь Митрабинда. Коль скоро Митрабинда стала годною для брака, она устроила брак сваямвар. Тогда все доблестные и прекрасные цари всех стран, могучие герои, блистая мужеством своим, в роскошнейших нарядах, собрались в городе Уджайне. Узнав об этом обо всем, отправился туда и сам шри Кришначандра джи со шри Арджуном. Шри Кришначандра прибыл во дворец и стал среди других, явившихся на сваямвар.

Красавица в восторге. Кришну увидав,
Роняет ожерелье: глаз не оторвать!

Увидев необычайное явленье это, цари всех стран почувствовали стыд, а в глубине души все возмутились. Дурйодхана пошел и, обратив-

---

[1] Названия различных деревьев.
[2] Буквально „Повелитель облаков".
[3] Лес Кхандав.
[4] Дайтья (титан) Май, согласно легендам, является архитектором асуров (демонов), подобно тому как Вишвакарма является архитектором богов (суров). Согласно Махабхарате, Май жил на горе Девагири, близ Дели.
[5] Одно из имен бога Агни (огня).
[6] Т. е. „Асур Май".

[1] Одна из супруг Кришны, дочь царицы Уджаинской.

шись к брату Митрабинды Митрасене, так ему сказал: «Братец! У дяди твоего есть сын шри Хари. Красавица вишь засмотрелась на него и все забыла. А это ведь противно всем обычаям страны. Поэтому мы можем сделаться посмешищем здесь на весь мир. Пойди к сестре, скажи ей ты, пускай не выбирает Кришну, не то нас засмеют тут все цари!» Услышав это, Митрасена подошел к сестре и стал давать советы. Махарадж! Когда же Митрабинда, выслушав его слова, пришла в себя и, отступив от господа, остановилась в отдаленье, то Арджун, к шри Кришне наклонясь, на ухо шепнул ему: «Махарадж! Кого теперь тебе смущаться? Дело плохо! Немедленно же действуй!» Услышав шопот Арджуна, шри Кришна вышел из густой толпы всех женихов, схватил вдруг Митрабинду джи, унес ее, на колесницу посадил и на глазах у всех погнал своих коней. Тогда-то все цари схватились за оружие, вскочили на коней и, преградив путь господу, остановилися, готовые к борьбе. Меж тем все горожане там смеялись, хлопали в ладоши, издевались над царями и так кричали:

«На тетушкиной дочке прибыл он жениться!
Хорошей славы Кришна хочет вишь добиться!»“

Поведав это сказание, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Когда шри Кришначандра увидал, что без борьбы не обойдется, не прорваться сквозь войска асуров, которые его со всех сторон там окружили, тогда он, вынув из колчана несколько лишь стрел, лук натянул и так ударил, что вся та рать асуров рассыпалась иль полегла на месте. Господь без всякого сопротивленья радостный вернулся в Дварку“.

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Таким вот образом увез шри Кришначандра в Дварку Митрабинду и вступил с ней в брак. Теперь я расскажу тебе сказание о том, как он добыл шри Сатью.[1] Ты прилагай внимание, слушай.

В стране Каушале был благочестивый царь Нагнаджит, и у него была дочь Сатья. Когда она для брака стала годной, то царь велел из стада выбрать семь быков — огромных, с огромными преострыми рогами, непроборенными носами — и, выпустив их в поле, дал такое обещанье: «Кто сможет сразу этих всех быков взнуздать и приведет ко мне, тому отдам я в жены дочь свою!» Махарадж! Те семь быков, понурив головы, задрав хвосты и роя землю копытами, бродили с ревом по стране и убивали всякого, кто попадался им навстречу.

И получив об этом весть, шри Кришначандра с Арджуном отправились туда. Пришел он к Нагнаджиту и остановился перед ним. При виде их, царь Нагнаджит сошел с престола и сам приветствовал его поклоном восьмичленным и, посадив на свой престол, он предложил сандал и рис, цветы; поднес светильник, благовония и снедь поставил перед ним. Потом, сложивши поднятые руки, склонив свою главу, он со смирением великим

[1] Одна из супруг Кришны, дочь Нагнаджита, царя Каущальского.

молвил: «Проснулось счастье, знать, мое, что сам господь, создатель Шивы, Брахмы, вдруг пришел в мой дом». Промолвив так, он продолжал: «Махарадж! Я обещанье дал; его исполнить тяжко было. Теперь же у меня уверенность явилась, что, по милости твоей, я скоро выполню его». Господь сказал: «Какое ж обещание ты дал, что выполнение его так трудно?» Тогда царь так сказал: «Владыка милосердый! Я выпустил здесь семерых быков с непроборенными носами и дал такое обещанье: кто сможет сразу этих всех быков взнуздать, тому отдам я в жены дочь свою»“. Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж!

Собрался Хари быстро, он пошел туда,
Семь образов он принял, перед каждым стал,
Нигде никто такого чуда не видал,
Но семь быков тех Хари сразу всех взнуздал.

Когда господь там взнуздывал могучих тех быков, они недвижно все стояли так, как деревянные быки стоят. И, проколов носы семи быкам, господь их нанизал всех на одну веревку и так привел в совет царя. Увидев это чудо, все горожане — все женщины и все мужчины — исполнилися изумленья и благословляли господа. Царь Нагнаджит без промедления призвал к себе пурохита, и по ведийскому закону он выдал дочь свою за Хари. В приданое за ней он дал великие богатства: коров всех десять тысяч, слонов же девять лаков, коней прекрасных девяносто крор и колесниц всех семьдесят три лака и сверх того несчетное количество рабов, рабынь. Когда шри Кришначандра выступил оттуда со всем своим добром, тогда цари окрестных стран из зависти вдруг преградили путь ему. Тогда сам Арджун стрелами своими всех побил и в бегство обратил. И Хари джи счастливо и благополучно прибыл в Дварку со всем своим добром. Тогда все граждане прекрасной Дварки ему навстречу вышли, устлали путь его прекрасным шелковым ковром и с музыкой и пением ввели шри Кришну во дворец. Увидев дивное приданое, все изумились.

Все стали Нагнаджита дружно восхвалять:
«Царь Нагнаджит устроил дочке дивный брак.
Хорошую же свадьбу кошалец[1] сыграл:
Приданое такое Кришне джи он дал».

Махарадж! Меж тем как граждане вели такие речи, туда пришел шри Кришначандра с Баларамом джи и отдал Арджуну все то приданое, которое сам получил от Нагнаджита. Он этим славу в мире приобрел“.

„Теперь я расскажу тебе сказание о том, как Кришна добыл Бхадру и с нею в брак вступил. Ты прилагай внимание, спокойно слушай. Царевна Бхадра, дочь царя страны Кекая, устроила сваямвар и, написав посланья, разослала всем царям всех стран. Собралось множество царей.

[1] Царь страны Кошала (Каушала).

Шри Кришначандра с Арджуном отправились туда и, прибыв на сваямвар, на собрание пришел. Когда царевна та, с гирляндою в руке, смотрела всех царей, она приблизилася к Океану красоты и свету мира, Кришначандре джи. Увидев господа, она пришла в восторг и с радостью украсила своей гирляндой шею Хари. Увидев это, ее отец и мать обрадовалися и сочетали браком по закону вед царевну с Хари. В приданое за нею дали столько, что невозможно описать".

Разсказав это сказанье, шри Шукадев джи продолжал: „Махарадж! Таким путем шри Кришначандра добыл Бхадру джи и с нею в брак вступил. Теперь я расскажу тебе сказание о том, как он вступил в брак с Лакшманой. Ты слушай!

Был царь в стране мадрийцев — могучий, сильный. Когда дочь этого царя, царевна Лакшмана джи, стала годной к браку, то он устроил сваямвар, и, написав послания, их разослал царям всех стран. Немедля каждый снарядил свои полки и с пышностью великою все прибыли туда, на сваямвар, уселися все чинными рядами. Шри Кришначандра с Арджуном джи прибыли туда. Когда они, придя на сваямвар, остановились там, то Лакшмана, которая смотрела всех, приблизилась к шри Кришначандре и украсила своей гирляндой шею господа. Ее отец немедля браком по ведийскому закону шри Кришну с Лакшманою сочетал. Цари всех стран, которые собралися туда, все со стыдом великим стали говорить друг другу: «Посмотрим, как же Кришна увезет от нас царевну Лакшману!» Так, сговорившись меж собой, они собрали все свои войска и преградили путь шри Кришне. Когда шри Кришначандра с Арджуном и Лакшманой джи, на колесницу сев, пустилися в дорогу, тогда они остановили их и все вступили в бой. Но скоро Арджун и шри Кришна джи своими стрелами разбили всех и обратили в бегство, а сами счастливо, благополучно вернулись в Дварку. Когда они вернулись, то во всем городе и в каждом доме

Настало ликованье, пир устроен был,
С законом вед согласно Кришна в брак вступил".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! Таким вот образом шри Кришна джи привез пять дев и с ними в брак вступил. Потом он в Дварке стал спокойно проживать с восемью законными царицами. И все законные царицы все восемь страж ему служили. Имена цариц его законных таковы: Рукмини, Джамбавати, Сатьябхама, Калинди, Митрабинда, Сатья, Бхадра и Лакшмана".

Так гласит глава пятьдесят девятая „Повествование о пяти браках шри Кришны" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Г Л А В А 60

Шри Кришна убивает Бхавмасура[1] и вступает в брак с шестнадцатью тысячами ста царевнами

Шри Шукадева джи сказал: „О, царь! Давно, давно земля, принявши образ человеческий, здесь стала подвиги великие свершать. Тогда-то Брахма, Вишну, Рудра, все три божества, явились к ней и вопросили: «Зачем творишь ты подвиги столь тяжкие?» Земля сказала: «О, океаны милосердия! Хочу я сына, и подвиги великие для этого творю. О, сделайте мне милость, дайте сына мне — могучего и славного, прекрасного, и чтоб никто во всей вселенной победу одержать не мог над ним, чтоб не могла ничья рука убить его».

И, выслушав такое слово, обрадованные три божества, давая дар желанный, так сказали: «Твой сын, по имени Наракасур[2] родится у тебя и будет обладать великою он силою и славой. Никто не победит его в бою. Он победит царей всех стран и подчинит своей их власти. В небесный мир проникнет он и разобьет богов и в бегство обратит их. У Адити отнимет серьги и наденет сам. У Индры он отнимет зонтик, водрузит его над головой своей. Добудет он шестнадцать тысяч сто царевен, дочерей царей со всей вселенной, и будет их держать в дому своем без брака. Тогда шри Кришначандра соберет всю рать свою и выступит против него. Тогда сама ты скажешь Кришне: „Убей его!", и он убьет, а всех царевен заберет себе и в Дварку возвратится»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Когда, давая дар, три божества сказали так, земля промолвила: «Зачем я буду говорить слова такие: „убейте сына моего"», и замолчала. Через немного дней родился сын земли Бхавмасур, его зовут и Наракасуром. Он поселился в Праджйотишпуре.[3] Со всех сторон он оградил тот город славный высокими горами, крепостями из воды, огня и ветра. Он отнял силою царевен у царей великих всей вселенной, доставил вместе с нянюшками в свой дворец и заключил их там. Он каждый день вставал, прика-

[1] Ассур, сын Земли.
[2] Буквально, Асур ада — Бхавмасур.
[2] Город, расположенный на границе Асама.

зывал всех тех шестнадцать тысяч сто царевен накормить и напоить, одеть, смотреть за ними и строго настрого велел их охранять.

Однажды Бхавмасур, придя в великий гнев, сел на виман цветочный, который он привез из Ланки,[1] и отправился он в Сурапур и стал богов там истязать. От этих мук все божества покинули свои места и все, спасая жизнь свою, повсюду разбежались кто куда. Тогда у Адити он отнял серьги, у Индры зонтик, и все унес с собой. Потом он стал всех в мире истязать жестоко: богов и муни, наров. Узнав о всех его делах, шри Кришначандра, друг всего живого, так сказал себе в душе:

«Убью его, красавиц всех возьму себе!
А зонтик возвращу я господу небес.
Я к Адити отправлюсь, серьги ей отдам,
Освобожу от страха Индру навсегда!»

Подумав так, шри Кришначандра джи сказал однажды Сатьябхаме: «Супруга! Коль ты отправишься со мной, то может быть убит Бхавмасур! Ты часть земли,[2] поэтому ты мать ему. Когда три божества давали дар земле, тогда они сказали: „Когда сама велишь убить его, тогда твой сын умрет, не то никак никем не будет он убит!“» Услышав это, Сатьябхама джи, подумав про себя в душе, сказала так с глубокою печалью: «Махарадж! Мой сын стал сыном и тебе, зачем же ты его убьешь?»

Господь немедля упрек тот отклонил, сказав: «Не так уж сильно я стремлюсь убить его. Но помнишь ли, однажды я тебе дал слово, и теперь хочу его исполнить!» Сатьябхама сказала: «Какое слово?» Господь сказал: «Однажды Нарада пришел и дал плод кальпаврикши;[3] его я отдал Рукмини. Узнав об этом, ты разгневалась. Тогда я дал тебе такое обещанье: „Ты не горюй, я и тебе дам кальпаврикшу!“ И вот мне хочется свое исполнить слово и показать тебе Байкунтх, сведу тебя туда!»

Услышав это, Сатьябхама джи пришла в восторг и согласилася поехать с Хари. Тогда господь ее с собою взял и, посадив на гаруду, отправился немедля в путь. Когда они отъехали довольно далеко, шри Кришначандра джи спросил вдруг Сатьябхаму джи: «Красавица, скажи мне правду, почему сначала, когда об этом услыхала ты, ты недовольна так была? Открой мне эту тайну, дабы сомнение исчезло из души моей!» Сатьябхама сказала: «Махарадж! Когда убьешь ты страшного Бхавмасура, то привезешь шестнадцать тысяч сто царевен; тогда ты и меня включишь в число их. Поэтому то я и рассердилась!»

Шри Кришначандра ей сказал: «Ты не печалься ни о чем! Ведь я достану кальпаврикшу и помещу ее в твоем дворце. А ты возьми и при-

[1] Остров Цейлон.

[2] Повидимому, потому, что отец Сатьябхамы умер.

[3] Легендарное дерево, которое исполняет все желания. Согласно пуранам, кальпаврикша, подобно камадхену, вышла из молочного океана, когда боги и дайтьи сбивали его. Кальпаврикша была отдана Индре и была посажена им на небесах, в раю.

неси в дар Нараде джи муни с ним вместе и меня; потом вновь откупи и уж тогда держи меня ты у себя, и я всегда останусь в подчинении тебе. Таким вот образом Индрани[1] джи давно когда-то принесла в дар Индру с деревом, а Адити джи — Кашьяпу. От этого даренья ни одна из женщин для меня не будет равною тебе!» Махарадж! Ведя подобные беседы, шри Кришна джи приблизился к Прагджйотишпуру. Увидев горную ту крепость и укрепления все — из огня, воды и ветра, он отдал повеленье гаруде с сударшаном.[2] Они в одно мгновение сравняли все с землей, все погасили, залили, угнали и сделали прекрасную дорогу.

Когда же Хари, продвигаясь дальше, стал приближаться к городу, то дайтьи, стражи крепости, все ринулися в бой. Господь без всякого труда дубиною своей их уничтожил. Услышав об их гибели, пятиголовый ракшас Мур, который охранял кремль городской, в великой ярости схватил трезубец свой и бросился вдруг на шри Кришначандру джи. С глазами, кровью налитыми, зубами скрежеща, сказал он:

«Кто превзошел своею силою меня,
Того теперь увижу здесь я у себя!»

Махарадж! Вскричав так, дайтья Мур набросился внезапно на шри Кришначандру так как гаруда бросается вдруг на змею! Сначала он пустил трезубец в ход; господь своею чакрой[3] вмиг его рассек. Тогда в великом гневе Мур метать стал в Хари разное оружие, но Хари без труда все изрубил. Тогда Мур, вне себя от ярости, набросился на господа и с ним вступил в единоборство. Боряся с ним, шри Кришначандра джи увидел, что Сатьябхама вся охвачена великим ужасом, тогда он отрубил ему все пять голов его своей сударшанчакрой. Когда все головы вдруг отвалилися от тела Мура и упали, то Бхавмасур, гул от их падения услышав, так сказал: «Откуда этот страшный гул?» И вот один из демонов вдруг прибежал к нему и закричал: «Махарадж! Пришел шри Кришна! Уже убил он Мура!»

Услышав это слово, испытал Бхавмасур мощный в этот миг глубокую печаль. Потом велел он своему военачальнику вступить немедля в бой. Он вмиг собрал все войско и, готовый к бою, расположился у ворот кремля. За ним последовали и семь сыновей могучих Мура. Узнав о смерти своего отца, могучие, великие бойцы, они схватили все свое оружие и, выступив с ним против шри Кришны джи, остановилися, готовые к борьбе. Меж тем Бхавмасур своему военачальнику и сыновьям всем Мура такой прислал приказ: «С сугубой осторожностью вступайте в бой! Я также подоспею!»

И, получив приказ вступить немедля в бой, военачальник Бхавмасура со всеми сыновьями Мура, двинув вдруг всю рать асуров, вступил в жестокий бой с шри Кришной джи. И сразу тут со всех сторон, как тучи,

[1] Супруга бога Индры.

[2] То же, что сударшанчакра.

[3] То же, что сударшанчакра.

все полчища асуров окружили господа. Со всех сторон великие богатыри Бхавмасура бросалися с различнейшим оружием на Кришначандру джи, а он без всякого труда рубил и складывал все в кучу. Но, наконец, взглянув на Сатьябхаму, охваченную ужасом, он вмиг так изрубил своей сударшанчакрой рать асуров и семерых могучих сыновей асура Мура, как пахарь косит ниву".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Он изрубил всю рать со всеми сыновьями Мура. Узнав об этом, сначала сам Бхавмасур впал в тревогу и великую печаль. Потом же, все обдумав и собравшись с мужеством, он взял с собою нескольких могучих ракшасов и сам, пылая яростью, с глазами, кровью налитыми, стянул потуже пояс, приготовил стрелы и, извергая целые потоки злопыхательств, пришел сразиться со шри Кришной джи! Когда Бхавмасур увидал шри Кришну, он в страшной ярости пустил в него густую тучу стрел. А Хари каждую стрелу вмиг на три части разрубил! Тогда

Бхавмасур меч из ножен свой спеша извлек
И Кришне в грудь направил, яростный как лев,
Как облако гремит он голосом своим:
«Эй, деревенщина, ты не уйдешь живым!»
И, бранью разжигая гнев ужасный свой,
Бхавмасур сам вступает с Кришной в страшный бой!

Махарадж! С великой силой он разил его своей дубиной, на тело же шри Кришны джи его удары действовали так, как на слона удар цветком. Потом он взял свои мечи, секиры, все пустил он в ход — шри Кришна джи все искрошил! Тогда он побежал вновь во дворец, трезубец страшный свой принес и стал опять, готовый к бою.

Тогда шри Сатьябхама закричала вдруг:
«Убей его скорее, о, избавь от мук!»
Услышав вопль супруги, поднял чакру он,
Отсек главу асуру, в прах поверг его.
С серьгами и короной падает глава;
Когда упало тело, Шеша задрожал!
И в трех мирах явилась радость и покой.
Снял Хари все печали дивною рукой.
И вышел луч из тела, в Хари он вошел,
«Джай, джай!» кричат все боги в радости большой.
Стоят в своих виманах, дождь цветочный льют,
Читают веды боги, славу все поют!"

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни молвил: „Махарадж! Жена Бхавмасура явилась с сыном к Кришне джи, и, став пред господом, сложивши поднятые руки и склонив главу, с глубокою мольбой сказала: «Прообраз света! О прообраз Брахмы! Бихари, благодетель верных! Для

блага праведных и добрых ты себя сам в образах несчетных проявляешь. Твое величье, чудеса и майя бесконечны! Кто может их познать? Кто силою такою обладает, чтоб мог, без милости твоей, воспеть твое величие? Ты — бог богов всех! Постичь твою природу — никто не в силах!» Махарадж! Промолвив это, положив к ногам господним зонтик, серьги, землю, она вновь продолжала: «Опора страждущих! Друг страждущих! О милосердья океан! Субхагадатта это — сын Бхавмасура! Он у тебя пришел искать прибежища! Благоволи же милость проявить к нему и возложи на голову его свою прекрасную и нежную как лотос руку! Освободи его от страха пред собой!» Услышав это слово, источник милосердия, шри Канха, милостиво руку возложил на голову Субхагадатты, освободил его от страха пред собой. Тогда Бхавмавати, супруга Бхавмасура, положив пред Хари множество даров, с мольбой сложивши поднятые руки, склонив свою главу, остановилась перед ним и так сказала:

«О милосердый к страждущим! О, милостивый! Ты благодарностью наполнил нас, позволив лицезреть себя! Теперь благоволи же посетить мой дом и освяти его!» Услышав это, проникающий в сердца, великий благодетель верных шри Мурари джи отправился в дом Бхавмасура. Тогда мать с сыном устлали шелковым ковром путь Хари и, введя в свой дом, с почтеньем посадили на престол его. И предложивши аргху,[1] приняв нектар ног его, с смирением глубоким так сказали: «Владыка трех миров! Ты совершил благое, что предал смерти этого великого асура! И кто во всей вселенной радость получил, пойдя с враждою против Хари? Так Раван, Кумбхакарна, Канса и многие другие, вступив в вражду с тобою, сами же себя лишили жизни! И каждый, кто с тобой в вражду вступал, терял вдруг все: не оставалось даже человека, кто б мог его по имени назвать или ему воды хоть дать!»

Сказав так, Бхавмавати снова продолжала: «О господи! Теперь вонми моей мольбе! Считай Субхагадатту сыном собственным! А тех шестнадцать тысяч сто царевен, которые Бхавмасур сам собрал и незамужними держал, благоволи считать принадлежащими себе!» Махарадж! Сказавши так, вывела она всех тех царевен и рядами их поставила пред господом. Они, узрев свет мира, море красоты, шри Кришначандру, корень радости, исполнились восторга и со смиренною мольбой, сложивши поднятые руки, так сказали: «Владыка! Ты к нам пришел, освободил несчастных женщин из темницы этого великого злодея! Теперь, мы молим, заверши же милосердие свое: возьми с собой рабынь своих и сохрани нас на служение тебе!»

Услышав это, Кришначандра джи сказал: «Я всех с собой возьму! Я требую немедля колесницы, паланкины и все, что нужно мне для отправленья в путь!» Сказав так, он взглянул с намеком на Субхагадатту. Субхагадатта сам уразумел мысль господа, отправился в свою столицу, велел там

[1] Подношение; в частности подношение воды для омовения ног.

снарядить слонов, коней, запречь коней в блестящие сверкающие колесницы и коляски; велел немедля снарядить все сукхапалы,[1] палки, налки, доли, чандолы и джула, украсить их камнями самоцветными. Все это взял и господу доставил. И Хари, осмотрев их, повелел садиться всем царевнам. Потом он взял с собой Субхагадатту, пошел с ним во дворец и, посадив его там на престол, сам собственной рукой ему дал царский тилак и простился с ним. Не поддается описанью красота того мгновенья, когда шри Кришначандра, взяв с собой царевен, выступил оттуда в Дварку! Блестящие попоны, покрывала на слонах, быках и блеск попон, расшитых золотом и серебром, сиянье панцырей на лошадях и красота убранства сукхапалов, палки, налки, доли, чандолов, колясок, колесниц; сияние жемчужной бахромы на них смешалось с блеском солнца, и все сияло дивной красотой!

Немало дней так ехал Кришначандра джи с царевнами и наконец достиг он Дварки. Приехав в Дварку-град, он разместил царевен во дворце. Потом шри Кришначандра к Уграсене джи отправился приветствовать его. Сначала он поведал тайну всю, как был убит Бхавмасур, как он освободил царевен и привез их всех с собой. Потом, простившись с Уграсеной, господь взял Сатьябхаму и с зонтиком, с серьгами на гаруду сев, отправился в Вайкунтху. И, прибыв в Вайкунтху,

Господь, немедля, серьги Адити вручил
И над главою Индры зонтик водрузил!

И получив об этом весть, туда и Нарада пришел, и Хари так ему сказал: «Пойди, скажи ты Индре джи, что Сатьябхама просит кальпаврикшу у него. Послушай, что он скажет и принеси ответ. Потом ты все поймешь!» Махарадж! Услышав это слово из уст шри Кришначандры, Нарада пошел к царю богов и так сказал: «Твоя невестка Сатьябхама просит кальпаврикшу у тебя! Что скажешь ты на это? Говори, и я отправлюсь, ей скажу: „мне Индра так сказал!“» Услышав это, Индра джи сначала впал в смущенье и задумался. Потом пошел к Индрани, рассказал ей все, что Нарада сказал.

Услышала Индрани, молвила в ответ:
«Ну, глупости твоей то знать предела нет!
Да у тебя, супруг мой, ни на грош ума!
Да кто такой твой Кришна, кто его жена?

Да помнишь ли, иль уж забыл, как он тебя когда то в Брадже осрамил! Ведь там он уничтожил поклонение тебе, заставив всех браджийцев кланяться горе! Обманом сам пожрал он все съестное, что приготовили для приношения тебе! Потом заставил он тебя семь дней лить над горою дождь! Он чести ведь тебя лишил и обесславил на весь мир! Ну что-ж?

[1] Разного рода паланкины.

Тебе хоть стыдно или нет? Вот он то слушает, что говорит жена! А почему же ты не слушаешь меня?»

Махарадж! Когда Индрани так сказала Индре, то он ушел ни с чем, вернулся к Нараде и так сказал: «Великий риши! Иди, и от меня скажи шри Кришначандре так: „Из Нанданвана[1] невозможно кальпаврикшу взять и унести в другое место! А если унести, не будет там расти! Скажи так, да потом и вразуми его, скажи, пусть не посмеет он теперь вступать со мною в пререканья, пусть не идет против меня, как некогда он в Брадже, обманув браджийцев, сам сожрал все то, что было приготовлено для подношенья мне, а всем сказал, что съела все гора. Пусть он не забывается, не то — война!“»

Услышав это, Нарада джи, возвратившися к шри Кришначандре, передал ему слова владыки Индры и сказал: «Махарадж! Сам Индра то готов был кальпаврикшу дать, да не позволила ему Индрани!» Услышав это, Кришначандра джи Мурари, губитель гордости, отправился, немедля в Нанданван и, перебив иль разогнав всех стражей, похитил кальпаврикшу, положил на гаруду и так его привез. Тогда те стражи, которые бежали, спасаяся от руки шри Кришны, прибежали к Индре и, с воплями ему все рассказали. Махарадж! И получивши весть о похищеньи кальпаврикши, царь Индра, разъярившися, взял свой перун, созвал богов всех, потом сев на Айравата, могучего слона, отправился немедля воевать с шри Кришначандрой.

Но Нарада джи муни сам пришел тут к Индре и сказал: «Махарадж! Да ты большой глупец, коль ты по наущению жены идешь войною против господа! Не стыдно ли тебе так поступать! Коль у тебя охота драться, так почему же ты не воевал тогда, когда Бхавмасур отнял у тебя твой зонт, а у Адити ее сережки? Теперь, когда господь убил Бхавмасура, вернул сережки и твой зонт, ты вдруг собрался на войну! Коль ты уж так силен, то почему же не боролся ты с Бхавмасуром? Да разве ты забыл тот день, когда ты в Брадж ходил и со смирением просил сам господа простить свою вину? И после этого ты вновь идешь бороться с ним!»

Махарадж! Услышав это все из уст шри Нарады, царь Индра, раскаявшися в том, что был готов начать войну, убитый, пристыженный не двинулся уж дальше.

Тогда шри Кришначандра джи отправился обратно в Дварку. Обрадовались ядавы, увидев Хари! Господь отнес немедля кальпаврикшу к царице Сатьябхаме во дворец и посадил его он там. Царь Уграсена браком по ведийскому закону немедля сочетал шри Кришначандру джи и тех шестнадцать тысяч сто царевен, которые еще не состояли в браке.

И по закону вед там был устроен пир;
Так шри Мурари Хари радовал весь мир!
Шестнадцать тысяч сто всех он воздвиг дворцов,

[1] Название сада Индры.

И в них дарит всем Кришна нежную любовь!
А главные царицы, восемь их числом,
Сильней и крепче любят Хари с каждым днем!"

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „О царь! Так Хари умертвил Бхавмасура и серьги Адити вернул, а Индре зонт, и взяв себе в супруги всех шестнадцать тысяч сто и восемь дев, шри Кришначандра в Дварке стал со всеми безмятежно жить и наслаждаться".

Так гласит глава шестидесятая „Умерщвление Бхавмасура" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 61

Шри Кришна разгневал Рукмини джи и снова ее утешил

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Однажды в золотом дворце, украшенном камнями самоцветными, стояло ложе золотое с роскошным балдахином, усеянное драгоценными камнями. На нем благоухала ароматом белая и нежпаякак нена с дивными подушками постель, покрытая душистыми цветами. Вкруг ложа там стояли дивные сосуды, все наполненные камфорою, розовой водой, сандалом, чоа и арагджей.[1] Различными прекрасными картинами расписаны все стены были. Повсюду в нишах там цветы стояли, и плоды, печенья, сладости. Там было все, что только можно пожелать для счастья.

В прекраснейшей свободной гхачхре,[2] покрытой бисером чудесным; в сверкающей ангие,[3] блестящей сари,[4] в великолепном покрывале; украшенная с головы до ног; на лбу нарисовав из рори тилак; одев все украшения, усеянные драгоценными камнями и огромнейшими жемчугами: натх,[5] шишпхул, каранпхул, манг, тика, дхерхи, банди, чандрахар, мохан-мал, дхукдхуки, панчлари, сатлари, муктамал, двойные и тройные навратан, буджхабанд, канкан, пахунчи, навгари, чури, чхап, чхалла, кинкини, анват, бичхуа, джехар, техар и разные другие украшения, лунноликая, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона и с станом льва — шри Рукмини джи и облакоцветный, лунноликий, лотосоглазый, в короне из павлиньих перьев, в гирлянде из лесных цветов и в желтом шелковом наряде, в желтом же плаще — свет трех миров и море красоты, шри Кришначандра, корень радости, там возлежали и друг друга одаряли счастьем.

---

1 Смесь из различных ароматных веществ.

2 Вид сорочки.

3 Лиф.

4 Женская одежда — длинный кусок ткани с каймой, который индийская женщина обертывает вокруг себя так, что сари заменяет ей блузку и юбку.

5 Названия различных женских украшений.

Лежал, лежал шри Кришна джи и вдруг сказал он Рукмини джи так: «Красавица, послушай! Я об одном хочу тебя спросить, и ты ответь на это мне! Ведь ты — великая красавица, ты добродетелей полна и дочь царя Бхишмака! Царь Шишупал, владыка Чандери, могуч, высокославен; в роду его семь поколений царством правили. Из страха перед ним ведь мы бежали и скитаемся. Покинувши Матхуру, мы пришли сюда и поселились в океане. И все из страха перед ним. Такого-то царя тебе нашли в мужья отец и мать и брат. И он со свитою своею прибыл даже к вам для заключенья брака, но ты его не пожелала. Пренебрегая честью рода, забыв свой стыд перед людьми, забыв весь страх пред матерью, отцом и братом, послала брахмана позвать меня.

Ведь я не совершенство полное, как ты,
Не царь я, нет талантов, нет и красоты.
Какой-то неизвестный нищий прославлял.
Ты слушала и в душу тот напев запал.
Пришел с великой ратью царь, чтоб в брак вступить,
А ты ко мне прислала брахмана молить.
Пришел и тяжкий грех там явно совершил я.
Зачем за это мне ты честь свою вручила?
Увидев все их войско, я с тобой бежал,
Один ведь Халадхара рать их разогнал.
Ты мне в посланье, помнишь, так ведь написала:
„Приди, спаси и вырви из рук Шишупала.“
Уже исполнилися все те обещанья.
Скажи же, как теперь то, нет иных желаний?
Ведь и теперь твоя то не ушла пора.
Красавица, обдумай все, что я сказал.

И если встретится тебе какой-нибудь царь знатный, сильный и талантливый, тебя достойный, ты уходи к нему и с ним живи».

Махарадж! Услышав это, шри Рукмини пришла в великий страх, в испуге задрожала и, повалившися, упала. Как рыба без воды, она забилась, потеряв сознанье и стала тяжело дышать. Тогда

И на лице прекрасном локоны, упав,
Переплелися тесно, все прильнув к устам,
Как будто полный месяц на землю упал,
Сползлися змеи, нектар жадно пьют все там.

Увидев это все, шри Кришначандра в страхе закричал: «Она сейчас лишится жизни!» Принявши свой четверорукий образ, приблизился он к ней, двумя руками поднял, на колени посадил к себе, одной рукой стал опахать ее, четвертой поправлять стал локоны ее. Махарадж! В тот час шри Нанда Лал, охваченный любовью, старался всячески шри Рукмини помочь: то шелковым своим нарядом лицо прекрасной лунноликой вытирал,

то руку, нежную, как лотоса цветок, он клал на сердце ей. И наконец то в душу Рукмини джи понемногу возвратилась жизнь. Тогда сказал так Хари:

«О, в этом нежном сердце как сильна любовь!
Но твердости в нем нету. Не страшись же вновь.
Я только верность сердца испытать хотел.
Найти любовной шутке меру не сумел.
Ну, успокой же сердце. Все забудь, любя.
Открой скорее глазки! Ну, приди ж в себя!
Пока не скажешь мне ты, милая, хоть слово,
Страдать я буду тяжко. О, не будь сурова».
Пришла в себя, когда он, нежно так сказал,
Придя в себя, открыла лотосы глаза.
У Кришны на коленях увидав себя,
Она вдруг застыдилась, опустила взгляд.
В смущении вскочила, стала перед ним,
Потом, сложивши руки, опустилась ниц.
Рукой ей гладя спину, Кришна говорит:
«Да можно-ль быть такою глупенькой в любви?

Ведь я хотел лишь пошутить, а ты сочла за правду. Нельзя сердиться так на шутку. Вставай скорей, оставь свой гнев и прогони из сердца скорбь». Махарадж! Услышав это, шри Рукмини джи встала. Потом, сложивши поднятые руки, склонивши голову, сказала: «Махарадж! Ты истинную правду мне сказал, когда сказал, что я тебе не ровня. Ведь ты супруг прекрасной Лакшми. Ты повелитель Шивы, Брахмы. Кто в трех мирах с тобой сравниться может? Владыка всей вселенной! Кто, позабыв тебя, вдруг стал бы почитать другого, подобен он безумцу, который, перестав петь славу Хари, стал бы славословить коршуна. Махарадж! Ты дале мне сказал: „Найди себе другого, могучего царя“. Но сам скажи, какой же царь есть в трех мирах, тебя превосходящий силою и славой?

Все — Брахма, Рудра, Индра и все другие божества, податели даров, живут одной надеждой на тебя. Лишь милостью твоей они того, кого возлюбят, одаряют силою великой, мощью, славой, красотой и награждают благами земными. И те, кто сотни лет здесь подвиги суровые творят во славу Хари, те получают царский сан. Потом, оставив поклонение тебе и созерцание, молитвы, подвиги, забыв путь справедливости, свершают беззаконья; тогда они все, сами погубив себя, ввергаются вдруг в бездну. Владыка милосердый! Извечный твой закон такой: для блага верных неизменно ты приходишь в мир, приемлешь здесь рожденье, и, погубив злых ракшасов, с земли снимаешь бремя и, счастье дав своим, ты наполняешь их сердца великой благодарностью.

Господь! кто удостоится твоей великой милости, тот достигает всяких благ: богатства, царства, юности, красы, величья. Когда же, ослепле-

ный гордостью, он забывает вдруг святой закон и карму, подвиги и правду, милосердье, пужду, веру, тогда ты делаешь его убогим потому, что бедные всегда ведь думают и помнят о тебе. Вот потому-то бедные тебе угодны. На ком почиет благодать великая твоя, тот неизменно будет неимущим». Махарадж! Сказав так, Рукмини джи продолжала: «Владыка моего дыханья! Я не свершу того, что совершила Амба,[1] дочь Индрадьюмны, Кашипурского царя: она покинула супруга и ушла к царю другому, Бхишме. Когда же он ее не взял, она вернулась снова к своему супругу, но супруг ее прогнал. Тогда она пошла на берег Ганги, села и Махадеву стала подвиги великие творить. И Бхоланатх,[2] владыка всех немудрых, к ней пришел и предложил ей выбрать дар любой. Она пошла и силой данного ей дара отомстила Бхишме за себя. Я так не сделаю.

Тебя, господь, постигла я уже тогда,
Когда тебя, владыка, нищий восхвалял.
Его словам внимая, я тебя избрала,
Потом с своим посланьем брахмана послала.
Не только нищий: Шива, Брахма, Шарада,
Поет твое величье мудрый Нарада.
Я брахмана прислала, ты меня узнал,
Пришел, и всех злодеев смерти злой предал.
Узнав свою рабыню, ты с собой увез;
Несчастную рабыню, бедную, вознес».
Услышал Кришна, молвил: «милая моя!
Все знание, все тайны, все ты поняла:
Служение и вера мертвы без любви,
Поэтому тебя я сердцем возлюбил».

Махарадж! Услышав это слово из уст господа исполненная радости, шри Рукмини вновь Хари начала служить".

Так гласит глава шестьдесят первая „Беседа шри Кришны с Рукмини" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Согласно Махабхарате, Амба в следующем рождении родилась от одной из жен царя Драупада. Сначала она родилась девочкой Шикханди, потом обратилась в мальчика. Шикханди сделался сильным юношей. Бхишма дал обет не обращать оружия против женщины, а так как Шикханди родился девочкой, то Бхишма не мог сражаться с ним и был убит.

[2] Одно из имен Шивы. В устах вишнуитов это имя Шивы получило саркастический характер. Слово „Бхоланатх" буквально значит „покровитель (или владыка) простых;" но так как слово „бхола" значит и „простой, нелицемерный" и „простой, простак, глупец", то Бхоланатх часто понимается в значении „Владыка простаков", каким иногда и представляется Шива у вишнуитов.

Глава 62

Брак Прадьюмны. Брак Анируддхи. Смерть Рукмы от руки Баларама джи

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! И взяв себе шестнадцать тысяч сто и восемь жен, шри Кришначандра джи в блаженстве проживать стал в Дварке, а восемь венчанных цариц все восемь страж служили Хари. Всегда вставая на заре, одна водою омывала лик его; другая натирала тело мазью благовонною и омывала; третья пищу вкусную готовила ему, его кормила; четвертая готовила прекрасный бетель и молоко с гвоздикой, кардамоном, с мускатными орехами; пятая же выбирала дивные одежды, украшенья, усыпанные драгоценными камнями, покрывала ароматами и одевала господа; шестая надевала господу гирлянду из цветов и, окропивши розовой водой, шафраном и сандалом осыпала; седьмая опахала опахалом; восьмая же чесала пятки. Махарадж! Таким вот образом царицы все всегда служили господу, и Хари всем им счастие давал и радость".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж! прошло немного времени

И каждая супруга родила детей,
У каждой дочь, как Лакшми, десять сыновей.
Сто шестьдесят одна их тысяча всего,
Всем дал талант он, силу, одарил красой.

И все они, облакоцветные и лунноликие, лотосоглазые, одеты в синие и желтые рубахи, у каждого на шее ганда,[1] кантхула[2] и таит;[3] играют все в своих дворцах и радуют отца и мать. А матери, лаская нежно их, любовно всех воспитывают их.

Махарадж! Узнав, что у шри Кришначандры родилося много сыновей, царь Рукма так сказал своей супруге: «Теперь я не отдам свою дочь Чарумати за Критаварму, хоть она просватана уж за него. Я сваямвар устрою. Пошли кого-нибудь и пригласи мою сестрицу Рукмини джи

---

[1] Заговоренный шнурок для отогнания злых духов.

[2] Ожерелье из золотых и серебряных монет против дурного глаза.

[3] Амулет.

с сыном». Услышав это от него, супруга Рукмы написала самое любезное послание своей золовке с сыном и послала с брахманом его. Потом царь Рукма сваямвар устроил. И получив послание от брата и невестки, Рукмини джи, испросив согласие шри Кришны, простившися со всеми, отправилась из Дварки с сыном. Ехала-ехала она и прибыла из Дварки в Бходжакат, в дом к брату.

Сестру увидев, Рукма радость ощутил,
С почтеньем встретил, низко голову склонил.
Упав к ногам, невестка так сказала ей:
«Похитили когда-то, все ж опять мы с ней».

Сказала так и снова обратилась к Рукмини джи со словами: «Золовушка! Коль ты пожаловала к нам, благоволи нам и другую милость оказать. Возьми за сына своего ты нашу дочку Чарумати». Услышав это, Рукмини джи молвила: «Невестушка! Ты знаешь нрав супруга своего. Не заводи же ссору. Тебе ведь, верно, неизвестно, что на душе у брата: кто знает, что или когда он сделает. Мне страшно даже слово молвить, не то что сделать что-нибудь». Тут Рукма так сказал: «Сестра! Теперь ты ничего не бойся. Не будет больше ничего худого. Повелевают веды: „Ты выдай дочь свою за сына брата в южную страну“. Поэтому я выдам дочь свою Чарумати за шри Прадьюмну, забуду всю свою вражду к шри Кришне джи и новое установлю родство». Махарадж! И с этими словами Рукма встал, пошел оттуда на собрание. Тогда Прадьюмна джи немедля нарядился и с разрешенья матери отправился и он на сваямвар. И что ж он видит там? Цари различных стран с разнообразнейшим оружием в разнообразнейших уборах и нарядах стоят с надеждою на заключенье брака; царевна-же, держа в руках джаймал,[1] венок победы, ходит между ними, всех озирая, взор ее однако ж не останавливается ни на ком. Едва Прадьюмна джи вошел на сваямвар, царевна, увидав его, пришла в восторг, ему на шею возложила свой джаймал, и все цари в смущении остались ни с чем и про себя все говорили: «Ну, хорошо же. Посмотрим, как он увезет от нас царевну. Да мы ее отнимем на дороге».

Махарадж! Такие мысли были у царей. А Рукма же повел невесту с женихом в роскошный брачный павильон и, принеся торжественный обет там по ведийскому закону, Прадьюмне отдал дочь свою. В приданое за ней он дал такое множество различного добра, что даже рассказать нельзя.

И вот, когда шри Рукмини, женивши сына, простилась с братом и невесткой и с сыном и его супругою, на колесницу сев, отправилася в Дварку, тогда в дороге все цари им преградили путь, чтоб с боем у Прадьюмны джи отнять его царевну.

Увидев злые замыслы врагов, Прадьюмна джи извлек свой меч и все оружие, вступил там с ними в бой. Не мало времени меж ними про-

[1] Венок, который невеста надевала на шею своего избранника на браке сваямваре. Буквальное значение слова джаймала जयमाला „венок победы“.

должался бой, и, наконец, Прадьюмна джи их всех разбил и в бегство обратил, а сам счастливо и благополучно прибыл в Дваркапури. И получивши весть о приближении его, его родные все — все женщины и все мужчины — вышли за город, устлали путь его различными коврами и с музыкой и пеньем в город проводили. Повсюду в городе настало ликованье. Прадьюмна стал счастливо проживать в своем дворце“.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Через несколько лет у шри Прадьюмны, сына Кришначандры, корня радости, родился сын. Тогда шри Кришначандра джи призвал к себе астрологов и, усадивши всех родных, велел устроить торжество и по закону шастр свершил он нареченье имени. Астрологи все, посмотрев в свои листы, установили год и месяц, половину месяца, день солнечный, день лунный, час и положение луны и солнца и дали имя мальчику шри Анируддха. В то время

В великой радости своей
Дает он брахманам дары,
И каждый брал, что сам хотел:
Родился у Прадьюмны сын.

Махарадж! И получив весть о рожденье внука, сначала Рукма написал любезное послание сестре и зятю: «Великая для нас то радость будет, коль сочетаем браком внука вашего со внучкой нашей.» Потом призвал он брахмана, вручил ему он рори, деньги, рис, нариял[1] и, вразумив его, сказал: «Немедля отправляйся в Дваркапури и там со всей учтивостью вручи от нас ты тику[2] Анируддхе, сыну сына Кришны джи и сыну нашей дочери». Услышав это, брахман взял ту тику с гороскопом[3] и отправился. Ехал-ехал брахман и приехал ко шри Кришначандре в Дваркапури. Увидев брахмана, шри Кришна принял с честью и почетом и спросил: «Благоволи сказать, о божество, откуда соизволил к нам прибыть?» Брахман сказал: «Махарадж! Я послан Рукмой, сыном Бхишмака царя. Я прибыл с тикою и лагною[4] для совершения помолвки внука твоего со внучкою его».

Услышав это слово, шри Кришна джи велел позвать десятерых всех братьев, принял тику с гороскопом и, щедро одаривши брахмана того, он

[1] Кокосовый орех.

[2] В своем обычном значении слово „тика“ (टीका) значит то же, что и тилак तिलक, т. е. знак касты или секты, который рисуется ее последователями на лбу, руках и т. д. В применении к браку слово „тика“ обозначает особую форму сватовства. Представители родных невесты рисуют жениху тику (тилак) и подносят подарки как самому жениху, так и его родным. Если тика принята женихом и его родными, то молодые считаются помолвленными.

[3] Брак у индусов может быть заключен лишь при условии, если между показаниями гороскопа жениха и невесты нет расхождения, которое, по мнению астрологов, может иметь пагубные последствия на брачную жизнь. По этой причине при заключении брака обязательно сличение гороскопов жениха и невесты.

[4] Счастливый час, установленный для брака.

отпустил его. Потом пошел сам к Балараму джи и стали думать: как, когда им ехать. Обдумав, оба брата встали и пошли, явились к Уграсене. Поведав обо всем царю, они простились с ним и, выйдя от него, потребовавши все необходимое для свадебного поезда, немедля стали снаряжаться. Когда за несколько дней все готово было, тогда господь с огромным пышным поездом отправился из Дварки в город Бходжакат.

В то время на одной блестящей колеснице ехала шри Рукмини джи с внуком, а на другой же колеснице восседали шри Кришначандра с Баларамом джи. И, наконец, через немало дней господь со всею свитой прибыл в Бходжакат. Махарадж! Как только прибыл свадебный тот поезд, царь Рукма и Калинга,[1] в сопровожденьи всех царей различных стран, все вышли за город и, встретив поезд, одели всех в роскошные одежды, потом с великой честью и почетом препроводили всех в джанвас.[2] Потом, всех накормив и напоив, царь Рукма проводил их в павильон для брака и выдал внучку ту свою он по ведийскому закону за внука Кришначандры. А сколько всякого добра он дал в приданое, я не могу и рассказать".

Поведав это сказание, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Когда исполнили все брачные обряды, в джанвас пришел царь Бхишмак. Сложивши поднятые руки, он со смирением сказал шри Кришне джи в строжайшей тайне: «Махарадж! Окончилося бракосочетанье, и это радость для всех нас. Теперь благоволи подумать о скорейшем возвращении обратно, так как

Цари, которых Рукма в дом позвал на брак,
Пришли, злодеи, с мыслью Кришну покарать.
Боюсь, как не стряслось бы ссоры здесь какой.
Я посему, Мурари, вижусь здесь с тобой».

Едва царь Бхишмак удалился, как вдруг к шри Рукмини пришел царь Рукма.

Шри Рукмини вскричала, брату говорит:
«Как нам теперь уехать, как теперь нам быть?
Пожаловали в гости недруги цари,
Ты сам сюда позвал их, все друзья твои.
Коль ты, мой брат, добра нам хочешь от души,
Скорее снаряди нас, нас ты проводи.

Не то, быть может, из добра недоброе родится». Услышав это, Рукма молвил: «Сестра, ты не тревожься ни о чем. Сначала я пойду и отпущу всех тех царей, которые из разных стран пожаловали в гости, потом исполню все, что ты мне повелишь». Сказав так, Рукма встал и удалился. Когда же он пришел к царям, которые к нему пожаловали в гости, они

[1] Один из близких друзей царя Рукмы.
[2] Дом, где останавливаются свадебные гости.

все в один голос закричали: «Рукма! Ты Кришну с Баларамом наградил богатством, всяческим добром, они ж из гордости великой внимания тебе не оказали! И, первое, нам больно за тебя; второе, до глубины души нас уязвило то, что Баларам тебя унизил».

Махарадж! Услышав это, Рукма в ярость лютую пришел. Тогда Калинга царь сказал: «Я кое-что придумал. Коль ты велишь, то я скажу». Рукма сказал: «Говори». Тогда сказал он так: «Нам со шри Кришной делать нечего. Ты позови-ка Баларама, мы с ним сыграем здесь в чаупар[1] и отыграем все богатства! И за его неслыханную гордость мы обдерем его, как липку». Когда Калинга царь сказал так, Рукма встал, ушел, подумал и, к Балараму джи отправившись, сказал: «Махарадж! Цари велели кланяться тебе, зовут тебя играть в чаупар».

Услышав, Балабхадра прибыл скоро к ним,
Цари пред ним все встали, голову склонив.

Тогда с великою учтивостью цари все обратились к Балараму джи: «Большой искусник ты играть в чаупар, поэтому нам хочется немного здесь с тобою поиграть». Сказавши так, они велели принести чаупар и разостлали. Царь Рукма с Баларамом начали игру. Когда царь Рукма десять раз уже выиграл, он обратился к Балараму джи, сказав: «Ты проиграл уж все свое добро, на что ж теперь играть ты будешь?» Тогда Калинга царь сказал вдруг злую шутку и расхохотался. Увидев это, Баладев джи, опустив в печали голову, задумался. Тогда то Рукма царь зараз поставил десять крор рупий. Когда же Баларам джи выиграл и все забрал, все в пререкания вступили и сказали: «Ведь пханса[2] выпала то Рукмы, зачем же загребаешь деньги ты?»

Услышал Баларам джи, все царю отдал,
Поставил сам он арбу,[3] Рукма проиграл.

И снова Халадхар джи выиграл, а Рукма проиграл. Тогда, поднявв вдруг страшный крик, цари признали все, что Рукма выиграл, и все вдруг закричали:

«„До тонкости все ходы, всю игру в чаупар
Я знаю" — так всем нам здесь ты, мужик, сказал.
А вышло, что цари лишь тонкости все знают,
А пастухи то только в телках понимают».

Как только Баладев джи услыхал их речи, в нем поднялась такая ярость, как волны в море в полнолунье. Хотя с большим трудом, все ж Баларам джи поборол свой гнев и, успокоившися, вновь поставил он семь арбов рупий и продолжал игру в чаупар. И снова Баларам джи выиграл,

[1] Разновидность игры в кости.
[2] Игральная кость.
[3] Один миллиард.

а все тут с явной наглой ложью закричали: «Рукма выиграл». Когда свершилося такое беззаконье, с небес раздался голос: «Шри Халадхар джи выиграл, а Рукма проиграл. Цари! Зачем вы говорите ложь?» Махарадж! Когда царь Рукма и все тут бывшие цари пренебрегли тем голосом с небес, тогда-то Баладева джи, придя в великий гнев, сказал:

«Вступил в родство ты с нами, не забыв вражды,
И снова затеваешь ссору с нами ты.
Тебя убью, злодея, за твои дела.
Да не питает гнева Рукмини, сестра.
Теперь не стану слушать больше никого.
Жизнь отниму у плута. Что жалеть его?»“

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Сказав так, Баларам джи на глазах у всех убил тут Рукму и, повалив Калингу, стал он кулаками бить и выбил зубы все злодею и сказал: «Ты хохотал здесь во весь рот». Потом, побив царей и обратив всех в бегство, Баларам джи пошел в джанвас к шри Кришначандре, рассказал ему там обо всем, что с ним случилось.

Узнав об этом, Хари со всем поездом своим отправился оттуда. Ехал-ехал он и наконец-то счастливо, благополучно прибыл в Дварку. Когда вернулся он, весь город был охвачен радостью. Во всех домах настал великий праздник. Шри Кришначандра с Баларамом джи, представ пред Уграсеной, сложивши поднятые руки, так сказали: «Махарадж! Мы силою твоих святых заслуг брак Анируддхи заключили; великого злодея Рукму мы убили»“.

Так гласит глава шестьдесят вторая: „Брак Анируддхи. Умерщвление Рукмы“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 63

Сон Уши.[1] Заключение Анируддхи

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Коль Дварканатх[2] пошлет мне силу, то я тебе поведаю сказание о похищенье Уши, о том, как Уша в час ночной во сне увидела вдруг Анируддху джи, как привязалася к нему и тосковала, как Чатралекха[3] к ней доставила вдруг Анируддху джи и их соединила. Об этом обо всем я поведу рассказ, ты прилагай внимание и слушай.

В роду у Брахмы джи родился первым Кашьяпа. У Кашьяпы был сын Хираньякашипу, могучий и преславный и бессмертный. А у него родился сын Хираньяджа, который, возлюбивши господа, был назван шри Прахладом. И у него был сын Вирочан царь; а у Вирочана был могучий сын царь Бали. И по сей час на всей земле все знают славу, справедливость Бали: господь наш, принявши пятьдесят вторую[4] аватару, хитростью своей послал в ад Бали. Старшим сыном Бали был Банасур — могучий и прекрасный и высокославный. Он поселился в Шронитпуре. Он неизменно посещал Кайлаш и совершал там пуджу Шиве, соблюдал обет священный брахмачарьи,[5] был правдив и страсти укротил свои. Махарадж! Однажды царь Банасур, отправившись в Кайлаш и совершив там пуджу Харе, вдруг пришел в восторг душевный, опьяненный силою любви великой к Харе, и, играя на мриданге,[6] стал плясать и петь.

---

[1] Дочь царя Банасура, впоследствии супруга Анируддхи, внука Кришны.

[2] Владыка Дварки; одно из имен Кришны.

[3] Подруга царевны Уши, обладавшая магической силой.

[4] Число аватар Вишну в различных вишнуитских книгах указывается разное — то 10, то 24, то 60 и больше.

[5] Ученик. Приступая к ученью в давние времена, брахмачарья принимал на себя ряд обетов, а именно: воздерживаться от спиртных напитков и мяса, от благовоний и сладостей, от половых сношений, от пения и пляски и т. д. Он был обязан питаться милостыней, которую подают добродетельные люди, причем лучшая часть милостыни поступала к учителю. Спать ученик был обязан на голой земле и т. д.

[6] Вид большого барабана, в котором середина шире, чем части, обтянутые кожей.

Услышав ту игру и пение его, шри Махадев, владыка всех немудрых, Бхаланатх, пришел в восторг, взял Парвати и стал плясать, играть на дамру.[1] Плясал, плясал там Шанкар[2] и, исполненный блаженства, просветлевший, призвал к себе Банасура и так сказал ему:

«Ты хорошо играл здесь, песни распевал.
Тебя я слушал, слушал, слух свой услаждал».

Махарадж! Услышав это слово, Банасур, сложивши поднятые руки, склонив свою главу, с смирением великим молвил: «Владыка милосердый! Коль ты так милостив ко мне, то ты сперва благоволи меня бессмертным сделать, сделай ты меня царем земли всей. Потом благоволи меня таким могучим сделать, чтоб никто не мог меня осилить». И Махадев сказал: «Я этот дар даю тебе. Я делаю тебя бесстрашным, от страха всякого свободным. Никто во всех мирах не будет обладать такою силою, как ты. И сам творец не сможет подчинить тебя.

Прекрасно ты играл здесь, долго не смолкал.
Ты высшее блаженство мне доставил вдруг.
Высокую я радость сердцем испытал,
И я тебе в награду тысячу дам рук.

Теперь ты отправляйся в дом свой и живи там беспечально и царствуй нерушимо». Махарадж! Услышав это слово из уст владыки всех немудрых Бхоланатха и получивши тысячу могучих рук, Банасур, просветлев от радости, склонив свою главу и обхожденье совершив, простился. С соизволенья Махадева он вернулся в Шронитпур. Потом он победил три мира и подчинил себе все божества; прорыл вкруг города глубокий ров с водой, построил крепость с огненным ужасным ветром и, освободившися от страха, стал счастливо царством править. Но вскоре

Без боя снова сила поднялась в руках,
И просится наружу, рвется на врага.
И говорит Банасур: «С кем мне в бой вступить?
И на кого походом мог бы я пойти?
Какой недуг тяжелый давит все меня!
С кем душу отвести мне, силушку унять?»

Сказавши так, Банасур вышел из дому, стал горы низвергать, ломать и разбивать, стал странствовать по разным странам. Когда он сокрушил все горы и даже не унялся зуд в его руках, тогда

Бан[3] говорит: «Ну с кем же мне теперь сразиться?
Ведь столько рук, не знаю, что мне делать с ними!

[1] Бубен, один из атрибутов Шивы.
[2] Одно из имен Шивы.
[3] Краткая форма имени Банасура.

Как вынести мне бремя силушки в руках?
Пойду опять я к Харе выхода искать».

Махарадж! С такими мыслями в душе Банасур многосильный пошел к шри Махадеву джи и перед ним предстал. Сложивши поднятые руки и склонив главу, он молвил: «Владыка трех миров! Ты, держащий в своей руке трезубец.[1] По милости своей ты даровал мне тысячу могучих рук, они легли мне тяжестью на тело. И не могу я совладать теперь с их силой. Благоволи мне дать какое-либо средство против этого. Благоволи мне указать кого-нибудь могучего, с кем мог бы я вступить в борьбу! Я в трех мирах не вижу никого столь сильного, чтоб мог вступить со мной в борьбу он. И так как ты, по милости своей, мне силу дал необычайную, благоволи ж мое желание исполнить: сразись со мной, не то благоволи мне указать кого-нибудь, кто силою великой обладает, чтоб я мог бороться с ним, прогнать печаль души своей»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева сказал: „Махарадж! Услышав эти речи сильного Банасура, шри Махадев джи, оказавшись в затруднении, сказал себе в душе: «Я почитал его святым и потому такой дал дар ему, а он теперь явился драться вишь со мной. Глупец лишь возгордился силою своей. Теперь ему не сдобровать. Кто гордость возымел, недолго проживет на свете». Так Махадев сказал себе в душе. Потом он молвил: «Банасур! Ты не печалься. Уж скоро в мир придет могучий воин, который поведет с тобой борьбу: в роду у ядавов шри Кришна примет аватару. До той поры и в трех мирах не будет никого, кто б мог с тобой бороться». Услышав это слово, Банасур с радостью великою в душе сказал: «Владыка! Когда же примет аватару муж тот, и как узнаю я о том, что он уже родился?» Царь! Шри Шива джи Банасуру дал знамя и сказал: «Возьми его и водрузи его ты над дворцом своим! Когда же этот стяг сломается и сам собою упадет, то знай — твой враг родился».

Махарадж! Когда шри Шанкара ему сказал и объяснил, Банасур взял то знамя и, склонив свою главу, отправился в свой дом. Придя домой, он водрузил то знамя над своим дворцом и каждый день следил за ним и думал: «Когда ж тот муж родится и я смогу вступить с ним в бой?» Прошло немало лет, и главная его царица Банавати зачала. Когда исполнилися дни, то родилася дочь. Тогда Банасур царь, призвав к себе астрологов и посадив их, так сказал: «Вы нареките имя девочке, скажите мне, какою будет дочь моя». Услышав это слово, астрологи немедля определили год и месяц и половину месяца, день лунный, солнечный день, час, минуту и положение луны и положенье солнца и, дав царевне имя «Уша», так сказали: «Махарадж! Царевна эта будет кладезь красоты, талантов и нрава доброго. Так говорят ее планеты и приметы».

Услышав это слово, Банасур царь пришел в большую радость и, щедро одарив астрологов, он отпустил их. Потом призвал он музыкантов

[1] Трезубец является одним из атрибутов Шивы.

и устроил пир. Потом, чем больше возрастала дочь, тем более любил ее Банасур. Град Шронитпур был недалеко от Кайлаша и потому, когда семь лет исполнилося Уше, ее отец послал ее с подругами, подружками туда учиться к Шиве и шри Парвати. Царевна Уша джи, почтив Ганешу и Сарасвати, пошла к шри Шиве с Парвати. Сложивши поднятые руки, склонив свою главу, она с любовию сказала так им: «О милосердия моря, о Шива, Гаври! Благоволите сделать милость мне, благоволите дать своей рабыне дар науки и получите славу в мире!» Махарадж! Услышав от нее смиренную мольбу, шри Шива с Парвати джи с радостью царевну обучать приялись. И каждый день она ходила и училась. Прошло немало дней, и Уша, все шастры изучив, в науке преуспела и научилася играть на разных инструментах. Однажды Уша с Парвати вдвоем играли на прекрасных лютнях и стройно пели. И вдруг пришел к ним Шива джи и так сказал он Парвати: «О милая! Я снова возродил у Кришначандры Камадева, которого когда-то сжег». Сказавши так, шри Махадев, взяв Гириджу,[1] пошел на берег Ганги и, омывшись, искупавшися в воде и возжелав блаженства, стал с великой лаской и любовью одевать и украшать свою супругу Парвати джи и ласкать ее. Охваченный восторгом и блаженством, он стал играть на дамре, плясать тандав [2] и стройно петь по всем законам шастры. Так Шива услаждал свою супругу Парвати и обнимал ее с великою любовью. В то время Уша, счастье и любовь шри Шивы с Гаври созерцая и возымев желание с супругом слиться, сказала так себе в душе: «О, если б был и у меня любимый и я бы забавлялась с ним, как Шива с Парвати! Но без супруга красавица теряет всю свою красу, как ночь без месяца».

Махарадж! Как только Уша так себе в душе сказала, то проникающая в сердце Парвати святая, познав все сокровенные те мысли Уши, с великою любовию подозвала ее к себе и ласково сказала: «Дочка! Ты не кручинься ни о чем. Супруг твой явится к тебе во сне. Ты разыщи его потом и наслаждайся с ним блаженством». Дав дар такой царевне, супруга Шивы отпустила Ушу. Царевна, изучивши все науки, и получив великий дар, простерлась перед Парвати джи и вернулась в дом отца. Отец дал ей для жительства особый прекраснейший дворец. Она взяла с собою нескольких подруг и поселилась там, и стала с каждым днем расти.

Махарадж! Когда двенадцать лет исполнилось царевне, то, увидав красу луны ее лица, лишился блеска месяц в полнолунье. Пред черной тьмой ее волос поблекла тьма безлунной ночи; а завитки тончайшие на голове ее увидев сзади, змея, покинув шкуру, убежала. Бровей изгибы увидав, затрепетал сам лук. Увидев дивную игру ее огромных глаз, газель и рыба с трясогузкой застыдились. А носа красоту увидев, завял цветок пре-

[1] Одно из имен Парвати, супруги Шивы. Буквально Гириджа значит „рожденная горой", так как, согласно легендам, Парвати является дочерью Хималаев.

[2] Экстатический танец Шивы и его последователей.

красный тилы.[1] При виде красоты ее прекрасных губ, загоревал плод бимбы.[2] Когда гранат увидел сам зубов ее прекрасные ряды, то у него вдруг разорвалось сердце. Увидев нежность щек ее, там не посмела распуститься роза. Округлость шеи увидав, все голуби в унынье впали. Сосцы грудей ее увидев, почки лотоса свалились в пруд. А стройность стана увидав, сам лев ушел на жительство в леса. Увидев бедер совершенство, сам кела [3] скушал камфору.[4] Увидев тела дивный цвет, смутилось золото само и застыдилась чампа.[5] Перед ее руками и ногами лотос потерял высокий сан свой. И юная красавица, с походкою слона [6] и с голосом кукушки, такою дивною красою юности блистала, что затмевала красоту их всех.

Однажды эта юная красавица, покрыв все тело мазью благовонной, омыв с него всю грязь кристально чистою водою, волосы свои убрала и, разделив пробором, заполнила его прекрасной ниткой жемчуга; анджам [7] пустила в очи, почистила прекраснейшие зубы, покрасилась прекрасным красным лаком миханди [8] и пожевала бетель. Потом она потребовала украшения свои, усеянные драгоценными камнями, и одела шишпхул,[9] бена, бенди, банхи, дхери, чавдани, чхара, гаджмотинатх, бхалка, латкан, джугну, гухи в две нити жемчугов, чандрахар, моханмал, панчлари, сатлари, дхукдхуки, бхуджбанд, нортан, чури, навчари, канкан, кольца, мундри, чхалла, чхап, кинкини, джехар, гуджар, анватх и бичхуа. Одела дивную блестящую свободную гхагхру с каймой из лучших жемчугов и сари с расшитою каймою и краями, одела дивный лиф; поверх накинула блистательное покрывало и окропилась благовонными духами. В таком нарядном виде, с улыбкою веселой на устах, она с подружками пошла приветствовать отца и мать, прекрасная как Лакшми. Когда царевна Уша джи, представ пред ними, сделала земной поклон и встала, Банасур, увидав всю прелесть юности ее, сказал себе в душе: «Она пришла уж в брачный возраст» и отпустил ее. Потом послал он ракшасов всемерно охранять ее дворец и нескольких ракшасини [10] присматривать за ней. Они отправились туда и стали жить там, соблюдая бдительность великую все восемь страж, а ракшасини стали ей служить.

[1] Кунжут.

[2] Растение *Momordica monadelpha*; его плоды отличаются ярко красным цветом.

[3] Банан, *Musa sapientum*.

[4] Т. е. принял яд.

[5] Дерево *Michelia champaka*; его душистые цветы отличаются своим нежным желтым цветом.

[6] Т. е. со стройной, величественной походкой.

[7] Коллирий, который пускается в глаза и веки для блеска и красоты.

[8] Лавзония (*Lawsonia alba, Lawsonia spinosa*). Высушенные и обращенные в порошок листья этого растения, смешанные с экстрактом из акации катеху, употребляются для изготовления пасты, которою женщины красят свои ладони и подошвы ног в красновато-оранжевый цвет. Этой же пастой мужчины красят себе бороды.

[9] Название различных женских украшений.

[10] Женщина-демон.

Махарадж! Царевна Уша джи для получения супруга ежедневно совершала жаркие моленья, дары давала и обеты соблюдала и соблюдала пуджу Парвати. Однажды Уша, окончив все свои домашние дела, одна лежала ночью на своем прекрасном ложе и размышляла так в душе: «Хотела бы я знать, когда отец устроит брак мой и как я встречу жениха». Сказавши так и погрузившись в мысли о супруге, она уснула. И что ж она во сне вдруг видит? Видит, стоит пред ней прекрасный юноша — облакоцветный, лунноликий, лотосоглазый, дивной красоты, как воплощенье бога красоты или сам Мохан, одетый в желтый шелковый наряд, с короной из павлиньих перьев, слегка склонившийся всем телом, блистая красотой своей; весь в украшеньях, усыпанных камнями драгоценными, в серьгах прекрасных в форме макара, в гирлянде из лесных цветов, в прекрасном ожерелье гунджахар[1] и в желтом шелковом плаще — и каждый мускул в нем играет.

Царевна, увидав его, охваченная чарами его, в смущеньи голову склонила. А он повел любовные к ней речи и приумножил тем ее любовь. К ней подошел он, руку взял, обнял ее, заставил позабыть свои душевные сомненья, мысли и заботы. Потом они, когда рассеялось взаимное смущенье и боязнь, уселися на ложе. Друг другу расточая ласки и взглядами любовными даря, сливаяся в объятьях, поцелуях, взаимно одаряли, получали счастье и, утопая в наслажденье, любовные вели друг с другом речи. Но вот, когда чрез несколько мгновений Уша захотела приласкать его, к своей груди прижать супруга захотела, то с глаз ее сошел вдруг сон. И как она простерла руки, чтоб друга встретить, так и застыла вдруг с глубокой болью.

Проснулась Уша, в сердце горькая печаль;
Наполнилися грустью сердце и глаза.
«Куда ушел супруг мой, жизни господин?»
Вокруг с любовью смотрит: «Как его найти?»
Задумалася Уша: «Где его найти?
Как вновь его увидеть, душу отвести.
Пока я здесь сегодня крепко так спала,
Не думал вовсе милый от меня бежать.
Я милого хотела к сердцу уж прижать,
Как вдруг, совсем нежданно, он с глаз убежал.
Едва проснулась, ночка обратилась в смерть.
Когда ж, родная, будет для меня рассвет?
Без милого и жизнь то для меня не жизнь!
Когда не видишь, лучше очи уж смежить.
Хотя б словечко уши услыхать хотят.

[1] Ожерелье из семян гунджа (*Arbus precatorius*), т. е. из мельчайших частиц драгоценных камней, по своей величине не превосходящих мелкие семена гунджа.

Куда ушел, ты, милый? Счастье дай узнать!
О, если б милого мне снова увидать!
Ему могла б с рукою жизнь свою отдать».

Сказав так, Уша погрузилася в печаль и с мыслью о любимом к ложу подошла, легла, покрылась с головой. Когда ночь миновала и заря пришла и полторы уж стражи дня прошло, тогда ее подружки стали говорить: «Что ж это значит, уже так поздно, а Уша спит еще, не встала». Услышав это, Читралекха, дочь главного советника Банасура Камбханда, пошла в ее расписанный покой, и что ж она там видит? На ложе под прекрасным балдахином — с убитою душой, с уныньем в сердце — лежит царевна Уша без движенья и горько плачет, глубоко вздыхает. Увидев вдруг ее в таком великом горе,

В волненьи Читралекха Уше говорит:
«Скажи, подружка, что же у тебя болит?
О чем же ты горюешь, деточка моя?
Как ты упала в море горя! Вся в слезах!
Все плачешь и вздыхаешь тяжко здесь одна.
Как извелася вся ты! Чья же в том вина?
Я все твои страданья, все с души возьму.
И все дела устрою. Сердце я уйму.
Таких, как я, немного у тебя подруг:
Я многое умею. Верь мне, милый друг!
Все три великих мира обойти могу,
Куда бы ни пошла я, всюду помогу.
Давно мне дар великий Брахма даровал:
Все подчинил мне Брахма, дал над всем мне власть.
К тому ж со мною вместе Шарада[1] живет,
Я сделаю, что хочешь, силою ее.
Я знаю заклинанья: стоит их сказать,
То Брахма, Рудра, Индра подпадут под власть.
Никто не знает тайны, силы всей моей,
Свою печаль, все горе расскажи скорей!
Тебе помочь не может так никто другой,
Какой бы он там ни был — добрый или злой.
Скорее расскажи мне всю твою печаль,
Как провела ты ночку? С этого начать!
Подружечка (не нужно крыться от меня)!
Ведь все твои надежды, все исполню я».

Махарадж! Услышав это, Уша застыдилась, опустила голову и, подбежав вдруг к Читралекхе, ласково сказала: «Подружечка! Я знаю, ты

[1] Одно из имен Сарасвати и Парвати.

желаешь мне добра. Я обо всем, что ночью было, расскажу тебе. Все сохрани в своей душе и, если можешь мне помочь, то помоги. Сегодня ночью мне во сне явился юноша — облакоцветный, лунноликий, лотосоглазый, одетый в желтый шелковый наряд, в плаще из шелка желтого. Ко мне он подошел и сел, он проявил ко мне великую любовь и завладел моей душой. И я сама, забыв свое смущенье, вступила с ним в беседу. Мы долго говорили, говорили и, наконец, когда во мне проснулася любовь, я за руку его хотела взять, но в это время сон прервался; но образ обольстительный его остался в мыслях у меня.

Я не слыхала, чтобы был такой другой,
И как мне рассказать тут, как сказать какой?
И красоту его всю можно ль описать?
Похитил и унес он сердце ночью, тать.

Когда на Кайлаше науку изучала я у Махадева джи, тогда шри Парвати сказала мне: „Супруг твой явится тебе во сне, ты отыщи его". Сегодня ночью мне во сне жених явился, но где же мне его искать? Кому о боли от разлуки с ним мне рассказать? Куда итти? И как искать? Не знаю я ни имени его, ни где живет!» Махарадж! Когда царевна Уша так сказала и, глубоко вздохнув, как бы застыла, то Читралекха молвила: «Теперь ты не кручинься больше ни о чем. Где б ни был милый твой, я всюду отыщу его и приведу к тебе. Ведь мне доступны все три мира. Где б ни был он, проникну всюду, не сомневайся, приведу. Скажи мне имя лишь его и дай мне разрешенье отправиться немедля в путь». И Уша молвила: «Подружка! То о тебе должно быть говорят: „Проплакала всю ночь, ни разу не вздохнула". Ведь если бы я знала имя, да где он проживает, тогда зачем бы горевать? Коль не одно, другое бы придумала я». Услышав это, Читралекха ей сказала: «Подружка! Ты не кручинься и об этом. Я нарисую здесь тебе всех юношей всех трех миров и покажу. Когда увидишь среди них того, кто сердце у тебя похитил, ты скажи скорее мне. А привести его, вручить тебе — мое уж дело». Тогда-то, засмеявшись, Уша ей сказала: «Очень хорошо». Махарадж! Едва успела Уша так сказать, как Читралекха потребовала все для рисованья, села на сиденье и, почтив Ганешу с Шарадой и вспомнив гуру своего, усердно принялась писать. Сначала Читралекха здесь изобразила ей три мира,[1] четырнадцать бхувана,[2] семь материков и девять всех частей земли. Всю землю, небеса, семь океанов, миров всех восемь, рай Вайкхунтху. Изобразила все и показала ей. Затем она ей написала и показала на картине: девы, данавы, гандхарвы, киннары, якши, риши, муни, локапалы, дикпалы и все цари всех стран. Всех их она писала, показывала ей. Но Уша не нашла средь них желанного. Тогда то Читралекха стала рисовать, показывать ей всех

[1] Т. е. небо, земля и подземный мир.
[2] Четырнадцать миров, так как, согласно пуранам, всех миров четырнадцать.

юношей из рода Яду. Едва она успела Анируддху написать, как Уша закричала:

«Теперь нашла я вора сердца своего,
Он ночью мне являлся. Знаю я его.
Теперь найди, подружка, средство отыскать,
Ищи его повсюду. Милая, достань».
Услышав, Читралекха молвила в ответ:
«Куда ему укрыться? Твой он, твой теперь?»

Сказав так, Читралекха продолжала: «Подружка! Ты его не знаешь, а я то узнаю. Он внук шри Кришначандры джи из рода Яду, сын Прадьюмны джи. Его я знаю имя. Это — Анируддха. На острове, далеко, в океане есть город Дварка. Он там живет. По повеленью Хари джи все восемь страж сударшанчакра охраняет этот город, чтоб никакой злодей, иль дайтья, данава не мог в него проникнуть и ядавов спокойствие нарушить. И кто б ни захотел проникнуть в город, никто туда войти не смеет без позволенья Уграсены или Шурасены». Махарадж!

Услышав это, Уша очень опечалилася и сказала: «Подружка. Коль это страшное такое место, то как же ты туда проникнешь, как приведешь ко мне любимого?» Читралекха ей сказала: «Сестрица! Об этом то ты не тревожься. Я силой Хари приведу, отдам тебе владыку твоего дыханья!»

Промолвив это, Читралекха джи надела платье с именами Рамы, на лбу нарисовала тилак урдхвипундру[1] из гомичандана,[2] сделала такой же знак и на груди, на голове, на шее. Потом она накинула большой венок из туласи; в руку же она взяла прекраснейшие четки из больших алмазов; покрылась сверху хиравалом,[3] скамеечку взяла под мышку, книгу Бхагавадгиту [4] и, приняв вид благочестивой вайшнави,[5] простилась с Ушей и отправилася в Дварку, так сказавши Уше:

«Теперь воздушными путями по небесам я полечу,
Я приведу к тебе супруга, ведь Читрою[6] меня зовут!»"

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! И силою своей великой майи Читралекха села на воздушного коня и темной ночью вместе с темным облаком в одно мгновение в Дварку перекинулась. Как молния она блеснула и проникла во дворец шри

[1] Вишнуитский тилак, т. е. знак секты; он имеет форму прямой вертикальной линии.
[2] Разновидность желтой глины, употребляющейся вишнуитами для изображения тилака. Глина эта добывается из одного из озер близ г. Дварки в Гуджарате.
[3] Нитка алмазов.
[4] Бхагавадгита (भागवद्गीता) является одним из древнейших литературных памятников вишнуизма и почитается всеми сектами его. Бхагавадгита входит в состав Махабхараты.
[5] Последовательница вишнуитской религии.
[6] Краткая форма имени Читралекха.

Кришначандры так, что ни одна душа не догадалась, как она вошла. Она искала там, искала, наконец, пришла туда, где спал на ложе Анируддха джи один и забавлялся с Ушею во сне. Увидев Анируддху джи, она все ложе с спящим подняла и сразу же отправилась обратно.

И вместе с дивным ложем спящего взяла,
И с ним назад помчалась, к Уше понесла.
Взяв Анируддху, Читра вновь пришла туда,
Где Уша все сидела с грустью на глазах.

Махарадж! Увидев Анируддху вместе с ложем, Уша бросилась в смущении к ногам могучей Читралекхи, потом сказала так: «Благословение тебе, благословение, подружка, смелости твоей и силе! Ты в место трудное такое вмиг слетала, в одно мгновенье с ложем принесла его, исполнила все обещание свое. Такой великий труд ты на себя взяла. Но отплатить тебе за это я не в состояньи. Я остаюсь должницею навек». И Читралекха ей сказала: «Подружка! Коль в мире радость есть, то только в том, чтоб ближнему дать радость. И хорошо лишь то, что может ближнему дать радость. Нам это тело бесполезно, но если им мы можем ближнему служить, тогда оно становится высокоценным. Лишь в этом благо личное и благо высшее». Махарадж! Промолвив это, Читралекха продолжала: «Подружка, я силой господа доставила тебе любимого. Теперь ты разбуди его, желание свое исполни». Сказав так, Читралекха джи простилась с Ушей и отправилась домой. Когда же Читралекха удалилась, Уша, радостная, застыдилась. Страшася первой встречи с ним, она себе в душе сказала так:

«Что милому сказать мне, как тут разбудить?
Как мне его обнять здесь, как прижать к груди?»

Потом она взяла свою чудеснейшую лютню и тихо, нежно заиграла. Услышав вдруг звук лютни, Анируддха джи проснулся и, посмотрев вокруг себя, он так сказал себе в душе: «Какое ж это место? чей это дворец? Как я сюда попал и кто меня принес так, спящего на ложе?» Махарадж! Тогда прекрасный Анируддха джи такие речи долго вел и изумлялся. А Уша, полная смущения, страшася первой встречи, стояла в уголке, смотрела на луноподобный лик любимого и радовала чакоры своих очей. И вдруг

Увидел Анируддха, ей сказал в волненье:
«Красавица, скажи хоть слово о себе мне:
Прекрасная кто ты, и как ко мне пришла?
Иль как меня сюда ты вдруг перенесла?
Не смешивай же с ложью правду за одно!
Мне кажется, что вижу только чудный сон».

Махарадж! Когда сказал так Анируддха джи, то Уша не дала ответа, пуще прежнего она тут застыдилася, забилась в уголок. Тогда он вдруг схватил ее сам за руку, привел и посадил на ложе, повел любовные к ней ласковые речи, рассеял все ее смущение и страх. Потом они вдвоем уселися на ложе, обменивались ласками, украдкою смотрели друг на дружку, и, одаряя счастием друг друга, счастье испытали, ведя любовные беседы. И Анируддха джи спросил у Уши: «Прекрасная! Как ты увидела меня впервые, как ты потом меня доставила сюда? Открой мне эту тайну, чтоб не было недоуменья в моей душе!» Услышав это, Уша, взглянув в лицо супругу, радостно сказала:

«Ты сам вчера явился, милый, мне во сне,
Унес мою ты душу, боль оставил мне.
Проснулась я и в сердце тяжкая лишь боль,
Поведав Читралекхе, вспомнила все вновь.
Она тебя, владыка, принесла сюда,
Но как могла то сделать, мне то не узнать».

Промолвив это, Уша продолжала: «Махарадж! Теперь я рассказала все, как я тебя впервые увидала и как перенесла сюда. Благоволи теперь мне рассказать все о себе. Как ты меня увидел, повелитель ядавов?» Услышав это, Анируддха с радостной улыбкою сказал: «Прекрасная! И я сегодня ночью вдруг во сне тебя, царевна, увидал. И вот во сне вдруг кто-то взял меня и перенес сюда. Но тайну этого я не постиг до сей поры, не знаю, кто меня принес. Как только я проснулся, здесь я увидал тебя»".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Так милый с милою вдвоем между собою говорили. Потом, преумножая крепкую взаимную любовь, между собой вели различные любовные забавы и удалили всю печаль былой разлуки. Когда же Уша джи увидела, что бетель вкус утратил свой, жемчужные гирлянды ослабели, что ослабел в светильниках уж свет, она пошла и вышла из покоя и видит: уже заря настала, и лунный свет уж потускнел, померкли звезды и небеса подернулись багрянцем; со всех сторон защебетали птицы; закрылись водяные лилии; дневные лотосы все расцвели, и чаква вновь играет со своей подружкой.

Махарадж! Увидя, что так поздно, Уша джи закрыла сразу же все двери и, обеспокоившись, вернулась в свой покой и с нежной ласкою прижав к груди любимого, вновь прилегла. Потом она укрыла милого и, спрятавши его от всех подруг, она ему служила. Но, наконец, о появлении Анируддхи все ж узнали все подружки. Тогда она и день и ночь вкушала наслаждения с супругом. Однажды мать царевны Уши джи пришла проведать дочку, и вдруг она тайком заметила, что Уша джи сидит в покое с юношей великой красоты и с упоением играет с ним в чаупар. Увидев это, мать ни слова не сказала никому, на цыпочках тихонечко

ушла и, умиленная до глубины души, благословляя дочь, безмолвно возвратилася к себе.

А через несколько же дней однажды Уша, увидев своего супруга спящим, в смущеньи вышла из покоя с мыслью: «Как не случилося бы так, чтоб люди, не видя вдруг меня нигде, не догадалися, что я не выхожу из дому потому, что у меня супруг мой». Махарадж! Покинув своего любимого в чертоге одного, царевна Уша вышла, но не смогла всеж никуда пойти. Опять вернулась во дворец, закрыла двери и стала забавляться с милым. Заметив это, стражи стали между собою говорить: «Эй, братцы! Да что случилось, что царевна наша лишь раз за много дней вдруг вышла из покоя и сразу же вернулася обратно?» Услышав это, один из них сказал: «Братец, я много дней уж замечаю, что дверь дворца царевны Уши день и ночь закрыта. А во дворце какой-то юноша смеется и беседует с царевной, а иногда они играют и в чаупар». Другой сказал: «Коль это правда, тогда пойди к Банасуру и доложи об этом. Как нам бездействовать, коль мы об этом знаем?»

Один сказал: «Об этом говорить нельзя,
Уж лучше вы останьтесь в стороне, друзья.
Что б ни случилось дальше, зло или добро,
Судьбы не обойдешь ведь: всем владеет рок.
Не нужно ничего нам говорить, друзья,
Сидите лучше смирно; так спокойней нам».

Махарадж! Так говорили меж собой привратники. Как вдруг там показался сам Банасур со своею стражей. Взглянув вдруг на дворец и не увидев стяга, который получил он от шри Шивы джи, он молвил: «Куда ж отсюда стяг девался?» Привратники ответили: «Махарадж! Да он давно уже сломался и упал». Услышав это и вспомнив слово Шивы джи, обеспокоенный Банасур молвил:

«Коли упал внезапно этот дивный стяг,
То значит, что родился где-то страшный враг».

Когда слова такие вышли тут из уст Банасура, тогда один привратник вдруг предстал пред ним. Сложивши поднятые руки и склонив свою главу, он молвил: «Махарадж! Есть дело, но я сказать о нем не смею. Коль повелишь мне, я скажу». Банасур повелел: «Хорошо, говори». Тогда привратник молвил: «Махарадж! Благоволи простить мою вину. Уж несколько дней замечаю я, что во дворце царевны появился юноша какой-то, и он и день и ночь беседует с царевной. Но мы не знаем тайны, кто тот юноша, откуда он вдруг взялся и что там делает». Услышав это слово, Банасур в страшный гнев пришел, извлек свой меч, украдкою проник один он во дворец царевны, спрятался, и что ж он видит там? Какой-то юноша — облакоцветный, дивной красоты, в прекрасном желтом шелковом наряде, лежит и с Ушей спит глубоким сном.

Банасур так подумал, вздрогнув весь, в душе:
«Великий грех убить так спящего во сне!»

Махарадж! Подумав это в глубине души, Банасур стражу там поставил и повелел: «Как только он проснется, то немедля дайте знать мне». Потом, вернувшись в свой дворец, собрал совет, всех ракшасов и так сказал: «Пришел мой враг. Немедля же собрать всю рать и окружить дворец царевны Уши. Я следую за вами». Меж тем как ракшасы по повелению Банасура явилися и окружили вдруг дворец царевны, тут Анируддха с Ушею проснулись и принялись играть в чаупар. Играла так, играла Уша джи в чаупар, и что ж вдруг видит? Со всех сторон все небо облегли густые тучи страшные; сверкает молния; заквакали лягушки, запели вдруг павлины и папихи.[1] Махарадж! Услышав пение папихи, Уша обняла любимого и так ему сказала:

«Папиха, ты не пой так громко „пья-пья-пья“:
В нем возгласы разлуки грозной слышу я».

Меж тем один из стражей сам пошел к Банасуру и так сказал: «Махарадж! Твой враг проснулся». Услышав слово «враг», Банасур в страшной ярости поднялся и, схватив свое оружие и меч и прибежав в прихожую дворца царевны Уши, там остановился, спрятался и стал подсматривать. Смотрел, смотрел и вдруг

Банасур закричал вдруг, словно грянул гром:
«Эй, кто ты? Все сюда! Тут вор забрался в дом!
Облакоцветный, сердце он ее завлек.
Лотосоглазый, в желтом. Вот смотрите, вот!
Эй, вор! Что ж не выходишь ты ко мне сюда?
Удастся ль от меня то, вор, бежать куда?»

Махарадж! Когда Банасур так вдруг закричал, то Уша с Анируддхой, услышав и увидев, омертвели. Тогда царевна нежная с глубокою печалью в страхе и вздыхая тяжко, так сказала милому: «Махарадж! Пришел отец с огромным войском из асуров. И как теперь тебе спастися от его руки?»

И с гневом Анируддха ей тогда сказал:
«Не бойся, о супруга, вытри же глаза.
Рать ракшасов, асуров, как шакалов стаю,
Я разобью в мгновенье, даже не устану».

Промолвив это, Анируддха джи прочел из веды мантру и потребовал дубину из скалы длиной в сто восемь рук, взял в руки, вышел и, проникнув в рать асуров, грозно кликнул он Банасура. Когда он вышел, то Банасур взял свой лук, собрал всю рать и так обрушился на Анируддху

---

[1] Вид кукушки — *Cuculus melanoleneos.*

джи, как может вдруг наброситься рой пчел. Когда асуры все пустили в ход различное оружие, то Анируддха в гневе вдруг ударил несколько раз так своей дубиной, что все полки асуров разлетелися как пыль, одни убиты, другие ранены, а те, кто спасся, обратились в бегство. Тогда пошел Банасур, всех собрал, привел и вновь вступил он в бой. Махарадж! И сколько бы оружия асуры ни метали в Анируддху джи, оно рассеивалось всюду и ничто не попадало в тело Анируддхи джи.

Что падало на тело Анируддхи джи,
Он пополам дубиной острою крошил.
Никто перед секирой устоять не мог:
Разит он, как перуном Сурапати бог.
Трещат, летят повсюду головы врагов,
Крошит он руки, ноги, бедра их кругом.

Когда в бою жестоком там один Банасур спасся, вся рать его была изрублена, тогда он, изумившись в глубине души, с словами: «Как победить непобедимого?» — сумел в полон взять Анируддху джи, накинув на него аркан".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Когда Банасур, полонив арканом Анируддху джи, привел его в совет свой, то Анируддха джи так размышлял в душе: «Мне тяжко, это правда, но мне не подобает сделать ложным слово Брахмы. Коль я своею силою спасуся от аркана, то это будет для него бесчестьем, потому мне лучше все ж терпеть полон». Меж тем Банасур говорил ему: «Эй, мальчик. Я тебя сейчас убью. Коль есть какой-нибудь заступник у тебя, то призови». И в это время Уша джи, узнавши обо всем, что там случилось с милым, сказала Читралекхе: «Подружка! Проклятие моей всей жизни! Коль мой супруг в таком несчастье, как я могу спокойно есть иль пить иль спать?» Но Читралекха ей сказала: «Да не кручинься ни о чем. Никто не сможет причинить здесь зла супругу твоему. Ну, успокойся. Ведь скоро уж сюда нагрянет Кришначандра с Баларамом джи и всей великой ратью ядавов. Они то истребят всю рать асуров, освободят и увезут с тобою вместе Анируддху джи. Есть у него такой обычай: коль он прослышит о какой-нибудь красавице царевне, он так или иначе, силою иль хитростью, да увезет ее. А Анируддха — внук его. Как он увез из Кундальпура Рукмини, дочь Бхишмака царя, вступив в борьбу с могучим и высокославным Шишупалом, с Джарасандхом, так и тебя теперь он увезет. Ты не кручинься ни о чем». Уша сказала: «Я не могу перенести такого горя!

Арканом захватили милого в полон,
Пропитанная ядом петля жжет огнем.
Как я с спокойным сердцем буду отдыхать,
Супруга в муке видеть, здесь спокойно спать?
Коль мой супруг в несчастье, как я буду жить?

Зачем теперь мне кушать, как мне воду пить?
Банасура скорее нужно нам убить,
От всех других меня мой милый защитит.
Грядущее не в силах побороть никто.
Кто сможет предсказать нам, как случится что?
О, я не постыжуся ни людей, ни вед:
Лишь с милым я познала счастье, бездну бед».

Махарадж! Когда царевна Уша, так сказавши Читралекхе, вдруг пришла к супругу, села, позабыв свой страх и все заботы, то кто-то прибежал, сказал Банасуру: «Махарадж! Царевна вышла из дворца и к юноше тому пошла». Услышав это, Банасур подозвал немедля Скандху, сына своего, и так сказал: «Мой сын! Свою сестру немедля удали ты из собранья, уведи ее в ее дворец и задержи, не позволяй ей выходить».

И, получив веление отца, царевич Скандха подошел к сестре и в страшной ярости сказал: «Что ты наделала, бесстыдница? Забыла стыд людской и честь свою! Эй, подлая! Что мне, убить тебя? То будет грех, а я боюсь бесчестья!» Но Уша джи сказала: «Брат! Что хочешь, можешь говорить и делать. Он мой жених, которого мне даровала Парвати джи. Коль я теперь его покину, побегу к другому, то я себя на век позором ведь покрою. Супруга своего покинуть может только женщина из черни, там издавна так повелось. И с кем творец нас в мире сочетал, не страшен с тем позор, коль он на милого упал!»

Махарадж! Услышав это, Скандха взял схватил царевну за руку, увел ее оттуда во дворец и не позволил больше выйти. Потом он удалил и Анируддху джи и где-то в заключенье посадил. Тогда и Анируддха джи глубоко тосковал в разлуке с милою супругой, и Уша джи в разлуке с милым тосковала, отказавшись и от пищи и воды, терпела тяжкие мученья.

Немного дней прошло. Однажды Нарада джи муни к ним пришел туда. Сначала он пришел и успокоил Анируддху джи, сказав: «Ты не кручинься ни о чем. Шри Кришначандра, корень радости, и Баларам, обитель счастья, скоро поведут борьбу с врагами, ракшасами, они тебя освободят и увезут». Потом, отправившись к Банасуру, он так сказал: «Царь! Тот юноша, которого поймал арканом ты и заключил теперь, он внук шри Кришны, сын Прадьюмны джи, по имени он — Анируддха. Ты сам прекрасно знаешь ядавов. Теперь ты поступай, как знаешь. К тебе пришел я лишь затем, чтобы предостеречь тебя; я это сделал». Услышав это, Банасур так сказал: «Нарада джи! Я знаю все!» И с этими словами он Нараду джи муни отпустил".

Так гласит глава шестьдесят третья „Сон Уши. Заключение Анируддхи" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 64

Шри Кришна джи вступает в бой с Банасуром и побеждает его. Брак Анируддхи с Ушей

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Когда четыре месяца провел в плененьи Анируддха джи, то Нарада джи прибыл в Дварку. И что ж он видит там? Все ядавы в великой скорби, все унылые, худые. Шри Кришна джи и Баларам печальные сидят средь них. Все говорят такие речи: «Кто же взял отсюда и похитил мальчика?» А во дворце царит плач и стенание такое, что никто не слышал никого. Когда пришел к ним Нарада джи, то все — все женщины и все мужчины — бросились ему навстречу, стали перед ним глубоко опечаленные, унылые, худые. Потом все со смиреньем великим, сложивши поднятые руки, склонивши головы свои, спросили Нараду джи так:

«Великий риши! Молви праведное слово!
Порадуй нас, о риши, жизнь даруй нам снова!
Что ты узнал? Какие вести получил?
Скажи, святой! Ведь больше ждать у нас нет сил!»

Услышав это, Нарада джи молвил: «Вы не кручиньтесь ни о чем и удалите скорбь из ваших душ. Ведь Анируддха джи и жив и невредим. Он в Шронитпуре. Отправившись туда, он наслаждался там с царевной, дочерью царя Банасура. За это царь поймал арканом Анируддху и посадил его в темницу. Он без борьбы никоим образом вам не отпустит Анируддху джи. Теперь я вам открыл всю тайну. Что делать дальше, вы подумайте уж сами».

Махарадж! Промолвив это, Нарада джи удалился. Потом все ядавы отправились к Уграсене и сказали: «Махарадж! Есть вести верные у нас, что Анируддха в Шронитпуре у царя Банасура. Он соблазнил царевну, дочь Банасура; за это царь поймал его и заточил. Что ты повелеваешь делать нам теперь?» Услышав это слово, царь Уграсена так сказал: «Берите все мои войска и отправляйтеся туда. Как бы там ни было, освободите Анируддху джи!» Махарадж! Когда такое слово мудрое сошло с уст Уграсены, все ядавы, взяв войско Уграсены джи, отправилися с Баларамом джи. Шри Кришначандра и Прадьюмна джи, сев на гаруду, отправилися в Шронитпур уж раньше".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Не поддается описанью красота того мгновенья, когда прекрасный Баларам со всею ратью Уграсены, с барабанным боем выступил из Дварки, в Шронитпур. Шли впереди ряды слонов огромных, буйных, с дивными громадными бивнями; за ними раздавался барабанный бой и развевались стяги и знамена; за ними новый строй слонов, несущих паланкины; за ними двигались, при всем оружии своем, все величайшие могучие богатыри, герои доблестные, ядавы, все в панцырях и в шлемах; за ними взорам представлялись колесниц ряды; а позади их двигались отряды всадников и кони их разнообразнейших мастей в прекраснейшем убранстве. Они то мерно двигались рядами, то останавливались, гарцевали, рыли землю копытами, и рвались вновь вперед. И чараны, смешавшись с их рядами, пели славу, а харкхайты,[1] своими песнями их ободряли к бою. Как тучи саранчи за ними шла пехоты тьма в вооруженьи всех родов — пхарин,[2] кханда, чхури, катари, джамдхар, барли, барчха, бхала, баддам, бана, пата, луки, стрелы, гада, чакра, пхариса, чанраси, ланхури, гупти, банк, битхул. В рядах их раздавались звуки дхаджа,[3] доля, дапха, бансури, бхер, нарсингов; и стройные их звуки ободряли всех.

И до небес высоких ввысь вздымалась пыль,
Закрыто ею солнце, землю мрак покрыл.
И чаква сам с чакавой порознь, словно в ночь,
Любимые от милых не отходят прочь.
Все лотосы, раскрывшись, вновь закрылись вдруг.
Ночные звери бродят... словно ночь вокруг".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Между тем как Баларам джи с войском из двенадцати акшаухини так грозно двигался вперед, все разрушая на пути своем: все крепости и укрепления и замки все Банасура и, разоряя всю страну, достигнув Шронитпура, соединился со шри Кришначандрой и Прадьюмной, к Банасуру в великом страхе прибежали люди и, сложивши поднятые руки, головы склонив, сказали: «Махарадж! Там Кришна, Баларам с своею ратью наступают. Они разрушили до основания все наши крепости и замки, укрепления. Со всех сторон уж обложили город. Что повелишь нам делать?»

Услышав их слова, Банасур разъярился. Созвав своих главнейших ракшасов, он так сказал: «Немедля соберите все войска, все выступайте за город и преградите путь шри Кришне с Баларамом. Я следую за вами». Махарадж! И получив такое повеленье, асуры вмиг собрали рать — двенадцать акшаухини с оружием в руках расположились, готовые к сраженью,

1 Специальные певцы, ободряющие бойцов военными песнями.
2 Разные виды вооружения.
3 Разные музыкальные инструменты.

перед шри Кришною и Баларамом. А сам Банасур, совершив моленье Махадеву джи, явился вслед за ними".

Шри Шукадева муни далее сказал: „Махарадж! Когда помыслил он о Шиве джи, престол шри Шивы джи заколебался; и, пробужденный к мысли, он постиг: «Несчастие постигло вдруг того, кто предан мне. Немедля я пойду, рассею все его тревоги». Помыслив так в душе, господь немудрых Бхоланатх джи отдал половину тела Парвати джи, косу завязал свою, посыпал пеплом, принял много бханга,[1] ака[2] и дхатура,[3] одел свой шнур из белых змей; накинул шкуру белого слона; потом одел он ожерелье из отрубленных голов, змею; взял свой трезубец, дамру, лук—Пинак[4] и череп; сел на быка Нандия,[5] собрал всю рать свою, всех бхутов, претов, пишачей, дакини,[6] шакини,[7] бхутани,[8] претни,[9] пишачни,[10] и прочих и выступил в поход. Не поддается описанью красота того мгновенья, когда, с серьгой из гаджамани[11] в ухе, с луной на лбу и с Гангою на голове, с глазами кровью налитыми, приняв страшный образ Махакалы,[12] он двигался вперед, играл и пел, а рать его плясала. Ту красоту лишь видеть можно было, но описать нельзя. И скоро Шива джи со всей своею ратью прибыл, наконец, туда, где с войском из асуров сам стоял Банасур. Увидев Хари джи, Банасур в радости сказал: «О, милосердья океан! Не будь тебя, кто мог бы вспомнить обо мне в такое время.

Твой дивный пыл, владыка, спалит супостата.
И как теперь род Яду может жив остаться».

Промолвив так, он продолжал: «Махарадж! Теперь творите все святую брань. И каждый становись лицом к лицу, борись». Едва такое слово вышло из дрожащих уст Банасура, как вдруг вся рать асуров двинулась вперед и стала в боевом порядке, и там навстречу им пришли и стали ядавы. И там и здесь вдруг зазвучали звуки бранной музыки. Богатыри, герои-

---

1 Конопля, гашиш.
2 Вид наркотика.
3 Дурман.
4 Название лука Шивы.
5 Бык Шивы. Согласно пуранам, он является сыном Кашьяпы и покровителем всех неверующих. Нандия является одним из наиболее приближенных слуг Шивы, и Шива всегда сидит на нем. Перед храмами Шивы всегда ставится изображение Нандии в виде снежно-белого быка.
6 Вид злых демонов в женском образе. Дакини, согласно легендам, являются слугами Кали (местная форма супруги Шивы) и питаются человеческим мясом.
7 Демоница в женском образе.
8 Злые духи, злые духи.
9 Злые претов, злых теней грешников.
10 Злые пишачей, упырей.
11 Жемчуг большого размера. Согласно верованиям индусов, лучшие жемчуга можно добыть из головы слона.
12 Буквально „Великий-Страшный" — одно из имен Шивы.

воины все взялись за оружие свое, а робкие, не-мужи, трусы, покидая поле брани, стали убегать, спасая жизнь свою.

В то время Шива джи в своем ужасном образе, как Махакала, лицом к лицу стал со шри Кришначандрой; Банасур против Баларама джи, а Скандха против шри Прадьюмны, и так один против другого стали все, и обе стороны пустили в ход оружие. В руке у Махадева лук Пинак, в руке у Ядунатха лук Саранг.[1] Шри Шива джи пустил стрелу святого Брахмы, шри Кришначандра джи рассек ее мечем огромным Брахмы. Потом шри Рудра ветры буйные послал, их Хари жаром отогнал. Потом шри Махадев джи породил огонь, Мурари пролил дождь и погасил его и пламя произвел великое, оно перебежало в войско Садашивы,[2] сожгло всем бороды, усы и волосы на голове и придало асурам страшный вид.

Когда огонь стал жечь войска асуров и вдруг раздался страшный вопль: «спаси», тогда господь немудрых Бхоланатх послал прохладу всем сожженным, обожженным ракшасам и бхутам, претам, пролив дождь, а сам, придя в великий гнев, схватил стрелу наранараяни,[3] потом, раздумав, отложил ее. Меж тем шри Кришна джи, пустив стрелу аласья,[4] лишив рассудка всех, косить стал рать асуров, как косари, бывает, косят ниву. Увидев это чудо, шри Махадев, подумав про себя в душе, сказал: «Теперь не обойтись без пралаяюддхи».[5] А в это время Скандха на павлина сел, поднялся в небеса и стал оттуда стрелами своими осыпать всю рать шри Кришны джи.

Тогда Прадьюмна храбрый Хари говорит:
«Поднявшись на павлине, сверху он разит.
Коль повелишь, отец мой, я усилю бой,
Возьму свой лук могучий, их собью стрелой».

Когда сказал он это, господь свое соизволенье дал. Прадьюмна джи метнул стрелу, попал в павлина, и Скандха полетел на землю. Когда упал на землю Скандха, то Банасур в ярость страшную пришел и, взявши не один лук — целых пять, и в каждый лук вставляя по две стрелы, осыпал всех ядавов дождем из стрел. Меж тем шри Кришначандра джи все продолжал косить. В тот час и там и здесь гремели мару,[6] дхолы, дапхасы; каркхайты песни распевали; из ран лились потоки крови, как фонтаны. Куда ни взглянь — от крови все-все красно, словно от гулала.[7] Повсюду бхуты, преты, пишачи, как скоморохи, тут сновали в образах ужасных и играли. Текли повсюду реки крови, как будто их раскрасили в вели-

---

1 Лук Вишну.
2 „Неизменно-милостивый" — одно из имен Шивы.
3 Стрела, якобы обладающая безграничной мистической силой.
4 Стрела лености, тупости, смертности.
5 Смертный бой, кончающийся гибелью.
6 Разного вида барабаны.
7 Красный порошок, которым индусы посыпают вокруг домов во время весеннего праздника Холи.

кий праздник. Казалось, то не битва, праздник Холи[1] обе стороны справляют. И долго так шел бой, но, наконец, шри Кришначандра джи пустил стрелу так крепко, что с колесницы у Банасура слетел возница и кони в страхе подскочили. Когда погиб возница, то Банасур сам бежал, покинув поле брани; шри Кришна джи преследовал его".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Услышав весть о бегстве сына, Катра, мать Банасура, немедля бросилась туда в ужасном образе. Нагая и с распущенными волосами, она предстала пред шри Кришначандрой джи и стала там вопить.

Увидев страшный образ, он закрыл глаза,
Спиною повернувшись, слушать вопли стал.
Тем временем Банасур от него бежал,
Созвал своих асуров, снова рать собрал.

Махарадж! Нагая Катра преграждала путь шри Кришне джи до той поры, пока Банасур, вновь собрав огромнейшие полчища свои, вернулся для борьбы. И снова выступил Банасур и учинил великий бой, но против господа не мог он устоять, бежал вновь к Махадеву джи. Увидев близ себя Банасура в ужасном страхе, шри Шива джи пришел в великий гнев, призвал к себе он злую лихорадку и послал ее на рать шри Кришначандры джи. И вот она великосильная, великим пламенем горящая, чей зной подобен зною солнца; трехликая, трехглазая, девятиногая и шестирукая, в ужасном образе своем обрушилась на рать шри Кришначандры. И от ее ужаснейшего зноя ядавы то пламенем горели, то дрожали вдруг всем телом. И, наконец, в великой муке, в страхе ядавы пришли к шри Кришначандре джи и так сказали: «Махарадж! На нас напала лихорадка Шивы джи, всю рать она сожгла и погубила. Спаси скорей нас от ее руки, не то здесь не спасется ни один из ядавов». Махарадж! Услышав их слова и видя всех в ужасном страхе, Хари выпустил с холодным жаром лихорадку. Она набросилась на лихорадку Махадева. И, увидав ее, та устрашилась и бежала и прибежала к Садашиве джи.

Сказала лихоманка Махадеву джи:
«Меня от лихорадки Кришны джи спаси».

Услышав этот вопль, шри Махадев сказал: «Никто во всей вселенной, кроме самого шри Кришначандры джи, не может укротить ту лихорадку страшную шри Кришначандры, а посему скорей беги ты к шри Мурари, благодетелю всех верных». Услышав слово Шивы и подумав, лихоманка бросилась к шри Кришначандре, корню радости и, став пред ним, сложивши поднятые руки, с мольбою в страхе завопила: «О милосердья океан! О друг несчастных! Спаситель павших, милосердый к страждущим! Благоволи простить мою вину, спаси меня от лихорадки, созданной тобой!

[1] Весенний праздник индусов, соблюдающийся во время весеннего равноденствия.

Ты — Брахмы и богов всех повелитель, бог.
Твоя, владыка мира, безгранична мощь.
Ты создал и устроил весь великий мир,
Весь мир твоя лишь майя, из тебя возник.
Теперь твою всю благость я постигла вдруг!
И знанье осенило, о владыка душ!»

Услышав это слово, милосердый Хари молвил: «Коль ты пришла ко мне искать защиты, то ты останешься живой, не то тебе бы не спастися. Я отпустил тебе твою вину, но впредь моих поклонников, моих рабов не мучь. Так я тебе повелеваю». И лихорадка так сказала: «О милосердья океан! Кто слово это будет слушать, того уж ни холодная, ни однодневная или трехдневная, да никакая лихорадка впредь не будет мучить». Потом шри Кришначандра джи сказал: «Теперь не оставайся здесь, вернися к Махадеву, не то тебя замучит созданная мною лихорадка». И, получив такое повеленье, лихорадка Шивы джи простерлась перед ним и удалилась к Садашиве джи. У всех тотчас же жар исчез".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: „Махарадж!

Кто сим словам прилежно будет лишь внимать,
Тому пред лихорадкой страха уж не знать!"

„Меж тем Банасур в страшном гневе взял стрелу и лук огромный в каждую из рук, предстал пред господом и грозно так сказал:

«Я дал тебе великий тяжкий страшный бой,
И все ж не преклонился ты передо мной».

Когда он с этими словами стал метать из всех рук стрелы, тогда шри Кришначандра, благодетель верных, оставив вдруг сударшанчакру и за руки схватив его, отсек их, бросив так, как может отрубить, вдруг, лесоруб у дерева все ветки. Когда шри Кришна отрубил все руки, Банасур ослабел и повалился; из ран лилися реки крови; как рыбы, крокодилы, плавали отрубленные руки. Отрубленные головы слонов казались аллигаторами, то вдруг нырявшими, то снова поднимавшимися на поверхность. Меж ними двигалися колесницы, как большие корабли. По полю битвы всюду коршуны, собаки и шакалы, за ними разные другие птицы, звери все тащили трупы, вступали меж собою в бой и грызлись, разрывая, пожирая трупы. Вороны, выклевав у трупов очи, улетали".

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Увидев поле битвы, сам Банасур впал в глубокую печаль и скорбь и, обессиленный, пришел он к Садашиве джи.

Тогда в глубокой думе Шива говорит:
«Теперь у Хари нужно милости просить».

Сказавши так, шри Махадев Банасура с собою взял и, распевая веды, он пришел туда, где Кришначандра джи стоял на поле брани. Тогда шри Шива джи, поставив на ноги Банасура, сложивши поднятые руки, молвил: «О милостивый к ищущим защиты! Теперь Банасур сам пришел к тебе молить о милости. Ты милостивым взором на нас взгляни и не храни в душе своей его вины! Ты, многократно воплощенья принимая, приходил в сей мир на благо верных, чтобы бремя снять с земли, злодеев погубить, спасти весь мир. Ты наш господь незримый, непостижимый, бесконечный, для блага верных в мир являлся ты, господь, но ты всегда в нем пребываешь. Ты чистый дух, который дивный образ принял. Вся твердь — твоя глава, а небо — пуп; огонь — твой лук; вода — то семя; страны света — уши; земля — то ноги; море — чрево; горы — ногти; облака — то волосы на голове; деревья — волоски на теле; солнце — око; луна — то сердце; Брахма — то душа; шри Рудра — то самосознанье; ветер — то дыханье; а день и ночь — миганье век и гром — твой голос.

Ты в этих образах был выражен всегда,
Никто не мог однако этого познать.

Весь этот мир есть океан страданий, наполнен весь водой забот и заблуждений. Господь! Без имени святого твоего, как без челна, никто не может переправиться чрез сей великий трудный океан, и многие без этого кидаются в него и тонут. И тот, кто удостоившися тела человека, не будет поклоняться, господи, тебе, не будет помнить о тебе, тебе молиться, тот человек закон забудет, преумножит грех. И всякий, кто, явившись в мир, не принял имени святого твоего, тот нектар вылил, выпил яд.

В чье сердце ты вошел и поселился там,
Тому спасенье, веру и коров ты дал».

Сказав так, шри Махадев джи продолжал: «О милосердья океан! Друг страждущих! Величие твое, владыка, беспредельно. Кто обладает силою такой, чтоб рассказать о нем, и чудеса твои кто может знать? Теперь благоволи мне милость оказать, благоволи простить вину Банасура и даруй ему благоговение к себе. Достоин он такой награды: он сын благочестивого царя Прахлада». Шри Кришначандра джи сказал: «О Шива джи! Меж мною и тобой нет никаких различий, и кто различья здесь найдет, в великий ад тот попадет и никогда меня он не найдет. Кто будет мыслить о тебе, тот и меня постигнет в свой последний час. Он без лукавства имя произнес твое, за это сделал я его четырехруким. Кому ты дал свой дар иль дашь еще, тому я помогал и буду помогать».

Махарадж! Когда такое слово сошло с уст господа, то Шива джи, простершись перед господом, простился с ним и, взяв всю рать свою, отправился на Кайлаш; шри Кришначандра же остался там. Тогда Банасур

царь, сложивши поднятые руки, склонив свою главу, с мольбой сказал: «О покровитель страждущих! Ты даровал мне милость, спас меня. Теперь благоволи же посетить дом своего раба и освятить его, благоволи с собою взять и Анируддху джи и Ушу». Услышав это слово, шри Бихари, благодетель верных, взяв с собой Прадьюмну джи, пошел с ним в дом Банасура. Махарадж! Тогда Банасур, просветлев от радости, с благоговением ввел господа в свой дом, устлав весь путь его прекрасным желтым шелковым ковром.

Омыв шри Кришне ноги, взял воды от ног,
Отпив воды святой той, окропил свой лоб.

Потом сказал он: «По милости великой Хари джи я удостоился отпить воды от ног его, которой удостоиться так трудно. На множество рожденний я омыл свои грехи. Ведь эта самая вода от ног три мира очищает. Ее название — Ганга. Наполнил ею Брахма чашу и возложил сам на главу шри Шивы джи. Потом ее почтили суры, муни, риши и Бхагиратх, свершивши подвиги в честь трех божеств, низвел ее на землю, и с той поры ее названье Бхагиратхи. Она, святая, отнимает всякий грех и скверну, все очищает и дает блаженство старцам и святым, она есть лестница в рай Вайкунтху. Кто в ней омылся, тот на многие рожденья освободился от грехов. Кто удостоился воды напиться из святой великой Ганги, тот, без сомнений, удостоился наивысшего блаженства. Кто удостоился узреть хоть Бхагиратхи, тот победил весь мир». Махарадж! Промолвив это, Банасур взял, привел, к ним Анируддху джи и Ушу и, став пред господом, сложивши поднятые руки, так сказал: «Благоволи простить мою вину. Исполнилось предначертанье. Я отдаю тебе твою рабыню Ушу». Сказавши так, Банасур по ведийскому закону сам немедля выдал дочь свою. В приданое за ней он дал так много всякого добра, что невозможно описать".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! По совершеньи брака Кришначандра успокоил всячески Банасура и посадил его на царский трон. Потом взял внука и его супругу, простился и, под звуки барабанов, выступил оттуда с ядавами вместе, и все отправилися в Дварку. И получивши весть о приближении его, все граждане навстречу вышли за город и господа ввели под звуки музыки и пенья. Тогда все граждане по всем дорогам, улицам, базарам, площадям и из домов встречали Хари радостными песнями, устроили великий праздник. А во дворце шри Рукмини и все красавицы царицы пели свадебные песни и исполняли все обряды. А божества, сев на свои виманы, оттуда проливали ливень из цветов, кричали все: «джай — джай!» Во всех домах и во всем городе шло ликованье. Тогда шри Кришначандра, корень радости, и Баларам, обитель счастья, отпустив всех ядавов, с собою взяли Анируддху с Ушей и отправилися во дворец.

И во дворец царевну Ушу повели,
Увидели царицы, в радость все пришли.

Свекровь благословляет, крепко обняв Ушу,
Не может насмотреться, радует ей душу".

Так гласит глава шестьдесят четвертая „Брак Уши" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 65

Шри Кришна спасает царя Нрига

Шри Шукадева муни сказал: „Махарадж! царь Нриг из рода Икшвака был мудр и щедр, благочестив и смел. Бесчисленное множество коров принес он в дар. Коль можно сосчитать все зернышки песка на Ганге, иль капельки дождя в бхадоне месяце, иль звезды в небесах, то всех коров, которых в дар принес царь Нриг, все ж сосчитать нельзя. И этот мудрый и высокощедрый царь за небольшое отступленье от закона был обращен вдруг в ящерицу и в заброшенном колодце жил. Шри Кришначандра даровал ему спасенье".

Услышав это, царь Парикшит джи спросил у Шукадева джи: „Махарадж! Но за какой же грех такой благочестивый щедрый царь был обращен вдруг в ящерицу, жил в заброшенном колодце и как его оттуда спас шри Кришначандра джи? Ты объясни и расскажи мне это, дабы в душе моей не оставалося сомнений".

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Я все сказание немедля расскажу тебе. Ты прилагай вниманье, слушай.

Царь Нриг великий каждый день дарил коров всем брахманам. Но вот однажды, искупавшись на заре и пуджу утреннюю совершив, потребовал он тысячу коров различной масти — белых, рыжих, черных, желтых, серых и каштановых — с копытами из серебра и с золочеными рогами, с медными хребтами и, покрыв их желтой шелковою тканью, принес их в дар, и сверх того он брахманам дал много снеди, разного добра. Они все взяли и разошлися по домам. И на другой день также царь стал брахманам дарить коров. И вот ему случайно тут попалася одна корова, которую он брахману другому накануне даровал. Царь по неведению даровал и ту корову с другими вместе. И брахман взял ее, к себе домой повел. А по дороге вдруг другой там брахман, узнав свою корову, остановил его и молвил: «Моя корова эта! Вчера она досталась мне от государя! Эй, братец! Что же ты ее ведешь?» Тот брахман молвил: «Я только что ее вот получил сам от царя, веду ее оттуда! С чего б ей стать твоей?» Махарадж! И эти оба брахмана тут стали спорить, каждый говорил: «Моя». Вот спорили там, спорили они и, наконец,

пришли вдвоем к царю. Царь выслушал обоих их, потом, сложивши поднятые руки, он с великою мольбой сказал:

«Я дам сто тысяч рупий одному из вас,
Но только пусть корову он другому даст!»

Услышав это, брахманы сварливцы в страшном гневе так сказали: «Махарадж! мы и за крору рупий не отдадим корову, которую мы получили и за которую благословенье принесли! Она нам дорога как жизнь сама». Махарадж! И царь, упав к ногам тех брахманов, их всячески и уговаривал и убеждал, но мстительные брахманы не слушали речей царя. И, наконец, в великой ярости те оба брахмана покинули корову и удалились со словами: «Махарадж! Нельзя за деньги нам продать корову, которую ты даровал нам, а мы приняли и изрекли свое благословение! Добро! коль у тебя творятся беззакония такие, то мы тужить не будем!»

Махарадж! Когда те брахманы ушли, царь Нриг сначала очень опечалился и так сказал себе в душе: «Я по неведению совершил сей грех, но как освободиться от него?» Потом он расточать стал множество даров и добрые дела творить. Немного дней прошло, приспело время, и царь Нриг умер. Посланцы Ямы привели его к Царю Закона.[1] И Царь Закона, увидав царя, сошел с престола своего и встал пред ним. Потом, почтительно приветствовав его, он, посадив на свой престол, с великою любовию сказал: «Махарадж! Твои заслуги велики, но грех твой невелик. Скажи, что хочешь прежде испытать?»

Услышав, царь смиренно дал такой ответ:
«Владыка, да не прейдет твой закон вовек!
Дай прежде искуплю я зло и прегрешенья,
Приму я тело, буду выносить мученья!»

Услышав это, Царь Закона так сказал царю Нригу: «Махарадж! Ты по неведению даровал корову, которую другому прежде сам отдал! За этот грех ты обратишься в ящерицу и будешь жить в лесу близ Гомти[2] в высохшем колодце! Когда в конце Двапара[3] примет аватару на земле шри Кришначандра, тогда он даст тебе освобожденье!» Махарадж! Промолвив это, Царь Закона замолчал, а царь Нриг в тот же миг вдруг обратился в ящерицу, побежал, упал в заброшенный колодец и стал жить там, питаясь живым.

И вот прошло так много юг. В конце Двапара принял аватару на земле шри Кришначандра джи. Когда шри Кришна джи провел все детство в Брадже и у него родились дети, внуки, однажды несколько детей и внуков Кришны джи отправилися на охоту. Охотились они, охотились в лесу и захотели пить. И волею судьбы они искали долго там в лесу воды и, наконец, пришли и заглянули в тот заброшенный колодец, где

[1] Яма, владыка подземного мира.
[2] Река Гомти, левый приток Ганга.
[3] Т. е. Двапар-Юги.

проживал царь Нриг, который вновь родился на земле под видом ящерицы. И, заглянув в колодец, один вдруг вскрикнул и сказал другим: «Ой, братцы! Посмотрите, какая здесь в колодце этом огромнейшая ящерица!»

Услышав это, прибежали и другие и, став на сруб, связали все тюрбаны, пояса, спустили их в колодец и захотели вытащить ее, сказав друг другу так: «Мы не уйдем отсюда, пока не вытащим ее из этого колодца!» Махарадж! Когда она не захотела подняться из колодца по веревке из тюрбанов их и поясов, тогда они велели из деревни принести себе веревок крепких, толстых из пеньки, хлопка и кожи, петлей ее спустили всю в колодец, поймали ею ящерицу и, напрягая силы, потянули: однако же она не сдвинулася даже с места. Тогда один из них помчался к Кришне джи и так сказал: «Махарадж! В лесу, в заброшенном колодце ящерица есть большая и тяжелая. Царевичи старались вытащить ее, все выбились из сил и все же ничего не вышло!»

Услышав это, Хари встал и поспешил туда. Вот шел он шел, и, наконец пришел туда, где юноши пытались вытащить ту ящерицу. Увидев господа, все юноши сказали: «Отец! Смотри, какая там огромнейшая ящерица есть, мы долго вытащить стараемся ее, но не выходит!» Махарадж! Услышав это, Кришначандра джи спустился сам в колодец, стал на нее ногой и вмиг она, оставив тело ящерицы, обратилась в мужа дивной красоты!

Предстал пред ними царь вдруг, образ свой вернув,
Сложивши руки, молвил, преклонив главу:

«О милосердья океан! Великую ты оказал мне милость, когда ты вспомнил обо мне, пришел ко мне, измученному бедствием тяжелым!»“ Шри Шукадева джи сказал: „Царь! Когда он, приняв образ мужа, обратился к Хари с этим словом, то ядавы те, юноши и дети, внуки Хари джи в великом изумлении спросили Кришначандру джи: «Махарадж! Кто это и за какой грех он был в ящерицу обращен и жил в колодце этом? О, сделай милость, расскажи, дабы сомнение ушло из наших душ!» Но Хари не сказал сам ничего им, к царю лишь обратился:

«Открой свою всю тайну, все нам расскажи,
Пусть слушают все люди, душу приложив!
Скажи нам все, откуда прибыл ты сюда,
И за какой же грех здесь тяжко так страдал?»
Сложив в смиреньи руки, царь ему сказал:
«Тебе открыты тайны, царь мой Ядунат!

Но все ж, коли ты вопрошаешь, я расскажу. Меня зовут царь Нриг. Во имя Хари я дал брахманам несметное число коров. Случилося однажды так, что по обету даровал я брахманам там несколько коров. И как-то, на другой же день, одна из тех коров пришла назад, и я, не ведая об этом, на другой день в дар принес корову эту вместе с прочими. Когда же

брахман с нею вышел, то первый брахман, узнав свою корову, так сказал ему: „Моя корова эта! Вчера ведь от царя я получил ее, зачем же ты ведешь ее к себе?“ Второй сказал: „Мне только что ее царь даровал, я от него ее веду. Как сделалась она твоей?“ Махарадж! И из-за этого те оба брахмана заспорили между собою и, наконец, пришли ко мне. Я убеждал их, говорил: „Взамен одной коровы дам я целый лак коров, но только пусть один из вас оставит эту!“

Махарадж! Но из упрямства ни один из них не захотел уважить слов моих, и, наконец, покинув ту корову, оба брахмана ушли в великой ярости. А я в глубокой скорби и печали, с убитою душой, остался там. В последний час посланцы Ямы привели меня к Царю Закона, и Царь Закона вопросил меня: „Царь! твои заслуги велики, а грех твой невелик! Скажи, что хочешь прежде испытать?“ И я сказал: „Возмездие за грех!“ Махарадж! Услышав это, Царь Закона молвил: „Царь! Ты дал в дар брахману корову, которую уж прежде даровал другому брахману! За это беззаконие ты обратишься в ящерицу, ты вновь пойдешь на землю! Живи в лесу близь речки Гомти там в заброшенном колодце. Когда в конце Двапара-Юги шри Кришначандра примет аватару, он сам придет к тебе, и ты получишь от него спасенье!“ Махарадж! И с той поры я в виде ящерицы жил в заброшенном колодце этом и мыслил неустанно здесь о лотосах прекрасных ног твоих! Теперь ты сам пришел ко мне, освободил меня от тяжких бедствий и перевез чрез океан бываньи!»“

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Промолвив это, царь Нриг простился, сел в виман и полетел в Вайкунтху. Шри Кришначандра, наставляя всех детей и пастухов, сказал:

«Да не творит никто же брахманам вреда!
Да не отымет он, коль брахману что дал!
Что обещал в душе кто, да не удержит,
Пусть брахману лишь правду каждый говорит.
Кто брахману что даст и снова отберет,
Тому такую кару Яма царь дает!
Всегда да будет каждый брахману слугой,
Пусть терпит оскорбленья, все обиды, зло!
Кто брахмана почтит здесь, тот меня почтит,
Меж брахманом и мною да не различит!

Кто будет различать меж мной и брахманом, пойдет в кромешный ад! Кто брахмана почтит, приобретет меня, и, нет сомнений, он пойдет в чертог превышний!» Махарадж! Сказав такое слово, Кришна джи со всеми возвратился в Дварку“.

Так гласит глава шестьдесят пятая „Освобождение царя Нрига“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава 66

Баларам джи отправляется в Брадж

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Однажды Кришначандра, корень радости, и Баларам, обитель счастья, восседали во дворце, украшенном камнями самоцветными. И Баларам джи господу сказал: «Брат! Когда прислал за нами Канса и из Бриндавана мы отправлялися в Матхуру, тогда мы обещали всем пастушкам и Нанде и Яшоде, что скоро возвратимся. А вышло то не так, туда мы не вернулися, переселились в Дварку. Они, должно быть, вспоминают нас. Коль ты мне повелишь, то я поеду, посмотрю родную землю, утешу всех их и вернусь». Господь сказал: «Хорошо!» Услышав это, Баларам джи, простившися со всеми, взял свой плуг, свою дубину, сел на колесницу и поехал.

Махарадж! В какой бы город, городок, деревню, куда б ни приезжал прекрасный Баларам джи, везде цари ему навстречу выходили, с учтивостью приятной принимали, а он всех успокаивал и утешал. Вот ехал Баларам, все ехал и прибыл он в Авантипури.

Учителя науки он почтил поклоном;
Дней десять Баларам джи прожил там спокойно.

Потом, простившись с гуру, Баладев джи ехал-ехал и приехал в Гокуль. И что ж он видит? В лесу вокруг коровы рты раскрыли, не едят травы и, вспоминая о шри Кришначандре, помня звук его свирели, бродят и ревут. За ними ходят пастухи и, опьяненные любовью, воспевают славу Хари, а жители деревни всюду повествуют всем о чудесах и играх господа. Махарадж! Приехав вновь в родную землю и увидав браджийцев и коров, исполненных такой любви великой, Баларам джи умилился, и глаза его наполнились слезами.

Меж тем, увидя знамя, стяг на колеснице, подумав, что приехали шри Кришна с Баларамом, все пастухи вдруг бросились навстречу. Шри Баларам, подъехав к ним, сошел немедля с колесницы и каждого стал обнимать, с великою любовью спрашивать стал о здоровье. А в это время кто-то побежал к Яшоде с Нандой и сказал: «Приехал Баладев джи!» И, получив

об этом весть, и Нанда и Яшода и все старейшие из пастухов, все бросились навстречу. Увидев издали, что все к нему спешат, немедля Баларам джи бросился навстречу и упал к ногам шри Нанды рая. И от великой радости у Нанды джи глаза наполнились слезами. С глубокой лаской он поднял Баларама джи, прижал к груди своей, прогнав всю скорбь, что родила разлука. Потом господь,

Упав к ногам Яшоды, обнял нежно их,
С великою любовью их прижал к груди!
Обеими руками обнял он ее,
Из глаз потоком слезы льются у нее!“

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю: „Махарадж! Так встретились они и Нанда рай повел с собою Баларама джи в свой дом и спрашивать стал о здоровье всех: «Скажи, благополучно ль здравствует почтенный Уграсена, Васудев и все другие ядавы? Здоров ли наш шри Кришначандра, корень радости, и вспоминает ли когда-нибудь о нас?» Баларам джи молвил: «Все, вашей милостью, и живы и здоровы! Всегда и неизменно воспевают ваши добродетели!» Услышав это слово, Нанда рай замолк. Потом Яшода рани, вспоминая о шри Кришне джи, в великом горе и со слезами на глазах сказала: «О Баладев джи! Здоров ли там шри Кришначандра джи, любимый наш, зеница наших глаз?» Баларам джи сказал: «Да, он жив, здоров». И снова Нанда рани[1] молвила: «О Баладев! Ведь с той поры, как Хари нас покинул, тьма застилает наши очи! Мы восемь страж все думаем о нем, а он, забыв о нас, уехал в Дварку и поселился там! Подумай! И сестрица Деваки и Рохини, забыв любовь всю нашу, там же поселились!

Он из Матхуры в Гокуль прибыл к нам сюда,
От них он жил далеко, нас любил тогда!
Всегда близ нас был Хари, к нам он приходил!
То сделали они так, что он нас забыл!»

Махарадж! Когда Яшода джи, промолвив это, в страшном горе зарыдала, то Баларам стал утешать ее и успокаивать и подавать надежды ей, всем сердцем заверять и, наконец, привел ее к успокоению. Потом, откушав, бетель пожевав, он вышел из дому. И что ж он видит? Все юные браджанки исхудалые, унылые, с распущенными волосами и в грязных все одеждах, и о делах домашних позабывши, полные любви и опьяненные все юностью своей, они поют о Хари. Страдая от разлуки, все они, как опьяненные, повсюду бродят. Махарадж! Увидев Баларама джи, от радости все просветлели, бросились к нему. Простершись перед ним, сложивши поднятые руки, его все окружили, стали спрашивать и говорить: «Скажи нам, Баларам, обитель счастья, где теперь живет

[1] Т. е. супруга Нанды.

дыханье наше, дивный Шьяма? И вспоминает ли когда о нас Бихари, иль, получив нежданно царский трон, совсем забыл он прежнюю любовь? С тех пор, как он ушел отсюда, он только раз нам через Удхава прислал совет свой — обратиться к единенью в духе. А после и не вспомнил ни о ком из нас. Теперь ушел, средь моря поселился, то где ему, зачем, кого там вспоминать?» Услышав это, одна пастушка так воскликнула: «Подружки! Кто испытал любовь красавца Хари, все видели, что с ним всегда исход один:

Кто может полюбить тут этого лжеца,
Что позабыл родных всех, мать свою, отца!
Когда-то он без Радхи час не мог прожить,
Теперь пришлось бедняжке речкой слезы лить!

И каждая из нас покинула свой дом, своих родных! Пренебрегли мы честью рода, забыли стыд перед людьми, оставили детей, супругов, перенесли мы всю любовь на Хари! А плод какой мы получили? Ведь сели мы все на корабль любви, а он завез нас в океан разлуки! Теперь мы слышим, что господь поехал в Дварку, со многими вступил там в брак! И сверх того шри Кришна взял себе шестнадцать тысяч сто царевен, которых в заключении держал Банасур; со всеми ими в брак вступил! Теперь от них там наплодилось у него детей и внуков, внучек! Зачем ему их оставлять и приходить сюда?» Услышав это, другая так сказала: «Подружка! Ты не горюй так сильно о делах всех Хари; нам Удхав джи все рассказал о нем!» Сказавши так, пастушка продолжала: «Подружка! Коль вы меня послушаете, то

К ногам шри Баларама припадем, подружки,
И доблести его все воспоем мы дружно.
Ведь этот уж не черный, телом этот бел!
Он с нами без обмана обойтись сумел».
Тогда в ответ Санкаршан так всем им сказал:
«Я ради вас, пастушки, прибыл ведь сюда!
Мы, уходя, сказали: „Мы вернемся к вам!“
Поэтому то Кришна в Брадж меня прислал!
Два месяца останусь хоровод водить,
Исполню все надежды! Можно-ль вас забыть?»

Махарадж! Сказав так, Баларам джи повелел браджанкам юным всем: «Сегодня ночь прекраснейшего месяца в году. Идите, нарядитесь, приходите в лес! Я буду с вами хоровод водить!» Сказав так, Баларам джи вечером пошел в прекрасный лес, за ним все юные браджанки! Надели все прекрасные наряды, украшенья, украсилися с головы до ног и так пришли все к Балараму джи.

Они остановились, головы склонив.
Красу шри Халдхара выразить нет сил!

Золотоцветный весь он, в синем он наряде,
Влечет лотосоглазый, лунноликий взгляды,
Сережка в левом ухе блещет красотой,
Он весь сияет, словно солнце то с луной!
Вливалася в другое сладость славы Хари,
Прекрасная сережка в ухе не держалась.
От дивных украшений тела не видать,
Их дивную красу всю можно ль описать?
Красавицы упали все к его ногам:
«Начни же хоровод наш, дивный Баларам!»

Махарадж! Услышав это, Баларам джи молвил: «Хум!» Едва он молвил слово «хум», как вдруг явилось все, что нужно им для хоровода! Тогда пастушки все, забыв все мысли и заботы, полные любви, все взяли лютни, мриданги, картали,[1] упанги,[2] мурли[3] и другие инструменты и стали петь, играть, в ладоши ударяли, изящно изгибались и плясали, чтоб господа порадовать. Увидев и услышав их игру и пение и пляску, охваченный восторгом, приготовив им вино и бетель, Баладев джи стал со всеми вместе петь, плясать, выделывая разные фигуры, и одарял всех счастьем, наслаждаясь сам. Тогда все божества, гандхарвы, киннары и якши собрались с супругами своими, все сидели на виманах и, воспевая господа, проливали с неба дождь цветов. Сама луна с толпою звезд, увидя радостный тот хоровод, лучами проливала нектар. Вода и ветер в неподвижности застыли".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Так прожил Баларам джи в Брадже два прекрасных месяца — чайтра и вайсакх. Он ночью с юными браджанками водил там хороводы, а днем, ведя повествование о Хари, радовал Яшоду с Нандой. И вот однажды, в час ночной, водил он хоровод. Уставши, Баларам пошел,

На берегу реки он малость отпочил.
Тогда, разнежившися, Рама говорит:
«Теки ко мне, Ямуна, подойди с водой,
Из тысячи потоков окати волной!
Коль не послушаешь ты этих слов моих,
На брызги разобью я воды все твои!»

Махарадж! Когда Ямуна, в гордости своей, пренебрегла словами Баларама джи, тогда он в гневе плугом потащил ее к себе и искупался в ней. С того то дня и по сей час Ямуна там изогнута. А Баларам, омывшись, усталость отогнав, порадовав пастушек, взял всех с собою, и из леса все направилися в город. Там

[1] Музыкальный инструмент, кимвал.
[2] Музыкальный инструмент.
[3] Музыкальный инструмент, свирель, флейта.

Пастушки говорят все: «Слушай, Браджанатх,
Возьми и нас с собою, как покинешь нас?»

Услышав это, Баларам джи, успокоив, обнадежив всех пастушек, укрепил их бодрость, простился с ними и пошел к Яшоде с Нандой. Их тоже успокоил, укрепил их твердость. Прожив еще немного дней у них, шри Баларам простился с ними и отправился вновь в Дварку. Скоро он туда приехал".

Так гласит глава шестьдесят шестая „Хоровод с Балабхадрой" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 67

Шри Кришна убивает Васудева Павндрика

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Был в Кашипуре Павндрик царь. Он был могуч и знаменит. Он принял облик Вишну и силою и хитростью увлек сердца всего народа. Всегда в одежде желтой он являлся и с тремя гирляндами — вайджаянти, жемчугом и из драгоценнейших камней; носил с собою шанкху, чакру, гаду, падму: две деревянные руки приделал; поставил на коня он гаруду из дерева, садился на него и ездил. Он заставлял всех величать себя там Васудевом Павндриком, велел всем поклоняться. Кто из царей не почитал его велений, на тех он шел войной; немедля разобьет, страну всю разорит и подчинит себе".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Царь! И видя, слыша все дела его, народ во всей стране и в каждом городе, деревне, доме стал так говорить: «Ведь Васудев родился в Брадже, в роду у Яду; он обитает в Дваркапури, откуда же теперь другой явился в Каши? Кого же из обоих истинным считать и почитать?» Махарадж! По всем краям такие разговоры шли. Узнав об этом, Васудев тот Павндрик царь пришел однажды на свое собрание и так сказал:

«Кто Кришна тот, который в Дварке проживает?
Его ведь Васудевом люд весь величает!
Для блага верных принял аватару я,
А он мой облик принял, обманул меня!»

Сказавши так, он вестника призвал, наговорил ему там разных разностей, отправил в Дварку к шри Кришначандре джи, велев ему сказать: «Зачем ты принял облик мой и бродишь всюду? Немедля перестань! Не то подумай о борьбе!» И, получив веленье, вестник тот простился и отправился из Каши. Ехал-ехал он и, прибыв в Дварку, явился на совет шри Кришначандры. Господь спросил его: «Кто ты, откуда ты пришел?» И вестник молвил: «Я — вестник Васудева Павндрика; из Кашипура прибыл. По повеленью господина своего явился я к тебе, чтоб высказать его совет! Коль ты велишь мне говорить, то я скажу!» Шри Кришначандра

молвил: „Хорошо, говори!" Когда такое слово сошло с уст господа, то вестник встал, сложивши поднятые руки, так сказал: «Махарадж! Царь вселенной! А ты-то кто? Зачем ты принял образ мой? От Джарасандха в страхе ты бежал, ушел и стал жить в Дварке! Ты либо образ мой оставь, скорей явись и милости проси здесь у меня, не то явлюся я и истреблю тебя со всеми ядавами вместе! И, бремя сняв с земли, я буду охранять всех верных! Я сам — незримый и непостижимый, не имеющий подобия себе! И беспрестанно суры, муни, риши, нары — все творят молитвы мне, свершают жертвы и дают дары! Я, приняв образ рыбы, извлек со дна морского веды! Я, приняв образ черепахи, поднял гору! Я, приняв образ вепря, землю удержал! Я, воплотившись в образе Нрисинга, умертвил Хираньякашипу! Я, воплотившися пигмеем, Бали обманул! Я, приняв образ Рамы джи, убил великого злодея Равана! Мое ведь это дело: когда асуры мучают поклонников моих, я всякий раз приемлю воплощенье, от бремени освобождаю землю!"»

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Меж тем как вестник Васудева Павндрика тут вел такие речи, а шри Кришначандра, корень радости, сидел на драгоценном троне у себя в собраньи ядавов, со смехом слушал, один из ядавов воскликнул:

«Да не пришел ли Яма за тобою, наглый!
Что ты такие речи говоришь пред нами?
За это заслужил ты смерти, подлый лжец!
Ты от обманщика то сам пришел, подлец!

Коль ты бы не был вестником, живым тебя б не отпустили! Но вестника не подобает убивать!» Махарадж! Когда тот ядава сказал такое слово, тогда шри Кришначандра, подозвав к себе поближе вестника и успокоив, молвил: «Немедля отправляйся к своему шри Васудеву, так скажи: „Я перестану подражать тебе, иду искать защиты! Берегись!"» Услышав это слово, вестник, простершись перед ним, простился, а шри Кришначандра джи взял рать свою, отправился немедля в Кашипури. Меж тем, вернувшись к Васудеву Павндрику, тот вестник так сказал: «Махарадж! Отправившися в Дварку, я сказал шри Кришне все, что ты мне повелел. Все выслушав, он мне сказал: „Ты отправляйся к господину своему, скажи: Пусть будет он настороже! Я перестану подражать ему, иду искать защиты!"»

Махарадж! Меж тем как вестник это говорил, вдруг кто-то прибежал, сказал: «Махарадж! Как можешь безмятежно так сидеть! Шри Кришна джи с своею ратью наступает!» Услышав это, Васудев Павндрик в том же одеянии собрал всю рать свою и спешно выступил ему навстречу. Шел, шел и скоро встретился с шри Кришначандрой. С ним вместе выступил еще другой царь Каши. Обе рати выстроились и стояли. Когда вдруг заиграла боевая музыка, богатыри, герои, доблестные мужи кинулись все

в бой, а трусы, покидая поле брани, бежали все, спасая жизнь свою! В тот час, ведя жестокий бой и поддаваясь власти смерти, Васудев Павндрик стал лицом к лицу с шри Кришначандрой джи и стал грозить ему. И видя, что он в облаченьи Вишну, все ядавы спросили у шри Кришначандры джи: «Махарадж! Как ты убьешь его в таком священном облаченьи?» Господь сказал: «Обманщика убить не грех!»

Сказав так, Хари джи дал повеление сударшанчакре. Он полетел и отрубил две деревянные руки, которые носил царь Павндрик. Затем он, разрубив и гаруду, погнал коня. Когда же Васудев Павндрик повалился и упал, сударшанчакра отрубил ему и голову.

Отрублена глава, и спасся[1] Павндрик страшный!
Летит та голова и падает вдруг в Каши,
Где гинекей его был, всех его цариц.
Красавицы вдруг смотрят, голова лежит!
Рвут волосы, рыдают, все вопят в печали:
«О, как могло случиться это, о создатель?
Ты не подвержен тленью, ты бессмертен, царь!
Как ты в одно мгновенье бездыханным стал?»

Махарадж! Услышав вопли, плач цариц, Судакшан, сын его, пришел туда. Увидев вдруг отрубленную голову отца, он в страшной ярости сказал: «Кто моего отца убил? Не буду жить, коль за него не отомщу!»"

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Убив так Васудева Павндрика, шри Кришначандра джи, собрав всю рать свою, отправился немедля в Дварку. Меж тем сын Васудева Павндрика стал подвиги жестокие свершать в честь Махадева джи, чтоб отомстить за смерть отца. Немало дней прошло, и наконец однажды Махадев джи Бхоланатх, обрадованный им, пришел и так сказал: «Проси же дар!» Он сказал: «Махарадж! Подай мне дар такой, чтоб я мог отомстить за своего отца шри Кришне». Шива джи сказал: «Хорошо. Коль хочешь отомстить, то сделай так...» Судакшан спросил: «Что?» Шива джи сказал: «Ты жертву принеси с неправильными мантрами[2] из вед, и из огня вдруг выйдет ракшаси. Что ты ей ни велишь, она все сделает». Махарадж! из уст шри Шивы джи услышав это слово, Судакшан брахманов призвал, алтарь построил, взял кунджутовых семян, и ячменя, и масла, сахару и прочего, потребного для жертвы, и, сделав приношение богам, стал жертву совершать с неправильными мантрами из вед. Когда он совершил так жертву, вдруг из огня явилась Критья, ракшаси. Она немедля побежала по следам шри Кришны джи, сжигая страны, города, деревни и, достигнув Дварки, стала город жечь. Увидев город в пламени, все ядавы в великом страхе прибежали вдруг к шри Кришначандре джи и завопили:

[1] Васудев Павндрик получил спасение, потому что умер от руки Кришны.
[2] Стихи вед.

«Махарадж! Как нам спастись от этого огня? Он пожирает в пламени весь город, приближается сюда!» Господь сказал: «Вы не тревожьтесь ни о чем! То Критья, ракшаси, пришла сюда из Каши. Сейчас я с ней расправлюсь!»

Махарадж! Промолвив это, шри Кришна джи немедля повелел сударшанчакре: «Побей ее и прогони, затем немедля отправляйся и сожги весь Каши!» И получив веленье Хари, сударшанчакра тут побил и в бегство обратил вмиг Критью, затем в одно мгновенье полетел, зажег он Каши.

Народ бежал; метался с мукою в душе,
Сударшана поносят, проклинают все!
А чакра мчится дальше, сжег он Шивы град,
Затем пришел обратно, Кришне рассказал".

Так гласит глава шестьдесят седьмая „Спасение царя Павндрика" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 68

Баларам джи убивает обезьяну Двивида[1]

Шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Я расскажу теперь тебе о том, как Баларам, обитель счастья, сокровищница красоты, убил Двивида обезьяну. Ты прилагай вниманье, слушай! Однажды брат Маяндри[2] Двивид, который был советником Сугрива[3] и другом Бхавмасура, так сказал: «Стрела пронзила сердце мне! Она осталася вонзенной в сердце!» Услышав это, кто-то у него спросил: «Махарадж! Что же делать?» Он сказал: «Коль я убью того, кто погубил внезапно друга моего Бхавмасура, то из моей души уйдет печаль!»

Махарадж! Промолвив это, он немедля, в страшном гневе, побежал вдруг в Дварку. Он разорял страну шри Кришначандры и мучил весь народ. Одних топил в воде, вдруг проливая ливни; других сжигал он огненным дождем; иных он с гор бросал; а на иных бросал он горы; иных топил он в море, иных хватал и заключал в пещеры; иным он чрево разрывал; иных он убивал деревьями, которые сам с корнем вырывал! Таким вот образом он мучил весь народ! И где ни находил сидевших риши, муни иль богов, там испускал мочу и кал и проливал там кровь. Таким вот образом он, мучая народ, жестокие насилья совершая, прибыл в Дваркапури. Там, приняв маленькое тело, он проник и во дворец шри Кришначандры. Увидев вдруг его, красавицы закрыли двери во дворце, все разбежалися и спрятались. Тогда-то, получивши весть о том, где находился Баларам джи, он пошел на гору Райвати с такими мыслями в душе:

«Сначала Халадхара поспешу убить,
Потом и у шри Кришны отниму я жизнь!»

---

[1] Асур (демон) в образе огромной обезьяны, якобы непримиримый враг богов.

[2] Обезьяна, брат Двивида.

[3] „Прекрасногривый“. Царь обезьян, союзник Рамы, героя Рамаяны. Согласно легендам, он был сыном солнца. Согласно Рамаяне, Сугрив был низложен своим братом Балином, но возвратил себе свой трон благодаря поддержке Рамы. В благодарность за это Сугрив со своею армией из обезьян принял участие в походе против Равана.

Махарадж! Он взял и спрятался поспешно там, где Баладев с супругами своими забавлялся. И что ж он видит там? Хмельного выпив, Баларам джи взял с собой всех жен, пошел к пруду и игры разные затеял там в воде! Поет, купается и омывает всех своих супруг. Увидев это, Двивид взлез на дерево, кривлялся, скалил зубы. Потом он с разными ужимками метался, прыгал по ветвям. Там у пруда стоял кувшин с вином, лежали все одежды, и он на них стал испражняться и мочиться. Красавицы, увидев обезьяну, испугались, закричали: «Махарадж! Откуда вдруг взялася обезьяна эта? Она пугает нас и пачкает нам платья!» Услышав это, Баладев джи вышел из пруда, со смехом запустил комком земли в Двивида. Тогда-то Двивид, видя, что он пьян, в великой ярости, кривляясь, вдруг спустился вниз и, подбежав, схватил кувшин с вином, стоявший там на берегу и опрокинул, и изорвал в куски все платья. Тогда-то, разъярившись, Баларам джи взялся за свой плуг да за дубину! А тот, вдруг, сделавшись огромным как гора, стал перед господом, готовый к бою. Меж тем как Баларам пустил в ход плуг свой и дубину, Двивид на него бросал деревья, горы!

В великий бой вступили два богатыря,
И ни один не дрогнет, силу потеряв!

Махарадж! Они то оба, сильные, с различными уловками, приемами, бесстрашно там боролися друг с другом! Меж тем все те, кто наблюдал их бой, от страха все готовы были испустить свой дух. И вот господь, увидя всех в великом горе, поразил на смерть тут Двивида. Когда он был убит, все суры, муни, нары, все божества исполнилися радости, их скорбь рассеялась.

Все радостные боги дождь цветочный льют,
«Джай! Джай!» все Халадхару в небесах поют!“

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: „Махарадж! Он в Трета-Юге обезьяной тоже был. И Баладев джи и тогда убил его и дал ему спасенье. Потом шри Баларам, обитель счастья, взял с собою всех, и все спокойно возвратились в Дваркапури. Там Баларам джи рассказал всем ядавам о том, как Двивида убил“.

Так гласит глава шестьдесят восьмая „Умерщвление обезьяны Двивида“ в „Прем Сагаре“, сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА 69

Самба[1] увозит Лакшману. Баларам джи грозит потопить Хастинапур

Шри Шукадева джи сказал: „Царь! Теперь я расскажу сказание о браке Лакшманы, дочери Дурйодханы, о том, как Самба джи, отправившися в Хастинапур, женился и привез ее. Махарадж! Когда царевна Лакшмана, прекраснейшая дочь царя Дурйодханы, для брака сделалась пригодной, тогда отец ее устроил сваямвар и, написав послания царям различных стран, всех пригласил на сваямвар. И, получивши весть о сваямваре, Самба, сын шри Кришначандры джи, рожденный им от Джамбавати, отправился туда. Вот прибыл он на сваямвар. Что ж Самба видит? Цари различных стран — могучие, талантливые, сосуды красоты и благородные; в прекраснейших нарядах, украшениях, усыпанных камнями самоцветными, при всем оружии своем, — в полнейшей тишине сидят рядами, а позади у них таким же образом расположилися все кавравы. Повсюду раздаются звуки музыки: певцы в палатах распевают свадебные песни. А посредине, как зеница ока, царевна, любимица отца и матери, — с гирляндой ходит и говорит себе в душе: «Кого ж мне выбрать?»

Махарадж! Когда красавица и добродетельная и прекрасная, в смущении ходившая по всем рядам с гирляндою в руке, приблизилася к Самбе, то он, недолго думая, без страха за руку схватил ее, на колесницу посадил и в путь отправился немедля. Цари раскрыли только рты, стояли и смотрели. И даже Карна,[2] Дрона, Шалья,[3] Бхуришрава,[4] Дурйодхана и все

---

[1] Сын Кришны.

[2] Один из героев Махабхараты. Согласно Махабхарате, сын Сурьи, бога солнца, и Кунти, матери пандавов, до ее замужества с Панду. Боясь бесчестья, Кунти оставила новорожденного Карну на берегу Ямуны, где его нашел возница царя Дхритараштры, отца кавравов, и воспитал как собственного сына. Впоследствии Карна сделался царем Бенгалии. Во время великой битвы Махабхараты Карна сражался на стороне кавравов и был убит Арджуном.

[3] Один из героев Махабхараты, царь Мадраса. Во время великой битвы сражался на стороне кавравов. В последний день битвы был убит царем Юдхиштхирой.

[4] Один из союзников кавравов, героев Махабхараты; был убит в великой войне.

другие кавравы ни слова не сказали. Потом, придя в великий гнев, все закричали: «Смотрите! Что он сделал! Благопристойность он нарушил!» Карна сказал: «У ядавов всегда одна повадка: куда бы на благое дело ни пришли, повсюду непотребное творят!

Как худородные то вдруг носы задрали
По головам уж ходят, царство отобрали».

Услышав это, кавравы, придя в великий гнев, схватились за оружие и бросились в погоню, закричав: «Посмотрим, кто тот богатырь, что ускользнет от нас с царевной!» И вскоре Самбу окружили на дороге, и обе стороны пустили в ход оружье. Там долго шла борьба, но, наконец, когда возница Самбы был убит, а он свалился с колесницы, они его схватили и связали и привели на свой совет. Поставив там его среди собранья, они спросили: «Куда ж теперь твоя девалась доблесть?» Услышав это, Самба устыдился. Тогда пришел вдруг Нарада джи и сказал царю Дурйодхане и кавравам: «Ведь это Самба, сын шри Кришначандры! Не делайте ему вы ничего худого! Что было, то прошло. Ведь скоро, вести получивши, сюда придут с своею ратию шри Кришна с Баларамом. О чем поспорить нужно вам, поговорите с ними. Никак не подобает вам с юнцом вести беседы! Он поступил ведь как мальчишка; ум у него ребячий!» Махарадж! Сказав такое слово, Нарада ушел оттуда. Шел, шел и прибыв в Дваркапури, пришел он на собранье, предстал пред Уграсеной.

Его увидев, встали, головы склонили!
Сиденье принесли и муни предложили!

Усевшись, Нарада джи молвил: «Махарадж! Кавравы в полон вишь Самбу взяли, помучивши его изрядно, и продолжают мучить. Коль вы отправитесь сейчас, то можете ему помочь: не то потом спасти его уж будет трудно!

Да, обуяла гордость кавравов без меры;
Забыли страх пред вами, стыд свой, лицемеры!
В полон мальчишку взяли, взяв, связали так,
Как мог бы поступить с ним ярый только враг!»

Услышав это слово, царь Уграсена, придя в великий гнев, созвал всех ядавов и так сказал: «Немедля собирайте вы всю нашу рать, на Хастинапур выступайте! Разбейте кавравов, освободите Самбу, возвращайтесь!» И получив веление царя, вся рать была готова выступить, как вдруг пришел шри Баларам джи к Уграсене и, успокоив государя, так сказал: «Махарадж! Благоволи не посылать на них ты рать свою! Дай повеленье мне, и я пойду, их проучу, заставлю их, чтоб Самбу отпустили! Да посмотрю, за что они в полон вдруг взяли Самбу. Тайну ж эту, пока я не пойду, нам не раскрыть!»

Услышав это слово, царь Уграсена повелел немедля Баладеву джи отправиться в град Хастинапур. А Баладев джи, взяв с собой великих пандавов и брахманов и Нараду джи муни, отправился из Дварки и прибыл в Хастинапур. Тогда господь, разбив в саду за городом шатры, сказал так Нараде: «Махарадж! Расположилися мы здесь. Благоволи отправиться ты к кавравам и сообщи им весть о нашем приближеньи!» И, получив веленье господа, собрался Нарада джи и, отправившись немедля в город, принес всем весть о приближеньи Баларама джи.

И кавравы, услышав, в разум все пришли,
Пошли ему навстречу, в дом его ввели.
А Бхишма, Дрона, Карна вместе все идут,
Прекрасные одежды, желтый шелк несут,
Дурйодхана без страха следует вперед:
«Пожаловал Санкаршан, гуру мой идет!»"

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю: „Махарадж! Все кавравы, придя в тот сад и встретив Баларама джи, ему дары там предложили. Потом, упав к его ногам, склонивши головы, произнесли все славословие. Затем же, окропив его душистым чоа и сандалом, надели на него гирлянду из цветов и, разостлавши под ноги ковер, под звуки музыки и пения ввели его в свой город. Потом же, предложив роскошнейшую снедь и усадив его, спросили о здоровье и делах: «Махарадж! Скажи, чему обязаны мы все твоим прибытием сюда?» Когда такое слово так сошло с их уст, немедля Баларам джи молвил: «Махарадж! Я прибыл, как посланец Уграсены, его совет вам передать!» Кавравы сказали: «Говори!» Баладев джи сказал: «Царь так сказал: „Не подобало вам вступать в вражду со мной!

Вас кавравов здесь много, юноша — один;
Забыв свой ум и знанье, в бой вступили с ним!
Вы с умыслом свершили столь великий грех!
Забыли стыд людской вы, сына взяли в плен!
Теперь такая гордость обуяла вас,
Замучили его вы! Это общий глас!"»

Махарадж! Услышав это, кавравы пришли в великий гнев и молвили: «Баларам джи! Довольно! Довольно! Не восхваляй нам больше Уграсену! Не нам такие речи слушать! Немного времени прошло с тех пор, когда никто не знал и не хотел знать Уграсену. С тех пор как с нами он в родство вступил, с тех пор и силу получил! Как смеет он теперь к нам посылать с такими дерзкими речами? Не стыдно ли ему? Вишь в Дварке поселился он, и сделался царем, забыл он обо всем былом и что на ум взбредет, все велегласно говорит! Те времена он позабыл, когда в Матхуре

с гвалами,[1] с гуджарами[2] сам жил и с ними ел и пил! Ведь мы его-то подкормили, породнились с ним и царство помогли добыть! И вот за это нам награда! Когда б мы путному кому такую милость оказали, то он всю жизнь бы славословил нас! Да, кто-то правильно сказал: „Что подлого приязнь, что из песку стена — одно и то же!"»

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: „Махарадж! Такие и подобные им речи говорились там. А Карна, Дрона, Бхишма, Дурйодхана и Шалья и все другие кавравы с великим возмущеньем встали и разошлися по домам. А Баларам джи слушал-слушал речи эти, улыбался и остался там сидеть. В душе ж он говорил себе: «Вишь возгордились царством, силою своею, что говорят такие речи! Не то бы не посмели поносить так Уграсену, перед которым голову склоняет сам владыка Брахмы, Рудры, Индры! Не буду больше называться Баладевом, коль я не потоплю здесь в Ганге кавравов всех вместе с городом!»

Махарадж! Сказав так, Баладев пришел в великий гнев и, плугом зацепив весь город вместе с кавравами, притащил на берег Ганги, хотел уж потопить! Как вдруг в великом страхе и боязни все кавравы бегут. Сложивши поднятые руки, склонивши головы свои, с смиренною мольбою говорят: «Махарадж! Благоволи простить вину ты нашу! Мы все пришли искать защиты у тебя! Спаси ты нас! Что скажешь, все мы сделаем! Мы навсегда останемся в повиновеньи Уграсене!» Царь! Когда они сказали это, гнев Баларама джи прошел. И как он плугом притащил на берег Ганги город, так и оставил там. С того-то дня град Хастинапур и стоит на берегу у Ганги. Прежде был не там он. Потом они немедля Самбу отпустили, и царь Дурйодхана, почтив смиренно дядю и племянника, повел их во дворец, велел устроить пир. Он сочетал царевну с Самбой браком по ведийскому закону. В приданое за ней он отдал много всякого добра".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: „Махарадж! Так, Баларам джи, отправившися в Хастинапур, смирил всю гордость кавравов, освободил племянника, женил его и наконец привез домой. Настала радость во всей Дварке! А Баладев отправился немедля к Уграсене и рассказал ему он обо всем, что было в Хастинапуре".

Так гласит глава шестьдесят девятая „Повесть о браке Самбы" в „Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

---

[1] Гвал — пастух, член особой касты пастухов.

[2] Низшая ветвь касты раджапутов. Представители этой ветви занимались земледелием, кроме того о них было известно, что они воровали коров. По этой причине гуджары, потомки кочевников, пользовались дурной славой.